ИЗВѢСТІЯ

состоящей

ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ).

№ 53.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи Арс. Ив. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.
Типографія Тавр. Губ. Земства.
1916.

9(062)(47.79)
И-33

902.6
И 33

ИЗВѢСТІЯ

СОСТОЯЩЕЙ

ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ).

№ 53.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи Арс. Ив. Маркевича.

Симферополь.
Типографія Таврич. Губерн. Земства.
1916.

Крым. Севастоп.
БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВ. ХЕРСОНЕССКОГО
МУЗЕЯ
Инв. № 9783.

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной Коммиссіи
12 мая 1916 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТРАН.

I. Вновь найденныя въ Крыму христіанскія надписи (съ 2-мя табл. рисунк.). *В. В. Латышева* 1

II. Походъ св. князя Владиміра на Корсунь. *П. В. Маслова* . . 7

III. Владиміръ святой, какъ личность. *Н. П. Голубовской* 38

IV. Григорій Нисскій. Армянская рукопись VIII вѣка. *Х. И. Кучукъ-Іоаннесова* 73

V. Венеціанскіе кладоискатель XV-го вѣка въ южномъ Подоньѣ. *В. И. Огородникова* 81

VI. Къ вопросу о названіи Чернаго моря въ древности. *В. Смолина* 90

VII. Изъ Ѳеодосійской старины (Архивныя справки). *В. Д. Геймана* 96

VIII. Памяти Высокопреосвященнаго Флавіана, митрополита Кіевскаго. *Прот. А. Г. Назаревскаго* 111

IX. Объ одномъ генуэзскомъ барельефѣ Ѳеодосійскаго музея (съ рисунк.). *Л. П. Колли* 147

X. Футляръ для торы—tik изъ синагоги крымчакской общины въ Карасубазарѣ (съ 2 рисунк.). *А. Я. Гидалевича* 152

XI. Къ вопросу о количествѣ населенія Таврической губерніи въ началѣ XIX-го столѣтія. *Ѳ. Ѳ. Лашкова* 158

XII. Древне-христіанскій фамильный склепъ съ фресковой росписью близъ Херсонеса, на землѣ Н. И. Тура. *М. И. Скубетова* 177

XIII. О Малой Татаріи. Докладъ императрицѣ Екатеринѣ II-ой по вступленіи ея на престолъ, изображающій систему Крымскихъ Татаръ, ихъ опасность для Россіи и претензію на нихъ. Сообщилъ *А. А. Сергѣевъ* 190

СТРАН.

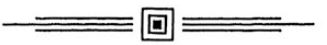
XIV: Письмо Г. П. Данилевскаго архіепископу Иннокентію. Сообщилъ *П. В. Никольскій* 194

XV. Къ исторіи Второй Отечественной войны. Матеріалы, касающіеся сдачи крѣпости Перемышль. *Сообщ. В. Д. Гейманъ* . 197

XVI. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи:

а) Засѣданіе 27 августа 1915 года 205
б) Засѣданіе 29 сентября 1915 года 214
в) Засѣданіе 29 октября 1915 года 215
г) Засѣданіе 9 декабри 1915 года (Сообщеніе *И. В. Ларіонова*: „О мечети въ д. Кулечъ - Мечеть, Ѳеодосійскаго уѣзда)“ 218
д) Засѣданіе 30 декабря 1915 года 223
е) Засѣданіе 4 февраля 1916 года 226
ж) Засѣданіе 29 февраля 1916 года 229
з) Засѣданіе 28 марта 1916 года 232
и Засѣданіе 12 мая 1916 года 235

XVII. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1915 годъ 245



Вновь найденныя въ Крыму христіанскія надписи.

(Съ 2-мя табл. рис.).

Въ 1914 г. завѣдывавшій раскопками въ Херсонесѣ членъ Императорской Археологической Коммиссіи Р. Х. Леперъ произвелъ въ горной части Крыма (главнымъ образомъ въ Богатырской волости) нѣсколько археологическихъ развѣдокъ, при которыхъ найдено болѣе десятка надписей христіанской эпохи. Сотрудникъ Р. Х. Лепера М. И. Скубетовъ сообщилъ эстампажи этихъ надписей и рисунки нѣкоторыхъ памятниковъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, предсѣдатель которой А. И. Маркевичъ препроводилъ эти эстампажи и рисунки, а также и сдѣланныя г. Скубетовымъ описанія вида и величины камней. ко мнѣ съ просьбой разобрать и объяснить надписи.

При разсмотрѣніи эстампажей и рисунковъ въ числѣ вновь найденныхъ надписей не оказалось ни одной особенно важной и интересной по содержанію или языку. Большинство представляетъ собою обычныя надгробія (иногда неполныя) неизвѣстныхъ лицъ позднихъ временъ (отъ XIV до XVII в.). Но тѣмъ не менѣе мы съ искреннею благодарностью пользуемся приглашеніемъ А. И. Маркевича издать ихъ въ „Извѣстіяхъ“ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ видахъ пополненія крымской эпиграфической литературы христіанскихъ временъ. Для ознакомленія съ характеромъ письма надписей мы отчасти воспроизводимъ на цинкѣ (см. прилагаемыя таблицы) подлинные рисунки М. И. Скубетова, отчасти даемъ точные снимки (въ уменьшенномъ размѣрѣ) съ присланныхъ имъ эстампажей. Описанія вида, величины и мѣстъ находки памятниковъ даются по сообщеніямъ М. И. Скубетова.

I. Дер. Фотъ-Сала (Менъ-Аметъ-бай Мале).

1. Въ $1^1/_2$ верстахъ къ С.-В. отъ деревни, въ мѣстности Дживизликъ, уроч. Кильсе-баиръ, на высокомъ бугрѣ въ 1914 г.

раскопаны Р. Х. Леперомъ фундаменты церкви длиной 8 арш. $5^1/_2$ вершк., шириной 5 арш. $3^1/_2$ вершк., съ полукруглой апсидой. Въ полукружіи апсиды, среди камней, найденъ фрагментъ правой стороны однорогаго памятника выш. 0,11 м., шир. 0,18. На боковой части фрагмента сохранилась розетка, а на передней—часть надписи въ выемкѣ или нишѣ (выс. буквъ 1,015—0,012 м.). См. на таблицѣ № 1. Хотя буквы надписи сохранились довольно ясно, но смыслъ ихъ въ стр. 1 и 2 уловить не удалось. Въ стр. 3—4 читается ὁ δοῦλος [τοῦ Θεοῦ....] πνικος, т. е. πν(ευματ)ικός, „духовный“.

Вблизи упомянутой церкви находится кладбище съ хорошо сохранившимися памятниками въ видѣ стелъ, гробообразныхъ плитъ разной формы и пр. На немъ найдены слѣдующіе эпиграфическіе памятники.

2. Красивая стела выш. 0,15 м., шир. 0 23, украшенная колонками, розетками и разнообразными орнаментами, съ надписью въ небольшомъ углубленіи въ видѣ ниши (средняя высота буквъ 0,025 м.). Снимокъ съ эстампажа см. на табл. подъ № 2. Надпись читается такъ:

εκημιθη υ δδ
λη του Θυ ηκου
μανησα υ ϑυγα
τερ αιδ Θεοδ(ο)
ριτου του χαντιμ
ετους ϛωο.

Исправивъ орѳографическія ошибки и поставивъ ударенія и придыханія, получимъ слѣдующую транскрипцію: Ἐκοιμήθη ἡ δού/λη τοῦ Θ(εο)ῦ ἡ Κου/μάνησα ἡ ϑυγά/τ(η)ρ ἁγίου Θεοδω/ρήτου τοῦ Χαντίμ. Ἔτους ϛωο.

Почила раба Божія Куманиса, дочь святого Ѳеодорита Хадимъ. Лѣта 6870 (=1362 по Р. Хр.).

Хотя надпись читается цѣликомъ и безъ всякихъ затрудненій, но въ ней есть нѣкоторыя неясности. Во-первыхъ, неясно чтеніе самого имени покойницы: его можно читать, какъ одно слово Ἠκουμάνησα, но можно также видѣть въ первой буквѣ форму члена женскаго рода и читать ἡ Κουμάνησα, при чемъ существительное придется принять уже не за личное имя, а за нарицательное. Невольно приходитъ въ голову чтеніе ἡ Κουμάνισσα, т. е. „Половчанка“, но принять его съ полною увѣренностью препятствуетъ то соображеніе, что во 2-й половинѣ XIV вѣка половцы уже давно уступили свое мѣсто татарамъ.

Кромѣ того, въ такомъ случаѣ трудно объяснить, почему покойница не была названа личнымъ именемъ и какимъ образомъ отецъ „Половчанки“ носилъ чисто греческое имя Θεοδώρητος (хотя, быть можетъ, съ татарской фамиліей Χαντίμ) и былъ отличенъ эпитетомъ „святой“. Однимъ словомъ—non liquet!

3. Стела съ красивымъ орнаментомъ и горельефнымъ изображеніемъ креста въ верхней части, отбитой отъ нижней. Высота памятника 0,77 м., шир. 0,295. Надпись написана плохо и смыта дождями, но все же читается довольно легко (выс. буквъ 0,025—0,015 м.). Снимокъ съ эстампажа на табл. подъ № 3.

Εκημιθηι ο δο[υ]-
λος του Θυ Μιχαλυ
ηως τοῦ Σατικ
ετους ϡϛψοθ (?)

Въ исправленной транскрипціи: Ἐκοιμήθη ὁ δοῦ/λος τοῦ Θ(εο)ῦ Μιχάλη(ς)', υἱὸς τοῦ Σατίκ. Ἔτους ϡϛψοθ (?).

Почилъ рабъ Божій Михали, сынъ Садыка. Лѣта 6779?

Чтеніе даты весьма сомнительно, такъ какъ ясно видна только первая буква ея. Въ случаѣ вѣрности чтенія годъ соотвѣтствуетъ 1271-му по Р. Хр. Интересно отмѣтить христіанское имя покойника (Μιχάλη(ς)—народная форма имени Μιχαήλ) при татарскомъ имени отца. По всей вѣроятности, покойникъ былъ крещеный татаринъ. Въ извѣстныхъ припискахъ на сугдейскомъ синаксарѣ неоднократно встрѣчаются крещеные татары съ христіанскими именами, напримѣръ, „Іоаннъ татаринъ христіанинъ“ (+1276 г.), „Параскева татарка христіанка“ (+1275 г.) и др.[1])

4. Стела выш. 0,31 м., шир. 0,283. Лицевая сторона раздѣлена крестомъ на 4 прямоугольника (два нижніе съ дугообразнымъ верхомъ). Въ двухъ нижнихъ прямоугольникахъ имѣются надписи, вырѣзанныя мелкими буквами и очень плохо сохранившіяся. Въ лѣвомъ прямоугольникѣ болѣе или менѣе сохранились остатки семи строкъ, а во второмъ—только верхняя и ничтожные остатки нижней, по всей вѣроятности, заключавшей въ себѣ дату. Представляется рисунокъ М. И. Скубетова на табл. подъ № 4. На присланныхъ эстампажахъ болѣе или менѣе ясно читаются 3 верхнія строки надписи въ лѣвомъ прямоугольникѣ и верхняя въ правомъ. Буквы остальныхъ строкъ почти не видны.

---

[1]) Ср. объ этомъ В. Г. Васильевскаго во введеніи къ житію св. Стефана Сурожскаго (Русско-византійскія изслѣдованія, в. II, Спб. 1893), стр. CCI.

Въ 1-й строкѣ лѣвой надписи рѣзчикъ началъ вырѣзывать слово ✝ ЕКНМНѲН, но, почему-то не окончивъ его, снова вырѣзалъ во 2-й строкѣ. Далѣе видны только слова ἡ δούλη τοῦ Θ(εο)ῦ; остальныхъ словъ разобрать не удалось. Въ правой надписи ясно читается только въ верхней строкѣ слово ЕКНМ(І)ѲІ.

5. „Фрагментъ памятника съ остатками плоскаго плетенія и первыми словами надписи, которая смыта“ (Скубетовъ). На эстампажѣ остальная часть фрагмента представляется совершенно гладкою, такъ что можно сомнѣваться, было ли на ней вырѣзано что-либо, кромѣ сохранившихся двухъ словъ, читающихся совершенно ясно. Снимокъ съ эстампажа см. на табл. № 5. Ἐκημίθι (=ἐκοιμήθη) Ἴλθη.

6. Большая (дл. 2 арш. 11 в., шир. 15 в., толщ. 6¼ в.) плита съ рельефнымъ изображеніемъ креста и высѣченной на верхнемъ узкомъ обрѣзѣ датой 1024. Такъ какъ эта дата не можетъ быть отъ Р. Хр., то слѣдуетъ предположить, что она дана по армянской эрѣ (551 г. по Р. Хр.) и что памятникъ относится, слѣдовательно, къ 1575 году. Можно, впрочемъ, предположить, что на камнѣ ошибочно вырѣзано 0 вмѣсто 6. Тогда дата будетъ 1624 г. См. рисунокъ М. И. Скубетова на табл. подъ № 6.

II. Дер. Фотъ-Сала (Адельше-имамъ Мале).

Деревня расположена на берегу р. Бельбека. Къ Ю.-З. отъ нея, въ урочищѣ Аянъ-су, черезъ которое проходитъ дорога въ д. Отарчикъ, справа отъ дороги находится кладбище, которое мѣстные жители называютъ „френкъ мазарлыкъ“, т. е. франкскимъ кладбищемъ. Здѣсь сохранились четыре католическихъ памятника въ видѣ плитъ, изъ коихъ одна (дл. 2 арш. 8 в., шир. 14 в., толщ. 6¾ в.) имѣетъ остатокъ неразборчивой латинской надписи (рис. 7) и годъ 1635, двѣ съ одинаковой монограммой имени IHSVS и годами 1613 (рис. 8) и 1685 (рис. 9) и одна съ годомъ 1631 безъ монограммы. Размѣры плитъ приблизительно одинаковы. Рисунки М. И. Скубетова.

III. Церковь св. Троицы близъ дер. Лаки.

Эта церковь давно уже извѣстна въ литературѣ[1]). Двѣ надписи, найденныя въ развалинахъ ея въ 1895 году Ю. А. Кулаковскимъ, изданы нами въ „Сборникѣ христ. надп. изъ

[1]) Видъ развалинъ см. въ отчетѣ Ю. А. Кулаковскаго въ *Отч. И. Арх. Комм.* за 1895 г., стр. 121, рис. 296.

южной Россіи“ (Спб. 1896), стр. 69 сл., №№ 63 и 64 (ср. дополн. стр. 129), съ поправками по сообщеніямъ А. Л. Бертье-Делагарда въ *Зап. И. Од. Общ.*, т. 21, стр. 231. Здѣсь же на стр. 232—238 изданы еще 4 надписи, сообщенныя также А. Л. Бертье-Делагардомъ. Почти всѣ надписи датированы и относятся къ 1310, 1362, 1364, 1413 и 1417 (или 1421) годамъ.

При произведенномъ Р. Х. Леперомъ въ 1914 г. изслѣдованіи развалинъ этой церкви найдено еще нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ плохо сохранившихся.

1. На правой антѣ главной апсиды внутри церкви нацарапана двухстрочная надпись, представляемая здѣсь въ рисункѣ М. И. Скубетова (№ 10). Въ 1-й строкѣ разбирается слово Σεραφε(ί)μ., а 2-й строки не удалось разобрать съ полной увѣренностью (повидимому Ῥερχερός, быть можетъ фамилія?).

2. На сѣверной наружной стѣнѣ, подъ надписью Патрикія[1]), однострочная надпись, повидимому не оконченная (рис. № 11 съ эстампажа): + Ἐκημήθι ἡ δ(ούλη.....

3. На наружной стѣнѣ главной апсиды, въ с.-в. части ея, грубо нацарапана совершенно неразборчивая надпись (№ 12 съ эстампажа) и рядомъ съ нею арабскими цифрами годы 1745 и 1749.

4. На камнѣ (разм. $12^3/_4$ в.×$9^3/_4$ в.), выпавшемъ изъ южнаго угла стѣны, слѣва отъ входа, датированная надпись, сверху обломанная (№ 13 съ эстампажа). Первая строка надписи, содержащая въ себѣ, по всей вѣроятности, личное имя, не вполнѣ сохранилась и не поддается разбору. Во 2-й строкѣ ясно читается ἔγραψε ἔτους ,ζριη, т. е. „написалъ лѣта 7118“ (=1610 по Р. Хр.). Ниже повторена болѣе крупными буквами та же самая дата.

Внутри церкви найдены на полу три восьмигранныя колонны, испещренныя надписями, изображеніями крестовъ разнообразныхъ формъ, корабликовъ и пр. На одной изъ этихъ колоннъ, ближайшей съ С.-В. къ алтарю, разбитой пополамъ, въ верхней части вырѣзаны на трехъ граняхъ три разныя надписи.

5. Надпись вырѣзана глубоко и старательно; высота буквъ 0,025—0,015 м. Снимокъ съ эстампажа см. подъ № 14.

Γερβάσι-
ος Σθμελι-

---

[1]) Издана нами по копіи А. Л. Бертье-Делагарда въ *Зап. Од. Общ.* т. 21, стр. 232, № 64 б.

(ώ)της
176.

Гервасій Сумеліотъ. 176.

Послѣдняя цифра даты почему-то не вырѣзана и замѣнена точкою. Надпись принадлежитъ, безъ сомнѣнія, тому самому іеромонаху Гервасію Сумелійскому, который путешествовалъ по Крыму въ 1750—1770 годахъ и оставилъ свои памятныя надписи въ Георгіевскомъ монастырѣ и въ дер. Стилѣ[1]).

6. На другой гранитной же колоннѣ нѣсколько мелкихъ и неразборчивыхъ буквъ и значковъ въ двухъ строкахъ и подъ второю болѣе крупными и вполнѣ сохранившимися цифрами дата: „1776“.

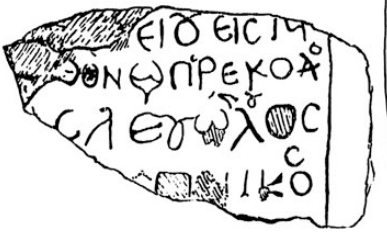
7. На третьей грани трехстрочная надпись съ тѣмъ же годомъ, который читается въ № 4, т. е. 1610 по Р. Хр. Буквы надписи довольно крупныя (выс. около 0.025 м.) и въ 1-й строкѣ хорошо сохранились, но не даютъ яснаго смысла. Можно разобрать только слова πατρί μου, „отцу моему“. Снимокъ съ эстампажа см. подъ № 15.

8. На остаткахъ камней отъ главной алтарной арки фрагменты надписи, написанной черной краской по бѣлому полю между двумя каймами, изъ коихъ верхняя — черная, а нижняя — красная. Къ сожалѣнію, отъ надписи сохранились столь ничтожные остатки, что невозможно возстановить ни одного слова. На таблицѣ подъ №№ 16 *а*, *б* и *в* воспроизводятся снимки М. И. Скубетова.

В. Латышевъ.

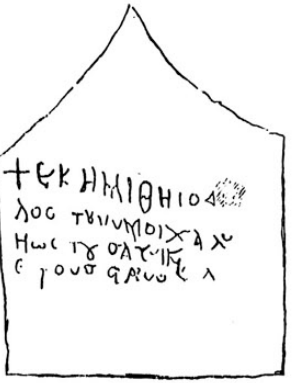
[1]) См. нашъ Сборникъ христіанскихъ надписей, стр. 36—37 и 123; *Зап. Од. Общ.*, т. 21, стр. 225—8.

Къ статьѣ В. В. Латышева.



№ 1 (1/3).

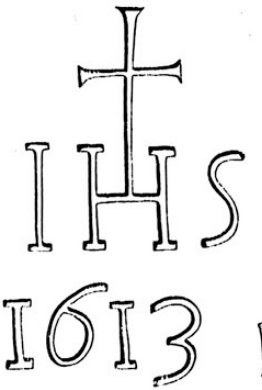
№ 2 (1/4).



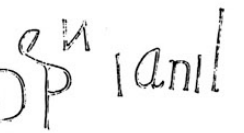
№ 3 (ок. 1/4).

№ 4.

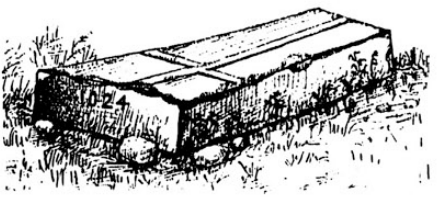
№ 5 (1/4).



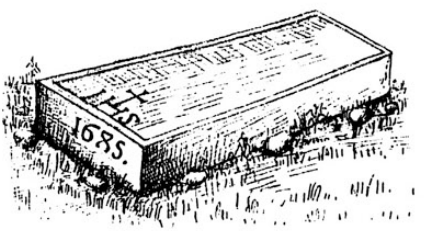
№ 8 (1/10).



№ 7 (1/16).

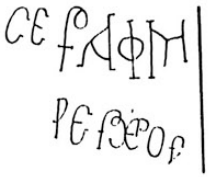


№ 6.



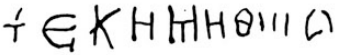
№ 9.

Къ статьѣ В. В. Латышева.

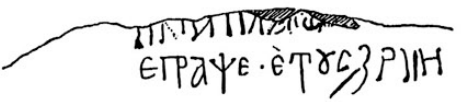


№ 10.

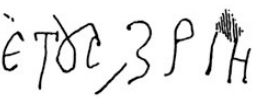
№ 12 (1/3).



№ 11 (1/3).



№ 14 (1/3).



№ 13 (1/4).

№ 15 (1/4).

№ 16 (1/10).

Походъ св. князя Владиміра на Корсунь.

(Къ 900-лѣтію со дня кончины великаго князя Владиміра).

Девять вѣковъ миновало со дня кончины святого равноапостольнаго князя Владиміра, но ни этотъ длинный промежутокъ всесокрушающаго времени, ни постоянная смѣна интересовъ и запросовъ народной жизни не могли стереть изъ памяти народной это славное имя Вся Русь преклоняется предъ личностью князя Владиміра. какъ истиннаго своего просвѣтителя, давшаго прочную основу народной цивилизаціи и культурѣ. „Рѣшившись крестить свой народъ, пишетъ академикъ Голубинскій, князь Владиміръ не только хотѣлъ дать ему вѣру истинную, но и ввести его въ семью народовъ цивилизованныхъ, онъ хотѣлъ сдѣлать его не только народомъ христіанскимъ, но и европейскимъ во всемъ смыслѣ этого слова".[1]) Чтитъ св. Русь князя Владиміра и какъ своего объединителя, создателя въ Кіевѣ прочнаго политическаго центра. Это обстоятельство особенно благовременно вспомнить въ наши дни. Вѣдь это онъ объединилъ подъ своей властью Червенскіе города, нынѣшнюю Волынь и Галичину, населенные искони славяно-русскимъ племенемъ. И не безъ основанія поэтому въ теченіе своей продолжительной и многострадальной исторической жизни города эти всегда и неизмѣнно тянули къ своему естественному политическому и національному центру. То было мощное, стихійное стремленіе къ возстановленію исконной исторической правды, вѣками попираемой и заглушаемой врагами славянскаго племени. И нынѣ, въ знаменательную 900-лѣтнюю годовщину смерти князя Владиміра, вся Галицкая Русь простираетъ съ надеждой свои руки къ Руси и ея чистой купели — Кіеву и ждетъ своего политическаго раскрѣпощенія и исцѣленія своихъ многочисленныхъ ранъ на могучей груди своей матери — Руси Державной.

[1]) Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, стр. 161.

Наша благословенная Таврида, объединенная съ Россійской Имперіей во дни великой Екатерины, играла выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ русскаго государства и въ отдаленныя времена сѣдой древности. Княженіе равноапостольнаго князя Владиміра и особенно величайшій моментъ его дѣятельности на пользу русскаго государства — принятіе христіанской вѣры — тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ историческими судьбами древняго Корсуня. Прошли вѣка, поколѣнія смѣнились поколѣніями, много политическихъ бурь и волненій пронеслось надъ сѣдымъ Корсунемъ; древняя его и болѣе поздняя византійская культура погребена подъ монументальными развалинами его стѣнъ, разрушенныхъ варварами, и, казалось, навсегда утрачена для потомства. Но въ настоящее время эти сѣдыя развалины много говорятъ русскому человѣку о временахъ давно — прошедшихъ и являются великой книгой, вѣщающей чудную повѣсть о быломъ. А на мѣстѣ разрушенныхъ варварами и, казалось, совершенно уничтоженныхъ христіанскихъ святынь древняго Корсуня снова сіяетъ крестъ Христовъ, какъ знамя побѣды христіанской культуры надъ мракомъ невѣжества. Нынѣшній христіанскій Херсонесъ и является какъ бы возсозданіемъ Херсонеса древняго, эпохи князя Владиміра. Все здѣсь дышитъ священными воспоминаніями о русскомъ князѣ — христіанинѣ и невольно обращаетъ взоръ нашъ къ тому отдаленному прошлому, нѣмые памятники котораго возстановляетъ предъ нами археологическая наука. Вотъ почему имя св. князя Владиміра особенно близко намъ, т. к. и для него была близка Таврида и въ частности Херсонесъ Таврическій, какъ культурный мостъ, по выраженію проф. Будиловича, между Византіей и Русью, и какъ мѣсто, гдѣ, по свидѣтельству начальной лѣтописи, Владиміръ принялъ крещеніе. Въ чемъ же выразились отношенія князя Владиміра къ Тавридѣ? Если мы попытаемся приподнять завѣсу историческаго прошлаго, то невольно наше вниманіе останавливается на одномъ наиболѣе яркомъ и характерномъ фактѣ этихъ отношеній — походѣ князя Владиміра на Корсунь.

Сношенія Руси съ Византіей, имѣвшія главною своею цѣлью обладаніе всѣмъ побережьемъ Чернаго моря, или, по тогдашней терминологіи, Эвксинскаго Понта, были, можно сказать, постоянными. Выражались они, главнымъ образомъ, въ торговлѣ и въ военныхъ походахъ или экспедиціяхъ на Византію и многочисленныя греческія колоніи по сѣверному побережью Чернаго моря. Повидимому, это было стремленіе къ осуще-

ствленію давней исторической задачи, такъ какъ уже и въ тѣ отдѣленныя времена было господствующимъ мнѣніе, что Понтъ долженъ принадлежать русскимъ, и это мнѣніе не ограничивалось предѣлами русскихъ поселеній, но было, повидимому, извѣстно и въ другихъ странахъ, раздѣлялось и другими, конечно, незаинтересованными въ этомъ вопросѣ народами. По крайней мѣрѣ арабскій писатель X вѣка Массуди прямо называетъ Черное море „Русскимъ". „Въ верховьяхъ хозарской рѣки (Волги), говоритъ онъ, есть устье, соединяющееся съ рукавомъ моря Найтасъ (Чернаго), которое есть Русское море. Никто кромѣ нихъ (Руссовъ) не плаваетъ по немъ и они живутъ на одномъ изъ его береговъ".[1]) Вотъ почему еще отъ первой половины IX-го вѣка имѣются свѣдѣнія о набѣгахъ Руссовъ на черноморскія греческія колоніи; таковы, напримѣръ, извѣстныя сказанія о набѣгахъ ихъ на г. Амастриду на малоазіатскомъ побережьи Чернаго моря и на Сурожъ—нынѣшній Судакъ.[2])

Первое достовѣрное сказаніе о походѣ Руссовъ на Херсонесъ относится къ 944 г., когда херсонесцы послали къ Византійскому императору пословъ съ извѣщеніемъ: „се идутъ Русь безъ числа корабль; покрыли суть море корабли". Это былъ извѣстный походъ князя Игоря на Византію, закончившійся тяжелымъ для Руси договоромъ, по которому русскій князь обязывался въ особой статьѣ „о Корсуньстѣй странѣ" не тревожить жителей Херсонеса и защищать область Корсунскую и всѣ города, бывшіе подъ ея властью, отъ набѣговъ Черныхъ болгаръ. „А о сихъ, оже то приходятъ черніи болгаре и воюютъ въ странѣ корсуньстѣй, и велимъ князю русскому, да ихъ не подусчаетъ пакостить странѣ той".[3]) Въ запрещеніи Руссамъ воевать Корсунскую страну историки усматриваютъ слѣды древняго договора грековъ со скиѳами, относящагося ко временамъ Митридата и Діофанта. Въ этомъ же договорѣ предполагается и тотъ путь, по которому полчища Руссовъ совершали свои походы на Византію. То былъ извѣстный водный путь „изъ Варягъ въ греки", заканчивавшійся у Чернаго моря устьемъ Днѣпра. Отсюда-то ладьи Руссовъ проникали въ Черное море и затѣмъ далѣе черезъ Босфоръ могли доходить до самаго Царьграда. Однако не всегда сношенія Руси съ Византіей были только враждеб-

[1]) Проф. Багалѣй. Русская исторія, т. I, стр. 174, М. 1914 г.

[2]) Сказанія эти содержатся въ древнихъ житіяхъ Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго, изданныхъ проф. Васильевскимъ въ его „Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ".

[3]) Гр. Бобринскій, Хдрсонесъ Таврическій, стр. 118.

ными. Бывали эпохи и иного характера, и Византія нерѣдко вступала въ союзъ съ Руссами въ цѣляхъ борьбы съ различными, по преимуществу кочевыми племенами, тревожившими сѣверные предѣлы имперіи. Въ такихъ случаяхъ византійскіе императоры отправляли обычно къ Руссамъ посольства съ просьбой о содѣйствіи и союзѣ и съ предложеніемъ соотвѣтствующихъ компенсацій. Таково, наприм., было посольство протевона Калокира, сына херсонесскаго начальника, къ князю Святославу съ порученіемъ склонить его къ нападенію на Болгарію.

Въ такой же именно оборонительный союзъ пожелалъ вступить съ княземъ Владиміромъ и Византійскій императоръ Василій, къ царствованію котораго совмѣстно съ братомъ Константиномъ и относится походъ князя Владиміра на Корсунь. Поводомъ къ заключенію этого союза послужило возстаніе бунтовщиковъ, сначала Варды Склира, а затѣмъ Варды Фоки и осложнившіяся въ то же время отношенія съ Дунайскими болгарами. Имѣя, очевидно, въ виду пунктъ еще стараго Игорева договора о содѣйствіи Руссовъ Византіи въ случаѣ какихъ либо политическихъ осложненій, Василій и отправилъ къ князю Владиміру посольство съ просьбой о присылкѣ вспомогательнаго отряда для борьбы съ бунтовщиками. Здѣсь мы подходимъ къ лѣтописному сказанію о посольствѣ къ князю Владиміру греческаго философа съ предложеніемъ перемѣны вѣры, такъ какъ многіе историки, занимавшіеся изслѣдованіемъ вопроса о русско-византійскихъ отношеніяхъ въ эпоху князя Владиміра, сближаютъ это сказаніе съ извѣстнымъ историческимъ фактомъ византійскаго посольства къ князю Владиміру по случаю бунта Варди Фоки. Въ нашей начальной лѣтописи повѣствуется, что въ 6494 (986) г. „прислаша греци къ Володимеру философа Кстянтина“. Не всѣ историки признаютъ полную фактическую достовѣрность отдѣльныхъ подробностей этого повѣствованія, но всѣ они считаютъ несомнѣннымъ, что подъ миѳологическимъ подъ часъ наслоеніемъ лѣтописнаго разсказа скрывается фактическая основа. Общее мнѣніе изслѣдователей таково, что посольство Византіи къ князю Владиміру въ указанное время дѣйствительно было, но лѣтописцу не была извѣстна истинная цѣль его. Къ такому взгляду склоняются проф. Васильевскій, бар. Розенъ, Завитневичъ, Бертье-Делагардъ и многіе другіе. Проф. Завитневичъ, основываясь на мнѣніи Васильевскаго, простираетъ это сопоставленіе и дальше, сближая съ вопросомъ о подавленіи бунта Варды Фоки лѣтописное сказаніе и о другихъ

посольствахъ — отъ болгаръ и хозаръ.[1]) „Послы приходятъ къ князю Владиміру главнымъ образомъ изъ тѣхъ странъ, говоритъ онъ, гдѣ въ это время кипѣло возстаніе противъ Василія. Главные союзники Фоки и враги Василія были на Кавказѣ, и вотъ оттуда черезъ хозаръ посылается одно посольство. Вторыми союзниками Фоки были болгары, продолжавшіе свое возстаніе, и оттуда присылается другое посольство. Нельзя ли въ этихъ посольствахъ, хотя отчасти, видѣть дѣйствія предусмотрительнаго Фоки, рѣшившаго поразить Василія не только военнымъ оружіемъ на полѣ брани, но и оружіемъ мирнымъ на полѣ дипломатическаго состязанія“? Какъ бы то ни было, посольство Византійскаго императора съ просьбою о помощи имѣло, очевидно, и миссіонерскія цѣли. Языческая религія уже перестала удовлетворять князя Владиміра, и это обстоятельство было, вѣроятно, извѣстно въ Византіи, тѣмъ болѣе, что путь къ христіанизаціи Руссовъ былъ проложенъ ранѣе еще при княгинѣ Ольгѣ. И вотъ на посольство возлагалась двоякая миссія. По весьма вѣроятному предположенію Бертье-Делагарда, вопросъ о посылкѣ въ Византію вспомогательнаго отряда являлся скрытою цѣлью миссіи, такъ какъ объ этомъ не должны были знать ни болгары, ни бунтовщики, а потому всѣ переговоры, имѣвшіе столь важный и въ то же время щекотливый характеръ, нужно было вести тайно. Что же касается вопроса о перемѣнѣ вѣры, то вопросъ этотъ по самому существу своему не нуждался въ какой-либо прикровенности, а потому переговоры о немъ и были выставлены, какъ главная цѣль посольства. Вотъ почему наша начальная лѣтопись, такъ подробно останавливаясь на изложеніи миссіонерскихъ переговоровъ, ничего не говоритъ о другой, чисто политической задачѣ посольства, такъ какъ задача эта могла быть и неизвѣстна широкимъ кругамъ тогдашняго русскаго общества. Такимъ образомъ, представляется такая наиболѣе вѣроятная картина переговоровъ: Византійскій императоръ проситъ князя Владиміра прислать вспомогательный отрядъ, предлагая ему въ то же время принять христіанство; князь Владиміръ соглашается на то и другое: при этомъ, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, самимъ княземъ Владиміромъ, по мнѣнію другихъ—Византійскимъ императоромъ былъ поставленъ на очередь и вопросъ о соотвѣтствующей компенсаціи въ видѣ брака русскаго князя съ сестрой импе-

[1]) Завитневичъ. Владиміръ Святой, какъ политическій дѣятель. Владимірскій сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Россіи, стр. 79—80.

раторовъ—царевной Анной. Какую бы изъ этихъ двухъ версій мы ни приняли, во всякомъ случаѣ вопросъ о брачномъ союзѣ занималъ очень видное мѣсто какъ въ самихъ переговорахъ, такъ и въ походѣ на Корсунь и послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ. Бракъ этотъ, повидимому, имѣлъ важное значеніе и разсматривался, какъ дѣло выгодное для обѣихъ сторонъ. Вступая въ бракъ съ Анной, князь Владиміръ роднился съ самымъ виднымъ и блестящимъ въ то время Византійскимъ дворомъ и сразу же вступалъ со своимъ народомъ въ семью культурныхъ государствъ Европы. Этотъ же бракъ роднилъ его и съ другимъ виднымъ европейскимъ царствующимъ домомъ, т. к. сестра царевны Анны—Ѳеофанò состояла въ замужествѣ съ германскимъ императоромъ Оттономъ. Помимо выгодъ культурныхъ и удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, для князя Владиміра открывались здѣсь и выгоды чисто политическія, такъ какъ въ лицѣ Василія и Оттона онъ сразу пріобрѣталъ себѣ двухъ сильныхъ союзниковъ въ случаѣ какихъ-либо международныхъ политическихъ осложненій. Необходимо здѣсь упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, которому Бертье-Делагардъ придаетъ въ данномъ случаѣ исключительное значеніе. „Политическая сторона была для князя Владиміра второстепенной, говоритъ онъ: нельзя думать, чтобы онъ слишкомъ высоко цѣнилъ нѣчто ему совсѣмъ незнакомое и невещественное—родство; главнымъ для него дѣломъ было полученіе цѣннаго залога, обезпечивавшаго дружину, посылаемую въ далекую, невѣдомую, но притягательную страну, на весьма выгодныхъ условіяхъ“.[1]) Изъявляя свое согласіе на бракъ Владиміра съ Анной, императоръ ставилъ при этомъ одно условіе—принятіе русскимъ княземъ христіанской вѣры. Такое условіе было для Владиміра вполнѣ пріемлемымъ, такъ какъ, по свидѣтельству лѣтописныхъ сказаній, онъ и раньше пришелъ уже къ мысли о несостоятельности язычества, такъ что для него вопросъ о перемѣнѣ вѣры былъ только лишь вопросомъ времени. Вотъ почему не можетъ быть признано справедливымъ то положеніе, что въ данномъ случаѣ, въ такомъ важномъ и существенномъ вопросѣ, Владиміромъ руководили исключительно политическіе разсчеты; интересы государственнаго строительства только лишь содѣйствовали скорѣйшему осуществленію завѣтныхъ его стремленій. Такимъ образомъ, бракъ съ Анной былъ для Владиміра дѣломъ весьма желательнымъ. Какую же выгоду для себя могли ожидать въ данномъ случаѣ

[1]) Бертье-Делагардъ. Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь, стр. 50.

греки? Конечно, они прекрасно сознавали, на что шли. Положеніе имперіи было въ то время критическимъ; въ случаѣ же успѣшности переговоровъ, они получали значительный вспомогательный отрядъ и кромѣ того всегда могли имѣть въ тылу у болгаръ весьма сильнаго и опаснаго для этихъ враговъ союзника. Само собою понятно, что успѣхъ переговоровъ при такомъ положеніи дѣлъ обезпечивался самъ собою. Отрядъ Владиміра, дѣйствительно, по свидѣтельству греческаго писателя Михаила Пселла и армянскаго историка Асохика участвовалъ въ битвѣ съ Вардой Фокой подъ Хрисополемъ въ 988 году.[1]) Но здѣсь произошла какая-то непонятная на первый взглядъ перемѣна въ отношеніяхъ между Русью и Византіей; князь Владиміръ, повидимому, нарушилъ договоръ, началъ военныя дѣйствіи противъ своего недавняго союзника и, принимая участіе въ подавленіи бунта Варды Фоки, въ то же время пошелъ со своею дружиною противъ Василія и осадилъ Корсунь, одну изъ богатыхъ и сильныхъ греческихъ колоній на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Это нападеніе было для корсунянъ столь неожиданнымъ, что они не успѣли испросить себѣ даже военной помощи у Византіи и въ дѣлѣ защиты своего города были предоставлены исключительно собственнымъ силамъ. Такой непонятный на первый взглядъ поворотъ политики Владиміра можетъ быть выясненъ лишь при установленіи взаимной послѣдовательности всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ этого историческаго факта. Здѣсь мы не будемъ останавливаться надъ выясненіемъ всѣхъ хронологическихъ тонкостей. Но все же представляется насущная необходимость установить, въ какой хронологической послѣдовательности стояли другъ къ другу фактъ отправленія Владиміромъ вспомогательнаго отряда въ Византію и его походъ на Корсунь, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно выяснить историческія причины этого послѣдняго событія.

Наиболѣе вѣроятною представляется такая послѣдовательность отдѣльныхъ моментовъ всего разсматриваемаго историческаго факта. Получившій пріемлемыя для себя и даже выгодныя предложенія грековъ, князь Владиміръ, повидимому, не совсѣмъ вѣрилъ въ возможность ихъ фактическаго осуществленія. Къ принятію христіанства онъ уже былъ подготовленъ, такъ сказать, нравственно, хотя въ данномъ случаѣ и могли встрѣтиться препятствія со стороны дружины. Въ виду этого, не рѣшаясь теперь же открыто стать на сторону новой религіи, къ которой онъ уже былъ расположенъ всѣмъ сердцемъ, онъ

[1]) Проф. Завитневичъ. Opus cit., стр. 85.

4990.
Музей Крымской войны
4990

все же счелъ возможнымъ сдѣлаться тайнымъ христіаниномъ, т. е., по весьма вѣроятному предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ увидимъ ниже, былъ оглашенъ въ христіанской вѣрѣ, отложивши открытое принятіе христіанства до болѣе благопріятнаго времени. Съ своей стороны, русскій князь приступилъ къ осуществленію своихъ договорныхъ обязательствъ, снарядивши дружину, которая должна была вступить въ бой съ мятежными полчищами Варды Фоки. Однако, въ ожиданіи прибытія царевны Анны, онъ не рѣшался послать приготовленный отрядъ по назначенію до тѣхъ поръ, пока греки не исполнятъ этого существеннаго пункта договора. Между тѣмъ время шло, а греки почему-то медлили присылкой царевны Анны, быть можетъ надѣясь какъ нибудь уладить дѣло и безъ этой все же тяжелой для нихъ компенсаціи. Тогда князь Владиміръ рѣшилъ дѣйствовать болѣе энергично. Онъ двинулся съ предназначенной для помощи грекамъ дружиной къ устьямъ Днѣпра и оттуда отправилъ къ императорамъ посольство съ естественнымъ въ его положеніи запросомъ, намѣрены ли они выполнить условія договора относительно бракосочетанія его съ царевной Анной. Указаніе на этотъ походъ Бертье-Делагардъ видитъ въ свидѣтельствѣ Іакова Мниха въ его „Похвалѣ князю Владиміру“, что онъ на „другое лѣто по крещеніи (оглашеніи) къ порогомъ ходи“. Въ фактѣ отправленія посольства тотъ же изслѣдователь видитъ историческое подтвержденіе лѣтописнаго сказанія о посольствѣ князя Владиміра въ Царьградъ съ цѣлью „соглядати вѣру“. При этомъ соглядание вѣры выставлялось, какъ явная и въ то же время исключительная цѣль посольства, что же касается запроса относительно выполненія условій политическаго договора, то запросъ этотъ былъ возложенъ на посольство, какъ тайная дипломатическая миссія. Однако и эта мѣра, повидимому, не привела къ желательнымъ результатамъ. Между тѣмъ дружина, обнадеженная выгодами предстоящаго похода въ невѣдомыя восточныя страны, томилась вынужденнымъ бездѣйствіемъ и даже выражала сомнѣніе въ справедливости обѣщаній князя. Владиміру, такимъ образомъ, представлялась необходимость принять рѣшительныя мѣры: съ одной стороны нужно было чѣмъ-либо занять дружину, жаждавшую похода и связанной съ нимъ военной добычи, съ другой — оказать болѣе энергичное давленіе на коварныхъ союзниковъ. Результатомъ этихъ намѣреній и былъ послѣдовавшій вскорѣ разрывъ дружественнаго союза съ Византіей, походъ и осада Корсуня. Что такой именно смыслъ имѣли

военныя дѣйствія противъ богатой греческой колоніи, видно изъ возобновленнаго послѣ взятія Корсуня требованія относительно брака съ царевной Анной и угрозы въ противномъ случаѣ двинуть войска противъ самаго Константинополя. Только послѣ этого императоры вынуждены были выполнить условіе договора и за это получили давно обѣщанный русскій вспомогательный отрядъ, который и помогъ имъ одержать окончательную побѣду надъ бунтовщиками.

Обращаясь къ самому событію осады и взятія Корсуня, необходимо прежде всего произвести хотя бы краткій анализъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сказаній объ этомъ историческомъ фактѣ. Наиболѣе распространенной версіей сказаній о взятіи Корсуня является извѣстный разсказъ начальной лѣтописи. Однако органическую связь разсказа о взятіи Корсуня въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, со всѣмъ содержаніемъ лѣтописи многіе изслѣдователи подвергаютъ сомнѣнію. Впервые мысль эта была высказана митрополитомъ Макаріемъ, который утверждалъ, что лѣтописный разсказъ о крещеніи князя Владиміра въ Корсуни въ связи со взятіемъ этого города есть отдѣльно написанная повѣсть; сокращенную редакцію этой повѣсти ему удалось найти въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка подъ заглавіемъ „Житіе блаженнаго Володимера"; житіе это, по его мнѣнію, и внесено было впослѣдствіи въ лѣтопись. Эту мысль преосвященнаго Макарія раздѣляли и другіе ученые, какъ напримѣръ: Срезненскій, Сухомлиновъ, Бестужевъ-Рюминъ, Голубинскій. Въ послѣдующее время это научное предположеніе стало варіироваться на разные лады и даже иногда доводиться до крайности. Особенно подробно останавливается на раскрытіи этого вопроса академикъ Шахматовъ.[1]) Его взгляды полностью усвоилъ и популяризировалъ Приселковъ.[2]) Шахматовъ, путемъ тщательнаго анализа древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, приходитъ къ той мысли, что лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра въ связи со взятіемъ Корсуня въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ позднѣйшую вставку. Эту вставку, выдѣленную и реконструированную въ ея предполагаемомъ начальномъ видѣ, онъ называетъ „Корсунской легендой". Основной мотивъ этой легенды въ раскрытіи вопроса о взятіи Корсуня представляется кратко въ такомъ видѣ.

[1]) См. его статью: „Корсунская легенда о крещеніи Владиміра" въ сборникѣ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому, а также его книгу: Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, гл. V.

[2]) См. его книгу: „Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в.в".

Владиміръ подходитъ къ Корсуню съ моря, высаживаетъ десантъ и окружаетъ городъ съ суши. Осада ведется безуспѣшно довольно продолжительное время; наконецъ, измѣна нѣкоего корсунянина Анастаса, пустившаго въ станъ Владиміра стрѣлу съ указаніемъ на возможность перекопать водопроводъ, рѣшаетъ все дѣло, и истомленные жаждою корсуняне, наконецъ, сдаются. Князь Владиміръ отправляетъ въ Константинополь посольство съ требованіемъ руки царевны Анны; императоры отвѣчаютъ на это требованіемъ отъ Владиміра принятія христіанской вѣры. Владиміръ выражаетъ полную готовность сдѣлаться христіаниномъ и принять крещеніе отъ священно-служителей, которые должны прибыть въ Корсунь съ Анной. Послѣ этого царевна отправляется въ завоеванный Руссами городъ. Въ ожиданіи ея прибытія Владиміръ заболѣлъ глазами, ослѣпъ и прозрѣлъ только во время совершенія надъ нимъ крещенія. Крестившись въ Корсунѣ, онъ здѣсь же вступаетъ въ бракъ съ Анной и затѣмъ строитъ въ память своего крещенія церковь во имя св. Василія. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ, или по терминологіи Шахматова „Корсунская легенда", заканчивается такимъ довольно выразительнымъ замѣчаніемъ: „Се же несвѣдуще право глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ: иніи же рѣша въ Василевѣ, друзіи же инако скажютъ".[1])

Этотъ разсказъ академикъ А. А. Шахматовъ дополняетъ нѣкоторыми подробностями изъ памятника, впервые введеннаго имъ въ научный оборотъ. Памятнику этому онъ даетъ названіе „Житіе особаго состава" и пользуется имъ по списку Императорской Академіи Наукъ. Здѣсь содержатся нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ лѣтописи. Намѣреваясь осадить Корсунь, Владиміръ ищетъ болѣе или менѣе благовиднаго повода и съ этою цѣлью посылаетъ въ Корсунь съ воеводой Олегомъ требованіе руки дочери корсунскаго князя. Встрѣтивъ насмѣшливый отказъ, онъ является подъ Корсунь съ войскомъ и осаждаетъ его. Нѣкій варяженинъ, по имени Ждьбернъ, пускаетъ изъ города въ варяжскій полкъ Владиміра стрѣлу, съ сообщеніемъ, что городъ снабжается провіантомъ съ суши. Заградивъ этотъ путь, Владиміръ беретъ городъ. Затѣмъ онъ убиваетъ корсунскаго князя, выдаетъ дочь его за Ждьберна и посылаетъ Ждьберна и Олега въ Царьградъ съ требованіемъ руки царевны Анны. Сказаніе корсунской легенды о взятіи

[1]) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической Коммиссіи 1872 года.

Корсуня и о бракѣ Владиміра представляетъ собою несомнѣнные факты, засвидѣтельствованные и иностранными историками. Что же касается соединенія съ этими двумя фактами крещенія русскаго князя, то оно, по мнѣнію Шахматова, представляетъ спеціальную версію корсунской легенды, несомнѣнно связанную съ ролью корсунцевъ, какъ просвѣтителей Руси въ христіанской вѣрѣ.[1]) Совершенно иную подкладку представляетъ собою версія о взятіи Корсуня въ „Житіи особаго состава". По мнѣнію Шахматова, версія эта представляетъ собою легендарную обработку общераспространеннаго мотива народныхъ былинъ о добываніи богатыремъ себѣ невѣсты. „Мы находимъ здѣсь, говоритъ онъ, эпизодъ, составляющій обычную часть былинъ о сватовствѣ, эпизодъ посылки свата („и послаше воеводу своего князя Олега къ Корсуньскому князю прошати за себя дщери его"); во вторыхъ, здѣсь на лицо и оскорбительный отвѣтъ отца невѣсты („князь же корсуньскыи вельми посмѣявся ему: что поганыи сеи творитъ"); въ третьихъ, наконецъ, видимъ въ текстѣ житія съ одной стороны зависимость отъ народной былины и съ другой попытку освободиться отъ нея и извлечь изъ нея фактъ историческій: согласно съ былиной отказъ въ сватовствѣ приводитъ къ осадѣ города и къ кровавой развязкѣ; но историческія соображенія не позволили составителю житія допустить, что именно этимъ способомъ добыта Владиміромъ царевна Анна. Составитель житія не рѣшился отвергнуть народную былину, но ему надо было освободить Владиміра отъ добытой имъ невѣсты (корсунской княжны); чтобы перейти къ добыванію царевны Анны, составитель житія придумалъ передачу княжны воеводѣ Владиміра Ждьберну.[2]) Наконецъ, Шахматову представляется невѣроятнымъ, чтобы мельчайшія подробности осады и взятія Корсуня, о которыхъ повѣствуетъ такъ обстоятельно корсунская легенда, могли быть извѣстны лѣтописцу, отдѣленному отъ самаго описываемаго событія значительнымъ промежуткомъ времени.

Однимъ изъ важныхъ аргументовъ противъ исторической достовѣрности лѣтописнаго сказазанія о крещеніи Владиміра въ Корсуни сейчасъ же послѣ его взятія выставляется изслѣдователями этого вопроса то обстоятельство, что объ этомъ ничего не говорятъ другіе русскіе источники и прежде всего „Память и похвала князю Владиміру" Іакова Мниха (XI вѣка). Указанный памятникъ въ общемъ передаетъ то же историческое

[1]) Шахматовъ. Корсунская легенда, стр. 59.
[2]) Шахматовъ. Ibid. стр. 62.

Военно-Морской Музей ЧФ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 119
г. Севастополь

зерно лѣтописнаго сказанія, хотя согласно своей задачѣ, какъ произведенія ораторскаго, и опускаетъ многія подробности. Правда, послѣдняя часть похвалы сообщаетъ и чисто историческія свѣдѣнія о походахъ Владиміра, въ томъ числѣ и о его походѣ на Корсунь. Однако эти историческія свѣдѣнія не могутъ претендовать на абсолютную достовѣрность, такъ какъ излагаются только лишь по слухамъ, какъ о томъ говоритъ и самъ авторъ: „Азъ худый мнихъ Іаковъ, *слышавъ* отъ многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимерѣ всеа рускыа земля и мало собра отъ многихъ и добродѣтели его написахъ". Перечисливши многіе удачные походы Владиміра, Іаковъ Мнихъ далѣе говоритъ о корсунскомъ походѣ и здѣсь приводитъ молитву Владиміра, характерную въ томъ отношеніи, что въ ней указывается цѣль этого похода: „да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому". „Изъ этого можно заключить, говоритъ Срезневскій, что сочинитель отдѣлялъ фактъ крещенія Владиміра отъ факта о водвореніи вѣры въ землѣ русской и могъ даже считать походъ Владиміра совершившимся уже тогда, когда самъ былъ просвѣщенъ въ Кіевѣ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ".[1]) Такого же мнѣнія по этому вопросу придерживается и Погодинъ. Какъ бы то ни было, но по свидѣтельству Іакова Мниха походъ Владиміра на Корсунь отличался по преимуществу религіознымъ характеромъ, было ли цѣлью его крещеніе Владиміра или же утвержденіе православной вѣры въ русской землѣ. Сказавши далѣе о кончинѣ Владиміра и о томъ, что онъ прожилъ въ христіанствѣ всего 28 лѣтъ, Іаковъ снова говоритъ о походахъ, предпринятыхъ св. княземъ послѣ крещенія: „На другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя". Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе хронологическія даты. Если Владиміръ прожилъ въ христіанской вѣрѣ 28 лѣтъ, то, значитъ, онъ крестился въ 987 году, а если взятіе Корсуня произошло на третье лѣто по крещеніи, то это событіе падаетъ на 989 годъ. Однако эти хронологическія даты не могутъ претендовать на абсолютную точность, такъ какъ онѣ мѣняются въ зависимости отъ того, какое лѣтосчисленіе имѣется здѣсь въ виду—мартовское или сентябрское: да и вообще по мнѣнію Бертье-Делагарда, хронологическія показанія Іакова Мниха не отличаются точностью и не въ одномъ только данномъ случаѣ. Что же касается того утвержденія разбираемаго памятника, что

[1]) Извѣстія II отд. Акад. Наукъ, стр. 119; см. у Завитневича: Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель, стр. 112—113.

Корсунь взятъ Владиміромъ уже послѣ его крещенія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, такъ какъ Іаковъ говоритъ объ этомъ событіи дважды, можно предположить, что во второй разъ онъ имѣетъ въ виду какое-то вторичное взятіе того же города.[1]) А профессоръ Соболевскій, желая доказать тождество свидѣтельствъ Іакова Мниха съ показаніемъ лѣтописи, такимъ образомъ перефразируетъ разбираемое мѣсто: „на второе лѣто по крещеніи къ порохомъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ основа“,—и затѣмъ дѣлаетъ предположеніе, что Владиміръ на второй годъ послѣ крещенія путешествовалъ къ какимъ-то Порохамъ, вѣроятно, къ жителямъ Поросья, а на третій годъ основалъ городъ Корсунь на рѣкѣ Роси.[2])

Мы привели всѣ эти научныя мнѣнія, не предрѣшая вопроса объ ихъ сравнительной достовѣрности, а только лишь въ цѣляхъ болѣе рельефнаго анализа самаго памятника. Что касается вопроса о бракѣ Владиміра съ Анной, то говоритъ объ этомъ и Іаковъ, но говоритъ кратко, безъ всякихъ подробностей, безъ упоминанія о крещеніи, какъ объ условіи брака, поставленномъ императорами русскому князю: упоминается только о присылкѣ изъ Византіи съ царевной Анной многихъ даровъ и въ томъ числѣ мощей.

Разсмотрѣнные нами памятники представляютъ собою главный источникъ свѣдѣній о корсунскомъ походѣ Владиміра и о его характерѣ. Существуетъ еще нѣсколько редакцій проложнаго сказанія, житій блаженнаго Володимера, а также свидѣтельство Степенной книги, но всѣ эти памятники только лишь повторяютъ въ общихъ чертахъ тѣ же версіи разобранныхъ нами сказаній о корсунскомъ походѣ съ нѣкоторыми лишь незначительными измѣненіями. Такимъ образомъ, русскіе древніе памятники даютъ намъ болѣе или менѣе ясную и опредѣленную картину взятія Корсуня, сопровождавшихъ взятіе его и предшествовавшихъ ему событій.

Нѣкоторыя данныя по интересующему насъ вопросу сообщаются и иностранными писателями — византійскими, арабскими и армянскими. Правда, эти краткія свѣдѣнія не даютъ намъ почти ничего новаго и останавливаются главнымъ образомъ на раскрытіи взаимныхъ отношеній между Русью и Византіей, предшествовавшихъ взятію Корсуня, и особенно на бунтѣ Варды

[1]) Завитневичъ. Opus cit. стр. 114 - 115.

[2]) Соболевскій. Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историческ. Общ. Нестора лѣтописца 13 марта 1888 г., см. у Завитневича, opus cit. стр. 117.

Фоки и вопросѣ объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго отряда. Изъ византійскихъ историковъ кратко касается интересующихъ насъ событій прежде всего Левъ-Діаконъ, писатель 2-й половины X вѣка. Онъ говоритъ о какихъ-то небесныхъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ будто бы взятіе Корсуня: „Явленіе кометы, пишетъ онъ, и огненные страшные столбы, видѣнные ночью на сѣверной части неба, предвѣщали, кромѣ сихъ бѣдствій, еще и другія, т. е. завоеваніе Херсона Тавроскиѳами и взятіе Веррои Мисянами".[1]) Нѣсколько больше, впрочемъ, лишь о сопровождавшихъ взятіе Корсуня событіяхъ повѣствуетъ исторія М. Пселла: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему грековъ, и такъ какъ не задолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ ихъ противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги.[2]) Кедринъ болѣе подробно останавливается на обстоятельствахъ брака Владиміра съ царевной Анной: „Императоръ Василій много убѣждалъ патриція Дельфину отступить отъ Хрисополя и не могъ убѣдить. Изготовивъ ночью корабли и на нихъ посадивъ Руссовъ,—ибо онъ успѣлъ призвать ихъ на помощь и сдѣлать князя ихъ Владиміра своимъ родственникомъ, женивъ его на сестрѣ своей Аннѣ,—неожиданно переправляется съ ними и, напавъ на враговъ, легко овладѣваетъ послѣдними.[3]) Зонара также обращаетъ вниманіе на обстоятельства, сопровождавшія бракъ Владиміра съ Анной. „Когда Дельфина сталъ лагеремъ у Хрисополя, пишетъ онъ, императоръ внезапно напалъ на него съ народомъ русскимъ, ибо вступилъ въ родство съ княземъ русскимъ Владиміромъ черезъ выдачу за него сестры своей Анны, и легко завладѣваетъ противниками.[4]) Изъ сопоставленія приведенныхъ свидѣтельствъ греческихъ историковъ съ показаніями русскихъ памятниковъ' открывается, что греческіе изслѣдователи знаютъ только отдѣльные эпизоды сношеній Руси съ Византіей, но не представляютъ себѣ всей исторической обстановки описываемой эпохи. Такъ въ изложеніи Кедрина и Зонары выходитъ, что бракъ Владиміра съ Анной совершился безпрепятственно и сейчасъ же

[1]) Левъ-Діаконъ, кн. X, гл. 10, русск. пер. Попова, стр. 108. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в.в., стр. 27.

[2]) Переводъ Васильевскаго. Труды, т. I, стр. 197; см. Приселковъ, Opus cit. стр. 27.

[3]) Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, стр. 252.

[4]) Голубинскій. Opus cit., стр. 253.

за нимъ послѣдовало отправленіе Владиміромъ вспомогательнаго отряда и побѣда подъ Хрисополемъ. Между тѣмъ при такой коньюнктурѣ непонятнымъ представляется показаніе Льва-Діакона о взятіи Херсона Тавроскиѳами и причина этого событія. Такимъ образомъ, византійскія свидѣтельства, касающіяся интересующей насъ эпохи, страдаютъ отсутствіемъ надлежащей полноты.

Нѣсколько болѣе полно излагаетъ отдѣльные эпизоды разсматриваемой эпохи арабскій историкъ XI вѣка Яхъя Антіохійскій. Онъ вводитъ въ общій ходъ историческихъ событій и вопросъ о крещеніи Владиміра, какъ условіи заключенія брака его съ Анной, хотя, повидимому, и не освѣдомленъ относительно корсунскаго похода. „И взбунтовался открыто Варда Фока, пишетъ онъ, и провозгласилъ себя царемъ и овладѣлъ страною грековъ до Дорилеи и до береговъ моря и дошли войска его до Хрисополя. И стало опаснымъ дѣло его, и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю Руссовъ — а они его враги — чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь Руссовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя Руссы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ, и они окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ Руссовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска Руссовъ также и соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку“.[1]) По свидѣтельству ученаго изслѣдователя и комментатора исторіи Яхъи Антіохійскаго, барона Розена, онъ часто дѣлаетъ вставки и дополненія въ первоначальный текстъ своей исторіи въ зависимости отъ добытыхъ впослѣдствіи новыхъ данныхъ. По мнѣнію Розена, не избѣжалъ подобной вставки и разбираемый нами отрывокъ. Такою вставкой онъ считаетъ часть, начиная со словъ: „и не причисляли себя русы ни къ какому закону“ и до словъ: „и когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ“,

[1]) Бар. Розенъ. Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 23—24.

такъ какъ вся эта тирада нарушаетъ правильное и естественное теченіе разсказа. Узнавши дополнительно о послѣдовавшей заминкѣ въ дружественныхъ переговорахъ Руси и Византіи и объ отправленной затѣмъ христіанской миссіи въ страну Руссовъ, но не имѣя болѣе точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ исторической обстановкѣ всѣхъ этихъ событій, Яхъя и дѣлаетъ въ свой первоначальный текстъ такую вставку общаго характера, которая все же, по мнѣнію барона Розена, относится именно къ корсунской войнѣ [1]) Какъ бы то ни было, показаніе Яхъи Антіохійскаго даетъ намъ то, чего не давали византійцы, а именно вводитъ въ общій ходъ историческихъ событій, современныхъ корсунскому походу, вопросъ о крещеніи Владиміра и Руси и поставляетъ его въ опредѣленную связь съ политическими судьбами Византіи того времени.

О походѣ Владиміра на помощь Василію для подавленія бунта Варды Фоки упоминаютъ еще арабскіе историки Алмакинъ и Ибнъ-ал-Атиръ, свидѣтельствуя, что русскими войсками въ битвѣ съ Вардой Фокой предводительствовалъ самъ Владиміръ.

Изъ армянскихъ историковъ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ событіямъ интересующей насъ эпохи даетъ Асохикъ. Онъ, между прочимъ, упоминаетъ о бракѣ Владиміра съ Анной, сопоставляя это событіе съ военной помощью, оказанной Византіи, и съ принятіемъ Руссами христіанства. „Вспомогательный отрядъ въ 6000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, просилъ царь Василій у царя Руссовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ то же самое время Руссы увѣровали во Христа“.[2]) При этомъ разсматриваемый нами авторъ даетъ довольно цѣнное указаніе, проливающее нѣкоторый свѣтъ на то, какимъ образомъ у императоровъ Василія и Константина могла возникнуть мысль о бракѣ Владиміра съ Анной, какъ вознагражденіи за помощь въ подавленіи бунта Варды Фоки. Подъ 986 годомъ Асохикъ передаетъ слѣдующій фактъ: „Въ томъ году царь Василій отправилъ митрополита севастійскаго въ страну Булхаровъ водворить миръ. Булхарія просила царя Василія отдать сестру свою замужъ за ея царя. Императоръ въ сопровожденіи митрополита отправилъ какую-то женщину изъ своихъ подданныхъ, похожую на сестру свою. По прибытіи той женщины въ страну Булхаровъ, узнали, кто она, и потому осудили митрополита, какъ

[1]) Бар. Розенъ. Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 216.

[2]) Асохикъ. Всеобщая исторія. Переводъ Эмина, стр. 200. См. Завитневичъ, Opus. cit. стр. 187.

прелюбодѣя и обманщика".[1]) Такимъ образомъ, попытка болгарскаго царя Самуила вступить въ родственный союзъ съ Византійскими императорами не удалась, и военныя дѣйствія, которыя велись между Болгаріей и Византіей, продолжались съ прежней силой. Въ это же время завязались сношенія византійскихъ императоровъ съ Владиміромъ, котораго византійцы и попытались сразу же вооружить противъ Самуила. Теперь-то, вѣроятно, и поднятъ былъ вопросъ о бракѣ Владиміра. Предлагая ему въ невѣсты сестру императора, руки которой добивался Самуилъ, византійскіе политики разсчитывали возбудить въ русскомъ князѣ, такъ сказать, политическую ревность и вызвать его на борьбу съ Самуиломъ, которая вскорѣ и началась. Вотъ тѣ данныя, какія можно заимствовать у Асохика.

Изъ представленнаго краткаго обзора иностранныхъ памятниковъ, живописующихъ разсматриваемую нами эпоху, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что они даютъ очень мало прямыхъ свѣдѣній, относящихся къ походу Владиміра на Корсунь. Но тѣмъ не менѣе византійскіе, арабскіе и армянскіе историки имѣютъ ту несомнѣнную цѣнность, что знакомятъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ византійской имперіи, съ которой наша Русь при Владимірѣ вступила въ особенно оживленныя сношенія.

Послѣ краткаго обзора источниковъ, сохранившихъ свидѣтельства о корсунскомъ походѣ въ его тогдашней исторической обстановкѣ, необходимо теперь представить самую картину этого событія, насколько это возможно при свѣтѣ историческихъ памятниковъ и тѣхъ данныхъ, какія представляетъ намъ археологическая наука, обогатившаяся довольно солидными свѣдѣніями по интересующему насъ вопросу, благодаря уже произведеннымъ и производящимся въ настоящее время раскопкамъ на мѣстѣ древняго Корсуня. При изученіи исторической обстановки самаго корсунскаго похода слѣдуетъ различать два главныхъ момента: прежде всего походъ, осада города и взятіе его и затѣмъ событія, происшедшія послѣ взятія Корсуня. Первый моментъ можетъ быть представленъ въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ ясно и опредѣленно, благодаря, главнымъ образомъ, розысканіямъ въ этой области А. Л. Бертье-Делагарда,[2]) которому мы и будемъ слѣдовать, излагая отдѣльные эпизоды похода, осады и взятія Корсуня. Прибывши

---

[1]) Асохикъ. Всеобщая исторія, стр. 175, см. Завитневичъ. Opus. cit. стр. 44.

[2]) Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь, стр. 4—40.

на своихъ ладьяхъ къ устьямъ Днѣпра и получивши неудовлетворительный или уклончивый отвѣтъ изъ Византіи, о чемъ мы упоминали выше, Владиміръ двинулся со своей дружиной къ Корсуню обычнымъ воднымъ, такъ называемымъ греческимъ путемъ вдоль береговъ Тавриды. Есть основаніе предполагать, что походъ этотъ могъ начаться не ранѣе іюня. По исконному правилу, доставшемуся еще отъ византійцевъ, на Черномъ морѣ суда не имѣли обыкновенія выходить изъ портовъ ранѣе дня Св. Георгія—23 апрѣля, но и это условіе касалось только лишь крѣпкихъ, настоящихъ судовъ, а не самодѣльныхъ ладей, на которыхъ предпринялъ свой походъ Владиміръ. Казаки, напримѣръ, держались правила выходить на такихъ судахъ въ море только лишь послѣ начала іюня. Такому же правилу, повидимому, слѣдовали и Руссы, такъ какъ наиболѣе извѣстные походы на Царьградъ Аскольда и Дира, а затѣмъ Игоря предприняты были въ іюнѣ. Какъ бы то ни было, осада Корсуня могла начаться только лишь лѣтомъ. Какимъ же образомъ велась эта осада? Владиміръ явился подъ Корсунь морскимъ путемъ. Лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ весьма кратко: „и ста Володимеръ объ онъ полъ града въ лимени, дали града стрѣлище едино“; однако, съ точки зрѣнія топографической показаніе это нельзя не признать довольно точнымъ. Держась береговъ Тавриды, ладьи Владиміра, идя кратчайшимъ путемъ, могли подойти къ Корсуню только въ направленіи прямо съ сѣвера на югъ, а для того, чтобы въ отношеніи своего направленія оказаться по ту сторону города, какъ говоритъ объ этомъ лѣтописецъ, онѣ должны были войти въ гавань, въ лиманъ Корсуня, въ нынѣшнюю Карантинную бухту, пройти мимо города и стать въ глубинѣ бухты; только здѣсь онѣ были въ собственномъ смыслѣ по ту сторону города. Стоянка въ этомъ именно мѣстѣ была выгодна и съ стратегической точки зрѣнія, такъ какъ въ эту сторону выходили наиболѣе уязвимыя части укрѣпленій Корсуня.[1]) Весь станъ Владиміра былъ скрытъ отъ города окружающими горами, тогда какъ съ окрестныхъ командующихъ надъ всею прилегающею мѣстностью высотъ открывался прекрасный видъ на городъ, позволявшій даже наблюдать все, что дѣлалось внутри его. Эта стоянка обладала и еще однимъ въ высшей степени важнымъ преимуществомъ — обиліемъ прѣсной воды въ нѣсколькихъ колодцахъ, открытыхъ въ недавнее время на самомъ берегу бухты. Здѣсь ладьи Рус-

[1]) Бертье-Делагардъ. О Херсонесѣ. Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, т. XXI, стр. 123—126.

совъ были въ безопасности, внѣ выстрѣла, на что указываетъ замѣчаніе лѣтописца, что Владиміръ сталъ „дали града стрѣрище едино“; обстрѣлъ вражескаго стана корсунянами затруднялся прибрежными высотами, о которыхъ мы упомянули выше. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ подступить къ городу и начать правильную его осаду, Владиміръ, очевидно, черезъ перебѣзчиковъ или же какимъ-либо другимъ путемъ детально изучилъ топографическія особенности мѣстности, такъ какъ только въ такомъ случаѣ, дѣйствуя, такъ сказать, навѣрняка, можно было рѣшиться на такой смѣлый, отважный шагъ—ворваться въ самую непріятельскую бухту на виду всего города и затѣмъ помѣститься въ ней въ совершенной безопасности, причиняя въ то же время непріятелю несомнѣнный вредъ. Конечно, о блокадѣ Корсуня съ моря не могло быть рѣчи, такъ какъ простыя, совершенно невооруженныя ладьи Руссовъ не представляли къ тому никакой возможности. Въ виду этого наиболѣе вѣроятнымъ будетъ предположеніе, что, помѣстившись со всѣмъ флотомъ „въ лимени“, Владиміръ сейчасъ же высадилъ дружину на берегъ и обложилъ, такимъ образомъ, городъ съ суши. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и показаніе лѣтописи, что „Володимеръ обстоя градъ“ и въ цѣляхъ осады началъ сыпать къ городскимъ стѣнамъ приспу. Конечно, осаждавшіе слѣдили и за моремъ, и, вѣроятно, отъ времени до времени, пользуясь тихой погодой, посылали туда и свои сторожевыя ладьи. Однако и сухопутная осада при тогдашнемъ состояніи военной техники не могла привести къ скорому, успѣшному концу. Вотъ почему Владиміръ рѣшилъ взять городъ изморомъ и, вооружившись терпѣніемъ, простоять здѣсь довольно продолжительное время. По свидѣтельству „Житія особаго состава“, онъ стоялъ 6 мѣсяцевъ; на продолжительность осады указываетъ также и угроза Владиміра жителямъ города: „аще ся не вдасте, стояти имамъ и за три лѣта“. Первоначально осажденные не терпѣли никакихъ особенныхъ стѣсненій, такъ какъ, повидимому, въ городѣ было сдѣлано много запасовъ еще раньше; но потомъ съ теченіемъ времени все ощутительнѣе стала сказываться тяжесть осады, „и изнемогаху, по словамъ лѣтописи, во градѣ людіе“.

Между тѣмъ долгое стояніе у стѣнъ города изнурило и осаждавшихъ, тѣмъ болѣе, что наступила осень, а съ нею, вѣроятно, и вынужденная безкормица. Все это, естественно, ослабило бдительность Руссовъ и отразилось на успѣшности сторожевого охраненія. Этимъ, очевидно, и воспользовались кор-

суняне для того, чтобы пополнять истощавшіеся запасы своего продовольствія доставкой новыхъ транспортовъ извнѣ. Владиміръ въ скоромъ времени узналъ объ этомъ, благодаря предательству находившагося въ городѣ варяга Ждьберна, который, по свидѣтельству „Житія особаго состава", пустилъ въ варяжскій станъ осаждавшихъ стрѣлу съ такимъ существенно важнымъ сообщеніемъ: „корабленицы приходятъ путемъ землянымъ съ питіемъ и съ кормомъ въ градъ, есть же путь тый у твоего воинства съ востока". Наиболѣе вѣроятный способъ этой доставки провіанта въ осажденный городъ можетъ быть представленъ приблизительно въ такомъ видѣ. Необходимые для города припасы могли доставляться изъ нынѣшней Евпаторіи, такъ какъ вся эта мѣстность въ то время входила въ сферу вліянія Корсуня. На небольшихъ прибрежныхъ коммерческихъ судахъ грузъ подвозился въ гавань, лежащую къ востоку отъ осаждаемаго города, нынѣшній Севастопольскій рейдъ, гдѣ суда могли свободно укрываться отъ осаждавшихъ за прибрежными скалами. Отсюда, пользуясь ночной темнотой и слабостью охраненія Руссовъ, корсуняне переносили необходимые для нихъ припасы къ устью Карантинной бухты, а потомъ на своихъ небольшихъ лодкахъ, которыя могли храниться за городскими стѣнами, свободно перевозили ихъ въ городъ, пользуясь тѣми же выгодными условіями, т. е. ночной темнотой и отсутствіемъ надлежащей бдительности осаждавшихъ. Только предательство Ждьберна положило конецъ этому успѣшному снабженію осажденныхъ необходимыми жизненными припасами. Владиміръ усилилъ въ указанномъ мѣстѣ сторожевое охраненіе и, по словамъ „Житія", „повелѣ прекопати путь".

Однако корсуняне, повидимому, сдѣлали указаннымъ способомъ довольно значительные запасы, а, быть можетъ, изобрѣли и еще какой-либо новый путь для ихъ доставки. По крайней мѣрѣ вскорѣ Владиміръ убѣдился, что попытка взять городъ изморомъ не можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, а потому рѣшилъ начать активную осаду города. Дѣло это, при зачаточномъ развитіи военной техники, было чрезвычайно труднымъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ осадныхъ орудій, Владиміръ повелъ осаду самымъ примитивнымъ, издавна уже употреблявшимся способомъ; онъ началъ какія-то осадныя земляныя работы, или, по выраженію лѣтописи, „повелѣ приспу сыпати къ граду". Трудно сказать, какую цѣль имѣли эти земляныя работы, такъ какъ исторія и теорія осадной техники знаютъ нѣсколько видовъ или типовъ такого

рода сооруженій. По всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ самымъ простымъ и элементарнымъ землянымъ осаднымъ сооруженіемъ. Осаждавшіе, повидимому, имѣли въ виду присыпать къ городской стѣнѣ покатую насыпь съ такимъ разсчетомъ, чтобы по ней, какъ по откосу, воины могли взбираться на стѣну. Въ такомъ случаѣ осаждавшіе хотя и встрѣтили бы естественное сопротивленіе со стѣнъ города, все-таки оказались бы въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ въ ихъ распоряженіи было больше мѣста на покатой насыпи, чѣмъ у защитниковъ города на его стѣнахъ, а потому во время такого рода штурма воины Владиміра всегда могли бы оказаться въ значительно большемъ числѣ. Корсуняне, конечно, прекрасно понимали, какая опасность угрожала имъ въ томъ случаѣ, если начатыя осадныя работы будутъ окончены вполнѣ успѣшно, а потому стали изыскивать мѣры, чтобы помѣшать осаждавшимъ и затормозить ихъ работу. Для этого внизу городской стѣны они сдѣлали пробоину и оттуда тайно выгребали въ городъ землю изъ основанія приспы; на это именно указываетъ и лѣтопись, когда говоритъ, что „корсуняне, подкопавше стѣну градскую, крадуще сыплемую персть и ношаху къ себѣ во градъ, сыплюще посреди града“. Дѣло это велось непрерывно, систематически и въ то же время совершенно тайно для осаждавшихъ, такъ что, несмотря на ихъ усиленныя работы, приспа какъ бы сама собою осѣдала, совершенно непонятнымъ для нихъ образомъ. Дѣло принимало для Владиміра и его дружины весьма непріятный оборотъ. Для нихъ была теперь вполнѣ очевидна вся безполезность предпринятаго способа осады. Надо было придумывать что-либо новое, и столь сильно желанное взятіе Корсуня снова затягивалось на неопредѣленное и во всякомъ случаѣ весьма продолжительное время. Однако, успѣхъ сопутствовалъ Владиміру, и въ то время, когда уже, казалось, не было никакой надежды на скорую сдачу города, измѣна корсунянина Анастаса рѣшаетъ все дѣло и отдаетъ, наконецъ, осажденный Корсунь въ руки побѣдителя. Въ лѣтописи эпизодъ этотъ представляется въ такомъ видѣ: „И се мужъ корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими“. Указаніе это для осаждавшихъ было въ высшей степени цѣннымъ. Если провіантомъ можно запастись на довольно продолжительное время, то о водѣ сказать этого нельзя при отсутствіи постояннаго живого источника; добывать воду такимъ же путемъ, какъ корсуняне добывали, согласно указанію

Ждьберна, съѣстные припасы, также было невозможно, такъ какъ вода не можетъ быть переносима съ такимъ удобствомъ и въ такомъ количествѣ, какъ провіантъ. Вотъ почему указаніе Анастаса давало въ руки Владиміра надежное средство взять городъ въ самомъ непродолжительномъ времени, истомивъ жителей жаждой, тѣмъ болѣе, что и топографія водопровода была указана такъ точно, что для осаждавшихъ не представлялось особенно затруднительнымъ найти водную артерію и перекопать ее. Весьма понятна поэтому радость Владиміра, въ приливѣ которой онъ воскликнулъ: „аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещю". Разсчетъ осаждавшихъ, использовавшихъ въ точности цѣнное указаніе Анастаса, оказался какъ нельзя болѣе точнымъ: водопроводъ былъ перекопанъ, и Корсунь, подъ стѣнами котораго Владиміръ безрезультатно простоялъ 9 мѣсяцевъ, наконецъ сдался, истомленный мучительной жаждой. „И ту абіе повелѣ копати преки трубамъ, повѣствуетъ лѣтопись, и преяша воду; людіе изнемогоша водною жажею и предашася".

Если мы сопоставимъ эти показанія лѣтописи относительно обстоятельствъ сдачи Корсуня съ тѣми данными, какія добыты на основаніи новѣйшихъ раскопокъ въ Херсонесѣ, то въ этихъ послѣднихъ мы найдемъ полное подтвержденіе письменныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего съ несомнѣнностью установлено, что древній Корсунь снабжался водою посредствомъ водопровода. На это обстоятельство указывалъ еще Палласъ, подтверждая свое мнѣніе и данными раскопокъ. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, пишетъ онъ, это доказываетъ находящееся менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города восьмиугольное зданіе, нынѣ совершенно разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе аршинъ на 5 внизъ и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный ходъ въ 15 саженей длины, при концѣ котораго находится родъ колодца, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется. За этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, повидимому, показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода".[1]) Приведенное свидѣтельство Палласа проводитъ лишь общую мысль о существованіи въ древнемъ Корсунѣ подземныхъ водопроводовъ, не связывая ихъ опредѣленно съ именемъ Владиміра. Позднѣйшіе же изслѣдователи уже болѣе опредѣленно сопоставляютъ открываемыя водопроводныя соору-

[1]) Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. XII, стр. 108.

женія съ извѣстнымъ эпизодомъ изъ исторіи взятія Корсуня. Такъ Сумароковъ, описавши то же сооруженіе, о которомъ говоритъ и Палласъ, далѣе прибавляетъ: „Можетъ быть, не сей ли колодезь Владиміръ при осадѣ града приказалъ завалить, и можетъ быть, не тѣ ли проходы служили проводами воды въ Херсонесъ".[1]) Правда, по мнѣнію проф. Завитневича, основывавшемуся также на данныхъ херсонесскихъ раскопокъ, Корсунь изобиловалъ цистернами и, значитъ, могъ имѣть большіе запасы воды.[2]) Однако это мнѣніе опровергается показаніями Бертье-Делагарда, который говоритъ, что хотя при раскопкахъ, дѣйствительно, и было найдено много ямъ, обложенныхъ камнемъ и обмазанныхъ водоупорнымъ составомъ, но присутствіе въ нихъ остатковъ соленой рыбы (хамсы) и зерноваго хлѣба указываетъ на ихъ совсѣмъ иное назначеніе; къ тому же ямы эти оказались совершенно открытыми сверху, а въ такихъ резервуарахъ вода долго сохраняться не можетъ. Болѣе позднія раскопки Бертье-Делагарда привели его къ наиболѣе вѣроятнымъ остаткамъ того именно водопровода, который былъ перекопанъ Владиміромъ передъ взятіемъ Корсуня. „Много лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ, вѣря начальной лѣтописи, я вздумалъ поискать на мѣстѣ линію древняго провода воды въ Корсунь, на которую давно ужъ натыкались случайно хуторяне окрестностей Севастополя. Мы не только сразу же нашли ее, но и прослѣдили на протяженіи 5—6 верстъ, сдѣлавъ это въ теченіе нѣсколькихъ дней; до такой степени просто и очевидно, гдѣ именно могъ пролегать водопроводъ. Особенно легко было найти его передъ входомъ въ самый городъ. Здѣсь мы нашли не одну, а три различныя линіи, двѣ изъ гончарныхъ трубъ, а одну въ видѣ каменнаго желоба; всѣ три вели, повидимому, къ одному источнику и очевидно работали не сразу, а замѣняя одна другую во времени".[3]) Какъ бы то ни было, принимая во вниманіе условія мѣстности нынѣшняго Херсонеса, а также тѣ данныя, какія представляетъ намъ археологическая наука, мы должны прійти къ тому выводу, что лѣтописное сказаніе, касающееся перваго момента въ исторіи похода на Корсунь, именно осады и взятія города, представляетъ собою дѣйствительное историческое повѣствованіе, а не миѳологическій вымыселъ лѣтописца.

---

[1]) Досуги крымскаго судьи, т. I, стр. 205—206. См. Памятники христіанскаго Херсонеса, вып. I, проф. Айналовъ. Развалины храмовъ, стр. 103.

[2]) Завитневичъ. Владиміръ Св., какъ полит. дѣятель, стр. 95.

[3]) Бертье-Делагардъ. Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь, стр. 29.

Переходя ко второму моменту разсматриваемой нами исторіи, къ событіямъ, слѣдовавшимъ за взятіемъ города, необходимо принять во вниманіе то обстоятельство, что здѣсь камнемъ преткновенія, побуждающимъ большинство изслѣдователей отвергать историческую достовѣрность всего разсказа, является вопросъ о крещеніи Владиміра. Въ зависимости отъ принятія или непринятія этого центральнаго пункта всего лѣтописнаго разсказа, стоятъ или падаютъ и всѣ его подробности, такъ какъ всѣ онѣ являются только лишь деталями одного главнаго повѣствованія о крещеніи Владиміра и бракѣ его съ царевной Анной. Изложивши исторію взятія Корсуня, лѣтописецъ продолжаетъ далѣе свой разсказъ такимъ образомъ. Вступивши въ завоеванный Корсунь, Владиміръ сейчасъ же послалъ къ императорамъ Василію и Константину пословъ съ такого рода заявленіемъ: „Вотъ я взялъ вашъ славный городъ; теперь до меня дошли слухи, что вы имѣете сестру девицу; если вы не отдадите ее за меня, то поступлю съ вашимъ городомъ (Константинополемъ) такъ же, какъ поступилъ и съ этимъ". Это требованіе Владиміра сильно опечалило императоровъ, и они отвѣтили посламъ: „не подобаетъ выходить христіанамъ замужъ за поганыхъ (язычниковъ): если крестишься, то не только получишь желаемое, но и наслѣдуешь царство небесное, если же не желаешь поступить такъ, то не можемъ выдать за тебя нашу сестру". Получивши такой отвѣтъ отъ императоровъ Владиміръ заявилъ посланнымъ: „Скажите императорамъ, что я готовъ креститься, такъ какъ еще раньше изучилъ законъ вашъ и любезна для меня вѣра ваша". Императоры были вполнѣ удовлетворены такимъ отвѣтомъ и послали сказать Владиміру: „прежде крестись, и тогда мы пришлемъ сестру свою къ тебѣ". Владиміръ на это отвѣтилъ: „пусть крестятъ меня священнослужители, которыхъ вы пришлете ко мнѣ съ вашей сестрой". Императоры исполнили это желаніе русскаго князя и послали сестру свою, сановниковъ и пресвитеровъ. Царевна долго не соглашалась идти въ чуждую страну къ чуждому народу. Братья убѣждали ее: „Богъ черезъ тебя хочетъ обратить землю русскую въ покаяніе, а греческую землю избавить отъ тяжкой войны; ты знаешь, сколько зла сотворила Русь грекамъ, и теперь, если ты не пойдешь, то и насъ постигнутъ тѣ же бѣдствія". Царевна согласилась, поплыла черезъ море и прибыла къ Корсуню. Корсуняне вышли ей на встрѣчу и съ честью привели въ городъ. Въ это время Владиміръ разболѣлся глазами и потерялъ зрѣніе. Царевна послала ему сказать: „если хочешь

избавиться отъ этой болѣзни, то поскорѣе крестись". Владиміръ принялъ этотъ совѣтъ, сказавши: „если это сбудется, то поистинѣ великъ Богъ христіанскій", и повелѣлъ крестить себя. Епископъ корсунскій со священниками крестилъ его и когда возложилъ руку на него, онъ прозрѣлъ. Владиміръ, пораженный внезапнымъ исцѣленіемъ, воскликнулъ: „теперь я впервые узрѣлъ Бога истиннаго". Видя все это, крестились многіе изъ его дружины. Послѣ крещенія Владиміръ вступилъ въ бракъ съ Анной. Вотъ въ общихъ чертахъ простой и безъискуственный разсказъ лѣтописи.

Однако большинство изслѣдователей признаетъ свидѣтельство приведеннаго разсказа о крещеніи Владиміра въ Корсуни недостовѣрнымъ. Не задаваясь цѣлью рѣшать этотъ вопросъ окончательно, мы все же считаемъ необходимымъ привести хотя бы главныя, наиболѣе выдающіяся мнѣнія въ рѣшеніи его. Особенно сильной и обстоятельной критикѣ подвергаетъ это лѣтописное сказаніе академикъ Голубинскій, доказывая, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ или вообще гдѣ-либо у себя дома еще до похода на Корсунь, и просвѣтителями его были варяги —христіане, состоявшіе у него на службѣ въ качествѣ дружинниковъ. Такъ какъ въ разбираемыхъ имъ сказаніяхъ русскихъ памятниковъ, помимо начальной лѣтописи, относительно мѣста крещенія Владиміра опредѣленныхъ указаній не имѣется, то онъ настаиваетъ только лишь на отрицательной сторонѣ вопроса, что Владиміръ крестился *не въ Корсуни;* положительная же часть— *гдѣ же именно*—рѣшается имъ лишь предположительно: „Намъ думается, говоритъ онъ, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владиміра должно считать Василевъ. Свое названіе онъ получилъ, очевидно, отъ христіанскаго имени Владиміра; не весьма ли естественно предположить, что онъ получилъ его именно въ память крещенія въ немъ князя".[2]) Доказывая же свою мысль, что крещеніе Владиміра произошло не въ Корсуни, Голубинскій, помимо указанія на то, что лѣтописный разсказъ объ этомъ въ ряду другихъ русскихъ памятниковъ, стоитъ одиноко, приводитъ еще нѣкоторыя иностранныя свидѣтельства объ обстоятельствахъ крещенія Владиміра. Въ такъ называемомъ Бандуріевомъ сказаніи говорится, что посланные изъ Константинополя мужи Кириллъ и Аѳанасій прибываютъ въ землю короля Руссовъ и тамъ всѣхъ научаютъ, крестятъ и приводятъ къ христіанскому благочестію. Подобное же указаніе на крещеніе Владиміра въ Кіевѣ философомъ Константиномъ содер-

[2]) Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, стр. 133.

жится и въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ 1039 года. Однако академикъ Шахматовъ считаетъ эту версію несамостоятельной и видитъ въ ней воспроизведеніе легенды о крещеніи болгарскаго царя Бориса.[1]) Помимо этого разсказа, Голубинскій ссылается на скандинавскую сагу объ Олафѣ Тригвассонѣ, гдѣ также можно найти указаніе на крещеніе Владиміра въ предѣлахъ Кіевскихъ. Олафъ долгое время проживалъ въ Гардарикіи (Россіи) при дворѣ конунга Волдамара. Оставивши мѣсто своего жительства, онъ долго странствуетъ по разнымъ государствамъ, принимаетъ гдѣ-то христіанство, затѣмъ снова возвращается къ Валдамару, научаетъ его истинамъ христіанской вѣры, а пришедшій съ нимъ епископъ Павелъ креститъ его.[2]) Приведенная сага представляется, однако, источникомъ мутнымъ и довольно тенденціознымъ. Извѣстно много подобнаго рода западныхъ сказаній о введеніи христіанства въ Россіи. Таковы, напримѣръ, исторія Петра Даміани, интерполяція такъ назыв. Адемаровой хроники и т. п. Всѣ подобнаго рода сказанія стараются провести ту мысль, что христіанство проникло на Русь не изъ Византіи, а изъ запада — мысль крайне тенденціозную, совершенно не подтверждающуюся точными историческими данными. Тѣмъ не менѣе Голубинскій придаетъ, повидимому, показаніямъ саги объ Олафѣ Тригвассонѣ большое значеніе, такъ какъ мысль о томъ, что первыми піонерами христіанской миссіи на Руси въ эпоху князя Владиміра были именно Варяги — христіане, и что сказаніе о крещеніи его въ Корсуни представляетъ сплошной вымыселъ, — красною нитью проходитъ черезъ всѣ его разсужденія по этому вопросу. Такого же взгляда придерживаются и другіе изслѣдователи, каковы, напримѣръ, Срезневскій, Погодинъ, Завитневичъ, Шестаковъ, Пархоменко, Приселковъ и мн. др. При этомъ послѣдній совершенно отрицаетъ участіе Византіи въ актѣ введенія христіанства на Руси, приписывая эту роль христіанской Болгаріи. Однако такое отрицательное отношеніе къ лѣтописному сказанію о крещеніи Владиміра въ Корсуни не является общепринятымъ научнымъ мнѣніемъ. Нѣкоторые изслѣдователи, не рѣшая этого вопроса съ категорической опредѣленностью, ограничиваются одними лишь предположеніями. Академикъ Шахматовъ, напримѣръ, считаетъ обѣ версіи повѣствованія о крещеніи Владиміра, и корсунскую и кіевскую, мотивомъ древ-

---

[1]) Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр. 152.

[2]) Голубинскій. Opus cit., стр. 256.

няго народнаго преданія и только ограничивается утвержденіемъ, что версія кіевская древнѣе корсунской. „Я оставляю въ сторонѣ, говоритъ онъ, сообщеніе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ, а не въ Корсунѣ, хотя и убѣжденъ въ томъ, что преданіе о крещеніи Владиміра въ Кіевѣ древнѣе преданія о крещеніи въ Корсунѣ".[1]) „Основаніемъ для корсунской легенды, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, послужило преданіе, сохранившееся въ народной памяти и связавшее крещеніе Владиміра и земли русской съ походомъ на Корсунь и женитьбой на греческой царевнѣ".[2]) Такъ же осторожно относится къ рѣшенію этого вопроса и графъ Бобринскій. Въ своемъ изслѣдованіи о Херсонесѣ онъ въ основу своего повѣствованія о крещеніи Владиміра полагаетъ лѣтописный разсказъ, а затѣмъ говоритъ, что имѣются и иныя рѣшенія этого вопроса, не высказываясь опредѣленно и категорически ни въ ту, ни въ другую сторону.[3]) Наконецъ, проф. Багалѣй считаетъ показаніе Іакова Мниха о крещеніи Владиміра лишь болѣе достовѣрнымъ.[4])

Въ противовѣсъ мнѣніямъ вышеуказанныхъ изслѣдователей, или совершенно отрицающихъ достовѣрность лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра въ Корсуни, или же высказывающихся по этому поводу неопредѣленно, можно указать и иное теченіе научной мысли въ рѣшеніи даннаго вопроса. Еще Карамзинъ не находилъ никакихъ препятствій къ признанію исторической достовѣрности лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владиміра во всей его полнотѣ. Въ этомъ же смыслѣ высказывались наши извѣстные церковные историки—митрополитъ Макарій и архіепископъ Филаретъ Черниговскій. Въ болѣе позднее время мы также встрѣчаемъ защитниковъ этого мнѣнія. Такъ, напримѣръ, акад. Соболевскій, какъ мы уже упоминали выше, желая защитить и поддержать мысль объ исторической достовѣрности лѣтописнаго разсказа, своеобразно перефразируетъ даже текстъ „Похвалы" Іакова Мниха. Бертье-Делагардъ, подробно анализируя лѣтописное сказаніе о походѣ Владиміра на Корсунь, также приходитъ къ той мысли, что показаніе лѣтописи о крещеніи Владиміра въ Корсуни вполнѣ достовѣрно. „Въ Корсуни были и крещеніе и вѣнчаніе Владиміра, говоритъ онъ, какъ то показано въ начальной лѣтописи; не вижу, по-

---

[1]) Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр. 24.

[2]) Ibid., стр. 134.

[3]) Графъ А. Бобринскій. Херсонесъ Таврическій, стр. 134, 137.

[4]) Багалѣй. Русская исторія, т. I, стр. 214.

чему бы ей не вѣрить".[1]) Разбирая этотъ вопросъ болѣе детально, онъ высказываетъ то предположеніе, что до похода на Корсунь было совершено тайное крещеніе Владиміра (оглашеніе); это крещеніе и имѣетъ въ виду, между прочимъ, Іаковъ Мнихъ, когда корсунскій походъ относитъ къ третьему году по крещеніи. Высказывая эту мысль, онъ базируется на мнѣніи проф. Малышевскаго, что Владиміръ, чувствуя непреодолимое сердечное влеченіе къ христіанству, но не находя возможнымъ по нѣкоторымъ чисто государственнымъ соображеніямъ до поры до времени мѣнять открыто вѣру, тайно былъ оглашенъ въ христіанствѣ еще до корсунскаго похода, а затѣмъ уже торжественно крестился въ Корсунѣ. Эту же мысль, повидимому, поддерживаетъ и проф. Линниченко, когда говоритъ о внутреннемъ и внѣшнемъ обращеніи Владиміра въ христіанство: послѣднее, по его мнѣнію, и было въ Корсуни.[2]) Такимъ образомъ мы видимъ, что вопросъ о мѣстѣ крещенія Владиміра представляется въ наукѣ спорнымъ и не одинаково рѣшается различными изслѣдователями.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя свои соображенія по этому спорному вопросу, отнюдь не претендуя на ихъ абсолютную достовѣрность. Намъ представляется весьма вѣроятнымъ предположеніе проф. Малышевскаго о предварительномъ оглашеніи Владиміра въ Кіевѣ. На это обстоятельство, повидимому, имѣется указаніе и въ лѣтописи, по свидѣтельству которой Владиміръ на предложеніе императоровъ креститься прямо заявилъ: „азъ крещюся, яко испытахъ прежде дней сихъ законъ вашъ". Значитъ, еще раньше Владиміръ былъ просвѣщенъ въ истинахъ той вѣры, въ какую ему предстояло теперь вступить черезъ дверь крещенія. Въ данномъ случаѣ какъ бы повторяется исторія обращенія въ христіанство императора Константина Великаго, который всю жизнь былъ на положеніи лишь оглашеннаго, такъ какъ принялъ крещеніе только не задолго до своей кончины. Что же могло препятствовать Владиміру принять крещеніе сейчасъ же послѣ своего обращенія? Въ данномъ случаѣ, какъ кажется, имѣло большое значеніе мнѣніе дружины. Правда, нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, что Владиміру невозможно было принять христіанство тайно отъ

---

[1]) Бертье-Делагардъ. Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь, стр. 59.

[2]) Труды Кіевской Дух. Акад. 1886 г., № 12, стр. 600, см. Шестаковъ. Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X в.в. по Р. Хр., стр. 86. Памятники христіанскаго Херсонеса, вып. III.

дружины, такъ какъ безъ поддержки дружины онъ рѣшительно не могъ совершить такого серьезнаго шага, какъ религіозная реформа.[1]) Однако это возраженіе только лишь подтверждаетъ нашу мысль. Вотъ потому-то Владиміръ и не рѣшился сразу открыто принять крещенія, что весьма считался съ мнѣніемъ дружины; это обстоятельство въ данномъ случаѣ должно было имѣть огромное значеніе. Намъ извѣстно, что боязнь насмѣшки со стороны дружины послужила препятствіемъ и для Святослава принять новую вѣру. Вотъ почему Владиміръ и не считалъ возможнымъ пока открыто засвидѣтельствовать свой переходъ въ христіанство; пока этотъ вопросъ былъ его личнымъ дѣломъ, дѣломъ его внутренняго убѣжденія, онъ не могъ касаться дружины и волновать ее. Съ теченіемъ же времени и дружина созрѣла для принятія новой вѣры и измѣнила свой взглядъ на нее; тогда-то и настала пора дѣло совѣсти осуществить и въ качествѣ общегосударственной реформы. Лѣтопись считаетъ нужнымъ отмѣтить этотъ важный моментъ и, говоря о чудесномъ прозрѣніи Владиміра послѣ крещенія, прибавляетъ: „се же видѣвше дружина его, мнози крестишася". Такимъ образомъ, нѣтъ основаній отрицать отмѣчаемыхъ нѣкоторыми изслѣдователями двухъ моментовъ въ обращеніи Владиміра—внутренняго и внѣшняго. Вполнѣ естественно, что панегиристы Владиміра, какъ, напримѣръ, Іаковъ Мнихъ, Иларіонъ и другіе, отмѣчаютъ лишь первый моментъ въ его обращеніи; это требовалось уже самой идеей ихъ произведеній. Въ цѣляхъ восхваленія равноапостольнаго князя имъ важно было указать, какъ подъ вліяніемъ Божественной благодати въ душѣ его совершился такой важный переворотъ, какъ, при всѣхъ, казалось, самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни, онъ внутренне сдѣлался христіаниномъ. Въ ихъ глазахъ это собственно и было важнымъ, это и было тѣмъ благодатнымъ внутреннимъ озареніемъ, которое еще до принятія воднаго крещенія дѣлаетъ человѣка христіаниномъ. Ничего невѣроятнаго поэтому не представляетъ и приводимая Іаковомъ Мнихомъ христіанская молитва Владиміра передъ взятіемъ Корсуня, хотя бы мы и допустили, что въ это время онъ еще не принялъ крещенія. Внутренно онъ уже былъ христіаниномъ, и весьма понятно, что живое и пылкое внутреннее христіанское чувство вылилось у него въ столь восторженной молитвѣ. Вѣдь былъ

[1]) Вл. Пархоменко. Къ вопросу о крещеніи Владиміра Святого и христіанизаціи при немъ Руси. Вѣра и Разумъ 1913 года, № II, стр. 651.

же Константинъ Великій до конца дней своихъ только оглашеннымъ, и это не мѣшало ему быть фактически истиннымъ и ревностнымъ поклонникомъ Христа Распятаго и Воскресшаго.

Такимъ образомъ, ссылки на панегиристовъ Владиміра въ подтвержденіе той мысли, что крещеніе его совершилось независимо отъ корсунскаго похода, по нашему крайнему разумѣнію, не могутъ быть вполнѣ надежными аргументами въ данномъ случаѣ. Наоборотъ, въ тѣхъ же панегирикахъ можно найти, какъ кажется, нѣкоторыя, хотя и косвенныя доказательства той мысли, что Владиміръ крестился въ Корсуни. Такъ митрополитъ Иларіонъ въ своей похвалѣ „Когану нашему Владиміру“ говоритъ, что онъ не видѣлъ Апостола, приходившаго въ его землю, но „всегда слышалъ о православной христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ Единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему. Слыша все это, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить свою землю въ христіанство“. Быть можетъ, подъ вліяніемъ такихъ восторженныхъ и близкихъ сердцу и живому христіанскому воодушевленію Владиміра слуховъ о землѣ греческой, у него и созрѣло желаніе принять христіанство въ этой землѣ. Вотъ почему, предпринимая свой походъ на Корсунь по чисто политическимъ соображеніямъ, не могъ ли онъ лелѣять въ душѣ своей тайнаго намѣренія креститься, если и не въ самой Византіи, то по крайней мѣрѣ въ этомъ ближайшемъ къ землѣ русской греческомъ городѣ? Далѣе, можно, какъ кажется, видѣть нѣкоторое указаніе на обстоятельства корсунскаго крещенія и въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ преподобнаго Нестора. Восхваляя князя Владиміра, авторъ указаннаго произведенія сопоставляетъ его со Св. Евстафіемъ Плакидой и обращеніемъ его въ христіанство подъ вліяніемъ чудеснаго видѣнія креста Господня, и затѣмъ далѣе прибавляетъ: „такоже и сему Володимеру явленіе Божіе быти ему крестьяну сотворися“. Какое же чудесное явленіе Божіе имѣетъ въ виду авторъ? Нельзя ли видѣть здѣсь указанія на чудесное прозрѣніе Владиміра во время крещенія въ Корсуни, какъ о томъ повѣствуютъ начальная лѣтопись? Все это, конечно, только предположенія, но предположенія, смѣемъ думать, не безосновательныя. Но какъ бы то ни было, даже оставляя вопросъ о мѣстѣ крещенія Владиміра открытымъ, необходимо констатировать тотъ фактъ, что всѣ изслѣдователи сходятся въ оцѣнкѣ важнаго значенія древняго Корсуня въ дѣлѣ христіанизаціи Руси. Если многіе изъ нихъ и отрицаютъ фактъ крещенія знѣсь Св. Вла-

диміра, то всѣ одинаково признаютъ несомнѣннымъ, что отсюда онъ получилъ христіанскую іерархію, принадлежности христіанскаго богослуженія, священныя и богослужебныя книги и только послѣ корсунскаго похода приступилъ къ обращенію въ христіанство и всей земли русской. Въ Корсуни онъ былъ, такъ сказать, обвѣянъ той христіанской атмосферой, которая создается подъ вліяніемъ внѣшнихъ установленій религіи и особенно благолѣпнаго христіанскаго богослуженія и которая такъ же необходима для вѣрующей христіанской души, какъ воздухъ для дыханія.

Такимъ образомъ, Херсонесъ Таврическій явился тѣмъ окномъ, черезъ которое свѣтъ христіанства впервые озарилъ землю русскую. Въ настоящую юбилейную годовщину особенно умѣстно вспомнить объ этомъ, и вспомнить именно намъ, жителямъ благословенной Тавриды. Мы должны радоваться тому, что живемъ на землѣ, съ которой связаны столь священныя для всякаго русскаго человѣка воспоминанія; въ этихъ воспоминаніяхъ — залогъ нашего національнаго самосознанія и вѣры въ лучшее будущее. Невольно обращаютъ они мысленный взоръ нашъ къ нашему незабвенному Просвѣтителю Св. Равноапостольному князю Владиміру. Съ глубокою проникновенностью и значеніемъ народная мудрость нарекла его „Краснымъ Солнышкомъ“; яркимъ свѣтомъ засіяло оно, и загорѣлась на Руси заря христіанской вѣры, и проникли лучи ея отъ сѣдого Корсуня и многовѣчнаго Кіева въ самые отдаленные уголки тогдашней русской державы. Не устояли бездушные идолы: повергнутъ во прахъ Перунъ-громовержецъ, забыты языческія капища, скрылись въ лѣсныхъ дебряхъ жрецы и прорицатели, а обновленная и мощной рукой выведенная на свѣтлую дорогу христіанскаго просвѣщенія Русь вотъ уже девять вѣковъ громко поетъ славу своему Просвѣтителю.

П. Масловъ.

Памяти Святого князя Владиміра.

Владиміръ Святой, какъ личность.

Въ далекомъ прошломъ исторіи Руси, на зарѣ ея историческаго бытія, передъ нашимъ умственнымъ взоромъ встаетъ величавый образъ Владиміра Святого, одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ наиболѣе привлекательныхъ личностей нашей исторіи.

Если обратиться къ лѣтописи съ цѣлью выяснить себѣ, какое наслѣдіе оставилъ послѣ себя Владиміръ Святой въ умахъ и сердцахъ русскихъ людей, чѣмъ поминали они его имя, за что чтили его память, то съ полной несомнѣнностью можно указать на крещеніе Руси, какъ на событіе, которое навѣки окружило ореоломъ имя князя Владиміра. Почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда позднѣйшему лѣтописцу приходится упоминать о Владимірѣ Святомъ, онъ неизмѣнно связываетъ его имя съ такимъ опредѣленіемъ: „иже бѣ Землю крестилъ", опредѣленіемъ, которое соединяется съ именемъ Владиміра какъ бы въ одно неразрывное цѣлое. Большая часть событій, излагающаяся лѣтописью, изъ временъ его княженія имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ принятію христіанства княземъ и Русью. Видно, что мыслью и воображеніемъ русскихъ людей того времени всецѣло завладѣло великое дѣло равноапостольнаго князя, оставляя въ тѣни всѣ другія, хотя бы и важныя событія. Причина такого отношенія къ дѣятельности Св. Владиміра вполнѣ понятна: „аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша".[1]) Слѣдовательно, по представленію современниковъ, крещеніе Руси такъ тѣсно связалось съ личностью Владиміра, въ такой мѣрѣ зависѣло отъ его личныхъ стремленій и дѣятель-

[1]) „Лаврент. Лѣт.", с. 128.

ности, что безъ него, какъ они думали, мы бы и вовсе не крестились. „Ты, о блаженный княже“, восклицаетъ мнихъ Іаковъ, обращаясь къ памяти святого князя, „бысть апостолъ въ князѣхъ... Русская земля познаша Бога тобою!“ [1]) Дѣйствительно, крещеніе Руси является краеугольнымъ камнемъ всей дѣятельности Св. Владиміра и вмѣстѣ съ тѣмъ—событіемъ, въ которомъ полнѣе и ярче всего проявилась его личность, особенности его характера и ума. Съ этой точки зрѣнія прежде всего, конечно, важны тѣ побужденія, которыя заставили Владиміра принять крещеніе. Въ качествѣ этихъ побужденій выставляютъ часто честолюбіе Владиміра, желавшаго съ помощью христіанства завязать родственныя отношенія съ византійскимъ императорскимъ домомъ, а также его государственныя соображенія.[2]) Несомнѣнно, что всѣ эти причины были на лицо. Въ первый, до-христіанскій періодъ своей дѣятельности Владиміръ неуклонно стремился къ завершенію дѣла предковъ, т. е. къ единенію русскихъ племенъ вокругъ Кіева подъ властью его князей. Выступивши первоначально въ качествѣ волостного новгородскаго князя, Владиміръ, послѣ смерти брата Ярополка, остался „владѣяй единъ въ Руси“ и дѣятельно взялся за политику единенія, которую проводили его дѣдъ, отецъ и старшій братъ. Обладаніе столицей Поднѣпровья, которое давало перспективы на единое владѣніе въ Руси, направляло стремленія Владиміра, и русскія племена одно за другимъ подчинялись кіевскому князю. Ко времени крещенія Русь представляла собою объединенное цѣлое вокругъ центра—Кіева. Такъ завершилъ Владиміръ дѣло предковъ, но къ ихъ власти, основанной, съ одной стороны, на торговыхъ интересахъ, создавшихъ тяготѣніе русскихъ племенъ къ Днѣпру и его повелителю Кіеву, а, съ другой стороны,—на силѣ ихъ побѣдоносныхъ дружинъ, Владиміръ сумѣлъ придать нѣчто новое, укрѣпить и расширить эту власть съ помощью новыхъ силъ, которыя онъ почерпнулъ въ византійскомъ христіанствѣ. Русь въ то время была послѣдней языческой страной въ восточной Европѣ. Одинъ за другимъ вар-

---

[1]) „Память и Похвала“ мн. Іакова въ „Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“ Об-ва Нестора Лѣтописца, К. 1888 г., подъ редакціей проф. Соболевскаго, с. 19.

[2]) Карамзинъ, „Ист. Государства Россійскаго“, Петр. 1853 г. т. I, с. 140; Полевой, „Ист. русск. народа“, М. 1830 г., т. I, с. 224; Успенскій, „Русь и Византія въ X в.“, Одесса 1888 г., с. 37; Грушевскій, „Іст. України—Руси“, Львовъ 1904—1905 г. т. I, с. 452; Приселковъ, „Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в.“, Петр. 1912 г., с. 34.

варскіе народы входили въ кругъ вліянія христіанскихъ культурныхъ странъ. Русь оставалась въ одиночествѣ,—наступалъ и ея чередъ. Постоянныя сношенія съ христіанскими народами, особенно, съ близкой по географическимъ, культурнымъ и торговымъ связямъ Византіей, не могли не обнаружить, особенно для умнаго и проницательнаго человѣка, какимъ былъ, повидимому, Владиміръ, все ихъ превосходство, и государственное и культурное. У него могло явиться стремленіе пріобщить Русь къ этимъ завиднымъ и невѣдомымъ для нея благамъ. Кромѣ того, Византія являла собою примѣръ твердой и единой государственной власти, опиравшейся на христіанскую церковь. Владиміру могла явиться мысль сдѣлать христіанство орудіемъ единенія Руси и укрѣпленія своей власти.[1]) Митрополитъ Иларіонъ говоритъ въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати", посвященномъ Св. Владиміру, что его главнымъ побужденіемъ къ принятію христіанства было постоянное „слышаніе" о землѣ греческой.[2]) Не только о вѣрѣ, но вообще о землѣ греческой слышалъ князь Владиміръ, и то, что онъ слышалъ, возбуждало въ немъ желаніе и у себя дома завести нѣчто подобное и въ государственномъ и въ культурномъ отношеніи. Принятіе христіанства, тѣсный союзъ съ Византіей, укрѣпленный бракомъ съ греческой царевной, давали возможность Владиміру осуществить эти свои цѣли. Такимъ образомъ, соображенія чисто государственнаго характера, несомнѣнно, были на лицо при крещеніи Владиміра. Но такъ же несомнѣнно, что на ряду съ ними были и совершенно другія побужденія: Владиміръ имѣлъ возможность подойти къ христіанству не только съ государственно-политической, но и совсѣмъ съ другой точки зрѣнія.

Лѣтопись, изображая Владиміра и его жизнь до принятія крещенія, рисуетъ его ревностнымъ язычникомъ, который усердно предался отéческому культу, и даже обновилъ его, устроивъ кумиры и введя человѣческія жертвоприношенія.[3])

---

[1]) Ср. Грушевскій, „Іст. Укр.—Руси", т. I, с. 477; Успенскій, „Русь и Византія", с. 37; Антоновичъ и Армашевскій, „Лекціи по геол. и ист. Кіева", Кіевъ, 1897 г., с. 64—65; Бѣляевъ, „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси" въ Чтеніяхъ въ Об-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1905 г, кн. 4, с. 41.

[2]) „Слово о законѣ и благодати", изд. въ „Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси" Ист. Об-ва Нестора лѣтописца подъ редакціей проф. Соболевскаго; Кіевъ, 1888 г., с. 55.

[3]) Соловьевъ, „Ист. Россіи", М. 1870 г., т. I, с. 156—157; Полевой, „Ист. русск. народа", т. I, с. 202—203; Бѣляевъ, „Разсказы по русской исторіи", М. 1865 г. т. I, с. 16; Костомаровъ, „Преданія

Однако, этому противорѣчитъ свидѣтельство митроп. Иларіона о подобныхъ жертвоприношеніяхъ, бывшихъ и до Владиміра, а также наличность этихъ жертвъ и у другихъ славянъ.[1]) Къ этому надо прибавить, что единственное описаніе человѣческой жертвы, совершенной въ Кіевѣ послѣ удачнаго похода Владиміра на ятвяговъ, совсѣмъ не указываетъ на него, какъ на иниціатора, вдохновителя или главное дѣйствующее лицо этого событія. Все дѣло задумали, устроили и привели въ исполненіе старцы и бояре, а также „люди—кіяне", т. е., по всей видимости, —вѣче. По версіямъ же Ермолинской лѣтописи и Лѣтописца Переяславля Суздальскаго и бояре оказываются на заднемъ планѣ, а всѣмъ заправляютъ мужи—кіяне. Князь ни по одной версіи не играетъ въ этомъ кровавомъ событіи ровно никакой роли. Въ началѣ лѣтописнаго разсказа говорится только, что онъ съ народомъ совершалъ жертвоприношеніе, очевидно, не человѣческое, такъ какъ о немъ вопросъ возникъ позже, и поднялъ его не князь. Съ того же момента, какъ бояре заговорили о жребіи для принесенія въ жертву человѣка, лѣтопись перестаетъ упоминать о Владимірѣ.[2]) Можетъ быть, было совсѣмъ наоборотъ, и эта часть культа была ему даже непріятна. Сага объ Олафѣ говоритъ, что Владиміръ возвращался отъ жертвоприношеній „съ мрачнымъ и скучнымъ лицомъ",[3])—знакъ, что язы-

---

древне-русск. лѣтописи", Вѣстникъ Европы 1873 г., мартъ, с. 12—19; Малышевскій, „Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ", Творенія Кіевск. Дух. Акад., 1887 г., дек., с. 622; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политич. дѣятель", Твор. К. Дух. Акад., 1888 г. янв., с. 362—363; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ—просвѣтитель Руси", Петр. 1889 г., с. 177, 183—187; Приселковъ, „Очерки церковно-политич. ист. Кіевской Руси", с. 22—23.

[1]) Митр. Иларіонъ, „Слово о законѣ и благодати", с. 52; Гаркави, „Сказанія мусульм. писат. о славянахъ и русскихъ", Петр., 1870 г., с. 269; Соловьевъ, „Ист. Россіи", т. I, с. 156—147; Иловайскій, „Ист. Россіи", М. 1890 г., т. I. с. 69—70; Багалѣй, „Русская Исторія", М. 1914 г., т. I, с. 136; Платоновъ, „Лекціи по Русск. Ист.", Петр. 1909 г., с. 76; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", М. 1912 г, т. II, с. 251; Голубинскій, „Ист. русск. церкви" въ Чтеніяхъ О-ва Ист. и Древн. Росс. 1901 г., кн. 3, т. I, с. 149—150; Фаминцынъ, „Божества древнихъ славянъ", Петр. 1884 г., с. 55—56, 61, 47—50.

[2]) „Лавр. лѣт.", с. 80—81; „Ипат. лѣт.", изд. Археогр. Ком. 1871 г., с. 54—55; „Ермолинск. лѣт." П. С. Р. Л. т. XXIII, Петр. 1910 г., с. 13 и сходно съ нею: „Тверск. лѣт." П. С. Р. Л. т. XV, с. 76; „Лѣт. Переясл. Сузд.", М. 1851 г., с. 18.

[3]) См. Малышевскій, „Варяги въ начальн. истор. христ. въ Кіевѣ", с. 18 и послѣд., и Завитневичъ, „Владиміръ святой, какъ политич. дѣятель", с. 678—682.

чество не удовлетворяло его. Другое языческое пятно на Владимірѣ—его женолюбіе едва ли не вытекало, съ одной стороны, изъ широко распространеннаго тогда многоженства, съ большимъ трудомъ уступившаго христіанству, особенно благодаря своей связи съ работорговлей, главнымъ образомъ, торговлей рабынями, и съ другой стороны,—изъ желанія лѣтописца, по своему обыкновенію, подвести русскія дѣла подъ мѣрку своихъ историческихъ знаній, преимущественно—библейскихъ. Въ данномъ случаѣ лѣтописецъ, повидимому, вдохновился женолюбцемъ Соломономъ не безъ желанія при этомъ показать могущественное дѣйствіе благодати надъ такимъ грѣшникомъ, какимъ онъ изобразилъ Владиміра. „Бѣ бо женолюбець, якоже и Соломонъ. Мудръ же бѣ, а наконець, погыбе. се же бѣ невѣголосъ, а наконець обрѣте спасенье". Далѣе, въ заключеніи всего своего разсказа о Владимірѣ Святомъ, лѣтописецъ возвращается къ своей излюбленной мысли и говоритъ: „идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуетъ благодать".[1]) Къ женолюбію же Владиміра относятся эпизоды съ Рогнѣдой и дочерью Корсунскаго князя, изъ которыхъ послѣдній находится въ такъ называемомъ „Житіи св. Владиміра особаго состава", какъ его опредѣляетъ академикъ Шахматовъ. Однако, оба эти разсказа носятъ на себѣ явные слѣды былевого, пѣсеннаго происхожденія, особенно послѣдній, такъ какъ въ повѣствованіи о Рогнѣдѣ все же основной его фактъ, т. е. существованіе Рогнѣды и ея бракъ съ Владиміромъ, можетъ быть признанъ историческимъ.[2]) Болѣе под-

[1]) „Лавр. лѣт.", с. 78, 128; Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 145—146, 126—127, прим. 1; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 248—249; Костомаровъ, „Преданія древне-русск. лѣтописи", с. 12; его-же „Ист. Россіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", Петр. 1907 г., т. I, с. 4; Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи", М. 1838 г., т. I, с. 47.

[2]) „Лавр. лѣт.", с. 284—285; „Тверск. лѣт.", с. 112—113; „Житіе особаго состава", с. 30 („Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси", О-ва Нестора лѣтописца); Костомаровъ, „Преданія др.-русск. лѣтописи", с. 26, 37—38; Шахматовъ, „Корсунская легенда", гл. VII, въ Сборникѣ статей, посвящ. проф. Ламанскому, ч. II, Петр. 1908 г.; его-же „Розысканія о древн. русск. лѣтописн. сводахъ", Лѣтопись занятій Археографич. Коммиссіи, т. XX, с. 133—135, 142; Голубовскій, „Нѣсколько соображеній къ вопросу о кн. Турѣ", Кіевск. Старина 1891 г., октябрь, с. 62—97; Довнаръ-Запольскій, „Ист. Кривич. и Дреговичск. земли до конца XII в.", К. 1891 г., с. 70—71; Данилевичъ, „Ист. Полоцк. земли до конца XIV в." К. 1896 г., с. 59, примѣч. 90; Лобода „Женитьба кн. Владиміра св. по лѣтописн. и былевымъ даннымъ", Чтенія О-ва Нестора лѣтописца, 1904 г., вып. 1, с. 18—19; его-же „Русскія былины о сватовствѣ", Кіевск. Унив. Изв. 1904 г., кн. 2, с. 241—257,

линна жестокость Владиміра, выразившаяся въ убійствѣ брата, но и тутъ не было ничего необычайнаго для нравовъ времени, и не только языческихъ, но и христіанскихъ. Кромѣ того, въ этомъ событіи нужно учитывать вліяніе Добрыни, руководившаго Владиміромъ, а также возможность кровной мести за брата Олега, участи котораго первоначально боялся для себя и Владиміръ.[1]) Такъ явленія, обычныя для того времени, становились чрезвычайными подъ перомъ лѣтописца. Эти преувеличенія лѣтописи такъ подѣйствовали на Длугоша, что онъ, въ свою очередь, заявляетъ, будто Владиміръ устроилъ своимъ богамъ даже „delubra et templa",[2]) чего у насъ на Руси никогда не бывало. Что же касается кумировъ, то даже лѣтопись не говоритъ о нихъ, какъ о чемъ-то небываломъ, тѣмъ болѣе, что, по ея собственному свидѣтельству, въ Кіевѣ при Игорѣ на холмѣ стоялъ Перунъ, передъ которымъ приносилась клятва языческою Русью.[3]) Возможно поэтому, что Владиміръ поставилъ лишь новыхъ истукановъ, а не ввелъ поклоненіе изображеніямъ боговъ.[4]) Наконецъ, авторитетное свидѣтельство митрополита Иларіона и мниха Іакова указываетъ на то, что Владиміръ дошелъ до христіанства стремленіемъ своей души и озареніемъ св. Духа, — знакъ, что они не слышали и не знали о Владимірѣ — отчаянномъ грѣшникѣ, какимъ его изображаетъ

283—284 (здѣсь же приведены аналогичныя мнѣнія Миллера и Халанскаго). Не мало общаго въ этихъ сказаніяхъ есть и съ обще-европейскимъ эпосомъ: см. Кирпичниковъ, „Поэмы Лангобардскаго цикла", М. 1873 г., с. 164, 167, 173—174, 191—192. Интересна въ этомъ смыслѣ параллель, которую проводитъ г. Бицилли между лѣтописнымъ сказаніемъ о взятіи Корсуни и сказаніемъ о Хлодвигѣ, королѣ франковъ: „Западное вліяніе на Руси и начальная лѣтопись", Одесса, 1914 г., с. 9, 13—15, 20—23.

[1]) Соловьевъ, „Ист. Россіи", т. I, с. 152; Погодинъ, „Древн. русск. исторія до монг. ига", М. 1872 г., т. I, с. 89; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 242—243; Длугошъ („Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи 1862—1865 г., Петр., 1868 г.") изображаетъ дѣло такъ, что Владиміръ „quasi frater nam necem ulturus castrum Kijow... circumvallat" (с. 73).

[2]) Длугошъ, с. 74.

[3]) „Лавр. лѣт." с. 53, 77.

[4]) Карамзинъ, „Ист. Госуд. Россійск.", т. I, с. 23; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 246; Иловайскій, „Ист. Россіи", т. I, с. 69; Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 150; Фаминцынъ, „Божества древн. славянъ", с. 31—35; Коршъ, „Владиміровы боги", Сборникъ Харьк. Ист.-филолог. О-ва въ честь проф. Н. Ѳ. Сумцова, Харьковъ, 1908 г., с. 2; Платоновъ, „Лекціи по русск. ист.", с. 76; Любавскій, „Лекціи по древней русск. исторіи", М. 1915 г., с. 53.

лѣтописецъ.[1]) Такимъ образомъ, Владиміръ не былъ ревностнымъ язычникомъ, тѣмъ болѣе, что и для реакціи язычества противъ христіанства, вызвавшей, какъ полагаютъ иногда, эту ревность, не было достаточныхъ данныхъ. Часто считаютъ эту реакцію слѣдствіемъ борьбы, отдавшей Кіевъ Владиміру, такъ какъ видятъ въ этой борьбѣ результатъ розни между язычествомъ и христіанствомъ, причемъ христіане были на сторонѣ Ярополка, а язычники помогали Владиміру. Но лѣтопись сторонниковъ Ярополка называетъ просто кіянами, горожанами, не различая въ нихъ представителей двухъ разныхъ вѣръ; съ другой стороны, считать кіевскихъ горожанъ въ ихъ массѣ христіанами въ ту эпоху едва ли возможно. Владиміръ же побѣдилъ брата, по свидѣтельству лѣтописи, благодаря множеству „вой"—новгородцевъ и наемниковъ.[2]) Такимъ образомъ, въ лѣтописи нѣтъ указаній на религіозную рознь, какъ причину вражды, и естественнѣе смотрѣть на борьбу братьевъ Святославичей, какъ на борьбу Кіева и Новгорода.[3]) Языческія черты жизни и характера, которыя ставятся порою въ упрекъ Владиміру, были обыкновенны въ его время и не представляли ничего необычайнаго.[4]) Наоборотъ, весьма вѣроятно, что самъ онъ былъ подготовленъ и склоненъ къ христіанству, можетъ быть, даже съ самаго дѣтства.

---

[1]) М. Иларіонъ, „Слово о законѣ и благодати", с. 54—56; Мн. Іаковъ, „Память и Похвала св. Владиміру", с. 17—18 („Сборникъ въ память 900-лѣтія" Об-ва Нестора лѣтописца); Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 147, прим. 1.

[2]) „Лавр. лѣт.", с. 73—77; „Ипатск. Лѣт.", с. 49—52.

[3]) Соловьевъ, „Ист. Росс.", т. I, с. 142, 153; его-же „Объ отношеніяхъ Новгорода къ велик. князьямъ Кіевскимъ", М. 1845 г., с. 25—26; Грушевскій, „Іст. України—Руси", т. I, с. 426—427, 430; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ—просвѣтитель Руси", с. 160—162; Голубинскій, „Владиміръ св. и Ярославъ Мудрый" въ „Книгѣ для чтенія по русск. Исторіи" подъ редакціей проф. Довнаръ-Запольскаго, Кіевъ, 1904 г., с. 233—234.

[4]) Совершенно своеобразное объясненіе языческой ревности Владиміра даетъ г. Аничковъ въ своей книгѣ „Язычество и древняя Русь", Петр., 1914 г. По его мнѣнію, Владиміръ стремился внести въ славянское язычество единство для борьбы съ надвигавшимся христіанствомъ, и съ этой цѣлью вынесъ своего княжеско-дружиннаго бога Перуна, который былъ, якобы, чужимъ и пришлымъ въ Кіевѣ, „внѣ двора теремнаго", т. е. навязалъ его культъ населенію, поставивъ Перуна во главѣ славянскаго пантеона боговъ. Такимъ образомъ эта религіозная реформа преслѣдовала политическія цѣли единенія русскихъ племенъ (с. с. 312, 315—321, 324—327, 262, 263). Однако, лѣтописная фраза „внѣ двора теремнаго", послужившая основаніемъ для этой интересной теоріи, стоитъ особнякомъ и потому нуждается въ дальнѣйшихъ подтвержденіяхъ.

Во времена Игоря, дѣда Владиміра Святого, въ Кіевѣ уже было много христіанъ, и договоръ Игоря съ греками отличаетъ Русь христіанскую отъ Руси языческой, причемъ христіане стоятъ въ немъ, какъ будто, даже на первомъ мѣстѣ. Академикъ Голубинскій и нѣкоторые другіе изслѣдователи считали Игоря внутреннимъ христіаниномъ, а его жена Ольга открыто приняла христіанство и склоняла къ тому же сына. При Святославѣ, если вѣрить Татищеву, было гоненіе на умножившихся послѣдователей новой вѣры, причемъ погибъ племянникъ Ольги, Глѣбъ. Ярополкъ, ея старшій внукъ, былъ, видимо, очень склоненъ къ христіанству и находился въ какихъ-то сношеніяхъ съ римскимъ папой. Въ средѣ, окружавшей предшественниковъ Владиміра,—въ княжеской дружинѣ, было много христіанъ: „мнози бо бѣша варязи хрестеяни", говоритъ лѣтопись о дружинѣ князя Игоря. Этихъ немногихъ фактовъ довольно, чтобы представить себѣ, что Владиміръ, сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, могъ заинтересоваться христіанствомъ, какова бы ни была раньше его подготовка къ „греческой вѣрѣ"[1]) Такъ или иначе, онъ долженъ былъ подпасть подъ ея вліяніе. Но болѣе того: весьма вѣроятно, что Владиміръ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ братьями бабушкой—христіанкой, могъ, хотя бы въ видѣ дѣтскихъ воспоминаній, сохранить склонность и влеченіе къ христіанству. „Память и Похвала" мниха Іакова говоритъ вполнѣ опредѣленно, что среди причинъ, побудившихъ Владиміра къ принятію христіанства, было и то обстоятельство, что онъ нѣкогда слышалъ о немъ отъ княгини Ольги.[2]) Сте-

[1]) О христіанствѣ до Владиміра—„Лавр. лѣт.", с. 51—53, 59, 62; „Ипат. лѣт.", с. 33—34, 38—41; „Никон. лѣт", П. С. Р. Л. т. IX. с. 39; Соловьевъ, „Ист. Росс." т. I, с. 123, 134, 136, 155—156 прим., 237; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 240; Иловайскій, „Истор. Россіи", т. I, с. 39—40, 69; Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 65—78, 92—96; Преосв. Филаретъ, „Ист. русск. церкви", Черниговъ 1857 г., т. I, с. 7—9; Грушевскій, „Іст. Украини—Руси", т. I, с. 453—455; Пархоменко, „Начало христіанства на Руси", Полт. 1913 г., с. 109—112, 155—157, 161—166; Малышевскій, „Варяги въ начальн. ист. христ. въ Кіевѣ", с. 617—627; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политич. дѣятель", с. 676—677; Малининъ, „Владиміръ св., какъ просвѣтитель Руси", Твор. Кіевск. Дух. Академіи, 1886 г., декабрь, с. 660; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ", с. 74—76, 86—89, 93, 98, 110—114; Приселковъ, „Очерки церковно-политической ист. Кіевск. Руси", с. 2—6,10, 14, 22.

[2]) „Память и Похвала", с. 18; Срезневскій, „Древнія жизнеописанія русскихъ князей", Извѣстія 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ 1852—1853 г., с. 118, прим. 2; Соловьевъ, „Ист. Россіи", т. I, с. 149, прим. 233; Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 152—153; Грушев-

пенная книга, развивая эту мысль, говоритъ еще опредѣленнѣе: „воспомяну чюдную бесѣду ея“, князь Владиміръ и рѣшилъ креститься.[1]) Во всякомъ случаѣ, ея примѣръ сыгралъ, по мнѣнію мниха Іакова и лѣтописца, немалую роль въ обращеніи ея внука.[2]) Ольга умерла еще въ періодъ старчества Владиміра, но и впослѣдствіи не прекращались вліянія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Среди женъ Владиміра было нѣсколько христіанокъ и въ ихъ числѣ красавица—черница, бывшая жена Ярополка.[3]) Среди дружинниковъ и друзей Владиміра тоже было не мало послѣдователей греческой вѣры, о чемъ свидѣтельствуетъ „Сага объ Олафѣ“. Наконецъ, многочисленные торговые гости, наводнявшіе Кіевъ, приносили съ собою и свои вѣрованія, особенно—греки, бывшіе въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ съ Русью. Забѣлинъ отмѣчаетъ, что рѣчи, которыя преданіе вкладываетъ въ уста пословъ различныхъ народовъ, явившихся предлагать свою религію кіевскому князю, каждый крестьянинъ и уже, конечно, князь могъ постоянно слышать отъ имѣвшихъ съ ними дѣла иноземцевъ.[4]) Такова была атмосфера въ Кіевѣ, которая,

---

скій, „Іст. Укр.—Руси“, т. I, с. 455; Матченко, „Св. равноапостольный кн. Владиміръ“, с. 166—167; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни“, т. II. с. 240; Багалѣй, „Русск. Ист.“, т. I, с. 212.

[1]) „Степенная книга царскаго родословія“, П. С. Р. Л., Петр. 1908 г., ч. I, с. 74.

[2]) „Память и Похвала“, с. 18; „Лавр. лѣт.“, с. 106.

[3]) Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни“, т. II, с. 245; Малышевскій, „Варяги въ начальн. ист. христ.“, с. 624; Иловайскій, „Ист. Россіи“, т. I, с. 70—71; Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 152—152, прим. 2; Матченко, „Св. равноап. кн. Влад.“. с. 198. Акад. Голубинскій отмѣчаетъ, что жена Владиміра—чехиня была, весьма вѣроятно, сестрою другой княгини—чешки, Домбровки, которая обратила въ христіанство своего мужа, Мечислава Польскаго. Проф. Фортинскій также отмѣчаетъ возможное „весьма знатное“ происхожденіе этой жены Владиміра („Крещеніе кн. Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ“ въ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“ О-ва Нестора лѣтописца, с. 96—97). Одно изъ позднѣйшихъ житій св. Владиміра западно русскаго происхожденія приписываетъ даже одной изъ его женъ рѣшительное вліяніе на него въ пользу принятія крещенія. „Шестая жена, говоритъ это Житіе, была грекиня, для которой крестился“. („Сборникъ 900-лѣтія крещенія“ О-ва Нестора лѣтописца).

[4]) Соловьевъ, „Ист. Россіи“, т. I, с. 163—164; Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни“, т. II, с. 385; Бестужевъ-Рюминъ, „Русск. Ист.“, Петр., 1872 г., т. I, с. 128; Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 128; Малышевскій, „Варяги въ нач. ист. христ. въ Кіевѣ“, с. 633—637; Бѣловъ, „Объ ист. значеніи русск. боярства“, Ж. М. Н. П. 1886 г., январь, с. 78—79; Голубовскій, „Владим. свят. и Ярославъ Мудрый“, с. 239—240; Багалѣй, „Русск. Ист.“, т. I, с. 213.

безспорно, вліяла на Владиміра. Однако, современники его, по справедливому замѣчанію проф. Успенскаго, обратили вниманіе на то, что никакого прямого, сильнаго и рѣшающаго вліянія на будущаго христіанина не было оказано никѣмъ изъ окружавшихъ его [1]) Лѣтописецъ говоритъ, что не было на Руси ни апостоловъ, ни пророковъ, ни учителей, которые могли бы просвѣтить Владиміра, и что тѣмъ болѣе удивительно, что сей „невѣгласъ обрѣте спасеніе".[2]) Правда, та же лѣтопись въ своемъ сказаніи о посольствахъ, предлагавшихъ различныя религіи Владиміру, выводитъ на сцену нѣкоего греческаго философа, который, будто бы, проповѣдывалъ ему христіанскую вѣру. Но этотъ эпизодъ, помимо своего противорѣчія съ приведенными словами лѣтописца, является вполнѣ недостовѣрнымъ, такъ какъ представляетъ собою, какъ указалъ еще Костомаровъ и безспорно доказалъ акад. Шахматовъ, пересаженное на русскую почву сказаніе о крещеніи болгарскаго царя Бориса,[3]) и фактической основы не имѣетъ, если не учитывать возможности, что въ этой легендѣ отразилось воспоминаніе о политическомъ посольствѣ царей Константина и Василія къ Владиміру, о которомъ говоритъ арабскій историкъ Яхъя Антіохійскій.[4])

Такъ окружающее давало не мало поводовъ думать о христіанствѣ, давало не мало матерьяла для ума и сердца Владиміра, но разобрался въ немъ онъ, повидимому, самостоятельно. Какъ уже было отмѣчено, Житія свят. Владиміра, начиная съ древнѣйшихъ, митр. Иларіонъ и преп. Несторъ, согласно съ лѣтописцемъ, единогласно утверждаютъ, что Владиміръ пришелъ къ христіанству самъ по внушенію Св. Духа, т. е. въ результатѣ душевнаго внутренняго процесса. Вотъ какъ говоритъ объ

---

[1]) Успенскій, „Русь и Византія", с. 36; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политическій дѣятель", с. 684—687.

[2]) „Лавр. Лѣт.", с. 78, 81.

[3]) „Лавр. Лѣт.", с. 84, 104—106; Костомаровъ, „Преданія др.-русск. лѣт.", с. 22; Шахматовъ, „Розысканія о древн. русск. лѣтоп. сводахъ", с. 69—70, 153—154; его-же „Одинъ изъ источниковъ лѣтописн. сказ. о крещ. Владиміра", Харьк., 1904 г., особенно с.с. 68—72.

[4]) Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политическій дѣятель", с. 430—437; Малышевскій, „Варяги въ начальн. ист христ.", с. 629—631; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ", с. 198; Б. Розенъ, „Имп. Василій Болгаробойца", Прилож. къ XLIV т., Записокъ Имп. Акад. Наукъ Петр., 1883 г., с. 218—219; Васильевскій, „Русско визант отрывки", Ж. М. Н. П. 1875 г. мартъ, с. 145—146; Линниченко, „Современное состояніе вопроса объ обстоят. крещенія Руси", Твор. Кіевск. Духовн. Акад. 1886 г., дек., с. 596—597, 604; Бертье-Делагардъ, „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь", Изв. Имп. Акад. Наукъ 1909 г. кн. 1, с. 288—292.

этомъ мнихъ Іаковъ: „видя же Богъ хотѣніе сердца его, провиде доброту его и призрѣ... Богъ праведенъ, вся прежде вѣдый, и просвѣти сердце князю русскыя земли Володимеру пріяти святое крещеніе". „Повѣждь намъ, рабамъ твоимъ, восклицаетъ митр. Иларіонъ, повѣждь намъ, учителю нашъ, откуду ти припахну воня Святаго Духа, откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь?" „Како ти сердце разверзеся, продолжаетъ онъ, како вниде въ тя страхъ Божій, како прилѣпися любви Его?— Не видѣ апостола, пришедше въ землю твою... ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо отъ благааго помысла и остроуміа разумѣвъ, яко есть Богъ единъ". По свидѣтельству же преп. Нестора, Владиміръ заслужилъ милость Божію, еще будучи язычникомъ, вслѣдствіе чего Богъ и привелъ его къ крещенію при помощи какого-то вѣдѣнія. „Богъ створи быти ему христьяну, яко же древле Плакидѣ. Бѣ же Плакида мужъ праведенъ и милостивъ. елинъ же вѣрою, нѣ егда видѣ явившемоуся ему крьстъ Господа нашего Исуса Христа, тъгда поклонися ему. Тако же и сему Владиміру явление Божие быти ему крестьяну створися". Нѣчто общее съ этимъ изложеніемъ преп. Нестора имѣется въ Ипатской лѣтописи, гдѣ также есть ссылка на Евстафія Плакиду.[1]) Такимъ образомъ, Владиміръ еще въ язычествѣ былъ „мужъ праведенъ": вслѣдствіе этого онъ искалъ правды, и Богъ пошелъ на встрѣчу его стремленію. Такъ понимали душевный процессъ Владиміра ближайшіе къ его времени его біографы, изъ которыхъ мнихъ Іаковъ, по его собственнымъ словамъ, много слышалъ о святомъ князѣ и собиралъ о немъ свѣдѣнія.[2]) При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ нужды предполагать, какъ это дѣлаетъ преосв. Филаретъ, что Владиміра настолько измучила совѣсть за смерть брата, что онъ устремился къ религіи, побуждаемый ея угрызеніями, въ надеждѣ найти успокоеніе сначала въ язычествѣ, а потомъ въ христіанствѣ.[3]) „Теплая и живая душа", по выраженію Забѣлина,[4]) — Владиміръ искалъ правды и нашелъ ее въ христіанствѣ. Иначе и быть не могло, такъ какъ христіанскія истины, по выраженію лѣтописи, „аки трубы гла-

[1]) „Память и Похвала" мн. Іакова, с. 18; „Слово о Законѣ и Благодати" м. Иларіона, с. 56; „Житіе свв. Бориса и Глѣба", изд. Срезневскаго, Петр. 1860 г., с. 6; „Ипат. Лѣт.", с. 91.

[2]) „Память и Похвала", с. 17.

[3]) Преосв. Филаретъ, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 12; Бракенгеймеръ, „О значеніи христ. въ ист. русск. государства", Одесса, 1888 г., с. 10; срав. Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 125—128.

[4]) Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", с. II, т. 248.

сятъ по вселеннѣй".[1]) Подготовленный впечатлѣніями дѣтства, постоянно сталкиваясь съ христіанствомъ и внутренно неудовлетворенный бѣднымъ славянскимъ язычествомъ, Владиміръ нуждался лишь въ какомъ-либо внѣшнемъ толчкѣ, чтобы рѣшительно повернуть въ сторону новой вѣры. Многіе справедливо указываютъ, что такимъ толчкомъ могло быть и, по всей вѣроятности, было мученичество варяговъ.[2]) Это вполнѣ понятно съ психологической точки зрѣнія, особенно, если вспомнить, какое громадное значеніе имѣло въ этомъ отношеніи мученичество во всѣ времена христіанства, что дало право одному древнему апологету назвать кровь мучениковъ сѣменемъ христіанства. Такъ, по всѣмъ видимостямъ, возникъ и созрѣлъ въ душѣ Владиміра сложный внутренній процессъ, который и привелъ его къ крещенію. То обстоятельство, что онъ, какъ можно думать, крестился тайно, еще разъ подчеркиваетъ основной личный элементъ въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя сдѣлали его христіаниномъ, такъ какъ для принятія христіанства Владиміру пришлось преодолѣть не мало препятствій.

Лѣтопись, если взять ея повѣствованіе о крещеніи Руси въ его цѣломъ, представляетъ дѣло такъ, что оно явилось слѣдствіемъ личной воли кн. Владиміра. Но власть кіевскаго князя, по справедливому замѣчанію проф. Загоскина, никогда не была настолько сильною, чтобы навязать всему народу, и при томъ по своему лишь личному усмотрѣнію, такое дѣло, какъ перемѣна вѣры.[3]) Есть даже мнѣніе, что самая иниціатива крещенія принадлежала не князю а дружинѣ, боярству, послушнымъ орудіемъ котораго былъ Владиміръ.[4]) Несомнѣнно одно, - что онъ весьма считался съ мнѣніемъ дружины и опасался оппозиціи съ ея стороны. Лѣтопись въ этомъ отношеніи отразила въ своемъ повѣствованіи весьма важный фактъ. Во всѣхъ совѣщаніяхъ о вѣрѣ Владиміръ, по лѣтописи, только спрашивалъ совѣта у своей дружины, привлекая къ совѣщанію и людей, т. е. кіевлянъ — вѣче, но не высказывался самъ: онъ, видимо, предоставлялъ боярамъ иниціативу рѣшенія, такъ что о кре-

[1]) „Лавр. лѣт.", с. 81.

[2]) Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 251; Малышевскій, „Варяги въ начальн. ист. христ.", с. 623; его-же, „Житіе св. равноап. князя Владиміра", Петрогр., 1915 г., с. 13; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политическій дѣятель", с. 682-683.

[3]) Загоскинъ, „Курсъ ист. русск. права", Казань, 1906 г., с. 219.

[4]) Забѣлинъ, „Ист. русск. жизни", т. II, с. 387; Бѣловъ, „Объ истор. значеніи русск. боярства", с. 78-79; его-же, „Русск. исторія", Петроградъ, 1895 г., с. 16—17.

щеніи отъ грековъ впервые опредѣленно говорятъ именно они, а не князь. Въ Ермолинской лѣтописи есть версія, объясняющая дѣйствія Владиміра, такъ какъ она содержитъ опредѣленное указаніе на существованіе партіи среди бояръ, которая не „давала“ ему, по выраженію лѣтописи, обратиться къ грекамъ за крещеніемъ.[1]) Даже въ Корсуни, когда Владиміръ, сильный своею побѣдою и союзомъ съ греками, открыто объявилъ себя христіаниномъ, все таки не вся его дружина крестилась, а лишь „мнози“. Весьма вѣроятно также предположеніе Бертье-Делагарда, что восклицаніе Владиміра при осадѣ Корсуни -„аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещу“ имѣло цѣлью подготовить дружину къ открытому принятію имъ христіанства.[2]) Далѣе, въ Кіевѣ хотя и обошлось безъ открытаго сопротивленія при крещеніи кіевлянъ, однако со стороны князя потребовалась рѣшительная угроза для побужденія къ принятію новой вѣры, часть которой, несомнѣнно, была направлена противъ боярства, такъ какъ Владиміръ потребовалъ явиться для крещенія подъ страхомъ не только своего гнѣва, но и отнятія имущества, что могло относиться лишь къ богатымъ высшимъ классамъ.[3]) Даже въ моментъ высшаго духовнаго восторга при крещеніи кіевлянъ Владиміръ молится, чтобы Богъ помогъ ему на „супротивныя враги“, враждебность которыхъ онъ, очевидно, чувствовалъ.[4]) Если таковы были обстоятельства при крещеніи Кіева, когда Владиміръ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы справиться въ языческой оппозиціей, то тѣмъ болѣе она имѣла значеніе до похода на Корсунь и союза съ Византіей. И если, какъ можно думать, Владиміръ крестился тайно до похода на Херсонесъ, то это показываетъ въ немъ искренность и глубину вѣры и полную самостоятельность въ вопросѣ о своемъ крещеніи. Критическое изслѣдованіе лѣтописнаго текста показало, что ея разсказъ о крещеніи Владиміра въ его цѣломъ является позднѣйшей вставкой чисто литературнаго происхожденія, легендой или сказаніемъ, появившимся не ранѣе второй половины XI в. и лишь слабо отразившимъ историческую правду событій. Въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ былъ другой разсказъ о крещеніи Владиміра, который указывалъ, какъ на мѣсто

[1]) „Лавр. лѣт.“, с. 104 --106; „Ермолинск. лѣт.“, с. 14 и отчасти „Тверск. лѣт.“, с. 100

[2]) „Лавр. лѣт.“, с. 107; Бертье-Делагардъ, „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь“, с. 269.

[3]) „Лавр. лѣт.“, с. 114--115; „Никон. лѣт.“, с. 57; „Архангелогородская лѣт.“, М. 1819 г., с. 39

[4]) „Лавр. лѣт.“. с. 116; „Степенн. книга“, с. 108.

этого событія, на Кіевъ или на Васильковъ, а не на Корсунь. Эта версія, какъ показалъ академ. Шахматовъ, находится въ связи съ древнѣйшимъ памятникомъ, говорящимъ о Владимірѣ Святомъ и его крещеніи, т. е. — съ „Памятью и Похвалой“ мниха Іакова, извѣстія котораго сами послужили источникомъ для древнѣйшаго лѣтописнаго свода.[1]) По извѣстію же Іакова, Владиміръ взялъ Корсунь лишь спустя три года послѣ своего крещенія. Та же дата этого событія, что въ „Памяти и Похвалѣ“, имѣется и у преп. Нестора въ его житіи свв. Бориса и Глѣба.[2]) Яхъя Антіохійскій говоритъ по этому поводу лишь одно, что условіемъ брака Владиміра съ греческой царевной было принятіе имъ христіанства.[3]) Но въ Византіи могли и не знать о крещеніи Владиміра, если оно было совершено втайнѣ. Слова же арабскаго историка, что императоры „впослѣдствіи“ отправили на Русь митрополитовъ, которые и крестили князя съ его народомъ, слишкомъ неопредѣленны, чтобы можно было считать ихъ за точное указаніе времени. Во всякомъ случаѣ, весьма большая вѣроятность остается за предположеніемъ, что Владиміръ крестился за 3 года до взятія Корсуни. То же обстоятельство, что на Руси не знали точно, гдѣ именно и когда

[1]) Костомаровъ, „Преданія др.-русск. лѣтоп.“, с. 24—26; Шахматовъ, „Корсунская легенда“, особенно глава VII и с.с. 1088—1089, 1032—1034; Его-же „Розысканія о древн. русск. лѣтоп. сводахъ“. с. 22—25, 28, 40, 55, 66, 69—70, 133—139; Приселковъ, „Очерки церк.-полит. ист. Кіев. Руси“, с. 276—278; Бицилли, „Западное вліяніе на Руси и начальн. лѣтопись“, с. 20—23; хотя авторъ не согласенъ съ акад. Шахматовымъ относительно происхожденія Корсунск. легенды, но временемъ ея возникновенія считаетъ также полов. XI в.; Голубинскій, „Ист русск. церкви“, т. I, с. 743—744; Погодинъ, „Іаковъ мнихъ, русск. писатель XI в.“, въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ 1853 г., т. I, с. 330—334; Тюринъ, „Мнѣніе объ Іаковѣ мнихѣ акад. Буткова“, ibidem, т. II, с. 87—92, 95; Митр. Макарій, „Еще объ Іаковѣ мнихѣ“, ibidem, т. II, с. 151—156; Срезневскій, „Древнія жизнеописанія рускихъ князей“, ibidem, 1852—1853 г., с. 116—119, 127—130. О Корсунской легендѣ и Іаковѣ мнихѣ см. также во всѣхъ изслѣдованіяхъ о крещеніи Владиміра.

[2]) „Память и Похвала“, с. 23; „Житіе свв. Бориса и Глѣба“, с. 7; Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 130, 137—138; Шахматовъ, „Розысканія о древн. русск. лѣтоп. сводахъ“, с. 25. То же извѣстіе косвенно подтверждается Длугошемъ. Послѣдній, излагая Корсунскую легенду такъ, какъ она разсказана въ лѣтописи, вдругъ, безъ всякой связи съ нею заявляетъ, что Владиміръ крестилъ кіевлянъ черезъ три года послѣ своего собственнаго крещенія, — знакъ, что онъ пользовался какимъ-то неизвѣстнымъ намъ источникомъ съ датой мниха Іакова, с. 79.

[3]) Б. Розенъ, „Имп. Василій Болгаробойца“, с. 23—24.

крестился кн. Владиміръ, указываетъ на то, что это событіе въ свое время постарались скрыть.[1]) Одни утверждали, что онъ крестился въ Кіевѣ, другіе —что въ Васильковѣ, пока на смѣну этимъ противорѣчивымъ предположеніямъ не явилась Корсунская легенда, своей блестящей фабулой навсегда затмившая скромное мѣстное сказаніе. Можно предположить, что причиной этого является то, что русскіе люди забыли обстоятельства крещенія своего князя, какъ это предполагаетъ акад. Шахматовъ,[2]) но это мало вѣроятно. Наоборотъ, ясно проявилось стремленіе уяснить себѣ мало извѣстное событіе, что и выразилось въ появленіи различныхъ версій его объясненія чуть ли не со времени жизни самого Владиміра. Говорятъ также, что Владиміру нечего было скрываться, такъ какъ относительно принятія крещенія онъ дѣйствовалъ въ единеніи со своей дружиной,[3]) но, во первыхъ, за дружиной стоялъ еще народъ, который, какъ вѣско указываетъ проф. Завитневичъ, сравнительно незадолго передъ тѣмъ убилъ варяговъ — мучениковъ,[4]) а, во вторыхъ, сама дружина, какъ видно изъ лѣтописи, и впослѣдствіи далеко не была единодушна относительно христіанства. Наконецъ, указываютъ, что такой образъ дѣйствій не согласуется съ открытымъ и смѣлымъ характеромъ Владиміра,[5]) но на это можно возразить, что кіевскій князь, повидимому, стремился не къ тому, чтобы пріобрѣсти вѣнецъ мученическій, а къ тому, чтобы сдѣлать свой народъ христіанскимъ. А для этого нужна была выдержка и подготовка. Владиміръ не былъ увѣренъ ни въ поддержкѣ народа, ни въ единомысліи боярства, и онъ ожидалъ удобнаго момента, чтобы осуществить свои намѣренія. Такой случай скоро представился, и Владиміръ использовалъ его вполнѣ. Византійскіе императоры сами обратились къ кіевскому князю за помощью противъ бунтовщика Варды Фоки, предлагая ему союзъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.[6]) Тѣсный союзъ съ Ви-

[1]) Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I с. 132—133; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ полит. дѣят.", с. 698—699; его-же „О мѣстѣ и времени крещенія Руси и о годѣ крещенія кіевлянъ", Твор. К. Дух. Акад. 1888 г., Янв., с. 149; Левитскій, „Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси", Христ. Чтеніе 1888 г., с. 639—640.

[2]) Шахматовъ, „Розыскан. о древн. русск. лѣтоп. свод", с. 153—154.

[3]) Пархоменко, „Начало христіанства Руси", с. 175—176.

[4]) Завитневичъ, „О мѣстѣ и времени крещенія Руси", с. 149.

[5]) Кирпичниковъ, „Очеркъ ист. Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси", Истор. Вѣстн. 1888 г., с. 611.

[6]) Б. Розенъ, „Имп. Василій Болгаробойца", с. 196—198, 213—217; Успенскій, „Имп. Василій Болгаробойца", Б. Розена, Ж. М. Н. П. 1884 г., Апр., с. 307—314; Васильевскій, „Русско-визант. отрывки",

зантіей, укрѣпленный бракомъ съ багрянородной принцессой, о которомъ при другихъ обстоятельствахъ онъ не могъ бы и мечтать, давалъ ему сильную культурную и матеріальную поддержку и опору. Даже вѣроломство византійскихъ императоровъ, временно нарушившее эти союзныя отношенія, косвенно также послужило на пользу кіевскому князю. Вынужденный начать войну, онъ остался въ ней побѣдителемъ и вернулся въ Кіевъ со славою и богатой добычей побѣдоноснымъ вождемъ во главѣ преданной дружины. Теперь онъ могъ рѣшиться и, дѣйствительно, рѣшился привести въ исполненіе свое давнее стремленіе и желаніе: на родину Владиміръ возвратился открытымъ христіаниномъ и приступилъ къ крещенію народа.[1])

Такъ въ связи съ обстоятельствами крещенія Владиміра обрисовывается его личность, въ которой прежде всего поражаетъ цѣльность его натуры. Прійдя къ христіанству путемъ самостоятельнаго внутренняго процесса—исканія истины, онъ принялъ крещеніе, не считаясь съ обществомъ, въ которомъ жилъ, и съ народомъ, которымъ правилъ. Но онъ сумѣлъ также оцѣнить громадное культурное и государственное значеніе христіанства, и въ этомъ отношеніи человѣкъ мыслящій и человѣкъ вѣрующій слились въ немъ въ неразрывное цѣлое. Трудно сказать, гдѣ кончались стремленія Владиміра—христіанина просвѣтить свой народъ истинною вѣрой, и начинались государственныя соображенія о томъ, какъ использовать государственные и культурные плоды христіанства. Для насъ важно, что онъ былъ

с. 148, 157, 160—161; Линниченко, „Современное сост. вопроса объ обстоят. крещ. Владиміра“, с. 595—596, 602—605; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политич. дѣят.“, 635—676, 690—697; его-же „О мѣстѣ и времени крещенія“, с. 130—136; Левитскій, „Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра“, с. 153—155, 158—159; его-же „Важнѣйшіе источники для опредѣленія времени крещенія Владиміра и Руси и ихъ данныя“, Христ. Чтеніе 1890 г., с. 394, 420—421: Бертье-Делагардъ, „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь“, с. 288—297; Платоновъ, „Лекціи по русск. ист.“, с. 78—79; Грушевскій, „Іст. Укр.—Руси“, т. I, с. 440—443; Богалѣй, „Русск. Ист.“, т. I, с. 214, 320; Голубовскій, „Владиміръ св. и Ярославъ Мудрый“, с. 241—242; Приселковъ, Очерки церк.-полит. ист.“, с. 27—32; Пархоменко, „Начало христ. Руси“, с. 175—180; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ“, с. 225—230, 240—241; Хавскій, „Изслѣдов. о времени крещенія св и равн. велик. кн. Владиміра“, Записки Имп. Одесск. О-ва Ист. и Древност. Россійскихъ, т. III, с. 75—76; Соболевскій, „Годъ крещенія св. Владиміра“, Сборникъ 900-лѣтія крещенія Руси О-ва Нестора лѣтописца, с. 4—6; Ш. Л. „Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ?“ Кіевск. Старина 1887 г., кн. 9, с. 176—178.

[1]) Срав. Завитневичъ, „О мѣстѣ и времени крещенія“, с. 49—50.

искрененъ и въ одномъ и въ другомъ, и если не былъ ни въ коемъ случаѣ лицемѣромъ, для котораго сама религія стояла бы на заднемъ планѣ, то не имѣлъ и узости взгляда, которая помѣшала бы ему видѣть государственное и культурное значеніе вѣры, которую онъ считалъ истинною. Эта цѣльность натуры и единство взглядовъ, составляющія основное свойство характера Владиміра, красною нитью проходитъ черезъ всю его послѣдующую дѣятельность.

Немаловажное значеніе для характеристики Владиміра имѣетъ въ этомъ смыслѣ его походъ на Корсунь, вѣрнѣе—его причины. Съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдованія показаній Яхъи Антіохійскаго дали реальное объясненіе причинъ корсунскаго похода, онъ обыкновенно разсматривается, какъ слѣдствіе нарушенія условій союза Владиміра съ византійскими императорами со стороны послѣднихъ. Къ сожалѣнію, Яхъя не говоритъ подробно объ этихъ условіяхъ, указывая опредѣленно лишь на одно—бракъ Владиміра съ царевной Анной. Но если другихъ условій союза не было, то остается только удивляться недальновидности Владиміра, который, находясь въ исключительно выгодныхъ условіяхъ, не воспользовался ими и сумѣлъ только добыть себѣ невѣсту; какъ бы ни важенъ казался для Владиміра этотъ бракъ, невѣроятно, все таки, чтобы онъ былъ единственнымъ требованіемъ съ его стороны. Однако, есть основаніе думать, что корсунскій походъ былъ предпринятъ не для того только, чтобы получить руку царевны Анны, но и для того, чтобы добыть самостоятельность для русской церкви, и Владиміръ и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, не поступился своимъ пониманіемъ пользы земли русской и свойственной ему послѣдовательностью въ достиженіи цѣли. Въ виду этого я позволю себѣ маленькое отступленіе отъ моей темы.

Относительно нашихъ первыхъ митрополитовъ въ научной литературѣ существуетъ разногласіе, возникшее потому, что лѣтописныя свидѣтельства о нихъ противорѣчивы. Мы не знаемъ опредѣленно даже имени нашего перваго митрополита, и, кромѣ того, извѣстія о немъ имѣются почти исключительно въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, между тѣмъ какъ древнѣйшіе, какъ Лаврентьевская и Ипатская лѣтописи, ничего не говорятъ о митрополитахъ до Ярослава Мудраго. Въ связи съ этимъ возникло мнѣніе, что на Руси до Ярослава дѣйствительно не было митрополитовъ, а русская церковь непосредственно зависѣла отъ Византійской или, какъ предполагаетъ г. Приселковъ, отъ болгар-

ской Охридской митрополіи.[1]) Однако, большинство изслѣдователей, какъ прежде, такъ и теперь, остаютса при мнѣніи, что митрополитъ пріѣхалъ на Русь уже при Владимірѣ, а нѣкоторые ученые считаютъ даже нашу первоначальную церковь автокефальною на основаніи показаній нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ, которые называютъ нашихъ первыхъ митрополитовъ архіепископами, т. е. титуломъ, который часто былъ выше митрополичьяго въ ту эпоху и принадлежалъ главамъ автокефальныхъ церквей. Это названіе исчезаетъ съ Ярослава Мудраго, который въ Кіевѣ установилъ митрополію.[2]) Весьма интересны въ этомъ отношеніи данныя, собранныя г. Приселковымъ для утвержденія, что Богородица Десятинная, построенная Владиміромъ, была каѳедральнымъ соборомъ архіепископа (по его мнѣнію,—Охридскаго). Къ этимъ даннымъ можно еще добавить интересное извѣстіе Новгородской I-ой лѣтописи, что Владиміръ создалъ въ Кіевѣ церковь Божіей Матери „архіепископью". Какъ же, однако, объяснить, что въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ вплоть до Ярослава нѣтъ извѣстій о митрополитахъ, между тѣмъ какъ мнихъ Іаковъ и преп. Несторъ нѣсколько разъ говорятъ о митрополитѣ—архіепископѣ,[3]) а Яхъя свидѣтельствуетъ, что на Русь при Владимірѣ былъ отправленъ митрополитъ, хотя

---

[1]) Карамзинъ, „Ист. Государ. Росс.", т. I, с. 176, примѣч. 474; Полевой, „Ист. русск. народа", т. I, с. 232 примѣч. 173; Арцыбашевъ, „Повѣствованіе о Россіи", т. I, с 18, 358; Костомаровъ, „Преданія др.-русск. лѣтоп.", с. 50—54; Шахматовъ, „Розысканія о древн. русск. лѣтоп. сводахъ", с. 416; Пархоменко, „Начало христ. Руси", с. 183—185; Приселковъ, „Очерки церк.-полит. истор. Кіевской Руси", с. 36, 42—44.

[2]) Соловьевъ, „Ист. Россіи". т. I, с. 166, прим. 246, 269; Иловайскій, „Ист. Россіи", т. I, с. 104; Бестужевъ-Рюминъ, „Русская Исторія", Петр. 1872 г., т. I, с. 129; преосв. Филаретъ, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 100, 101; митр. Макарій, „Ист. русск. церкви", Петр., 1889 г., т. I, с. 26—36; Голубинскіи, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 229—234; Платоновъ, „Лекціи по русск. ист.", с. 80; Грушевскій, „Іст. Укр.—Руси", т. I, с. 460—466; Рожковъ, „Обзоръ русск. исторіи съ соціологич. точки зрѣнія", М. 1905 г., ч. I, с. 98—99; Багалѣй, „Русск. Ист.", т. I, с. 214, 320; Довнаръ-Запольскій, „Церковь и духовенство" въ „Книгѣ для чтенія по русск. ист.", с. 430—431; Матченко, „Св. Владиміръ", с. 284, 297—299; Калинниковъ, „Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ", Твор. Кіев. Дух. Акад. 1888 г. іюль, с. 523—527; и другіе. Каманинъ, „Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ", К. 1914 г., с. 156—157. полагаетъ даже, что въ этихъ пещерахъ найдена панагія перваго русскаго митрополита Михаила святого.

[3]) „Житія свв. Бориса и Глѣба", с. 25, 27—29, 72, 73; „Новг. I-ая лѣт.", изд. Археограф. Ком. 1888 г., с. 450; „Лѣтоп. Авраамки", П. С.

и не сразу?[1]) Г. Приселковъ полагаетъ, что причиной замалчиванія лѣтописи является намѣренное нежеланіе греческаго духовенства XI вѣка говорить о времени русской церковной зависимости отъ Охридской митрополіи,[2]) такъ какъ запись объ установленіи Ярославомъ митрополіи въ Кіевѣ попала въ лѣтопись, повидимому, изъ митрополичьяго владычнаго свода.[3]) Охридская теорія г. Приселкова подверглась въ научной критикѣ подробному разбору, причемъ однимъ изъ главныхъ возраженій противъ нея является слѣдующее обстоятельство: Владиміръ, по этой теоріи, поставилъ русскую церковь какъ разъ въ такую же зависимость отъ Охридской митрополіи, ради избѣжанія которой онъ не поладилъ съ Византіей; такимъ образомъ, совершенно не достигалась цѣль, ради которой Владиміръ подчинилъ свою церковь Болгарской, а между тѣмъ за сближеніе съ Византіей было много соображеній культурнаго и государственнаго характера.[4]) Наконецъ, если бы предположеніе г. Приселкова было и справедливо, то тогда установленіе при Ярославѣ Мудромъ зависимости русской церкви отъ Византійской было бы торжествомъ послѣдней надъ церквами русской и болгарской, и скрывать это торжество не было бы никакихъ основаній. Другое дѣло, если Владиміръ добился автокефальности для своей церкви, которую она впослѣдствіи утеряла: хотя греческая церковь и одержала верхъ ко времени Ярослава, но все же оставались воспоминанія объ автономіи, оставался опасный прецедентъ, который былъ и непріятенъ и опасенъ для византійскаго церковнаго владычества въ Россіи. Впослѣдствіи, дѣйствительно, на Руси были попытки возстановить автономію русской церкви. Греческіе іерархи могли опасаться чего либо подобнаго, а потому и старались затереть слѣды бывшей самостоятельности русской церкви. Владиміръ же находился въ такомъ положеніи относительно Имперіи, что могъ добиться автокефальности для Руси. Проложное Житіе св. Владиміра объясняетъ походъ на Корсунь такими его соображеніями: „поидоу в землю и пленю градъ ихъ и обрящу оучителя“, что гово-

Р. Л. Т. XVI, с. 363; другія данныя объ архіепископахъ см. Голубинскій, „Ист. русской церкви“, т. I, с. 265; Приселковъ, „Очерки церк.-полит. исторіи кіевской Руси“, с. 51—52.

[1]) Б. Розенъ, „Имп. Василій Болгаробойца“, с. 23—24.

[2]) Приселковъ, „Очерки церк.-полит. ист.“, с. 26, 36, 38—39.

[3]) Шахматовъ, „Розысканія о др. руск. лѣт. сводахъ“, с. 416.

[4]) Пархоменко, „Рецензія на книгу г. Приселкова“, Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1913 г., кн. 4, с. 376—377; Королевъ, то-же, Ж. М. Н. П. 1904 г., кн. 10., с. 392—394.

рится и у мниха Іакова, только въ нѣсколько иной формѣ.[1]) Намѣреніе Владиміра плѣнить Корсунь, чтобы обрѣсти „учителя“ для своей земли, указываетъ на то, что другимъ условіемъ со стороны Имперіи, условіемъ не менѣе важнымъ, чѣмъ бракъ съ царевной Анной, и для выполненія котораго Владиміру пришлось прибѣгнуть къ силѣ, было церковное устройство будущихъ христіанъ. Нельзя допустить, чтобы императоры отказались прислать на Русь священниковъ; для этого вовсе не надо было бы Владиміру обращаться къ воздѣйствію силой, а таковая оказалась нужна, чтобы „обрѣсти учителя“ для русской церкви. Византія охотно просвѣщала варваровъ христіанствомъ, но упорно боролась противъ самостоятельности возникавшихъ у нихъ церквей. Примѣры были на лицо, и Владиміръ, навѣрное, ихъ зналъ. Можно было бы только удивляться, если бы онъ, находясь въ столь выгодномъ положеніи, что могъ запрашивать какую угодно цѣну за свою помощь императорамъ, на что указываетъ его требованіе брака съ царевной, не поставилъ бы условіемъ своего крещенія — независимость русской церкви. Поэтому отчасти можно сказать, что Владиміръ „завоевалъ“, если не христіанство, то, по всей вѣроятности, независимость новой христіанской церкви.[2]) Г. Приселковъ обстоятельно выясняетъ, насколько вопросъ объ іерархіи интересовалъ русскихъ князей еще до Владиміра,[3]) когда далеко еще не назрѣли обстоятельства, подготовившія крещеніе Руси. Тѣмъ болѣе примѣнимо это къ Владиміру Святому. Нѣтъ ничего страннаго, что и лѣтопись, составлявшаяся подъ сильнымъ вліяніемъ высшаго духовенства изъ грековъ, умалчиваетъ о нашихъ независимыхъ архіепископахъ: эта независимость была вырвана силою и, разъ уничтоженная, подлежала молчанію и забвенію. Итакъ, Владиміръ, повидимому, постарался дать наилучшую организацію русской церкви — самостоятельность, — и тѣмъ еще разъ доказалъ какъ широту своего государственнаго пониманія, такъ и цѣльность своей натуры, въ которой одна сторона душевной дѣятельности не противорѣчила другой: отдаваясь христіанству съ ревностью неофита, Владиміръ не усумнился съ оружіемъ въ рукахъ потребовать отъ своей матери—Византійской церкви того, на что онъ имѣлъ, по его мнѣнію, право.

---

[1]) „Память и Похвала“, с. 16; „Проложное житіе“, с. 28.

[2]) Сравн. Голубинскій, „Исторія русской церкви“, т. I, с. 266—268; Малининъ, „Владиміръ св., какъ просвѣтитель Руси“, Твор. Кіевской Духовной Академіи 1886 г., декабрь, с. 667.

[3]) Приселковъ, „Очерки церк.-полит. ист.“, с. 6, 10—14.

Личность Владиміра Святого имѣла бы право на уваженіе современниковъ и потомковъ уже на основаніи одного факта его крещенія, какъ это было съ княгиней Ольгой, но онъ сдѣлалъ больше. Современники ясно сознавали связь между личнымъ крещеніемъ князя и просвѣщеніемъ всей земли, и ставили ему это въ великую заслугу. Съ первыхъ же словъ древнѣйшее житіе св. Владиміра восторженно говоритъ, что онъ „крестився самъ и чада своя и всю русскую землю крести отъ конца до конца".[1]) „Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестился самъ и люди своя: тако и сь створи подобно ему",[2]) такъ опредѣляетъ лѣтописецъ великую заслугу Владиміра передъ Русью, и изъ его словъ видно, что современники поняли и оцѣнили апостольское рвеніе святого князя по достоинству. Крестившись самъ, Владиміръ „не доселѣ ставі подвіга благовѣріа, ни о томь токмо яві сущую въ немъ к Богу любовь, но подвижеся паче и заповѣда по всей земли своей креститися во имя Отца и Сына и Св. Духа... и всѣмъ христіаномъ быти", —такъ оцѣниваетъ митропол. Иларіонъ[3]) дѣло крещенія Руси. Это не былъ лишь актъ государственный, но подвигъ благовѣрія — стремленіе подѣлиться со всею землею самымъ цѣннымъ для себя сокровищемъ. Такъ понималъ побужденія Владиміра и лѣтописецъ: въ торжественный моментъ крещенія кіевлянъ князь—апостолъ молится прежде всего объ этихъ „новыхъ людяхъ", объ утвержденіи въ нихъ вѣры. „Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тобе, истиннаго Бога".[4]) „Како можемъ, восклицаетъ одинъ изъ біографовъ Владиміра, по достоянию похвалити тя, створшаго дѣло равно апостоламъ? Хвалитъ бо римскаа земля Петра и Павла, асиіскаа земля—Іоана Богослова... вся же земля русская тебе, Владимере, апостола Божіа".[5]) Необходимость подготовить массу кіевлянъ къ перемѣнѣ вѣры, которая не могла же произойти въ одинъ день, по приказанію князя, какъ это изображаетъ лѣтопись, наталкиваетъ на предположеніе, что Владиміръ раньше озаботился проповѣдывать христіанство по всему Кіеву, при-

---

[1]) „Древнѣйшее житіе", с. 15, „(Сборникъ въ память 900-лѣт. крещенія" О-ва Нест. лѣтоп.); „Память и Похвала", с. 19.

[2]) „Лавр. лѣт.", с. 128.

[3]) „Слово о законѣ и благодати", с. 55.

[4]) „Лавр. лѣт.", с. 115—116.

[5]) „Проложное Житіе", с. 31—32.

чемъ дѣятельными помощниками пріѣзжаго духовенства были, вѣроятно, мѣстные христіане. Можетъ быть, даже самъ Владиміръ, какъ говоритъ объ этомъ Степенная книга,[1]) принималъ личное участіе въ проповѣди христіанства. Позже онъ совершалъ спеціальныя поѣздки по Руси съ духовенствомъ и дружиною съ цѣлью распространенія христіанства.[2]) Апостольское рвеніе Владиміра не теряетъ въ своей цѣнности отъ того, что порою слово убѣжденія поддерживалось внушительнымъ присутствіемъ княжеской дружины.[3]) Такъ, хотя кіевляне и „съ радостью“ пошли креститься, какъ говоритъ лѣтописецъ, но все же для ихъ побужденія потребовались и угрозы со стороны князя. Также и во время миссіонерскихъ поѣздокъ Владиміра онъ приказывалъ „приводить“ людей для крещенія, что не показываетъ доброй воли съ ихъ стороны.[4]) Однако, ни для проповѣдниковъ, ни для обращаемыхъ это не казалось неестественнымъ, и митрополитъ Иларіонъ съ восхищеніемъ и уваженіемъ говоритъ о князѣ Владимірѣ, что его благовѣріе было со властью сопряжено,[5]) а лѣтописецъ ставитъ ему въ большую заслугу, что онъ „бѣ по Господѣ Бозѣ и божественнѣй вѣрѣ горя духомъ, яко огнь, и невѣрующимъ въ Господа Іисуса Христа страшенъ бѣ премного“.[6]) Мы бы и не крестились, если бы онъ насъ не крестилъ — вотъ взглядъ лѣтописца на это дѣло. Кромѣ того, подготовка предшествующаго времени для принятія христіанства Русью оказала свое дѣйствіе, и, по счастью, великое предпріятіе Владиміра почти нигдѣ не омрачилось открытымъ сопротивленіемъ.

Однако Владиміръ не былъ бы вѣренъ своему цѣльному характеру и единству своихъ стремленій, если бы не преслѣдовалъ на ряду съ чисто религіозными также и другихъ цѣлей при распространеніи христіанства. Насаждая его въ Кіевѣ и по другимъ русскимъ областямъ, Владиміръ, несомнѣнно, укрѣплялъ свою власть въ Русской землѣ. Впервые при Владимірѣ произносятся слова о божественномъ происхожденіи

---

[1]) „Степенная книга“, с. 105—106.

[2]) Соловьевъ, „Ист. Росс.“, т. I, с. 167—168, прим. 249; Голубинскій, „Ист. русской церкви“, т. I, с. 143; Грушевскій, „Ист. Укр.—Руси“, т. I, с. 456—457.

[3]) „Ермолинская лѣтоп.“, с. 15; „Новгор. I-ая лѣтоп.“, с. 64; „Лѣт. Авраамки“, с. 39; „Тверская лѣт.“, с. 113—114; „Софійск. I-ая лѣтоп.“, П. С. Р. Л., т. V, с. 120.

[4]) „Лавр. лѣт.“, с. 114—115.

[5]) „Слово о законѣ и благодати“, с. 55.

[6]) „Никон. лѣт.“, с. 55.

княжеской власти, и, такимъ образомъ, возвышается понятіе о ней какъ у управляемыхъ, такъ и у правителей. „Ты поставленъ отъ Бога, говорятъ епископы Владиміру, казнить злыхъ и миловать добрыхъ“.[1]) Этимъ внушалось представленіе о власти, которая есть не только преимущество, но и обязанность, а повиновеніе которой есть не только необходимость, но и долгъ. И Владиміръ дѣятельно укрѣплялъ свою власть христіанствомъ, а христіанство — своей властью. Такъ поняли дѣло новгородцы, открыто возставшіе противъ вѣры, которую навязывалъ имъ кіевскій князь.[2]) Но это былъ единственный случай. Обыкновенно, когда требовалась для христіанства поддержка изъ Кіева, Владиміръ, оказавъ ее, мирно удалялся изъ какой нибудь волости „землю просвѣтивъ и намѣстниковъ посадивъ“.[3]) Самое распредѣленіе волостей между сыновьями Владиміра лѣтопись ставитъ въ связь съ учрежденіемъ по городамъ епископскихъ каѳедръ.[4]) Князь и епископъ являлись вмѣстѣ въ какой нибудь областной городъ и дѣйствовали рука объ руку, насаждая и укрѣпляя одновременно съ христіанствомъ княжескую и церковную власть. Для послѣдующихъ временъ Владиміръ навсегда остался образцомъ князя съ сильною и единою властью. „О! стонати русской земли, помянувше прьвую годину и прьвыхъ князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ“, говоритъ о немъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Насколько, однако, Владиміръ былъ самостоятеленъ въ вопросѣ о личномъ крещеніи, настолько считался онъ съ обществомъ, когда дѣло касалось всей земли. Три года готовился онъ къ крещенію Руси и рѣшился на него только тогда, когда объединилъ вокругъ себя достаточно сильную христіанскую партію, когда кіевляне, не смотря на все же продолжавшуюся оппозицію христіанству, могли сказать, что князь и „бояре“ крестились.[5]) Судя по лѣтописи, Владиміръ былъ постоянно окруженъ дружиною, съ которой „думалъ“ о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ. Подобно князьямъ позднѣйшаго времени,

---

[1]) „Лавр. лѣт.“, с. 126.

[2]) Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства“, т. VII, с. 35, М. 1904 г.

[3]) „Тверская лѣт.“, с. 113—114; „Никон. лѣт.“, с. 64; „Воскресенск. лѣт.“, II. С. Р. Л, т. VII, с. 313.

[4]) „Лавр. лѣт.“, с. 118; „Степенн. книга“, с. 113; такъ понимаютъ это мѣсто: Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политич. дѣят.“, с. 375, 377—378, и Малышевскій, „Кіев. церков. соборы“, Твор. К. Дух. Акад. 1884 г., декабрь, с. 490, 491.

[5]) „Лавр. лѣт.“, с. 115.

онъ не предпринимаетъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ боярами, которые въ то же время являются руководителями всего общества горожанъ и часто выступаютъ вмѣстѣ съ ними и во главѣ ихъ.[1]) Послѣдовательно-осторожная подготовка крещенія показываетъ, какъ боялся Владиміръ остаться безъ поддержки этого руководящаго класса. Былъ и такой случай, когда бояре заставили его отказаться отъ одного весьма важнаго начинанія — реформы суда по византійскимъ образцамъ,[2]) которую онъ „самъ о себѣ замыслилъ", какъ говаривали бояре XII в., отказывая князю въ своей помощи. Зато, когда Владиміръ былъ увѣренъ въ ихъ поддержкѣ, онъ поступалъ смѣло и рѣшительно, увѣренный въ успѣхѣ. Такъ обстояло дѣло съ крещеніемъ Руси, когда епископы и посадники, сажаемые одновременно по русскимъ городамъ, все крѣпче связывали ихъ съ матерью городовъ русскихъ: просвѣщеніе новой религіей и кіевская централизація шли рука объ руку, — здѣсь между княземъ и земствомъ не могло быть разногласій. Владиміръ въ своихъ стремленіяхъ къ единенію русской земли вокругъ Кіева опирался на кіевлянъ, свою „главную землю", по выраженію Костомарова.[3]) Княжеская власть, несомнѣнно, усиливалась въ связи съ этимъ процессомъ единенія, но за все время княженія Владиміра не было столкновеній между нимъ и земствомъ. Владиміръ, повидимому, превосходно понималъ насущныя потребности своего времени и велъ Кіевскую землю, а за нею и всю Русь, по тому направленію, по которому она сама стремилась въ силу исторической эволюціи. Такимъ образомъ, при всей своей самостоятельности, когда дѣло касалось личныхъ взглядовъ и вѣрованій, Владиміръ ни въ коемъ случаѣ не былъ человѣкомъ грубо-прямолинейнымъ, который не ищетъ ни сочувствія, ни поддержки въ окружающихъ. Онъ былъ „земскій князь", который видѣлъ въ единеніи съ землею источникъ и обоснованіе своей дѣятельности.

Религіозный интересъ и государственная польза не исчерпали для Владиміра всего содержанія новой вѣры. Его многосторонній и дѣятельный умъ оцѣнилъ ее также, какъ источникъ просвѣщенія. Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что Владиміръ очень любилъ книги и съ наслажденіемъ слушалъ ихъ чтеніе.[4]) Послѣднее,

---

[1]) „Лавр. лѣт.", с. 80—81, 104, 124—125; „Ермолин. лѣтоп.", с. 13; „Лѣт. Переясл.-Сузд.", с. 18; „Новг. I-ая лѣтоп.", с. 32.

[2]) „Лавр. лѣт.", с. 126.

[3]) Костомаровъ, „Начало единодержавія въ Древней Руси", Вѣстн. Европы 1870 г., кн. 11—12, с. 13.

[4]) „Лавр. лѣт.", с. 122.

т. е., что онъ слушалъ, а не читалъ самъ, является показателемъ того, что, какъ полагаетъ проф. Малининъ, Владиміръ былъ и остался неграмотнымъ.[1]) Если это такъ, то тѣмъ замѣчательнѣе его глубокое пониманіе необходимости просвѣщенія и его стремленіе распространить образованность на Руси. Несомнѣнно, что первою насущною потребностью въ этомъ отношеніи являлась подготовка будущихъ пастырей церкви — священниковъ. Соотвѣтственно съ этимъ появились училища при митрополичьихъ покояхъ, при соборахъ и церквахъ. „И бысть множество училищъ книжныхъ".[2]) А такъ какъ церкви устраивались по всей землѣ, по повелѣнію Владиміра, то и школы, вѣроятно, появились вслѣдъ за ними.[3]) Лѣтопись разсказываетъ, что у „нарочитой чади" даже насильно отбирали дѣтей для книжной науки.[4]) Уже Голубинскій отмѣтилъ, что недаромъ здѣсь идетъ рѣчь именно о дѣтяхъ „нарочитой чади": для церковныхъ нуждъ не могли предназначаться спеціально дѣти высшихъ классовъ, а потому здѣсь дѣло идетъ не о церковныхъ школахъ, а о какихъ-то другихъ, вѣроятно, высшаго типа.[5]) Проф. Малышевскій дѣлаетъ предположеніе, что при дворѣ Владиміра была образована дворцовая школа по образцу Византіи. Въ ней обучались дѣти великаго князя и бояръ, причемъ уровень знаній, который въ ней достигался, былъ несравненно выше обычной тогда церковной школы.[6]) Времени Владиміра обязаны также своимъ образованіемъ первые наши духовные писатели, „любомудрые философы", какъ говоритъ Никоновская лѣтопись.[7]) Акад. Голубинскій, рѣзко критикующій дѣло просвѣщенія въ древней Руси, съ глубокимъ уваженіемъ говоритъ

---

[1]) Малининъ, „Влад. св., какъ просвѣтитель Руси", с. 670.

[2]) „Никон. лѣт.", с. 58.

[3]) Митр. Макарій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 108; Пр. Филаретъ, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 32—33; Соловьевъ, „Истор. Россіи", т. I, с. 171; Грушевскій, „Іст. Укр.—Руси", т. I, с. 476; Завитневичъ, „Владиміръ св., какъ политич. дѣят.", с. 752—753; Любавскій, „Лекціи", с. 95; Матченко, „Св. равноап. кн. Владиміръ", с. 327—328; Лавровскій, „О древне-русск. училищахъ", Харьк. 1854 г., с. 30, 122—125; Малышевскій, „Вел. кн. Влад. св., какъ первый учред. школъ въ Россіи", Церковно-прих. Школа, 1887 г., кн. 1, с. 48, 52, 57.

[4]) „Лавр. лѣт.", с. 116.

[5]) Голубинскій, „Ист. русской церкви", т. I, с. 705, 719; Грушевскій, „Ист. Укр.—Руси", т. I. с. 476; Малининъ, „Владиміръ св., какъ просвѣтитель Руси", с. 673.

[6]) Малышевскій, „Влад. св., какъ перв. учред. школъ", с. 49—50, 58; его-же „Житіе св. равноап. кн. Владиміра", с. 34.

[7]) „Никон. лѣт.", с. 58.

о просвѣтительныхъ начинаніяхъ Владиміра Святого.[1]) Дѣйствительно, можно удивляться, какъ этотъ варваръ глубоко понималъ необходимость просвѣщенія для своей страны. Онъ, говоритъ одно изъ его житій, „насѣявы святыми книгами (русскую землю), отъ нихъ же и нынѣ насыщаются вси вѣрніи и пріемлютъ царство небесное“.[2])

На ряду съ книжнымъ просвѣщеніемъ, Владиміръ Святой заботился также объ искусствѣ. Онъ вызывалъ изъ Греціи строителей и художниковъ: „пославъ приведе мастеры отъ грекъ“, „каменосѣчци и зиздателе палатъ каменныхъ“,[3]) и ему обязано своимъ возникновеніемъ много храмовъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ. Лѣтописи говорятъ о построеніи церквей св. Василія и св. Георгія, церкви на мѣстѣ крещенія кіевлянъ и знаменитой Богородицы Десятинной въ Кіевѣ, церкви Преображенія въ Васильковѣ, Успенскаго собора „дубоваго“ въ Ростовѣ, собора во Владимірѣ и др., и добавляютъ, что онъ повелѣлъ строить церкви по всѣмъ городамъ.[4]) Лѣтопись отмѣчаетъ строительную дѣятельность Владиміра, какъ великую заслугу его передъ Богомъ. Построеніе церквей всегда считалось на Руси большою добродѣтелью. Въ храмѣ обитала полнота благодати Божіей, совершалась служба, глубоко удовлетворявшая не только религіозное, но и эстетическое чувство народа; здѣсь сохранялись реликвіи, охранявшія городъ и всю землю; здѣсь всякій могъ слышать писаніе, недоступное для неграмотнаго большинства; здѣсь, наконецъ, находили себѣ выходъ всѣ стремленія къ искусству. Тотъ, кто строилъ храмъ, давалъ народу все это. И если подобная дѣятельность была вообще заслугой въ религіозномъ отношеніи, то тѣмъ болѣе велика она была со стороны того, при комъ начало процвѣтать церковное христіанское благолѣпіе и было положено начало умноженію храмовъ на Руси. Однако, на ряду съ христіанскимъ зодчествомъ и живописью, всѣмъ блестящимъ византійскимъ искусствомъ, находившимся на службѣ церкви, Владиміръ былъ плѣненъ также и красотою иного рода, съ которой онъ познакомился

---

[1]) Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 704—709. Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 843—844; Лавровскій, „О древне-русск. училищахъ“, с. 59—60, 77—85; Малышевскій, „Владиміръ св., какъ первый учредитель школъ“, с. 58; Пыпинъ, „Ист. русской литературы“, т. I, Петр. 1911 г., с. 91—94.

[2]) „Сборникъ въ пам. 900-лѣтія крещенія“, О-ва Нестора лѣт., с. 28.

[3]) „Лавр. лѣт.“, с. 119; „Никон. лѣт.“, с. 64.

[4]) „Лавр. лѣт.“, с. 116, 119, 121, 122; „Воскр. лѣт.“, с. 313; „Твер. лѣт.“, с. 114; „Степ. кн.“, с. 107, 118.

у грековъ: уѣзжая изъ Херсонеса, онъ взялъ съ собою „мѣдянѣ двѣ капищи и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за Святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мраморяны суща“.[1]) Забѣлинъ понималъ подъ „капищами“ квадриги — четверни коней съ наѣздниками,[2]) но другія лѣтописи, не забывая о коняхъ, даютъ иное объясненіе этому мѣсту. По Никоновской лѣтописи, Владиміръ привезъ въ Кіевъ „4 кони и 2 болваны“, а лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго выражается еще яснѣе: „взя же и 2 капища мѣдяны, яко жены образомъ“.[3]) Что это были за статуи, на которыя дивовались невѣжественные кіяне, считая самымъ важнымъ — рѣшить, мѣдныя онѣ или мраморныя, неизвѣстно. Но тотъ фактъ, что Владиміръ на ряду съ церковными реликвіями вывезъ на родину произведенія пластическаго греческаго искусства, является многознаменательнымъ. Кто знаетъ, какія мысли тѣснились въ умѣ Владиміра, когда плѣненныя имъ статуи плыли по Днѣпру въ страну варваровъ: можетъ быть, ему, дѣйствительно, мечталось пріобщить Русь къ греческой культурѣ въ всей ея полнотѣ и красотѣ!

Въ христіанствѣ Владиміръ получилъ удовлетвореніе своему религіозному чувству и любознательному уму, въ немъ же онъ искалъ и нашелъ поддержку своимъ государственнымъ стремленіямъ. Естественно было съ его стороны относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ тѣмъ, кто являлся проводникомъ всего этого богатства изъ Византіи въ Русскую землю, т. е. къ греческому духовенству. Дѣйствительно, Владиміръ далъ духовенству многія права и привиллегіи, епископы, по лѣтописи, были часто совѣтниками кн. Владиміра и его почетными гостями на празднествахъ и пирахъ.[4]) Однако, ни въ лѣтописи, ни въ житіяхъ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ похвалъ кн. Владиміру въ отношеніи почитанія духовенства, нѣтъ ни одной фразы въ родѣ того, что Владиміръ „излиха любя черноризьцы, попы и епископы“, а, между тѣмъ, подобныя многорѣчивыя похвалы постоянно повторяются лѣтописцемъ при характеристикѣ благочестивыхъ князей. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Владиміръ былъ не только благочестивый, но и святой князь, и древнему книжнику, особенно, въ житіи, естественно было украсить своего героя обычною и цѣнною въ глазахъ церкви

---

[1]) „Лавр. лѣт“, с. 114.

[2]) Забѣлинъ, „Истор. русской жизни“, т. II, с. 409; Багалѣй, „Русская исторія“, т. I, с. 205.

[3]) „Никон. лѣт.“, с. 57; „Лѣт. Переясл.-Сузд.“, с. 31.

[4]) „Лавр. лѣт.“, с. 124.

добродѣтелью. Вѣроятно, Владиміръ, при всемъ своемъ уваженіи къ церкви, держался вполнѣ самостоятельно и независимо отъ духовенства, особенно греческаго. Эта самобытность Владиміра проявилась и еще въ одной чертѣ его христіанской дѣятельности: онъ строилъ много храмовъ, но не построилъ ни одного монастыря. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописи объ этомъ нѣтъ ни слова. Исключеніе составляетъ лѣтопись Никоновская, въ которой говорится въ нѣсколькихъ словахъ о построеніи монастырей,[1]) но это извѣстіе позднѣйшаго лѣтописнаго свода теряетъ въ своемъ значеніи при сравненіи съ молчаніемъ всѣхъ остальныхъ лѣтописей и особенно житій. Даже митр. Иларіонъ въ своемъ восторженномъ „Словѣ" въ честь Владиміра говоритъ лишь то, что при немъ „монастыреве на горахъ сташа",[2]) но это не значитъ, что онъ ихъ основалъ. Для христіанина—князя, при томъ крестителя своей страны, не основать ни одного монастыря — является фактомъ весьма примѣчательнымъ. Это не значитъ, конечно, что Владиміръ не уважалъ монастырей и монаховъ: для христіанина, особенно его времени, это было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Вѣроятнѣе, что Владиміръ, натура искренняя и непосредственная, увлекался въ христіанствѣ тѣмъ, что соотвѣтствовало его личнымъ склонностямъ, облагороженнымъ и возвышеннымъ при посредствѣ новой вѣры.

Владиміръ Святой, какъ опредѣляетъ его Соловьевъ, былъ „широкая душа",—свойство, которое въ молодости привело его къ излишествамъ, а послѣ принятія христіанства сдѣлало его Краснымъ Солнышкомъ земли Русской.[3]) Лѣтопись, рисуя характеръ Владиміра до крещенія, съ добродушнымъ юморомъ разсказываетъ, какъ и почему онъ отвергъ предлагаемыя ему вѣры, въ частности, магометанскую: „Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко; но се ему бѣ не любо о неядѣніи мясъ свиныхъ, а о питьи—отнудь, рька: „Руси есть веселье питье, не можетъ безъ того быти".[4]) Съ „блуженіемъ многимъ" Владиміръ, повидимому, покончилъ, принявши христіанство: сватаясь къ царевнѣ Аннѣ, онъ высказывалъ чисто христіанскій взглядъ на бракъ, видя въ немъ средство „болма на законъ хрестьянскій" себя напра-

[1]) „Никон. лѣт.", с. 58.
[2]) „Слово о законѣ и благодати", с. 55.
[3]) Соловьевъ. „Ист. Росс.", т. I, с. 188.
[4]) „Лавр. лѣт.", с. 83.

вить.[1]) Но и послѣ принятія христіянства Владиміръ не оставилъ то „питіе“, безъ котораго ни онъ, ни его дружина и люди не понимали никакого „веселія“. Владиміръ—христіанинъ пируетъ съ дружиной, старцами и боярами, пируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, стараясь втянуть въ кругъ своего благодушнаго веселья все населеніе, весь народъ, начиная съ епископовъ и бояръ и кончая нищими и убогими, для которыхъ ставились особые столы, по ихъ множеству. Эти пиры часто устраивались въ большіе христіанскіе праздники и по случаю разныхъ церковныхъ торжествъ. Такимъ образомъ, замѣняя собою праздниства языческія, они, благодаря этому, а также широкому кругу приглашаемыхъ, не мало способствовали популярности новой религіи въ обществѣ.[2]) Образъ ласковаго князя Владиміра Краснаго Солнышка, радушнаго хозяина, навсегда остался въ народной памяти, но, что всего интереснѣе, именно такимъ онъ вошелъ и въ житійную литературу. Веселые пиры щедраго князя лѣтопись, вмѣстѣ съ житіями, ставитъ на ряду съ чисто-христіанскими добродѣтелями Владиміра. Несомнѣнно, что въ этой „ласковости“ кіевскаго князя были и нѣкоторыя государственныя соображенія: дружина, бояре пируютъ съ княземъ по преимуществу передъ всѣми остальными гостями Владиміра. Именно во время пира произошелъ знаменитый эпизодъ съ серебряными ложками для дружины, по поводу котораго Владиміръ заявилъ, что съ дружиною онъ добудетъ себѣ все, что угодно. Эти собранія являлись, такимъ образомъ, однимъ изъ средствъ единенія съ высшими классами общества и даже со всею землею, такъ какъ часто бывали приглашаемы и просто

[1]) „Память и Похвала“, с. 23; впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются, чтобы и въ христіанствѣ Владиміръ оставилъ свои женолюбивыя привычки. Источникомъ этого мнѣнія служитъ излишнее довѣріе къ подробностямъ Корсунской легенды, собственно—Житія особаго состава, а также показанія Титмара Мерзебургскаго о томъ, что Владиміръ и послѣ крещенія былъ жестокъ и женолюбивъ (Бертье-Делагардъ, „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь“, с. 299—300; Пархоменко, „Начало христ. Руси“, с 181—182). Неговоря о сбивчивости показаній Титмара объ обстоятельствахъ крещенія, важно, что источникомъ его знаній, вѣроятнѣе всего, было католическое духовенство, окружавшее Святополка. (Бицилли, „Западное вліяніе на Руси и нач. лѣт.“, с. 8). Но достаточно вспомнить отношенія Святополка къ отцу и, особенно, исторію его матери, чтобы не ожидать отъ этого источника ни малѣйшаго безпристрастія.

[2]) Соловьевъ, „Исторія Росс.“, т. I, с. 188; Забѣлинъ, „Ист. русской жизни“, т. II, с. 412.

„люди“.[1]) Но это была лишь одна сторона дѣла, какъ показываетъ и то обстоятельство, что среди приглашенныхъ бывали постоянно и нищіе и убогіе. Современники же понимали эти пиры, какъ выраженіе хлѣбосольства и добродушія широкой натуры, которая хочетъ, чтобы всѣ веселились ея весельемъ и радовались ея радостью.[2]) Недаромъ лѣтописецъ въ непосредственную связь съ пирами Владиміра ставитъ его широкую благотворительность. Не только въ Кіевѣ, но и по другимъ городамъ, по приказанію князя, кормили и поили неимущихъ изъ его личныхъ средствъ и даже разыскивали бѣдняковъ и калѣкъ, которые не могли сами дойти до княжескаго двора съ просьбою о помощи.[3]) „И не могу сказати многыя его милостыня, говоритъ по этому поводу мнихъ Іаковъ, не токмо въ дому своемъ милостыню творяаше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но и по всей земли русской, и въ градѣхъ, и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагыя одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію“, „должныя искупая, работныя свобождая“, добавляетъ митроп. Иларіонъ.[4]) Въ Кіевѣ постоянно можно было видѣть, какъ по улицамъ ѣхали возы съ княжескими слугами, которые кричали: „гдѣ больной или калѣка, не могущій ходить?“ и раздавали хлѣбъ, овощи, медъ и другіе припасы, которыми были наполнены возы. Эта щедрая милостыня была слѣдствіемъ той основной черты характера Владиміра, которую Голубинскій называетъ „гуманностью“, подразумѣвая подъ этимъ свойства такого характера, который не можетъ быть доволенъ, пока не довольны другіе.[5]) По слову лѣтописи, широкая волна благотворительности стала изливаться изъ княжескаго двора подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства: Владиміръ „бѣ любя словеса книжныя“, а они непрестанно говорили о милости и любви.[6]) Въ связи съ этимъ безспорнымъ вліяніемъ, для характеристики Владиміра въ высшей степени интересно, что именно онъ взялъ изъ той системы христіанскихъ вѣрованій, которую

---

[1]) Значеніе пировъ для общеземскаго единенія особенно видвигаютъ проф. Грушевскій („Іст. Укр.-Руси“, II, с. 471—472) и проф. Завитневичъ, который видѣлъ въ нихъ чуть ли не земскіе соборы („Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель.“, с. 376; Малышевскій, „Кіевск. церк. соборы“, с. 488—494).

[2]) „Лавр. лѣт.“, с. 122—123; „Память и Похвала“, с. 15, 21.

[3]) „Лавр, лѣт.“, с. 122—123.

[4]) „Память и Похвала“, с. 22; „Слово о законѣ и благодати“, с. 56—57.

[5]) Голубинскій, „Ист. русск. церкви“, т. I, с. 183—184.

[6]) „Лавр. лѣт.“, с. 122—123.

принялъ отъ грековъ. Въ немъ ярко отразилась свѣтлая и радостная сторона христіанства и совершенно не нашелъ мѣста аскетизмъ, являвшійся господствующимъ настроеніемъ Византійской церкви. Владиміръ остался самимъ собою и перенесъ и въ христіанскую жизнь свое веселіе, безъ котораго не могъ жить, облагородивъ его стремленіемъ, дать радость всѣмъ, кому только могъ.[1])

Идеальный образъ князя, какимъ онъ рисовался людямъ того времени, и которому такъ полно удовлетворялъ Влади-

[1]) По мнѣнію г. Никольскаго („О древне-русскомъ христіанствѣ", Русская Мысль 1913 г., кн. 6), Владиміръ спеціально искалъ такой новой вѣры, которая не противорѣчила бы его жизнерадостному характеру, и нашелъ ее въ византійскомъ православіи. Такимъ образомъ, у него не могло быть и не было несоотвѣтствія съ аскетическимъ настроеніемъ новой вѣры; послѣднее явилось въ русской церковной жизни позднѣе, въ ту же эпоху, когда принималъ крещеніе Владиміръ, господствующее міровоззрѣніе Византійской церкви было даже гораздо менѣе аскетично, чѣмъ въ церкви католической, и потому оптимизмъ вѣры Владиміра былъ заимствованный, греческій, а не доморощенный (с.с. 12—14). Однако свѣтлый оптимизмъ Византійскаго христіанства въ ту эпоху доказать трудно (г. Никольскій приводитъ только одинъ примѣръ, да и то въ Болгарской церкви), и если Владиміръ былъ жизнерадостнымъ по характеру до крещенія, то такимъ же онъ оставался благодаря своимъ личнымъ свойствамъ, а не византійскому вліянію. Съ другой стороны, г. Аничковъ („Язычество и Древняя Русь") полагаетъ, что пиры древней Руси и Владиміровы въ частности, были естественнымъ слѣдствіемъ смѣшенія старой языческой стихіи съ христіанствомъ, т. е. своего рода двоевѣріемъ. Однако христіанское духовенство, видя свое полное безсиліе въ этомъ отношеніи, стремилось только къ упорядоченію пировъ, тѣмъ болѣе, что само сильно зависѣло отъ князя и дружины — защитниковъ и проводниковъ христіанства. Поэтому, кромѣ упорядоченія пировъ, церкви больше ничего и „не надо было", тѣмъ болѣе, что въ нихъ проявлялась добродѣтель милосердія. Отсюда—„сразу съ двухъ точекъ зрѣнія одобряемая и хвалимая широкая щедрость Владиміра" (с.с. 176—177, 179—180, 182, 218). Несомнѣнно, что щедрость и милосердіе Владиміра скрашивали для духовенства его „веселіе", но такъ ли это было у другихъ князей и въ другихъ пирахъ, всегда ли въ нихъ проявлялись эти добродѣтели? Съ другой стороны, если духовенство терпѣло пиры, какъ многое другое въ бытовой русской жизни, то отъ этого еще далеко до того, чтобы утверждать, что оно ни къ чему большему не стремилось. Собственно говоря, житія Владиміра не столько хвалятъ его за пиры, сколько разсказываютъ о нихъ съ благосклонностью. Наоборотъ, въ житіяхъ святыхъ князей явно проглядываетъ тенденція украсить ихъ аскетическими добродѣтелями, какъ, напримѣръ, въ житіи свв. Бориса и Глѣба, первомъ и долгое время единственномъ житіи людей мірскихъ, святыхъ—князей, имѣвшихъ къ тому же особое право на святость, какъ мученики. Тѣмъ болѣе интересно отсутствіе аскетической тенденціи въ житіяхъ Владиміра Святого. („Житія свв. Бориса и Глѣба", с. 7, 9).

міръ, не былъ бы завершеннымъ въ глазахъ воинственнаго общества эпохи, если бы Владиміръ, кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ, не былъ еще и храбрымъ витяземъ. Лѣтописецъ, въ согласіи съ мнихомъ Іаковомъ, на ряду съ христіанскими добродѣтелями Владиміра, восхваляетъ его за то, что онъ побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ и „вся страны его бояхуся". Въ юности у Владиміра проявлялся воинственный задоръ и пылъ его отца. Въ словахъ его вызова брату Ярополку—„Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу бится"—ясно проглядываетъ духъ князя Святослава, объявлявшаго неугоднымъ ему народамъ: „иду на вы". Но, хотя Владиміру пришлось много воевать въ своей жизни, и онъ показалъ даже незаурядныя военныя способности,[1]) при немъ никогда не было войны ради войны: юношеская воинственность скоро уступила мѣсто государственнымъ соображеніямъ о нуждахъ земли. Есть мнѣніе, что Владиміръ, принявши христіанство, вообще уклонялся, отъ кровопролитія, ведя и исключительно оборонительныя войны.[2]) Однако, уже будучи христіаниномъ, Владиміръ не усумнился пойти войною на хорватовъ съ цѣлью подчинить ихъ своей власти. Съ другой стороны, и до крещенія походы кіевскаго князя вызывались исключительно пользою его земли, и въ этомъ отношеніи Владиміръ какимъ былъ, такимъ и остался. Безцѣльныхъ войнъ онъ никогда не велъ, „и рука Господня помогааше ему".[3]) Монахъ—лѣтописецъ и скромный инокъ Іаковъ считали эти войны обязанностью правителя, цѣнили во Владимірѣ князя—защитника земли и вѣрили, что Богъ покровительствовалъ ему, а народная молва сдѣлала Владиміра—Красное Солнышко центромъ героическихъ подвиговъ и главою богатырей, сказанія о которыхъ проникли и въ самую лѣтопись.[4])

При чтеніи памятниковъ, повѣствующихъ о Владимірѣ святомъ, лѣтописи и особенно—житій, поражаетъ одна особенность въ отношеніи его біографовъ къ разнымъ сторонамъ его дѣятельности. Восхваляя его, какъ святого, они ставятъ ему въ заслугу такія его дѣянія, какъ побѣдоносныя войны, въ частности—походъ на Корсунь, или даже его пиры, которые, ка-

[1]) „Лавр. лѣт.", с. 119; „Память и Похвала", с. 16, 22; „Слово о законѣ и благодати", с. 54; Забѣлинъ, „Ист. русс. жизни", т. II, с. 242; Бертье-Делагардъ, „Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь", с. 251.

[2]) Преосв. Филаретъ, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 142—143; Погодинъ, „Древн. русск. ист.", т. I, с. 85; Матченко, „Святой равноапостольный князь Владиміръ", с. 353.

[3]) „Память и Похвала", с. 22.

[4]) „Лавр. лѣт.", с. 119—121, 124—126; „Никон. лѣт.", с. 68 и друг.

залось бы, ничего общаго со святостью не имѣютъ. Сознательно или нѣтъ допущено это смѣшеніе качествъ и заслугъ Владиміра, но, во всякомъ случаѣ, въ немъ кроется глубокая мысль. Современники если не понимали, то чувствовали во Владимірѣ замѣчательно цѣльную натуру, въ которой нѣтъ противорѣчій между нравственной и умственной стороной, идейными и практическими побужденіями. Нельзя по достоинству оцѣнить личность Владиміра, если, говоря о принятіи христіанства, не говорить о томъ, какъ онъ понималъ его значеніе и какимъ именно образомъ претворилъ его вліяніе въ дѣйствительность русской жизни. Нельзя оцѣнить многосторонность его ума, не говоря о его любви къ книгамъ и искусству,—оцѣнить всю глубину его природнаго добродушія и доброты, не говоря и о его веселыхъ пирахъ. Это чувство и побуждало, напримѣръ, мниха Іакова говорить объ искренности побужденій Владиміра въ принятіи новой вѣры и тутъ же рядомъ — о походѣ на Корсунь, говорить о милостынѣ и о пирахъ, о храмахъ и о войнахъ. Это впечатлѣніе отъ личности Владиміра еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые въ совершенствѣ угадываютъ потребности времени, и въ своей дѣятельности сливаются съ ними настолько, что сами становятся воплощеніемъ тѣхъ историческихъ теченій и задачъ, лицомъ къ лицу съ которыми ставитъ ихъ время. Крещеніе Руси рано или поздно должно было совершиться: также до Владиміра намѣчены были стремленія къ тѣснѣйшему общенію съ Византіей, и назрѣвалъ процессъ объединенія русскихъ племенъ вокругъ Кіева. Въ этомъ смыслѣ Владиміръ всегда жилъ „по устроенію отню и дѣдню", но онъ такъ мощно сталъ во главѣ этихъ стремленій, такъ слился съ ними своею личностью, благодаря своему глубокому пониманію задачъ времени, что въ глазахъ современниковъ и потомковъ онѣ стали его личнымъ дѣломъ. Владиміръ для лѣтописи—это тотъ Владиміръ, который землю крестилъ, и еще тотъ, которому лѣтописецъ по преимуществу присвояетъ эпитетъ — Великій.[1])

Лишь значительно позже, по всѣмъ видимостямъ, не ранѣе начала XIII вѣка, въ памятникахъ появляется новое опредѣленіе имени Владиміра-Святой.[2]) Подводя итоги христіанской дѣятельности Владиміра, мнихъ Іаковъ проводитъ параллель между

---

[1]) „Лавр. лѣт.", с. 339; „Ипат. лѣт.", с. 268, 379, 505; „Новг. I-ая лѣт.", 255, 431, 432, 452, 460—461.

[2]) Первый разъ—„Ипат. лѣт", с. 545.

нимъ и другими святыми мужами: „князь же Володимеръ возлюби Авраамово житіе и подража страннолюбіе его, Іаковлю истину, Моусееву кротость, Давидово беззлобіе, Коньстянтина царя Великаго, прьваго царя крестьянскаго — того подража правовѣріе. Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимеръ".[1]) Этотъ перечень добродѣтелей уясняетъ отчасти тотъ, казалось бы, странный фактъ, что Владиміръ, съ такою любовью изображаемый лѣтописью, заслужившій у потомства прозваніе Великаго, несомнѣнно, изображенный идеаломъ князя своего времени именно потому, что во многомъ ему соотвѣтствовалъ, долгое время, не смотря на всѣ свои личныя качества и заслуги передъ церковью, не признавался святымъ.[2]) Всѣ его добродѣтели и достоинства пріобрѣтали ему любовь и уваженіе, какъ современниковъ, такъ и потомковъ, но идеалу святости, какъ онъ сложился въ ту эпоху, Владиміръ не удовлетворялъ. За нимъ не было никакихъ поражающихъ подвиговъ отреченія и суроваго аскетизма, которые казались осно-

[1]) „Память и Похвала", с. 22.

[2]) Есть мнѣніе, что празднованіе Владиміру, какъ святому, установлено уже при Ярославѣ Мудромъ (Митр. Макарій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 92—93). Однако лѣтописецъ совершенно опредѣленно говоритъ, что его современники не чтили Владиміра, какъ святого, въ виду того, что не было чудесъ отъ его мощей, и горько упрекаетъ этихъ грубыхъ людей, не понимающихъ духовнаго величія почившаго князя; онъ указываетъ на его добрыя дѣла и другія заслуги передъ Богомъ, увѣщевая молиться о князѣ Владимірѣ, чтобы Богъ скорѣе прославилъ его („Лавр. лѣт.", с. 128—129 и мн. Іаковъ, с. 15). Святымъ же лѣтопись начинаетъ называть Владиміра лишь съ XIII в. Въ настоящее время склоняются къ тому, что канонизація его имѣла мѣсто въ XIII в. въ Кіевѣ или въ Новгородѣ. (Соболевскій, „Память и Похвала Св. Владиміру и сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ", Христ. Чтеніе 1890 г., кн. 5—6, с. 794; Голубинскій, „Ист. русск. церкви", т. I, с. 185; его-же „Ист. канонизаціи святыхъ русской церкви", въ Чтеніяхъ въ Об-вѣ Ист. и Древн. Россійскихъ 1903 г., кн. I, с. 63—64; Малышевскій, „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти Св. Владиміра", Твор. К. Дух. Акад. 1882 г., январь, с. 45—51, 56—57; Грушевскій, „Іст. Укр.—Руси", т. I, с. 475); г. Приселковъ полагаетъ, что препятствіемъ къ канонизаціи Владиміра было нежеланіе греческаго духовенства причислить къ лику святыхъ бывшаго противника греческой церкви, который предпочелъ ей Болгарскую, („Очерки", с. 68—69, 276—277). Вопросъ объ Охридской іерархіи является спорнымъ, но нежеланіе канонизовать Владиміра могло быть у греческаго духовенства и по другой причинѣ. Греческіе митрополиты помнили, что при Владимірѣ русская церковь была самостоятельна, и что эту самостоятельность онъ добылъ мечемъ. Такъ Владиміръ былъ почтительнымъ, но не всегда покорнымъ и покладистымъ сыномъ Византійской церкви и могъ оставить въ ней о себѣ весьма непріятное воспоминаніе.

вами и сутью святости для людей того времени. Всю жизнь онъ провелъ среди міра и любилъ этотъ міръ; могъ ли онъ возбуждать благоговѣніе въ обществѣ, которое видѣло центръ религіознаго подвига въ отреченіи отъ міра, хотя само погрязало въ самыхъ грубыхъ порокахъ, и какъ могли ожидать отъ мощей почившаго князя чудесъ тѣ, кто, можетъ быть, еще помнилъ его веселые пиры.[1]) Поэтому въ то время, какъ образовалась по его смерти сравнительно небольшая группа почитателей его, какъ святого, большинство не чтило русскаго „апостола въ князѣхъ" съ подобающимъ благоговѣніемъ. Первые смотрѣли на сущность вещей, но большинство, особенно по тому времени, требовало болѣе осязательныхъ, болѣе поражающихъ воображеніе признаковъ святости. Сравнительно не скоро, когда время стерло воспоминаніе о тѣхъ привлекательныхъ чертахъ Владиміра Святого, которыя не гармонировали съ идеаломъ святости его эпохи, въ народной и церковной памяти рельефнѣе выступили великія заслуги Владиміра въ дѣлѣ просвѣщенія Руси христіанствомъ, а также его личныя христіанскія добродѣтели. Владиміръ, наконецъ, былъ признанъ святымъ, и на стѣнахъ храмовъ стали появляться изображенія князя—апостола, представляющія его въ полномъ кияжескомъ одѣяніи, съ сѣдыми кудрями и бровями, съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукѣ.[2])

Для насъ же Владиміръ Святой дорогъ и близокъ именно такимъ, какимъ изображаетъ его лѣтопись, и, оцѣнивъ все его великое значеніе для Русской земли, можно только повторить слова лѣтописца, которыми онъ заканчиваетъ свое повѣствованіе о Великомъ Володимерѣ: „Дивно же есть се, колико добра створілъ Русьстѣй Земли!" „Сего бо память держатъ Русьстии людье, поминающе святое крещеніе, и прославляютъ Бога".[3])

Наталія Голубовская.

---

[1]) Голубинскій, „Ист. русской церкви", т. I, с. 185.

[2]) Такъ изображенъ Владиміръ на фрескѣ XIV в. въ церкви св. Ѳеодора въ Новгородѣ и въ Успенскомъ соборѣ г. Владиміра на Клязьмѣ. Сходныя съ этими фресками древнѣйшія изображенія Владиміра находятся въ житіи свв. Бориса и Глѣба и Похвалѣ Великому князю Владиміру XV в. По своему позднему происхожденію, они не могутъ считаться портретными, но весьма вѣроятно, что они отразили ходячее представленіе о наружности святого князя, какъ она сохранилась въ народной памяти. (Срезневскій, „Древнія изображенія великаго князя Владиміра и княг. Ольги", М., 1867 г., с. 3—4; Петровъ, „Древнія изображенія Св. Владиміра", Твор. К. Дух. Акад. 1887 г., Май, с. 70—78).

[3]) „Лавр. лѣт.", с. 128—129.

ГРИГОРІЙ НИССКІЙ

(331 — 394 г. г.).

Армянская рукопись VIII-го вѣка, изъ Одессы.

Грозная и безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи человѣчества война застала меня, въ іюлѣ 1914 года, въ Ѳеодосіи. Поднялась невообразимая сутолока, и тихій дотолѣ приморскій городъ внезапно ожилъ, сдѣлавшись мѣстомъ скопленія огромной толпы курортныхъ посѣтителей и больныхъ, которые почти со всего южнаго берега Крыма устремились въ Ѳеодосію, чтобы заблаговременно выбраться на сѣверъ, къ себѣ домой. Общая паника въ городѣ усилилась еще благодаря тому обстоятельству, что Россійское Общество Мореходства и Торговли прекратило свои рейсы, а желѣзно-дорожное начальство отмѣнило всѣ поѣзда, за исключеніемъ почтоваго, выходящаго изъ Ѳеодосіи въ 10 часовъ вечера. Дней шесть я выжидалъ, пока нѣсколько уляжется суматоха и представится возможность покинуть мнѣ Тавриду. Наконецъ, 26 іюля на пароходѣ Русскаго Общества, въ 9 час. вечера, мы выѣхали въ Ялту, куда благополучно прибыли въ 6 час. утра. Здѣсь пароходъ стоялъ три часа. Была чудная погода, и меня потянуло въ городъ, гдѣ я вскорѣ отыскалъ дачу симферопольскаго нотаріуса г. Зайцева, въ обществѣ милой семьи котораго я провелъ весьма пріятно время. Гостепріимный хозяинъ самъ проводилъ меня на пароходъ, который ровно въ 9 часовъ утра вышелъ къ Севастополю. Лѣтомъ, въ солнечный и яркій день, плыть на пароходѣ по южному берегу Крымскаго полуострова, для меня, по крайней мѣрѣ, истинное наслажденіе. Не отнимая бинокля отъ глазъ, по цѣлымъ часамъ любуешься великолѣпными силуэтами невысокихъ горъ, покрытыхъ пеленой голубого тумана, прекрасными дачами, утопающими въ роскошной зелени, глубокими ущельями, одинокими зданіями, построенными на склонѣ горъ, виноградниками и, вообще, кар-

тинами природы, ежеминутно мѣняющимися, какъ въ калейдоскопѣ. Около четырехъ часовъ пополудни вдали, на горизонтѣ, показался дымъ: „это — нашъ Черноморскій флотъ“, сказалъ кто-то изъ публики. Всѣ обратили взоры къ морю и увидѣли броненосцы, которые стройно двигались одинъ за другимъ. Черезъ полчаса одинъ дымокъ отдѣлился отъ нихъ, держа курсъ прямо на насъ: въ трехъ стахъ шагахъ миноносецъ крикнулъ намъ въ рупоръ: „держать кильватеръ“ и повернулъ назадъ, нашъ пароходъ послѣдовалъ за нимъ. Черезъ два часа миноносецъ провелъ насъ мимо Константиновской батареи на разстояніи слишкомъ 15 верстъ и пропустилъ насъ впередъ, къ другой пристани Севастополя. Во время часовой остановки, съ парохода выгрузили нѣкоторую часть товаровъ, приняли французскихъ моряковъ, затѣмъ снялись съ якоря, и, подъ конвоемъ того же миноносца, мы двинулись къ Евпаторіи. Въ 10 часовъ вечера миноносецъ покинулъ насъ. Въ Евпаторіи пароходъ принялъ еще такую массу пассажировъ, преимущественно евреевъ, что положительно яблоку негдѣ было упасть. На слѣдующій день, 28 іюля, пополудни, мы прибыли въ Одессу. Взявъ извощика съ пристани, я поѣхалъ на вокзалъ, намѣреваясь продолжать путь въ Кишиневъ, для свиданія съ родными. Къ моему крайнему огорченію, тамъ я засталъ ту же картину, что видѣлъ въ Ѳеодосіи; билетовъ не было. Отдавъ багажъ на храненіе, я поѣхалъ въ армянскую церковь, къ о. Іоанну Чубарьяну. На дворѣ церкви я засталъ человѣкъ 20 солдатъ—армянъ, которые исповѣдывались, чтобы утромъ, пріобщившись св. тайнъ, выѣхать на австрійскую границу. Вечеръ я провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ о. Іоанномъ, который на прощаніе приподнесъ мнѣ въ даръ цѣнную рукопись. Горячо поблагодаривъ о. Чубарьяна за этотъ подарокъ, я простился съ нимъ и отправился въ гостинницу, гдѣ переночевалъ, а утромъ рано въ поѣздѣ летѣлъ уже въ Кишиневъ, но не долетѣлъ, ибо 12 часовъ прождалъ въ Раздѣльной и только на слѣдующій день прибылъ въ Кишиневъ. 5-го августа я выѣхалъ изъ Кишинева, а 11-го числа вернулся въ Бѣлокаменную, проведя двѣ ночи въ вагонѣ на ногахъ, ибо купе были заняты биткомъ, и негдѣ было присѣсть.

Перейдемъ теперь къ рукописи. Она писана курсивомъ или нотаріальнымъ письмомъ (по-армянски: notr—gir, которымъ пишутся вообще юридическіе акты, контракты и разныя обязательства), на тонкомъ пергаментѣ, въ одинъ столбецъ, и состоитъ изъ 413 листовъ, не считая двухъ чистыхъ листовъ въ

началѣ и трехъ въ концѣ рукописи; ширина и длина каждаго листа равны 9×13 сантиметрамъ, и на страницѣ 18 строкъ. Рукопись не богата миніатюрами; вся орнаментировка ея сосредоточена на первыхъ страницахъ каждаго изъ трехъ трактатовъ, заключающихся въ ней, и состоитъ изъ полузаставокъ, въ видѣ особыхъ фронтоновъ, съ разными на нихъ цвѣточными узорами. Направо, на поляхъ, половину листа занимаютъ длинныя украшенія, составленныя изъ разнообразныхъ виньетокъ, арабесокъ и лепестковъ, воспроизведенныхъ изъ готовыхъ образцовъ прошлыхъ столѣтій. Заглавныя буквы, большихъ размѣровъ, составлены изъ птицъ, у зачалъ написаны крупно, сурикомъ; первыя двѣ строки написаны древнимъ и крупнымъ уставомъ, красными и синими чернилами. Преобладающіе цвѣта на указанныхъ и немногочисленныхъ украшеніяхъ красный,—синій и зеленый. На полузаставкахъ, вмѣсто обычныхъ вазъ, съ птичками по сторонамъ, цвѣточныя украшенія. Переплетъ сдѣланъ изъ доски, обтянутой снаружи кожей, внутри матеріей зеленаго и краснаго цѣта, съ бѣлой полосой въ серединѣ, въ родѣ ковровой дорожки; хотя кое-гдѣ червь источилъ отдѣльные листы, образовавъ на нихъ нѣкоторыя незначительныя дыры, однако сохранность памятника, вообще, вполнѣ удовлетворительна.

Этимъ исчерпывается описаніе внѣшнихъ признаковъ разбираемой рукописи. Обратимся теперь къ внутреннему ея содержанію.

Въ ней заключаются три трактата Григорія Нисскаго: а) О естествѣ человѣка; б) Объ устроеніи человѣка; в) О дѣвственности, присущей божественному и безтѣлесному естеству.

Когда были переведены эти статьи на армянскій языкъ и кѣмъ, видно изъ памятной записи въ концѣ рукописи. Вотъ ея дословный переводъ: „въ 6227 году отъ сотворенія міра, XIV-го индиктіона греческаго и 221 (т. е. 772) года армянскаго лѣтосчисленія, въ первомъ году царствованія (императора византійскаго) Льва переведены книги св. Григорія, епископа Нисскаго, въ Константинополѣ, изъ достовѣрныхъ списковъ съ подлинника застольнымъ царскаго стола вельможей Давидомъ и священникомъ—піитой Стефаномъ, ученикомъ владыки Моисея, епископа Сюникскаго. Помяните его съ переписчиками и перемѣните слова памятной записи на надежду спасенія для потрудившихся и поминающихъ (обращеніемъ) къ Христу; въ 1089 (1640) г. закончено святое писаніе,—умоляю помянуть родителя моего Авета“.

Изъ другой записи, находящейся въ самомъ началѣ рукописи, явствуетъ, что сто лѣтъ спустя послѣ первой записи нѣкій инокъ Акопъ (Яковъ) составилъ указатель главъ для первыхъ двухъ книгъ Григорія; онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Когда будешь пользоваться сей книгой, помяни добрымъ словомъ также обрѣтателя ея, меня, Акопа, инока нерадиваго, съ моими родителями. Ибо я охотно составилъ оглавленіе въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить нахожденіе искомаго слова; въ 1181 (1732) г. армянской эры, при патріархѣ Авраамѣ (1730—1734 г.г.), въ Новой-Джульфѣ.[1]) Другихъ записей нѣтъ въ рукописи. Однако 221 годъ (772 г.) армянской эры коимъ въ первой записи датируется время перевода сочиненій св. Григорія, возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе и нуждается въ провѣркѣ. Для этого необходимо выяснить личность переводчика Стефана: о вельможѣ Давидѣ особой рѣчи не можетъ быть, такъ какъ онъ только содѣйствовалъ первому въ его трудахъ и исканіяхъ. Обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о Стефанѣ Сюникскомъ мы находимъ въ Исторіи Сюникской провинціи (нынѣ часть Елисаветпольской губерніи) армянскаго писателя конца XIII-го и начала XIV-го столѣтія, Степана Орбельяна (изд. Н. Эмина, Москва, 1861 г., стр. 95—105). Отъ этого же Орбельяна, митрополита Сюникскаго, сохранились надписи въ монастырѣ Нораванкъ,[2]) которыя въ ближайшемъ будущемъ появятся въ Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Итакъ, помянутый Орбельянъ, сильно увлеченный личностью переводчика Стефана, готовъ, по собственному его выраженію, воспѣть въ Гомеровскихъ стихахъ его моральныя, сердечныя, умственныя качества и достоинства, какъ учителя, святителя и обличителя всякихъ пороковъ. Давъ полную волю и свободу своей восточной, пылкой и неудержимой фантазіи, Орбельянъ восклицаетъ: „Стефанъ — столпъ небесный и якорь вѣры, камень непоколебимый и ратоборецъ неустрашимый святой церкви, человѣкъ небесный и ангелъ земной, присно умершій и всегда живой, восхититель ангеловъ и изумляющій херувимовъ, и не моему незрѣлому и неопытному уму искажать тьму его похвалъ“. Но мы не послѣдуемъ за Орбельяномъ дальше по этому направленію и постараемся извлечь изъ его панегирика только

---

[1]) Предмѣстье Исфагани, въ Персіи, построенное въ 1604 г. Шахъ-Абасомъ I-мъ Великимъ (1587—1628), который насильственнымъ образомъ переселилъ Армянъ въ Персію въ 1602 году.

[2]) См. Алишанъ. „Сисаканъ“, стр. 232—236. Венеція 1893 года.

необходимыя для насъ свѣдѣнія, которыя сводятся къ слѣдующему: Стефанъ, оказывается, сынъ настоятеля соборной церкви въ г. Двинѣ, столицѣ Арменіи, которая въ VII и VIII вѣкахъ находилась подъ владычествомъ Арабовъ, смѣнившихъ персидскихъ Сасанидовъ. Тамъ была тогда резиденція верховнаго главы армянской церкви — католикоса; Стефанъ ранніе годы дѣтства провелъ при дворѣ патріарха, гдѣ онъ жилъ и воспитывался, а когда сталъ юношей, то, влекомый желаніемъ поучиться, онъ покинулъ шумный и многолюдный Двинъ и удалился въ монастырь Макеноцъ (на югъ отъ Севана, озеро Гокчи), къ о. Соломону, который въ тѣ времена славился своей ученостью, строгой и аскетической жизнью. Слѣдуетъ замѣтить, что умственная жизнь Армянъ до христіанства сосредоточивалась въ языческихъ храмахъ (см. у Моисея Хоренскаго о крѣпости Ани на Евфратѣ, нынѣшняя Kemah), а въ періодъ христіанскій—въ монастыряхъ, при которыхъ находились разныя школы съ низшимъ и высшимъ курсомъ наукъ. Прилежно занимаясь здѣсь до зрѣлаго возраста, Стефанъ, для довершенія своего образованія, поступилъ потомъ въ Сюникскую школу, руководимую блаженнымъ епископомъ Моисеемъ. Своими успѣхами и благочестивой жизнью снискавъ къ себѣ расположеніе епископа, онъ, по окончаніи ученія, остался при школѣ преподавателемъ богословія. Между тѣмъ престарѣлый епископъ Сюникскій Моисей, предчувствуя близость кончины, свою каѳедру поручилъ Стефану. Однако послѣдній, послѣ смерти епископа, взялъ съ собой одного изъ его учениковъ Ананію, отправился съ нимъ въ Двинъ и попросилъ патріарха рукоположить Ананію въ епископы и назначить на вакантную Сюникскую каѳедру, самъ же остался въ Двинѣ. Тутъ у Стефана, на религіозной почвѣ, произошли нелады съ владѣтельнымъ и могущественнымъ княземъ Смбатомъ Багратуни, потомки котораго въ концѣ IX-го вѣка возстановили царство въ Арменіи, начавъ собою династію славныхъ Багратидовъ. Опасаясь гнѣва князя, Стефанъ однажды ночью, переодѣвшись, тайкомъ покинулъ столицу Двинъ и убѣжалъ въ Константинополь, гдѣ поселился у одного православнаго отшельника, свѣдущаго въ языческой литературѣ, въ окрестностяхъ города. Подъ руководствомъ новаго своего покровителя, онъ принялся за изученіе греческаго и латинскаго языковъ, основательно ознакомился съ классической письменностью и философіей, сталъ затѣмъ чаще бывать въ Константинополѣ и бралъ книги для чтенія изъ библіотеки храма св. Софіи, чему способствовали знакомые и, между прочимъ,

вельможа Давидъ, упоминаемый въ вышеозначенной записи. Вѣсть о пребываніи Стефана въ Константинополѣ дошла до князя Смбата, который написалъ о немъ императору Льву, какъ о человѣкѣ, „уклоняющемся отъ вѣры православной, оскорбителѣ царства и поносителѣ святой религіи христіанской; его мы изгнали, и онъ живетъ у какого-то отшельника“ (см. Орбельянъ, стр. 98). Сильно разгнѣванный императоръ велѣлъ отыскать и привести къ нему Стефана. Послѣдній, на допросѣ, подученный отшельникомъ, прикинулся безроднымъ нищимъ, прибывшимъ въ столицу для сбора подаянія, и былъ немедленно отпущенъ. Тогда онъ свободно поселился въ Константинополѣ, откуда предпринялъ поѣздку въ Аѳины, изучалъ тамъ науки и снова возвратился въ столицу Византіи. Тутъ при содѣйствіи царскаго сотрапезника,[1]) вельможи Давида, Стефанъ перевелъ на родной языкъ „прекрасныя книги св. Діонисія, комментируя свово въ слово трудныя и темныя мѣста (греческаго текста), перевелъ книги сладкорѣчиваго Григорія Нисскаго о естествѣ и устроеніи человѣка“. Познакомившись съ патріархомъ Германомъ, онъ въ торжественные праздники посѣщалъ греческія церкви, простаивая всю обѣдню до конца. Однажды его принуждали пріобщиться св. таинъ по обычаю Грековъ. Стефанъ отказался, возразивъ, что „не дерзаетъ безъ разрѣшенія своего патріарха“. Недовольный такимъ отвѣтомъ, патріархъ Германъ сталъ подробно разспрашивать Стефана о вѣрѣ. Неотразимая мудрость его привела въ восторгъ патріарха, который написалъ въ Арменію посланіе о вѣрѣ, начинавшееся словами: „Христосъ нашъ миръ“, закрѣпилъ своимъ перстнемъ и вручилъ его Стефану отвести армянскому католикосу. Представленный потомъ императору, онъ произвелъ на него пріятное впечатлѣніе своей бесѣдой о религіозныхъ вопросахъ и, по его указанію, побывалъ также въ Римѣ, гдѣ нашелъ книги Кирилла „о праздности и сокровищѣ“, сочиненія Аѳанасія Александрійскаго и Епифана Кипрскаго. Изъ Италіи Стефанъ не вернулся больше въ Костантинополь, но на кораблѣ поплылъ въ Малую Азію, откуда поѣхалъ, наконецъ, на родину. Въ то время въ Арменіи только-что скончался католикосъ Іоаннъ IV философъ (718—728 г.), уничтожившій тамъ разныя ереси, и патріаршій престолъ занималъ Давидъ (729—741 г.), который, вслѣдствіе гоненій Арабовъ, свою резиденцію перенесъ изъ Двина въ село Арамонсъ (находилось когда-то въ Эриванск. губ.). Стефанъ явился

[1]) У С. Обельяна, въ текстѣ „Kenari“, вѣроятно, отъ латинскаго слова coenare—ѣсть за обѣдомъ, кушать.

къ патріарху Давиду, вручилъ ему привезенныя книги съ посланіемъ св. Германа и, по порученію Давида, самъ же отвѣтилъ на это посланіе. Слава объ учености и праведной жизни Стефана быстро распространилась въ родномъ краю, и когда умеръ епископъ Сюникскій Іоаннъ, то владѣтельный князь Сюникскій Бабгенъ лично пріѣхалъ къ патріарху Давиду и просилъ его рукоположить Стефана въ епископы, съ назначеніемъ на вакантную каѳедру. Въ іерархическомъ отношеніи епископы Сюникскіе, носившіе титулъ митрополита, стояли выше другихъ современныхъ имъ армянскихъ епископовъ. Этотъ титулъ за ними сохранился до конца первой четверти XIX-го столѣтія. Просьба князя была исполнена, и Стефанъ, ставъ митрополитомъ Сюникскимъ, отправился въ свой жребій и началъ наставлять и учить паству жить по закону Божію; ходилъ по всѣмъ 12 областямъ своей епархіи, проповѣдуя „слово истины, какъ мудрый врачъ исцѣлялъ раненыхъ, какъ яркое солнце освѣщалъ помраченныхъ“. . . .

Кромѣ вышеозначенныхъ переводовъ Стефанъ оставилъ послѣ себя толкованія на книги Бытія, Іова, пророковъ Даніила и Іезекіиля, писалъ церковные гимны и шараканы, какъ свидѣтельствуютъ армянскіе писатели XII и XIII вѣковъ.[1]) Конецъ Стефана Сюникскаго былъ трагиченъ; онъ былъ убитъ во время сна одной женщиной, которую святитель часто порицалъ за ея крайне развратную жизнь. Онъ умеръ, по свидѣтельству историка С. Орбельяна, въ 184 году армянской эры (въ 735 г.), слѣдовательно, указанныя творенія Григорія Нисскаго переведены Стефаномъ въ Константинополѣ раньше 735 года, но никакъ не въ 772 году, какъ сказано въ первой записи, въ концѣ рукописи. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ ошибается анонимный авторъ записи, а не просвѣщенный, бывшій митрополитомъ Сюникскимъ С. Орбельянъ, который тщательно собиралъ матеріалы для своей исторіи, обходя всѣ монастыри, церкви, села и деревни Сюникской провинціи, изучая всякія рукописи, акты и грамоты патріаршія, какія только попадались ему подъ руку.

Что касается армянскаго перевода трехъ помянутыхъ трактатовъ Григорія Нисскаго, то онъ намъ кажется тяжелымъ и мѣстами неяснымъ; очевидно, что переводчикъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ греческаго подлинника, котораго я, къ моему сожалѣнію, не нашелъ и поэтому обратился съ просьбой

---

[1]) См. Исторія армянской письменности о. Зарбанала, стр. 489—496. Венеція, 1897 г.; ibid. Армянская библіотека переводовъ древнихъ (IV—XIII вѣка), стр. 362—374 о Григоріи Нисскомъ.

къ проф. Л. З. Мсеріанцу поискать въ библіотекѣ Московскаго Университета печатный оригиналъ твореній Григорія Нисскаго. Самъ же я, по справкѣ почтеннаго Д. Д. Языкова, отправился въ книжный складъ Синодальной типографіи и купилъ первую часть „Твореній иже во святыхъ отца нашего Григорія, епископа Нисскаго. Москва, 1862 г.“ (Русскій переводъ). Въ ней оказался только одинъ изъ трехъ трактатовъ нашей рукописи: „Объ устроеніи человѣка“, состоящій изъ предисловія или посвященія подъ такимъ заглавіемъ: „Брату, рабу Божію Петру, Григорій, епископъ Нисскій“ и 30 главъ, изъ коихъ первая носитъ слѣдующее заглавіе: „первая глава, въ которой заключаются нѣкое частное естествословіе міра и болѣе привлекательное изображеніе предшествовавшаго бытію человѣка“.

Сличая русскій переводъ того же трактата съ армянскимъ, мы замѣтили, что число главъ въ нашей рукописи 32, причемъ, русское предисловіе здѣсь обозначено первой главой, XII-ая глава русскаго перевода вполнѣ соотвѣтствуетъ XIII-й и XIV-й главамъ армянскаго; далѣе заглавія предисловія и первой главы русскаго перевода въ армянскомъ слились въ одно, принявъ слѣдующую форму: „Григорія, епископа, брата Василія, взглядъ на устроеніе человѣка, глава, въ которой заключаются нѣкое частное естествословіе міра и прекрасное и яркое (живое) повѣствованіе“. Остальныя главы въ обоихъ переводахъ сходны, хотя въ пониманіи и передачѣ нѣкоторыхъ мѣстъ греческаго оригинала переводчики, повидимому, расходятся, что весьма естественно, если примемъ въ соображеніе, что между ними лежитъ періодъ въ XII столѣтій. Армянскій переводъ, по авторитетному мнѣнію профессора лингвиста Л. З. Мсеріанца, совершенъ дословно и рабски, что нисколько не можетъ умалить значеніе памятника, принадлежащаго перу писателя VIII-го вѣка Стефана Сюникскаго, хотя бы дошедшаго до насъ въ спискахъ XVII-го вѣка.

Хр. Кучукъ-Іоаннесовъ.

Венеціанскіе кладоискатели XV в. въ южномъ Подоньѣ.

Среди многочисленныхъ источниковъ русской археологіи сказанія иностранцевъ занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Если вещественные памятники составляютъ главное содержаніе археологическаго знанія, то письменныя произведенія оказываютъ немаловажную услугу при истолкованіи и объясненіи вещественныхъ остатковъ прошлаго. Въ этомъ смыслѣ иностранныя сказанія являются вспомогательными источниками археологіи и заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Вотъ почему произведенія греческихъ историковъ и географовъ уже давно пользуются почетною извѣстностью въ русской археологической наукѣ. Въ иномъ положеніи находятся писатели средневѣковья и новаго времени: ихъ сочиненія еще мало изучены, да и сами они почти вовсе неизвѣстны изслѣдователямъ археологическихъ вопросовъ. Къ такимъ писателямъ относится и венеціанецъ Джозафа Барбаро, написавшій въ 1487 г. *„Путешествіе въ Тану“ (Il viaggio della Tana).*

Какъ самое имя Барбаро, такъ и названіе его произведенія нерѣдко встрѣчаются въ изслѣдованіяхъ по южно-русской археологіи; ихъ можно найти и въ такомъ, казалось бы, исчерпывающемъ обзорѣ, какъ недавно вышедшій трудъ Э. Г. Минса.[1] Однако, „Путешествіе въ Тану“ извѣстно нашимъ изслѣдователямъ не съ тѣмъ значеніемъ, какое оно въ дѣйствительности имѣетъ для археологіи Россіи. Въ своемъ сочиненіи Барбаро описываетъ неоднократно видѣнныя имъ придонскія степи и изображаетъ обычаи и нравы народовъ, обитавшихъ здѣсь въ XV стол. Именно эта сторона сказанія и извѣстна изслѣдователямъ южно-русской археологіи. Но сравнительно мало кто знаетъ Барбаро, какъ повѣствователя о раскопкахъ, предпри-

[1] Minns E. H., Scythians and Greeks a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus, Cambridge 1913, p. 37, n. 2.

нятыхъ венеціанцами на берегу Дона въ 1437—1438 г. г. Любопытное и единственное въ своемъ родѣ описаніе этихъ раскопокъ и является предметомъ настоящаго сообщенія.

I.

Составитель „Путешествія въ Тану“ принадлежалъ къ благородной венеціанской фамиліи Барбаро, изъ которой вышло нѣсколько извѣстныхъ ученыхъ, искусныхъ и способныхъ пословъ и храбрыхъ полководцевъ. Джозафа Барбаро родился, вѣроятно, въ началѣ XV стол. О жизни его до 1436 г. намъ ничего неизвѣстно. Въ этомъ году онъ, въ качествѣ посла Венеціанской республики, предпринялъ путешествіе въ далекую Тану (или Азовъ), расположенную на лѣвомъ берегу Дона, верстахъ въ 10 отъ впаденія рѣки въ Азовское море.

Въ описываемое время Тана съ значительною частью Донецкаго бассейна входила въ составъ владѣній Золотой Орды. Въ 20—40-хъ г.г. XIV в. въ Танѣ появились генуэзскія и венеціанскія торговыя поселенія. Самый городъ находился на великомъ торговомъ пути изъ Европы въ Азію. Караваны купцовъ, выходя изъ Таны, плыли на баркахъ вверхъ по рѣкѣ до донецко-волжскаго водораздѣла; пройдя его сухимъ путемъ, они попадали въ Сарай, затѣмъ Волгой приплывали въ Астрахань, откуда одни направлялись въ центральную Азію и Китай, а другіе, огибая Каспійское море, шли въ цвѣтущія тогда земли Туркестана и Персіи.[2]

Такимъ образомъ, южное Подонье въ XIV—XV стол. совсѣмъ не было безлюдно и пустынно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Внѣшній видъ придонскихъ степей совсѣмъ не отличался однообразіемъ. Равнинная мѣстность пересѣкается въ разныхъ направленіяхъ невысокими отрогами донецкаго горнаго кряжа, которые образуютъ по мѣстамъ овраги и неглубокія долины съ протекающими по нимъ рѣчками и потоками. Кое-гдѣ по берегамъ рѣки и въ глубинѣ степного пространства возвышаются холмообразныя насыпи искусственнаго происхожденія. Въ необозримыхъ степяхъ южнаго и средняго Подонья въ описываемое время разбросаны были многочисленныя кочевья татаръ. Иногда появлялись здѣсь медленно тянувшіяся громады войскъ: то считались своими силами зо-

[1] Adelung Fr., Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, B. I, St.-Petersburg—Leipzig 1846, S. 139.

[2] Heyd W., Geschichte des Levantenhandels im Mittelalter, B. II, Stuttgart 1879, SS. 376—377.

лотоордынскіе и крымскіе властители — ханы. Случалось, что войска подходили и къ Танѣ, осаждали ее, разрушали, но городъ возставалъ изъ пепла развалинъ и снова жилъ богатой и сложной жизнью, о которой дошли до насъ лишь скудныя свѣдѣнія.

Въ этотъ отдаленный и своеобразный край и отправился въ 1436 г. Джозафа Барбаро. Прибывъ въ Тану, онъ въ теченіе дальнѣйшихъ 16 лѣтъ путешествовалъ по придонскимъ степямъ и наблюдалъ обитавшихъ здѣсь кочевниковъ, жизнь и обычаи которыхъ подробно описалъ впослѣдствіи. Въ началѣ 50-хъ г.г. онъ возвратился на родину, послѣ чего исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія своего правительства. Въ 1471 году оно отправило его посломъ къ персидскому шаху Узумъ-Гассану, при дворѣ котораго Барбаро оставался 9 лѣтъ. Въ 1479 г. онъ вновь возвратился въ Венецію и здѣсь, спустя 8 лѣтъ, въ 1487 г., описалъ оба путешествія — въ Тану и Персію. Умеръ Барбаро въ глубокой старости въ 1494 г.[1]

Для настоящаго сообщенія важно лишь первое описаніе Барбаро, *Il viaggio della Tana*, ибо въ I главѣ его содержится разсказъ о занимающихъ насъ раскопкахъ венеціанцевъ на берегу Дона. Описаніе путешествія въ Тану впервые было издано въ 1541 г. Антоніемъ Мануччи въ сборникѣ „Viaggi fatti da Venetia alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli. Venetia, Figlivoli di Aldo 1541“, а въ 1559 г. по другому списку переиздано въ II т. „Raccolta di Giovanni Battista Ramusio. Venezia.....[2] Не упоминая о позднѣйшихъ изданіяхъ „Путешествія въ Тану“,[3] отмѣтимъ, что это произведеніе Барбаро переведено лишь на русскій языкъ, при чемъ переводъ, вмѣстѣ съ итальянскимъ текстомъ изъ Рамузіева изданія 1606 г. и съ разночтеніями изъ сборника Мануччи, вышелъ въ „Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи“ В. Семенова (т. I, Спб. 1836). Переводъ Семенова отличается большой неточностью и страдаетъ многочисленными пропусками и искаженіями итальянскаго текста; поэтому всѣ мѣста изъ I гл. сочиненія Барбаро, относящіяся къ раскопкамъ 1437—1438 г.г., заново переведены для настоящаго сообщенія.[4]

---

[1] Adelung, указ. соч., I, 139.

[2] Тамъ же, 5—9, 140—141.

[3] Ихъ было 6: Мануччи—въ 1543 и 1545 г.г., Рамузіо—въ 1574, 1583, 1606 и 1613 г.г., (Adelung, I, 5—9).

[4] Переводъ сдѣланъ нами на основаніи итальянскаго текста, напечатаннаго во II томѣ Рамузіева собранія, изд. 1583 г. Этотъ томъ

II.

„Путешествіе въ Тану“ начинается географическимъ обзоромъ южнаго Подонья и Предкавказья. Опредѣливъ прежде границы Татаріи, Барбаро переходитъ къ описанію Аланіи, подъ которою онъ разумѣетъ южныя придонскія степи и земли, лежащія по восточному берегу Азовскаго моря.

„Страна (алановъ), говоритъ онъ, покрыта горами, рѣками и долинами; въ ней встрѣчается много холмовъ (monticelli), насыпанныхъ руками (людей) въ знакъ погребенія. На вершинѣ каждаго изъ нихъ находится большой камень съ отверстіемъ, въ которое вставленъ увѣсистый крестъ, сдѣланный изъ другого камня. Этихъ холмовъ здѣсь безчисленное множество; въ одномъ изъ нихъ, разсказываютъ, скрытъ богатый кладъ“.[1]

Барбаро узналъ объ этомъ кладѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ бытность Пьетро Ляндо консуломъ въ Танѣ, прибылъ туда изъ Каира нѣкто Гульбединъ (Gulbedin) и разсказалъ, что въ Каирѣ онъ слышалъ отъ одной татарской женщины о богатомъ сокровищѣ, зарытомъ аланскимъ царемъ Индіабу (Indiabu)[2] въ курганѣ, который называется Контеббе (Contebbe); Гульбединъ получилъ отъ татарки и указаніе на нѣкоторые внѣшніе признаки этого кургана. По прибытіи въ Тану Гульбединъ принялся разрывать его, выкапывая ямы (pozzi) то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ кургана. Такъ онъ продолжалъ свои раскопки въ теченіе двухъ лѣтъ, и потомъ умеръ, оставивъ свое имя мѣсту раскопокъ, которое съ этого времени стало называться „ямы Гульбедина“ (le caue di Gulbedin). Поэтому въ Танѣ заключили, что онъ только по безсилію (per impotentia) не могъ найти сокровище.[3] Въ самомъ дѣлѣ, одинъ человѣкъ не долженъ былъ браться за такое трудное и сложное дѣло: необходимо было сотрудничество нѣсколькихъ лицъ.

имѣетъ слѣдующій заголовокъ (приводимъ его въ сокращеніи): „Secondo Volume delle Navigationi et Viaggi raccolto gia da M. Gio. Battista Ramvsio, et hora in qvesta nvova editione accresciuto: nel qvale si contengono l'Historia delle cose de Tartari et diuersi fatti de'loro Imperatori, descritta da M. Marco Polo Gentil'huomo Venetiano, et da Hayton Armeno. Varie descrittioni di diversi avttori,... et Il Viaggio della Tana... Con Priuilegio dell'Illustrissimo Senato di Venetia. In Venetia, Apresso i Giunti. MDLXXXIII“. Это изданіе перенумеровано по листамъ, особаго же обозначенія страницъ въ немъ не имѣется. При ссылкахъ на него въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ употребляется сокращеніе: R. R., II (Raccolta di Ramusio, vol. II).

[1] R. R., II, 92.

[2] Тамъ же, 92 об.

[3] Тамъ же, II, 92.

И вотъ, въ 1437 г., въ бытность Барбаро въ Танѣ, наканунѣ дня св. Екатерины (24 ноября),[1] въ домѣ венеціанскаго гражданина Бартоломео Россо (Rosso) собралось семь его соотечественниковъ-венеціанцевъ: это были купцы—Франческо Корнаро, Катеринъ Контарини, Джованни Барбариго, Джованни да Валле, Моисей Бонъ, самъ домохозяинъ Россо и авторъ „Путешествія въ Тану"—Джозафа Барбаро. Восьмой участницей собранія Джозафа считаетъ св. Екатерину. Трое изъ названныхъ лицъ[2] уже ранѣе были въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ шла рѣчь въ домѣ Россо. Собравшіеся начали разсуждать о кладѣ, который не удалось найти Гульбедину. По обмѣнѣ мнѣніями венеціанцы рѣшили приложить всѣ усилія къ отысканію аланскаго клада. Какъ люди торговые, не привыкшіе довѣряться словамъ, собравшіеся заключили между собою письменное условіе (una scrittura), подлинникъ котораго былъ писанъ рукою Контарини, а копія его, добавляетъ Барбаро, „еще и доселѣ хранится у меня".[3]

Для осуществленія задуманнаго предпріятія договорившіеся наняли 120 рабочихъ, назначивъ каждому изъ нихъ по 3 дуката въ мѣсяцъ. Дней черезъ 8 послѣ этого, слѣдовательно, въ первыхъ числахъ декабря 1437 г., „всѣ мы семеро, разсказываетъ Барбаро, со 120 спутниками выѣхали изъ Таны, запасшись одеждою, жизненными припасами и орудіями, которые положили на сани (Zenà), употребляемыя въ Россіи". Ѣхали они по льду Дона и на слѣдующій день прибыли къ холму Контеббе, который находился на берегу рѣки (повидимому, на правомъ), въ 60 миляхъ (около 104 верстъ),[4] отъ Таны.[5]

„Холмъ Контеббе, сообщаетъ Барбаро, имѣетъ около 50 шаговъ въ вышину; вершина его образуетъ площадку, на которой находится другой холмъ, наподобіе круглой шапки, окруженный отлогой выемкой (piega, margine), по которой могутъ пройти два человѣка рядомъ. Этотъ холмъ имѣетъ 12 шаговъ въ вышину, основаніе его кругло и какъ будто сдѣлано по циркулю, а поперечникъ составляетъ 8 (80) шаговъ.[6]

---

[1] Память св. Екатерины празднуется католическою церковью 25 ноября.

[2] Бонъ, Россо и Барбаро (R. R., II, 92).

[3] R. R., II, 92.

[4] Венеціанская миля=1738,675 метровъ=814 саж. 2 арш. 10 вершк.

[5] R. R., II, 92.

[6] Тамъ же: „et occupaua in diametro 8. passa" (Рамузіо); „et occupava per diametro passa LXXX" (Мануччи)—(Библіотека иностр. писат., 102).

„Мы начали копать, читаемъ дальше въ описаніи, съ площадки большого холма, служащей основаніемъ холму меньшему, надѣясь прорыть широкій ходъ съ низу до верху (этого последняго), вдоль всего холма. Когда мы начали разбивать землю, она оказалась столь твердой и обледенѣлой, что нельзя было разбить ее ни мотыками, ни топорами; но, вкопавшись немного глубже, мы достигли мягкаго слоя,—и весь этотъ день работали довольно успѣшно. Возвратившись же къ работѣ на слѣдующее утро, мы нашли, что земля (вновь) застыла и сдѣлалась тверже прежняго, такъ что мы вынуждены были оставить предпріятіе и вернуться въ Тану, предположивъ и твердо рѣшивъ весною придти сюда снова.“[1]

Въ исходѣ марта слѣдующаго 1438-го года венеціанцы отправились къ холму Контеббе на баркахъ и судахъ, на этотъ разъ уже со 150 рабочими, и снова принялись за раскопки. Въ теченіе 22 дней они сдѣлали въ большомъ курганѣ ровъ (tagliata), около 60 шаговъ длины, 8 ширины и 10 глубины. Надежда отыскать сокровище окрыляла предпринимателей и удваивала ихъ старанія, такъ что сами хозяева трудились усерднѣе рабочихъ: собственноручно они таскали носилки, которыя былъ мастеръ дѣлать Барбаро. „Къ великому нашему изумленію, разсказываетъ онъ, верхній слой земли оказался чернымъ отъ (перегнившей) травы; далѣе сплошь (per tutto) были угли—вѣроятное слѣдствіе сожженія ивовыхъ зарослей, находившихся вблизи (холма), на которомъ могли разводить огонь; затѣмъ слой золы толщиною въ четверть (per una spanna), образовавшійся, вѣроятно, отъ сжиганія камышника, росшаго по сосѣдству: сжигая камышъ, можно получить золу; потомъ шелъ слой просяной шелухи (scorze di miglio), толщиною тоже въ четверть (что можно объяснить употребленіемъ хлѣба, приготовленнаго изъ проса, шелуху котораго складывали на сохраненіе въ этомъ мѣстѣ),—любопытно (только) знать, сколько потребовалось проса для заполненія его шелухою пространства во всю окружность холма и толщиною въ четверть?[2] Затѣмъ былъ слой рыбьей чешуи, именно отъ карпа (raine) и иныхъ подобныхъ, толщиною въ четверть (отсюда можно заключить, что въ той рѣкѣ водилось много карпа и другой рыбы, почему чешуею ихъ можно было покрыть весь холмъ)“.[3]

[1] R. R., II, 92—92 об.

[2] Это замѣчаніе Барбаро указываетъ на то, что венеціанцы не ограничились копаніемъ упоминаемыхъ въ описаніи рвовъ, а производили изслѣдованіе почвы въ нѣсколькихъ мѣстахъ кургана.

[3] R. R., II, 92 об.

Описавъ такимъ образомъ почвенные слои, Барбаро прибавляетъ, что ему могутъ вѣрить или не вѣрить, но все, разсказанное имъ, есть правда. Онъ предполагаетъ далѣе, что аланскій царь Индіабу, по приказанію котораго былъ насыпанъ этотъ могильный холмъ, наполнилъ его всѣми упомянутыми предметами по тогдашнему обычаю своей страны.[1]

„Сдѣлавъ упомянутый ровъ и не найдя сокровища, мы, пишетъ Барбаро, рѣшили заложить въ большомъ (massiccio) холмѣ (еще) два рва, имѣвшіе 4 шага въ ширину и глубину; дѣлая ихъ, мы встрѣтили бѣлый грунтъ, и настолько твердый, что вырубили въ немъ ступеньки, по которымъ и таскали носилки. Углубившись шаговъ на пять, мы нашли на этой глубинѣ нѣсколько каменныхъ сосудовъ (vasi di pietra); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ пепелъ, въ другихъ—угли; одни были пусты, другіе были наполнены костьми отъ рыбьихъ позвонковъ. Нашли также 5 или 6 шариковъ отъ четокъ (pater nostri), величиною съ померанецъ, изъ обожженной покрытой глазурью глины, похожихъ на тѣ, которые выдѣлываются въ Мархіи и прикрѣпляются къ неводамъ (tratte). Нашли мы еще половинку ручки отъ небольшого серебрянаго сосуда (ramino), которая въ верхней (своей) части похожа на голову змѣи“.[2]

Съ наступленіемъ страстной недѣли, т. е. 6—7 апрѣля,[3] подулъ такой сильный восточный вѣтеръ, что подымалъ землю, выкопанные комья и камни и кидалъ ихъ въ лицо рабочихъ, поранивъ ихъ до крови. Въ виду этого, а также вслѣдствіе безуспѣшности раскопокъ венеціанцы рѣшили вернуться въ Тану съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не браться за такое дѣло: „это было въ понедѣльникъ на Пасхѣ“, добавляетъ Барбаро,[4] т. е. 14 апрѣля. Мѣсто, которое раскапывали венеціанцы, прежде извѣстно было подъ названіемъ „ямъ Гульбедина“, теперь оно стало называться „франкскою ямою“ (la caua de'Franchi), ибо „въ теченіе немногихъ дней, говоритъ въ заключеніе Барбаро, мы совершили такой трудъ, на который, казалось бы, въ то же время потребовалось не менѣе 1000 человѣкъ“.[5]

III.

Мы видѣли, какъ начались и въ какой обстановкѣ протекали раскопки, предпринятыя венеціанцами на берегу Дона въ

[1] R. R., II, 92 об.
[2] Тамъ же.
[3] Въ 1438 г. первый день Пасхи приходился на 13 апрѣля.
[4] R. R., II, 92 об.
[5] Тамъ же.

1437—1438 г.г., и Барбаро увѣряетъ насъ, что все происходило именно такъ, какъ онъ описываетъ въ своемъ сочиненіи. Несмотря на эти увѣренія, описаніе состава и расположенія почвенныхъ слоевъ въ главномъ курганѣ вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, насколько точно данное описаніе? Въ какой мѣрѣ истинно и все, разсказываемое Барбаро о раскопкахъ венеціанцевъ? Если для рѣшенія перваго недоумѣннаго вопроса мы не располагаемъ достаточными данными, то второй находитъ себѣ отвѣтъ въ общей оцѣнкѣ письменныхъ произведеній Барбаро. Подробное разсмотрѣніе ихъ со стороны тѣхъ извѣстій, которыя онъ сообщаетъ о видѣнныхъ имъ странахъ и народахъ, приводитъ къ заключенію, что въ Барбаро мы имѣемъ добросовѣстнаго и внимательнаго наблюдателя. Эта сторона произведеній писателя-венеціанца хорошо извѣстна современнымъ ученымъ изслѣдователямъ и уже давно оцѣнена ими по достоинству. Такимъ образомъ, положительная оцѣнка сочиненій Барбаро даетъ увѣренность и въ томъ, что описаніе раскопокъ 1437—1438 г.г. не вымышлено писателемъ и соотвѣтствовало дѣйствительности.

Итакъ, какую же *научную* цѣнность имѣетъ это описаніе?

Современная археологія требуетъ, чтобы при описаніи раскопокъ кургановъ былъ выполненъ рядъ условій, при отсутствіи которыхъ вся работа копателей считается лишенной научнаго значенія. Что же это за условія, и въ какомъ отношеніи къ нимъ находятся работы венеціанцевъ въ Подоньѣ?

При описаніи раскапываемаго кургана—

1. Должно быть отмѣчено его географическое положеніе. Барбаро точно опредѣляетъ положеніе холма Контеббе на разстояніи 60 миль (ок. 104 верстъ) отъ Таны, на берегу Дона.

2. Нужно изучить расположеніе сосѣднихъ кургановъ и ихъ количество. Барбаро даетъ довольно точное описаніе мѣстности, прилегавшей къ холму Контеббе: она была покрыта искусственными насыпями, на вершинахъ которыхъ лежали большіе камни со вставленными въ нихъ каменными же крестами. Барбаро говоритъ и о причинѣ выбора венеціанцами холма Контеббе, но доводы его имѣютъ мало общаго съ современною наукою: это хищническое отысканіе сокровищъ „аланскаго царя Индіабу“.

3. Важно описать внѣшній видъ и размѣры кургана, избраннаго для раскопокъ. Мы видѣли, что Барбаро подробно описываетъ внѣшность холма Контеббе, двухсоставнаго по своей формѣ, и даетъ измѣреніе обѣихъ его частей.

4. Необходимо опредѣлить вещество, изъ котораго сдѣланъ курганъ, и его устройство. Въ описаніи Барбаро мы видимъ обозначеніе и расположеніе почвенныхъ слоевъ, изъ которыхъ былъ сооруженъ курганъ Контеббе.

Наконецъ, 5. Нужно изслѣдовать состояніе раскапываемаго кургана, т. е. цѣлъ ли онъ и не носитъ ли на себѣ слѣдовъ порчи, не былъ ли раскопанъ прежде и кѣмъ именно и т. п. Относительно холма Контеббе Барбаро говоритъ, что онъ не былъ цѣлъ, что еще ранѣе въ немъ производилъ безпорядочныя раскопки Гульбединъ изъ Каира, отчего и самый холмъ назывался „ямами Гульбедина“.

Обращаясь далѣе къ самой техникѣ раскопокъ 1437—1438 г.г., мы видимъ, что она въ общемъ приближается къ современной. Венеціанцы производили раскопки при помощи наемныхъ рабочихъ на опредѣленномъ жалованьѣ; они начали рыть съ верхней части двухсоставнаго кургана, какъ это сдѣлали бы и теперь; они копали не безпорядочно, а, подобно современнымъ археологамъ, выбирали для работъ опредѣленныя мѣста и въ нихъ закладывали рвы-траншеи, правильные по размѣрамъ и своему внѣшнему виду; у нихъ были, наконецъ, различныя орудія для копанія, хотя и не настолько разнообразныя и приспособленныя къ работамъ, какъ въ настоящее время.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что описаніе раскопокъ, предпринятыхъ венеціанцами въ южномъ Подоньѣ, по своей точности и опредѣленности, близкой къ современнымъ научнымъ требованіямъ и пріемамъ, заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что данное описаніе является первымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ описаній этого рода, ибо пытливый венеціанецъ предпринялъ его задолго до возникновенія научной археологіи. И намъ думается, что въ исторіи этой науки I глава „Путешествія въ Тану“ должна занять видное мѣсто, вполнѣ приличествующее произведенію, равнаго которому не знаетъ вся археологическая литература.

Вл. Огородниковъ.

Къ вопросу о названіи Чернаго моря въ древности.

I.

Извѣстный ученый Эрнстъ Курціусъ, подходя къ характеристикѣ Чернаго моря, рисуетъ его въ жуткихъ, неприглядныхъ штрихахъ:

„Лишенная острововъ", говоритъ онъ,[1]) „морская пустыня страшила греческаго мореплавателя, и никто не отваживался пускаться въ нее, не принеся жертвъ и не помолившись у выхода въ Боспоръ Зевсу Урію, ниспосылавшему попутный вѣтеръ. Казалось, будто мореплаватель прощался тутъ со своей родиной для того, чтобы вступить въ новый и чуждый міръ, ибо въ сравненіи съ небомъ Архипелага небо Понта неясно и сумрачно, воздухъ густъ и тяжелъ, вѣтеръ и теченіе повинуются другимъ законамъ. Берегъ по большей части лишенъ гаваней, низменъ и болотистъ. Отъ этого происходятъ сильныя испаренія, которыя тяжелымъ туманомъ опускаются то на тотъ, то на другой берегъ" и т. д. и т. д.

Въ такихъ же чертахъ Черное море представляется и многимъ путешественникамъ, какъ, напримѣръ, А. П. Милюкову. . .[2])

Если мы теперь обратимся къ грекамъ, то увидимъ, что и они представляли себѣ Черное море страшнымъ, неуютнымъ, непривѣтливымъ. Вспомнимъ извѣстное всѣмъ мѣсто изъ Гомера, гдѣ говорится:

Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю-ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,

---

[1]) Эрнстъ Курціусъ, Исторія Греціи, т. I, стр. 340 (русскій переводъ).

[2]) См. у В. В. Латышева, Изслѣд. объ исторіи и госуд. устройствѣ Ольвіи. С.-Пб. 1887., стр. 1.

Съ неба-ль звѣздами обильнаго сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безстрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ...[1])

Безъ сомнѣнія, такое описаніе вселяло страшную жуть въ грека—южанина, привыкшаго къ истокамъ золотыхъ лучей горячаго солнца. И вотъ мы читаемъ у греческихъ авторовъ, что Черное море первоначально у грековъ называлось „Негостепріимнымъ", причемъ встрѣчаемъ и объясненія такому названію.

Такъ, напримѣръ, Страбонъ, полемизируя съ Аполлодоромъ и Эратосѳеномъ, указываетъ на то, что Гомеръ дѣйствительно не зналъ побережья Чернаго моря: καὶ εἰκότως γε. ἄπλουν γὰρ εἶναι τότε τὴν θάλατταν ταύτην, καὶ καλεῖσθαι Ἄξενον διὰ τὸ δυσχείμερον καὶ τὴν ἀγριότητα τῶν περιοικούντων ἐθνῶν, καὶ μάλιστα τῶν Σκυθικῶν, ξενοθυτούντων καὶ σαρκοφαγούντων καὶ τοῖς κρανίοις ἐκπώμασι χρωμένων. ὕστερον δ'Εὔξεινον κεκλῆσθαι, τῶν Ἰώνων ἐν τῇ παραλίᾳ πόλεις κτισάντων...,[2]) т. е. это и естественно; вѣдь въ тѣ времена это море было недоступно для плаванія и называлось Негостепріимнымъ по причинѣ бурь и дикости живущихъ вокругъ племенъ, въ особенности скиѳскихъ, приносившихъ чужеземцевъ въ жертву, питавшихся (человѣческимъ) мясомъ и употреблявшихъ черепа вмѣсто чашъ; впослѣдствіи же оно названо было Гостепріимнымъ, когда Іонійцы основали города на побережьѣ).

Такъ объяснялъ себѣ названіе Чернаго моря античный умъ.

II.

Ученые новаго времени также неоднократно затрагивали вопросъ о томъ, почему именно Черное море первоначально носило названіе Ἄξενος. Достаточно указать на два теченія, которыя можно наблюдать въ этомъ вопросѣ въ XIX вѣкѣ.

Еще въ первой половинѣ XIX вѣка Bochart[3]) сдѣлалъ предположеніе, что Ἄξενος произошло въ силу нѣкоторыхъ измѣненій отъ Ἀσκένας, подъ которымъ Bochart понималъ фригійскій народъ. Приводя точку зрѣнія Bochart'a, K. Neumann въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Die Hellenen im Skythenlande", т. I, (1855, Berlin) на стр. 347 говоритъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ остроумному предположенію ученаго Bo-

[1]) „Одиссея", XI, 12—19. Цитирую по Гнѣдичу.
[2]) Страбонъ, VII, 3, 6.
[3]) Bochart, Phaleg. lib. III, c. 9. Нужно оговориться, что книги Bochart'a подъ руками имѣть намъ не удалось, и свѣдѣніями о точкѣ зрѣнія Bochart'a мы всецѣло обязаны книгѣ K. Neumann'a, Die Hellenen im Skythenlande, I, стр. 347.

chart'а въ томъ, что древнѣйшее названіе Чернаго моря звучало Askenaz по фригійцамъ, которые передъ переселеніемъ ѳракійскихъ племенъ находились у Пропонтиды и Понта.

„Die Griechen",—резюмируетъ K. Neumann, „nannten also das grosse Gewässer, welches sich jenseits des thrakischen Bosporos unabschbar ausdehnte. entweder schlechtweg „das Meer", Pontos, oder mit seinem speciellen Namen Askenaz, Pontos Askenaz, das Phryger-Meer,—den sie nach ihrer Weise sofort in Pontos Axenos gräcisierten. . . .".[1])

Въ 1882 г. Otto Keller вновь поднялъ вопросъ о названіи Чернаго моря[2]) и рѣшилъ его въ томъ же смыслѣ, какъ и Bochart.

Такимъ образомъ, приведенныя выше мнѣнія и составляютъ одно изъ тѣхъ двухъ теченій по вопросу о названіи Чернаго моря, о которыхъ мы упоминали выше.

Это, однако, теченіе породило собой другое, единственнымъ, кажется, представителемъ котораго является Л. Ф. Воеводскій.

Л. Ф. Воеводскій, въ своемъ докладѣ[3]) на VI-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ въ 1884 г. предложилъ другое толкованіе вопроса, тѣсно связанное съ тѣми мыслями, которыя онъ высказалъ еще въ 1881 г. въ своей книгѣ „Введеніе въ миѳологію Одиссеи". Мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ доклада Л. Ф. Воеводскаго, которая всего ярче обрисуетъ его точку зрѣнія на разбираемый вопросъ.

„Не останавливаясь на скиѳахъ, иперборейцахъ и другихъ обитателяхъ сѣвера.[4]) я напомню здѣсь только киммерійцевъ, названіе которыхъ отразилось въ наименованіи Боспора Киммерійскаго и въ рядѣ другихъ топографическихъ именъ. Гомеръ говоритъ о нихъ при описаніи путешествія Одиссея въ Аидъ, Odyss. XI, 12—19. Соотвѣтственно тому, какъ въ народныхъ сказкахъ герой попадаетъ изъ свѣтлаго царства въ темное, напримѣръ, въ черный городъ, въ которомъ все покрыто сукномъ чернаго цвѣта, Одиссей прибываетъ изъ страны свѣта

---

[1]) „Греки назвали такимъ образомъ великій водный бассейнъ (das grosse Gevässer), который необозримо расширялся по ту сторону Ѳракійскаго Боспора, или прямо „море", Понтъ, или съ его особымъ названіемъ Askenaz, Pontos Askenaz, Фригійское море, которое они своеобразно сейчасъ же грецизировали въ Понтъ Эвксинскій".

[2]) Philolog. Wochenschr. 1882, ч. III, стр. 71.

[3]) Л. Ф. Воеводскій, О происхожденіи названія Чернаго моря („Труды VI арх. съѣзда въ Одессѣ", т. II, стр. 124—128).

[4]) Сравн. Л. Ф. Воеводскій, Введеніе въ миѳологію Одиссеи, стр. 104—109.

въ темное царство киммерійцевъ, причемъ указана и настоящая причина начала этой темноты: солнце зашло, наступила ночь. Темное царство было, очевидно, первоначально идентично съ свѣтлымъ и отдѣлялось отъ него не въ пространствѣ, а во времени. Страна киммерійцевъ—страна ночи, ночное небо. Разъ эта страна принята за отличную отъ страны свѣта по пространству, то естественно пришлось предположить, что въ этой странѣ никогда не является солнце и господствуетъ вѣчный мракъ. Вотъ одно изъ множества данныхъ, которыя заставляютъ меня въ киммерійцахъ, къ какимъ бы народамъ впослѣдствіи ни примѣнялось это названіе, усматривать—первоначально звѣзды, а въ обитаемой ими странѣ—ночное небо. Отсюда я заключаю, что и море, принадлежащее этимъ киммерійцамъ, первоначально было ночное небо—въ виду того именно, что море—миѳологическій эквивалентъ неба.... Вотъ почему, между прочимъ, я нахожу вѣроятнымъ, что названія „негостепріимный“ и „гостепріимный“ имѣютъ подобнаго рода миѳологическое значеніе, и почему не могу согласиться съ недавно высказаннымъ мнѣніемъ Otto Keller'a,[1]) что оно называлось первоначально Асканскимъ, т. е. Фригійскимъ (Ἀσκέναξ), и что только, такъ сказать, по недоразумѣнію превратилось въ Ἄξενος. Дальше я утверждаю, что съ одинаковымъ правомъ, какъ оно въ древности называлось „негостепріимнымъ“ и „гостепріимнымъ“, оно у другихъ народовъ могло бы назваться не только „чернымъ“, но и „бѣлымъ“, ибо то и другое—то же самое небо, только въ различныя времена, и преобладаніе одного названія надъ другимъ дѣло болѣе или менѣе случайное...“.

Изъ приведенной цитаты уже видно, что было потрачено много энергіи для того, чтобы влить въ этотъ вопросъ цѣлый потокъ миѳологическихъ элементовъ. Вмѣстѣ съ этимъ видно, что какой-то искусственностью вѣетъ отъ такого построенія.

Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ мнѣнія Л. Ф. Воеводскаго и остановимся лишь на тѣхъ данныхъ, которыя подкрѣпляютъ точку зрѣнія Bochart'a и Otto Keller'a.

III.

Какъ извѣстно, послѣдняя четверть XIX в. особенно много дала матерьяловъ по ассиріологіи, благодаря которой ученымъ удается вскрыть чрезвычайно много интереснаго въ дѣлѣ изу-

[1]) О точкѣ зрѣнія Bochart'a Л. Ф. Воеводскій, кажется, не зналъ.

ченія передней Азіи и отношеній ея къ сосѣднимъ народамъ и государствамъ. И вотъ какъ разъ эти-то матерьялы мы и привлечемъ для подкрѣпленія точки зрѣнія Bochart'a, который шелъ въ рѣшеніи вопроса самостоятельно и предвосхитилъ мнѣніе Fr. Delitzsch'a.

Fr. Delitzsch въ 1882 г.[1]) поставилъ библейское Askenaz (I кн. Моисея, 10,3) въ связь съ клинописнымъ mât-Asguz-a,[2]) князь котораго при Ассархаддонѣ Ispu-ka-ai подчинилъ себѣ Маннеевъ въ Арменіи.

А нѣсколько позднѣе Hugo Winckler блестяще доказалъ, что Askuza въ грецизированной формѣ представляетъ не что иное, какъ Σκύθης...[3])

Мы не станемъ останавливаться на томъ, какой ужасъ, какое безпокойство внесли скиѳы своимъ вторженіемъ въ Переднюю Азію.[4]) Для насъ достаточно отмѣтить, что скиѳы заставили передне-азіатскіе и мало-азіатскіе народы говорить о себѣ съ душевнымъ трепетомъ, съ боязливымъ преклоненіемъ. И если трудно было согласиться съ Bochart'омъ, что такой скромный народъ, какъ фригійцы, могъ дать свое имя такому великому морю, то теперь, съ отождествленіемъ Askenaz именно со скиѳами, кажется совершенно правдоподобнымъ, что мало-азійцы и передне-азійцы то море, со стороны котораго имъ грозила опасность, назвали въ VII в. по имени того народа, который окружалъ это море и навелъ на нихъ ужасъ. Это были Σκύθης, Askuza, Askenaz.

Такое названіе Чернаго моря стало извѣстно малоазійскимъ грекамъ, которые, связывая вмѣстѣ съ этимъ именемъ много потрясающихъ ужасовъ, невольно для себя подмѣнили названіе Askenaz названіемъ, какъ разъ выражавшимъ всю грубость, непривѣтливость Чернаго моря, Ἄξενος.[5])

---

[1]) Fr. Delitzsch, Libri Dan., Ezechiel, Neh. ed Baer, стр. IX.

[2]) Сравн. Schrader's, Keilinschriftliche Bibliothek, т. II (1890), стр. 129, строки 27—31, и Schrader, Keilinschriften und Geschichtsforschung, стр. 187 (1878).

[3]) См. Winckler, Altorientalische Forschungen, I, 486, слѣд. Сравн. Prasek, Geschichte der Meder und Perser, т. I (1906), стр. 115 и 118. Сравн. также мою статью „О передвиженіи Геродотовскихъ скиѳовъ въ Передней Азіи" (въ „Учен. Зап. Имп. Казанск. Университета", май 1915 и отдѣльно), стр. 16—17, гдѣ я останавливаюсь на положеніи вопроса о скиѳахъ по ассирійскимъ источникамъ.

[4]) См. мою статью, упомянутую въ предыдущемъ примѣчаніи.

[5]) Вспомнимъ, что греки вообще невѣроятнымъ образомъ коверкали иностранныя имена, что видно, напримѣръ, изъ показаній греческихъ авторовъ по египетской исторіи и т. д.

Трудно, конечно, теперь рѣшать, произошла ли такая перемѣна названій еще въ Малой Азіи, или она произошла при перенесеніи свѣдѣній о Черномъ морѣ въ метрополію. Во всякомъ случаѣ греки, получивъ первоначально свѣдѣнія о Черномъ морѣ изъ Малой Азіи, не смогли не связать съ этими свѣдѣніями своихъ собственныхъ представленій. Позднѣе, какъ только греки сами ознакомились съ Чернымъ моремъ и раскинули по его берегамъ цѣлую массу цвѣтущихъ колоній, они замѣтили, что Ἄξενος не совсѣмъ соотвѣтствуетъ характеру Чернаго моря. Напротивъ, они обнаружили, что Черное море—богатая житница. И вотъ ассоціація по контрасту подсказала грекамъ другое названіе — Εὔξεινος. Это могло случиться уже къ концу VII вѣка, т. к. къ этому времени греческія колоніи по берегамъ Чернаго моря уже расцвѣтали пышнымъ цвѣткомъ.

Вотъ тѣ соображенія, которыя подкрѣпляютъ точку зрѣнія Bochart'a, и на фонѣ которыхъ мнѣніе Л. Ф. Воеводскаго становится еще болѣе фантастическимъ, еще болѣе непріемлемымъ.

В. Смолихъ.

Изъ Ѳеодосійской старины.

(Архивныя справки).

I.

До послѣдняго времени въ печати было очень мало, свѣдѣній о ѳеодосійскомъ градоначальствѣ да и попадавшіяся не отличались точностью; не были извѣстны даже имена ѳеодосійскихъ градоначальниковъ и даты ихъ пребыванія на этомъ посту. Такъ, время пребыванія на посту перваго градоначальника и военнаго губернатора ген. отъ инф. Феньша исчислялось съ 1804 по 1809 годъ; имя его варьировалось и „Феньшау“ и „Феньшъ“. Точныя даты, выбранныя нами изъ подлинныхъ его приказовъ о вступленіи и оставленіи должности, устанавливаютъ это время. Подпись его „А. Феньшъ“ также устраняетъ возможность двоякаго толкованія англійскаго произношенія его имени (A. Fenchau). Подробныя біографическія данныя удалось намъ добыть лишь о П. Гаевскомъ, формуляръ коего хранится въ отлично содержащемся архивѣ Ѳеодосійской таможни. Конечно, имѣются данныя и о А. И. Казначеевѣ, бывшемъ градоначальникѣ и Таврическомъ губернаторѣ, впослѣдствіи—сенаторѣ, умершемъ въ 80 годахъ въ Москвѣ.

Опубликованіе собранныхъ нами точныхъ датъ представляется необходимымъ, между прочимъ, и по той причинѣ, что хранившійся въ ѳеодосійской городской управѣ драгоцѣнный архивъ ѳеодосійскаго градоначальства нынѣ не существуетъ. Во время пожара 1905 года въ зданіи управы только часть его случайно уцѣлѣла, такъ какъ находилась, за неимѣніемъ мѣста въ новомъ зданіи городского управленія, въ городскомъ банкѣ. Составленная дѣлопроизводителемъ управы Н. И. Поспѣховымъ подробная опись этихъ дѣлъ также сгорѣла въ 1905 году. Однако послѣ того, какъ управа перебралась въ домъ С. С. Крыма по Казначеевской улицѣ (гдѣ нынѣ таможня,

пріобрѣвшая этотъ домъ), городской банкъ возвратилъ управѣ весь этотъ архивъ, и послѣдній сваленъ былъ прямо во дворѣ. Часть дѣлъ была въ значительной степени повреждена дождями и вѣтрами, но все же на лицо имѣлось до 3-хъ возовъ дѣлъ и бумагъ. Въ 1909—1910 году рѣшено было управой „освободить“ помѣщеніе управы, т. е. управскаго двора, отъ „лишняго груза“. Три воза архивныхъ матеріаловъ были вывезены за карантинъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ... сожжены до тла. Такимъ образомъ, матеріалы по исторіи ѳеодосійскаго градоначальства погибли почти безвозвратно, такъ какъ осмотру архивъ этотъ не подвергался. Въ архивѣ этомъ работалъ только бывшій директоръ ѳеодосійской мужской гимназіи В. К. Виноградовъ (скончавшійся въ 1894 году), составившій по его даннымъ „Исторію водоснабженія Ѳеодосіи въ періодъ русскаго владычества“ и очеркъ „Ѳеодосія“.

При такихъ условіяхъ, нѣкоторымъ подспорьемъ въ изученіи датъ ѳеодосійскаго градоначальства оказался превосходно сохранившійся архивъ ѳеодосійской таможни, старѣйшаго учрежденія русской Ѳеодосіи. Въ этомъ архивѣ сохранились дѣла съ 1783 г по нынѣшній, причемъ бывшимъ управляющимъ В. Синельниковымъ архивъ былъ приведенъ въ отличный видъ: дѣла расположены по годамъ, заключены въ папки, хранятся въ отличномъ состояніи. Только дѣла первыхъ годовъ оказались немного попорченными шашнемъ, но и то въ незначительной степени. Изъ дѣлъ и книгъ этого архива мы и почерпнули наши даты, сохранившіяся благодаря безпрерывному подчиненію таможни ѳеодосійскимъ градоначальникамъ за все время существованія градоначальства. Приводимыя даты мы имѣемъ возможность дать въ настоящей замѣткѣ благодаря любезному разрѣшенію на работу въ этомъ архивѣ со стороны нынѣшняго управляющаго ѳеодосійской таможней Петра Максимовича Глонти.

Имѣющійся въ Ѳеодосіи архивъ центральнаго карантина, также подчинявшагося градоначальнику, сохранился лишь съ 1812 года. Нынѣ онъ приведенъ въ должный порядокъ главнымъ врачемъ д. с. с. К. А. Бѣлиловскимъ, который составляетъ историческій очеркъ карантина.

При работахъ по составленію историческаго очерка г. Ѳеодосіи, мы натолкнулись на остатки архива ѳеодосійской городской ратуши, хранящіеся еще въ ѳеодосійской городской управѣ и чудомъ уцѣлѣвшіе отъ пожара въ 1905 году, въ городскомъ зданіи и при ауто-да-фе 1909 года. Изъ этого архива мы почер-

пнули нѣсколько переписокъ, имѣющихъ кое-какой интересъ, въ особенности для характеристики личности градоначальника С. Броневскаго, о коемъ нѣтъ почти никакихъ біографическихъ данныхъ, кромѣ извѣстнаго упоминанія о немъ А. С. Пушкина. Два эпизода,—съ городской думой изъ-за устрицъ и съ начальникомъ таможеннаго округа изъ-за непроявленія чинопочитанія, — кажется, служатъ нѣкоторымъ показателемъ твердости и рѣшительности этого правителя, а также и нѣкотораго его помпадурства. Приводимъ также неопубликованное еще постановленіе Ѳеодосійской городской думы о пріобрѣтеніи предметовъ учреждавшагося, по мысли Броневскаго, для Ѳеодосійскаго музея древностей. Наконецъ, изъ дѣлъ 1856 года приводимъ опредѣленіе объ отводѣ новаго участка земли профессору Айвазовскому.

II.

Ѳеодосійское градоначальство было учреждено 23 февраля 1804 года, причемъ вступившій 4 марта этого года въ отправленіе должности градоначальника англичанинъ Андрей Семеновичъ Феньшъ, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, именовался Ѳеодосійскимъ военнымъ губернаторомъ. Какъ извѣстно, при этомъвоенномъ губернаторѣ была начата постройка карантинной стѣны (въ 1804 г.), выстроены казармы и пр. Для сооруженій ихъ и были разобраны крѣпостныя стѣны, составлявшія цѣнные остатки генуэзскихъ укрѣпленій. Въ указѣ 4 марта 1804 г. А. С. Феньшъ именуется Ѳеодосійскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ основу управленія положены были правила указа 27 января 1803 г. о градоначальствѣ Одесскомъ. Послѣ Феньша, съ 20 ноября 1807 г., исправлялъ должность Ѳеодосійскаго военнаго губернатора комендантъ города полк. Осипъ Осиповичъ Гейницъ. Съ 14 мая 1808 года военнымъ губернаторомъ состоялъ генералъ-маіоръ Алексѣй Ѳедотовичъ Клокачевъ, уѣхавшій 22 іюня 1810 г. въ Одессу и передавшій отправленіе должности тому же полковн. Ос. Ос. Гейницу. Передъ отъѣздомъ Клокачевъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и поступилъ на службу въ морское вѣдомство. Полковникъ Гейницъ исправлялъ должность около 3-хъ мѣсяцевъ, и 21 сентября 1810 года сдалъ ее извѣстному градоначальнику — меценату ст. сов. Семену Михайловичу Броневскому, перенесшему всѣ ужасы борьбы съ чумой въ 1811 — 1812 году. Правленіе С. М. Броневскаго было самымъ продолжительнымъ по сравненію съ прочими Ѳеодосійскими градоначальниками, и продолжалось болѣе 6-ти лѣтъ. Броневскій именовался все время градоначальникомъ, и при немъ титула

двухъ его предшественниковъ—военнаго губернатора—уже не встрѣчается. Ушелъ онъ въ отставку 26 декабря 1816 года.[1]) Четвертымъ ѳеодосійскимъ градоначальникомъ былъ д. стат. сов. Степанъ Андреевичъ Санковскій, правившій съ 26 декабря 1816 года по 9 марта 1818 года, когда, за смертью его, и. д. градоначальника былъ назначенъ комендантъ города подполковникъ, а впослѣдствіи генералъ-маіоръ Андрей Ивановичъ Штеръ, временно исправлявшій эту должность и раньше, въ январѣ 1817 года. Въ январѣ 1819 года и. д. градоначальника былъ маіоръ Спріоти. Пятымъ градоначальникомъ состоялъ съ 11—28 апрѣля 1819 года по 11 іюля 1820 года тайн. сов. и ст.-секр. Ѳеодоръ Ивановичъ Энгель.—Съ 11 іюля 1820 года по 16—23 декабря 1821 года градоначальникомъ (шестымъ) былъ ст. сов. Николай Ивановичъ Перовскій, назначенный затѣмъ Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ. Съ 18 декабря 1821 года по 8 іюля 1822 года и. д. градоначальника состоялъ управлявшій ѳеодосійской складочной портовой таможней колл. сов. Павелъ Васильевичъ Гаевскій.[2]) Съ 8 іюля 1822 года состоявшій Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ Н. И. Перовскій управлялъ съ особаго разрѣшенія и ѳеодосійскимъ градоначальствомъ. 8 декабря 1823 года онъ былъ уволенъ отъ должности Таврическаго губернатора и вновь пріѣхалъ въ Ѳео-

---

[1]) О С. М. Броневскомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ почти никакихъ біографическихъ данныхъ. Изъ архивныхъ таможенныхъ дѣлъ видно лишь, что вышелъ онъ въ отставку въ чинѣ д ст. сов. и нѣкоторое время жилъ въ Ѳеодосіи. При немъ, какъ извѣстно, былъ учрежденъ (въ 1810) и открытъ 13 мая 1811 г. ѳеодосійскій музей древностей.

[2]) П. В. Гаевскій родился 15 ап1ѣля 1775 г. въ Полтавской губ., участвовалъ въ цѣломъ рядѣ войнъ и сраженій. По окончаніи въ 1792 г. кадетскаго корпуса, участвовалъ въ 1799 г. въ блокадѣ острова Корфу въ качествѣ адъютанта контръ-адмирала Сенявина, на пароходѣ „Петръ" (въ дѣйствіяхъ противъ французовъ на Средиземномъ морѣ); участвовалъ въ штурмѣ острова Видо въ 1812 г.; былъ съ 14 октября 1811 г. директоромъ канцеляріи главнокомандующаго 2-й арміей князя П. Н. Багратіона и находился при немъ неотлучно, въ 1800 г. состоялъ командиромъ судна „Галета"; былъ адъютантомъ адмирала фонъ-Дезена; участвовалъ въ совѣтѣ адмиралтействъ-коллегіи въ 1803 г. (съ 18 февраля); съ 11 мая 1803 г. состоялъ правителемъ канцеляріи градоначальника въ Таганрогѣ, и въ 1805 г. временно оставилъ службу; состоялъ затѣмъ правителемъ канцеляріи у главнокомандующаго Молдавской арміей Прозоровскаго; съ 22 іюня 1815 г. былъ начальникомъ 3 отдѣленія Департ. Госуд. Имущ.; 30 іюня 1816 г. былъ уволенъ, а съ 1 мая 1820 г. назначенъ былъ управляющимъ кіевской складочной таможней, а съ 22 апрѣля 1820 г. сначала и. д., а съ 10 января 1821 г. управляющимъ ѳеодосійской складочной таможней.—Въ этой должности состоялъ до

досію, оставаясь въ должности градоначальника до 25 іюля 1824 г. Съ 25 іюля по 23 ноября 1825 г. правящимъ должность ѳеодосійскаго градоначальника былъ бывшій карантинный инспекторъ ст. сов. фонъ-Денъ. Съ 23 ноября 1825 г. по 16 марта 1826 г. обязанность эту исправлялъ предсѣдатель коммерческаго суда Ѳеодоръ Тревогинъ, а съ 16 марта по 20 апрѣля 1826 г. колл. сов. кн. Долгорукій. Съ 20 апрѣля 1826 г. по 28 января 1828 г. градоначальникомъ (седьмымъ) былъ д. ст. сов. Андрей Васильевичъ Богдановскій, назначенный указомъ 1 января 1828 г. одесскимъ градоначальникомъ. Съ 28 января по 21 апрѣля 1828 г. должность градоначальника снова исправлялъ Ѳеодоръ Тревогинъ, а 21 апрѣля прибылъ и вступилъ въ должность назначенный еще 1 января д. ст. сов. Александръ Ивановичъ Казначеевъ.[3]) 1 іюня 1829 г. А. И. Казначеевъ былъ вызванъ генер. губ. М. Воронцовымъ въ Одессу, и и. д. градоначальника съ 1 по 9 іюня былъ снова управляющій таможней колл. сов. П. Вас. Гаевскій. Съ 9 по 20 іюня исправлялъ должность градоначальника инспекторъ карантина ст. сов. Отто Владиміровичъ Штакельбергъ. Съ 20 іюня по 22 іюля 1822 г. послѣднимъ, девятымъ, градоначальникомъ былъ ст. сов. Рудомаевъ, внезапно скончавшійся 22 іюля. Съ 23 іюля по 1 сентября 1829 года и. д. градоначальника состоялъ предсѣдатель коммерческаго суда Христофоръ Аѳанасьевичъ Анастасьевъ, совершившій въ качествѣ офицера арміи Суворова знаменитый переходъ черезъ Альпы.[4])

Съ 1829 года ѳеодосійское градоначальство свою самостоятельность утратило, и указомъ отъ 6 августа сего года объявлено было слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Упраздняя должность ѳеодосійскаго градоначальника, Повелѣваемъ: Таврическому губернатору завѣдывать всѣми отношеніями, по близости Ѳеодосіи къ губернскому городу“. Съ 17 сентября 1829 г. Таврическій гражданскій губернаторъ тайн. сов. Алек-

самой смерти, до 8 апрѣля 1853 г., т. е. 33 года.—Въ Ѳеодосіи въ честь его названъ открытый имъ фонтанъ на углу улицы, именуемой нынѣ Гаевской. и Греческой, въ его домѣ. У Гаевскаго останавливался во время пребыванія въ Ѳеодосіи А. С. Пушкинъ, на дачѣ „Ташлыкъ“,—бывшій монетный дворъ, нынѣ дача Папахристо-Бурхановской. Могила его съ массивной чугунной доской и нынѣ сохранилась въ огромномъ семейномъ огороженномъ склепѣ на христіанскомъ кладбищѣ въ Ѳеодосіи.

[3]) Открывшій талантъ Айвазовскаго.

[4]) Погребенъ въ карантинѣ, у православной церкви Иверской Божіей Матери, рядомъ со своими родными и бывшимъ начальникомъ ѳеодосійскаго таможеннаго округа (въ 1872—1873 г.)— вице-адмираломъ Кондр. Кондр. Штофрегеномъ (могила послѣдняго—безъ доски, съ якорями и цѣпями).

сандръ Ивановичъ Казначеевъ, бывшій уже раньше градоначальникомъ, принялъ на себя завѣдываніе всѣми частями ѳеодосійскаго градоначальства, и съ тѣхъ поръ обязанности Таврическаго губернатора все время были соединены съ должностью ѳеодосійскаго градоначальника. Какъ извѣстно, А. И. Казначеевъ состоялъ Таврическимъ губернаторомъ по 13 февраля 1837 г., и въ этомъ году градоначальство было упразднено формально, послѣ 43-лѣтняго своего существованія вообще и 25-лѣтняго самостоятельнаго функціонированія. Когда 1 сентября Таврическій губернаторъ д. ст. сов. Матв. Матв. Муромцевъ принялъ градоначальство въ свое вѣдомство, карантинная и таможенная части были подчинены керченскому градоначальнику кн. Херхеулидзе.

Приводимъ сводный списокъ ѳеодосійскихъ градоначальниковъ съ датами:

1) *А. С. Феньшъ,* генералъ отъ инфантеріи,—съ 4 марта 1804 года по 20 ноября 1807 года.

2) *Гейницъ,* и. д., комендантъ, полковникъ—съ 20 ноября 1807 года по 14 мая 1808 года.

3) *Ал. Ѳеод. Клокачевъ,* генералъ-маіоръ и контръ-адмиралъ—съ 14 мая 1808 года по 22 іюня 1810 года.

4) *Гейницъ,* и. д., полковникъ—съ 22 іюня 1810 года по 21 сентября 1810 года.

5) *Сем. Мих. Броневскій,* статскій совѣтникъ—съ 21 сентября 1810 года по 26 декабря 1816 года.

6) *Степ. Андр. Санковскій,* дѣйствительный статскій совѣтникъ—съ 26 декабря 1816 года по 8 марта 1818 года.

7) *Штеръ,* и. д. градоначальника, комендантъ, полковникъ—съ 9 марта 1818 года по 11 апрѣля 1819 года.

8) *Ѳ. Ив. Энгель,* тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь—съ 11—28 апрѣля 1819 года по 11 іюля 1820 года.

9) *Ник. Ив. Перовскій,* статскій совѣтникъ—съ 11 іюля 1820 года по 16—23 декабря 1821 года.

10) *Пав. Вас. Гаевскій,* и. д., колл. с.—съ 18 декабря 1821 года по 8 іюля 1822 года.

11) *Н. И. Перовскій,* таврическій губернаторъ и градоначальникъ—съ 8 іюля 1822 года по 8 декабря 1823 года.

12) *Н. И. Перовскій,* градоначальникъ только—съ 25 іюля 1824 года по 23 ноября 1825 года.

13) *Фонъ-Денъ,* и. д. – съ 23 ноября 1825 года по 16 марта 1826 года.

14) *Ѳ. И. Тревогинъ,* и. д.—съ 16 марта 1826 года по 20 апрѣля 1826 года.

15) *Князь Долгорукій,* коллежскій совѣтникъ—съ 16 марта 1826 года по 20 апрѣля 1826 года.

16) *А. В. Богдановскій,* дѣйствительный статскій совѣтникъ—съ 20 апрѣля 1826 года по 28 января 1828 года.

17) *Ѳ. И. Тревогинъ,*—съ 28 января 1828 года по 21 апрѣля 1828 года.

18) *Ал. Ив. Казначеевъ,* дѣйствительный статскій совѣтникъ—съ 21 апрѣля 1828 года по 1 іюня 1829 года.

19) *Пав. Вас. Гаевскій,*—съ 1 по 9 іюня 1829 года.

20) *Отто Влад. Штакельбергъ,* ст. сов.—съ 9 по 20 іюня 1829 года.

21) *Рудомаевъ,* статскій совѣтникъ—съ 20 іюня по 22 іюля 1829 года.

22) *Христ. Аѳ. Анастасіевъ,* и. д.—съ 22 іюля по 17 сентября 1829 года.

23) *Ал. Ив. Казначеевъ,* тайный совѣтникъ—съ 17 сентября 1829 года по 13 февраля 1837 года.

24) *Матв. Матв. Муромцевъ,* дѣйств. статскій совѣтн.—съ 13 февраля 1837 года по 17 сентября 1837 года.

Учрежденіе о ѳеодосійскомъ градоначальствѣ существовало съ 23 февраля 1804 года по 1 сентября 1837 года, т. е. 33 года. Какъ самостоятельное градоначальство, оно функціонировало по 17 сентября 1829 года, т. е. 25 лѣтъ.

III.

31 мая 1811 года ѳеодосійская временная городская дума препроводила ѳеодосійскому градоначальнику Семену Михайловичу Броневскому слѣдующій интересный рапортъ:

„Дума, по предложенному отъ городскаго головы мнѣнію, о заводимомъ здѣсь по предписанію Вашего Высокородія музеумѣ, признаетъ, что составленіе онаго можетъ быть къ пользѣ города, привлекая вояжировъ, и украшеніемъ по ученой части, и что нужно только употребить стараніе для умноженія вещей. Полагаетъ дума, что сіе интересное и полезное заведеніе будетъ весьма ограничено собраніемъ только матеріаловъ своихъ —отъ ѳеодосійскихъ развалинъ, которыя содержатъ одни Генуэзскія надписи маловажныя, по недавности времени владѣнія въ Крыму сего народа. Торговыя связи Ѳеодосіи со всѣми

берегами Чернаго моря, прежде осыпанными греческими колоніями, также даютъ вѣрный способъ достать отъ разныхъ мѣстъ многихъ рѣдкостей, медалями и надписями греческими, и отчасти вещей, для коллекціи натуральной исторіи, особенно минералами Малой Азіи и Мингреліи изобильными, и, приведя сіе въ дѣйство, составить можно малыми дѣйствіями важное собраніе рѣдкостей, служить могущихъ, по части естественной исторіи, вродѣ депо для снабженія нѣкоторыхъ вещей другимъ въ Россіи находящимся Кабинетамъ.

Для скорѣйшаго достиженія сей цѣли, нужно пригласить служащихъ при таможняхъ и карантинахъ, подвѣдомственныхъ Ѳеодосіи, чиновниковъ, и скупить при удобныхъ случаяхъ таковые вещи въ Керчѣ и въ Бугазѣ отъ развалинъ, на тамошнемъ островѣ и въ закубанскихъ мѣстахъ находящихся, также въ Севастополѣ и Балаклавѣ, отъ остатковъ Херсонеса, что все и передастъ дума въ благораспоряженіе Вашего Высокородія. Нынѣ же отыскала дума собраніе рѣдкостей у здѣшняго купца Джеварджи, который присемъ сочиненнымъ реестромъ вашему высокородію честь имѣетъ представить, и притомъ докладываетъ, что цѣна онымъ — тысяча двѣсти пятьдесятъ рублей".

Въ приложенномъ реестрѣ „вещамъ для музеума, у купца Джеварджи находящимся", значатся: „1 мраморная женская головка обыкновенной величины, 1 глиняная фигурка, изображающая женщину, обвернутую „мантою", 13 головокъ глиняныхъ разныхъ, 4 глиняныхъ бюста, 5 глиняныхъ бюста безъ головъ, 5 глиняныхъ барельефовъ изъ вазусовъ, 2 звѣриныхъ головы, 1 отломокъ головы, 1 лампъ, 5 малыхъ глиняныхъ амфоръ и разные обломки вазусовъ, 1 вазусъ, 34 серебряныя медали греческія крымскія, 100 мѣдныхъ, разной величины римскихъ медалей".

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ ѳеодосійскій градоначальникъ С. М. Броневскій 6-го іюня 1811 года увѣдомилъ ѳеодосійскую городскую временную думу о слѣдующемъ:

„По случаю сдѣланнаго мною препорученія г. дворянину Галлерѣ[1]) о собраніи и описаніи разныхъ предметовъ древности для составленія въ Ѳеодосіи музеума, въ прошедшемъ мартѣ г. Галлера отправленъ былъ въ Керчь и Ениколь, на какой конецъ выдано ему по предписанію моему изъ экстраординарныхъ суммъ сто рублей. Предположивъ же издержки по предмету сему обратить на счетъ городской суммы, я представилъ экспедиціи и какъ отпущенные г. Галлерѣ сто рублей,

[1]) Былъ ѳеодосійскимъ городскимъ головой.

равно и всѣ расходы, какіе произойдутъ на исправленіе мечети, для храненія памятниковъ древности назначенной, истребовать въ свое время изъ городской суммы, о чемъ почитаю нужнымъ дать знать думѣ городской. Іюня 6 дня 1811 года. Статскій совѣтникъ С. Броневскій".

7 іюня 1811 г. городская дума „слушали предложеніе здѣшняго градоначальника и кавалера и записали его въ журналъ".

По поводу высказаннаго думой соображенія объ увеличеніи древностей, С. М. Броневскій 15 іюня 1811 года сообщилъ думѣ: „находя полезнымъ мнѣніе думы, въ рапортѣ № 462 изъясненное, касательно умноженія памятниковъ древности къ составленію музеума, и одобряя распоряженіе ея о предположенной покупкѣ разныхъ предметовъ у здѣшняго купца Джеварджи, объявившаго за оные цѣну тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей, я не оставлю сдѣлась моего порученія чиновникамъ подвѣдомственныхъ мнѣ карантиновъ и таможенъ, дабы они при случаѣ сколь можно споспѣшествовали мѣрамъ, о наполненіи музеума разными предметами древности принятымъ, о чемъ въ разрѣшеніи по полученному рапорту думы симъ отзываюсь".

6 іюня 1811 года городская дума, заслушавъ это отношеніе, приказали: внести его въ журналъ, а слѣдуемые купцу Джеварджи за отысканные у него разные предметы рѣдкостей для музеума деньги 1250 руб., записавъ изъ городской суммы по книгѣ расходовъ, выдать ему за распискою.[1])

IV.

Интересная переписка возникла въ ноябрѣ 1810 г. между градоначальникомъ С. Броневскимъ и ѳеодосійской городской думой по слѣдующему поводу.

21 ноября 1810 года градоначальникъ писалъ временной городской думѣ: „По представленному мнѣ отъ ѳеодосійскаго городского магистрата за 1809 годъ о разныхъ суммахъ, городской доходъ составляющихъ, отчету, для отсылки на ревизію въ таврическую казенную экспедицію, не нашелъ я статьи о собираемыхъ деньгахъ съ иногороднихъ за позволеніе имъ производить здѣсь временный торгъ, но вижу, что въ предыдущихъ годахъ бывшею ратушею сборъ сей по отчетамъ показывался.

Поелику городского положенія въ статьѣ 42 изображено: „Обществу городскому позволяется составить особливую казну

[1]) Дѣло ѳеодосійской городской ратуши, 1811 г., № 75. На 13 л.

своими добровольными складками и оную казну употреблять имъ по общему ихъ согласію“, выше упомянутыя же статьи сборовъ, равно и другіе, какъ-то: съ ловли устрицъ и проч., въ 1809 году поступившіе (о коихъ въ отчетѣ не упомянуто), не могутъ по роду своему составлять казны городского общества, за которую не даетъ оно отчету, то и предписалъ я магистрату доставить мнѣ свѣдѣніе, на какомъ основаніи сіи раскладочные сборы были собираемы и куда употребляемы были городскимъ обществомъ, составя для отчета сихъ суммъ особенные книги, которые должны быть равномѣрно отосланы въ Казенную экспедицію на ревизію.

Почитая нужнымъ дать знать о семъ городской думѣ, предписываю ей на вышеписанномъ основаніи распорядиться о городскихъ доходахъ и расходахъ на сей 1810-й годъ. Статскій совѣтникъ С. Броневскій. Ноября 21 дня 1810 года“.

22 ноября того же года ѳеодосійская временная городская дума положила слѣдующую резолюцію по поводу этой бумаги: „г-ну ѳеодосійскому градоначальнику донести, что въ теченіе сего года доходовъ съ иногороднихъ за позволеніе имъ производить здѣсь временный торгъ поступило 25 р. 20 к., которые показаны приходомъ по мѣсячнымъ вѣдомостямъ и по книгамъ, слѣдовательно по отчету за сей годъ имѣютъ быть показаны, а относительно съ ловли устрицъ дохода, за силою предписанія за № 260 господиномъ градоначальникомъ о взысканіи онаго, на сей годъ предположенія не сдѣлано, но полагаетъ она, что вольную ловлю устрицъ должно разумѣть въ томъ, что всякому желающему заниматься оною остается свобода, а не такъ какъ прежде, что которые занимались ловлею и промысломъ, за что взыскиваемъ былъ съ нихъ доходъ въ городскую сумму, воспрещали другимъ производить устрицъ ловлю даже для собственнаго употребленія; немногіе изъ здѣшнихъ жителей занимаются для собственной надобности ловлею устрицъ, но по большей части для промыслу, и то Анадольцы, здѣсь безъ избранія рода жизни проживающіе, и въ продажѣ устрицъ не только пріѣзжимъ, но и городскимъ жителямъ чувствительное притѣсненіе дѣлаютъ, требуя за тысячу устрицъ до 25 р., что пріѣзжіе принуждены платить, а городскимъ жителямъ по недачѣ требуемой платы отказываютъ вовсе. Устрицы, по мнѣнію думы, принадлежатъ къ роду съѣстныхъ припасовъ, на которые предположено сдѣлать таксу, почему прежде хотя ловля устрицъ находилась въ откупѣ, однако назначаема была цѣна, напримѣръ за тысячу устрицъ для городскихъ жителей

по 3 и по 2 р., для пріѣзжихъ по 5 р., наконецъ предоставлено пріѣзжимъ продавать по той цѣнѣ, какая съ общаго условія поставлена будетъ. По сему допущенію возникла необыкновенная цѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ для городскихъ жителей, а особливо для пріѣзжихъ чувствительное притѣсненіе въ покупкѣ устрицъ, и теперь иначе нельзя искоренить вкравшагося злоупотребленія, какъ положеніемъ цѣны по примѣру предъидущихъ годовъ, хотя и на свободномъ правѣ остается каждому ловля устрицъ, притомъ съ тѣхъ, которые не для своего обихода, но для промысла ловятъ устрицы и нарочито имѣютъ для того лотки, если опредѣлить съ нихъ и взысканіе въ городскую сумму, не можетъ быть притѣсненнымъ, поелику они знатную съ продажи устрицъ имѣютъ прибыль, о чемъ и представить г-ну градоначальнику на благоразсмотрѣніе и просить въ разрѣшеніе предписанія. Ноября 23-го 1810 года. Градскій глава Цамутали".

Въ отвѣтъ на это слишкомъ отвлеченное постановленіе послѣдовала слѣдующая неожиданная резолюція градоначальника отъ 3-го декабря 1810 года: „Ѳеодосійской временной городовой думѣ. Прочитавъ рапортъ за № 62, я нахожу въ немъ заключенія, несообразныя съ учиненными мною въ пользу города распоряженіями, то есть для пользы прочной согласно съ Высочайшими предначертаніями, а не для частныхъ и прихотливыхъ видовъ жителей города Ѳеодосіи, которые по лѣности своей ловить устрицъ не хотятъ, пользуясь объявленной мною свободою, а по бѣдности своей покупать ихъ не могутъ по той цѣнѣ, по какой платятъ пріѣзжіе изъ Россіи промышленники; городская же дума, пріемля жалобы отъ тунеядцевъ за основательныя, прописываетъ ихъ въ своемъ ко мнѣ рапортѣ. Я не могу однакоже хулить попеченій ея о доставленіи городу въ изобиліи устрицъ въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, напротивъ того, сіе есть мое сильнѣйшее желаніе, и потому я предоставляю попеченію думы изобрѣсть способы возбудить лѣность ѳеодосійскихъ жителей для умноженія ловли устрицъ и, пригласивъ по тому усердныхъ здѣшнихъ гражданъ, могущихъ своими капиталами подкрѣпить общеполезный сей промыселъ, распорядиться такимъ образомъ, чтобы устрицы продавались дешевле, въ пользу города отъ собственнаго побужденія промышленниковъ, безъ малѣйшаго стѣсненія со стороны города.

Я долженъ напомнить думѣ, что первостатейные жизненные припасы состоятъ въ мясѣ и хлѣбѣ, а не въ устрицахъ; я не вижу однако, чтобы она равномѣрно старалась о снабженіи

города мукой, продаваемою теперь по 16 и 17 копѣекъ за око, цѣна неслыханная здѣсь, отъ чего уже многіе хлѣбники закрыли свои пекарни, а дума въ то самое время, взирая равнодушно на претерпѣваемый городомъ недостатокъ въ хлѣбѣ, печется о дороговизнѣ устрицъ.

Я предписываю думѣ вызвать усердныхъ здѣшнихъ гражданъ изъ тѣхъ самыхъ, которые такъ заботятся объ устрицахъ, и спросить у нихъ, не имѣютъ ли они желанія вспомоществовать городу доставкою пшеничной муки дешевою цѣною для продовольствія жителей такъ, чтобы она обходилась недороже 10 коп., и о послѣдующемъ донести мнѣ рапортомъ.

Касательно же несовмѣстнаго думы предположенія стѣснить промышленниковъ таксою, чтобы они продавали устрицы по 2 и по 3 рубли за тысячу для поощренія лѣности здѣшнихъ жителей, лакомыхъ къ устрицамъ, когда иногородніе промышленники платятъ по 25 рублей за тысячу, такъ какъ подобное распоряженіе было бы противно законамъ, то дѣлается думѣ выговоръ, съ замѣчаніемъ, чтобы воздержалась входить ко мнѣ съ недѣльными бумагами, зная изъ предписанія моего № 260, что за объявленіемъ въ городѣ Ѳеодосіи на законномъ основаніи вольнаго промысла рыбнаго и ловли устрицъ, о чемъ тогда же донесено отъ меня министру внутреннихъ дѣлъ, ожидается Высочайшее разрѣшеніе о дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженіяхъ.

Въ заключеніе сего напоминаю думѣ 37-ю статью городового положенія о взысканіи 200 рублей пѣни за положенія, противныя законамъ, каковое взысканіе, по снисхожденію только къ невѣдѣнію думы, оставляется нынѣ до перваго случая. Декабря 3 дня 1810 года. Статскій совѣтникъ С. Броневскій".

Финалъ этой переписки послѣдовалъ 13 декабря, когда дума, оставивъ разсужденія объ устричномъ промыслѣ, постановила выдать купцу Дмитріеву заимообразно 2000 рублей „за поставку имъ для города муки пшеничной лучшей доброты по 14 коп. за око".[1])

V.

Интересной кажется также слѣдующая переписка, возникшая между градоначальникомъ С. М. Броневскимъ и ѳеодосійскими таможенными учрежденіями. Въ предложеніи Броневскаго на имя ѳеодосійской портовой таможни отъ 10 февраля 1812 года

[1]) Дѣло архива ѳеодосійской городской ратуши. О поставкѣ для продовольствія города пшеничной муки. 1810 г., № 86. На 17 листахъ.

читаемъ: „Начальникъ ѳеодосійскаго таможеннаго округа полковникъ Бурнашовъ,[1]) прибывъ въ ввѣренный мнѣ г. Ѳеодосію 23 числа минувшаго января, не увѣдомилъ меня ни о прибытіи, ни о вступленіи своемъ въ должность, отзываясь, что онъ не признаетъ себя зависимымъ отъ мѣстнаго начальства.

Имѣя для руководства моего Высочайшія постановленія, а именно: Высочайшій рескриптъ, въ 23-й день февраля 1804 г. на имя бывшаго ѳеодосійскаго военнаго губернатора генерала отъ инфантеріи Феньша состоявшійся, и Высочайшій указъ Правительствующему Сенату въ 3-й день апрѣля 1808 г., въ силу коихъ таможенный надзоръ по Таврическому полуострову, равно какъ и таможенный инспекторъ, коего мѣсто занимаетъ г. Бурнашовъ, находятся въ зависимости отъ ѳеодосійскаго градоначальника, я предложилъ ему 28 числа того января обратиться немедленно къ должному по службѣ порядку, или буде онъ имѣетъ особыя отъ высшей власти предписанія, отмѣняющія прежній порядокъ сношеній между градоначальникомъ и таможеннымъ окружнымъ начальствомъ, то просилъ его сообщить мнѣ оныя для моего соображенія, ибо я въ новомъ положеніи, на которое ссылается Бурнашовъ, не вижу никакой разности между таможеннымъ инспекторомъ и начальникомъ таможеннаго округа, кромѣ названія, какъ явствуетъ изъ § 2-го таможеннаго учрежденія, въ 24-й день іюня 1811 года Высочайше утвержденнаго, въ коемъ изображено: начальникъ таможеннаго округа въ исправленіи своей должности поступаетъ на основаніи данной бывшему таможенному инспектору инструкціи.

Не получивъ на запросъ мой отвѣта, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я долгомъ почелъ донести господину министру финансовъ о семъ разстройствѣ по таможенной части, послѣдовавшей со стороны г. Бурнашова. Между тѣмъ повторилъ требованіе о доставленіи мнѣ отвѣта.

На сихъ дняхъ полковникъ Бурнашовъ прислалъ мнѣ свой отзывъ, который, не говоря о формѣ и о неприличныхъ выраженіяхъ, въ ономъ помѣщенныхъ, ни мало не служитъ отвѣтомъ на мой запросъ о причинахъ его неповиновенія, и г. Бурнашовъ, проходя въ молчаніи о вышеуказанныхъ Высочайшихъ указахъ, какъ будто они остаются безъ дѣйствія, рѣшительно признаетъ себя независимымъ отъ мѣстнаго начальства, не представивъ основанія, которое могло бы ему подать поводъ къ нарушенію порядка, давно здѣсь учрежденнаго, согласно съ Высочайшимъ предположеніемъ.

---

[1]) 1-го таможеннаго округа, существовавшаго съ 1811 по 1837 г.

Такъ какъ до полученія ожидаемаго мною отъ министра финансовъ разрѣшенія, я не менѣе обязанъ наблюдать за порядкомъ о службѣ по всѣмъ Высочайше ввѣреннымъ мнѣ частямъ, то въ предупрежденіе могущаго произойти вреднаго по службѣ развлеченія между мѣстными лицами, мнѣ подвѣдомственными, наипаче по таможенной части, я предлагаю сей таможнѣ, не руководствуясь самовольнымъ начальника таможеннаго округа поступкомъ, за который онъ будетъ отвѣчать по законамъ, остаться въ прежнихъ со мной сношеніяхъ. С. Броненевскій".

Поставленная въ довольно щекотливое положеніе, таможня, насколько можно судить, поддерживала, однако, робкія сношенія и съ тѣмъ, и съ другимъ начальствомъ. Въ заключеніе этой исторіи послѣдовало слѣдующее отношеніе полковника Бурнашова на имя ѳеодосійской портовой таможни отъ 3-го мая 1812 г. за № 209: „Господинъ министръ финансовъ въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 8-го минувшаго апрѣля мѣсяца за № 3824-мъ, изъясняя Высочайшій именной указъ въ 31 день прошлаго марта на имя его данный, о возложеніи въ таможенныхъ округахъ Ѳеодосійскомъ и Таганрогскомъ обязанностей и правъ начальниковъ округовъ при ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ 24 іюня 1811 г. на градоначальниковъ тѣхъ городовъ, предписалъ мнѣ дѣла, по должности начальника округа производимыя, а равно и таможенный присмотръ сдать ѳеодосійскому градоначальнику.

Вслѣдствіе чего, отнесясь о семъ къ г. ѳеодосійскому градоначальнику, я, препровождая при семъ списокъ съ отношенія г. министра финансовъ, предписываю ѳеодосійской почтовой таможнѣ, съ полученія сего, всѣ донесенія и предположенія свои, ко мнѣ таможней до сего чинимыя, отъ нынѣ дѣлать къ ѳеодосійскому градоначальнику. Полковникъ Бурнашовъ".[1])

VI.

„1856 года октября 16 дня, вторникъ, въ присутствіи Ѳеодосійской городовой думы прибыли: исправляющій должность градского головы гласный Франческо Біянки. Гласные: Иванъ Тренинъ, Яковъ Пашинъ, Салединъ Апселямъ-оглу.

Слушали: Прошеніе проф. Ивана Константинова сына Айвазовскаго, поданное 21 сентября 1856 года, въ коемъ прописываетъ, что, съ разрѣшенія г. начальника губерніи отъ 9 іюня 1852 г. за № 4694, разрѣшено ему отвести одну десятину го-

[1]) Изъ дѣлъ архива ѳеодосійской таможни.

родской земли подъ разведеніе винограднаго сада на подошвѣ Лысой горы, какъ же земля эта оказалась неудобною, то онъ избралъ другое мѣсто - около Георгіевскаго монастыря. Почему проситъ объ отводѣ ему разрѣшенной земли, вмѣсто Лысой горы, около Георгіевскаго монастыря, учинить распоряженіе. Справку, по коей оказалось. Г. бывшій начальникъ Таврической губерніи отъ 9 іюня 1852 г. за № 4694 разрѣшилъ отвести одну десятину изъ городской земли для разведенія винограднаго сада проф. Айвазовскому. Приказали: съ прописаніемъ прошенія проф. Айвазовскаго предписать гласному Саледину Апселямъ - оглу, если не встрѣтится препятствія, отвести проф. Айвазовскому разрѣшенную ему одну десятину городской земли около Георгіевскаго монастыря и о послѣдующемъ донести думѣ. Читанъ: 24 октября". Подписи.

В. Геймахъ.

ПАМЯТИ
Высокопреосвященнаго Флавіана
Митрополита Кіевскаго и Галицкаго
† 4-го ноября 1915 года.

I.

Побуждаемые заповѣдію св. Апостола поминать своихъ наставниковъ и движимые чувствомъ глубочайшаго уваженія къ почившему архипастырю, мы позволяемъ себѣ предложить вниманію многочисленныхъ почитателей его нѣсколько словъ о его жизни и дѣятельности. Не біографію и не исторію писать,—мы желали бы перевернуть передъ почитателями почившаго святителя лишь одну страничку изъ его многотрудной жизни и разнообразной дѣятельности. Жизнь и дѣятельность этого высокаго святителя церкви Россійской, несомнѣнно, будутъ предметомъ исторіи церкви; мы же, пользуясь счастливымъ случаемъ, доставившимъ намъ возможность имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько писемъ его къ преосвященному Гурію, бывшему епископу Таврическому, и къ одному изъ друзей его юности о. С. А. Максорову, считаемъ своимъ долгомъ и великимъ для себя счастіемъ, на основаніи этой интересной и многосодержательной переписки, представить лишь краткій очеркъ миссіонерской дѣятельности преосвященнаго Флавіана въ Китаѣ.

Не много сохранилось у насъ его писемъ къ преосвященному Гурію, всего лишь 12-ть; но и эти не многія, но очень содержательныя письма, даютъ достаточный матеріалъ для поставленной нами задачи. Къ сожалѣнію, не сохранились письма преосвященнаго Гурія къ его любимцу, о. Флавіану: по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ ни одного его письма къ о. Флавіану.

Въ 1908 г. мы позволили себѣ сообщить преосвященному Флавіану объ его письмахъ къ преосвященному Гурію и о письмахъ преосвященнаго Гурія къ митрополиту Исидору и про-

сили разрѣшенія напечатать тѣ и другія письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы спросили преосвященнаго Флавіана, сохранились ли у него письма епископа Гурія къ нему въ Китай. „Касательно напечатанія писемъ покойнаго владыки Гурія обо мнѣ митрополиту Исидору, я ничего не имѣю, отвѣчалъ владыка Флавіанъ; относительно же моихъ писемъ, не знаю, представляютъ ли они какой-нибудь интересъ. Впрочемъ, добавилъ онъ, поступите, какъ вамъ будетъ угодно. Весьма жаль, пишетъ онъ, что письма владыки Гурія ко мнѣ въ Пекинъ и къ моему тамъ предшественнику, архимандриту Палладію, оставлены мною въ архивѣ миссіи, который погибъ при уничтоженіи миссіи боксерами“, (Изъ письма высокопр. Флавіана къ прот. Назаревскому. Спб., 10 мая 1908 г.).[1]) То же самое повторилъ преосвященный Флавіанъ и словесно, въ бытность его въ Симферополѣ, въ августѣ 1913 г.

Когда высокопреосвященный Флавіанъ писалъ: „Не знаю, представляютъ ли мои письма какой-нибудь интересъ“, то его устами говорила присущая ему скромность, которая отличала его съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости; тѣмъ не менѣе, изъ уваженія къ столь благородной чертѣ его характера, мы не позволили себѣ до времени оглашать въ печати ни его письма къ преосвященному Гурію, ни письма преосвященнаго Гурія о немъ къ митрополиту Исидору. Теперь же, пользуясь его разрѣшеніемъ напечатать письма преосвященнаго Гурія о немъ и поступить съ его письмами, „какъ намъ будетъ угодно“, мы почитаемъ своимъ долгомъ сдѣлать тѣ и другія письма достояніемъ тѣхъ, кто относится съ сыновнимъ почтеніемъ къ памяти почившихъ великихъ святителей и съ благоговѣніемъ къ ихъ трудамъ на пользу святой церкви и отечества.

Высокій интересъ писемъ преосвященнаго Флавіана понятенъ самъ собою и говоритъ самъ за себя, такъ какъ эти письма представляютъ для насъ пока единственный и самый достовѣрный источникъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его въ Китаѣ. А его дѣятельность въ Китаѣ, какъ и вся его жизнь, весьма замѣчательна и поучительна и заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія; тѣмъ болѣе, когда

[1]) Во время извѣстнаго боксерскаго движенія въ 1900 г. мятежники сожгли русскія церкви въ Калганѣ, Дунъ-динъ-анѣ и въ Пекинѣ сѣверное подворье. Изъ имущества миссіи, кромѣ церковной утвари, ничего почти спасти не удалось. Особенно важна потеря типографіи, гдѣ погибло до 30 тысячъ вырѣзанныхъ на деревѣ китайскихъ значковъ и досокъ съ текстомъ богослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ архивомъ миссіи (съ 1863 г.) погибли нѣкоторые цѣнные неизданные труды архим. Палладія и о. Исаіи (Богосл. Энц., т. X, стр. 517).

она изображается его собственными словами и при томъ къ такому высоко-авторитетному лицу, какимъ въ данномъ случаѣ является преосвященный Гурій. Интересъ къ личности преосвященнаго Флавіана увеличивается еще тѣмъ, что онъ у насъ, въ Тавридѣ, въ Симферополѣ, полагалъ начало своей общественной дѣятельности на пользу святой церкви и отечества, подъ руководствомъ и благожелательною, отеческою помощію опять же нашего, Таврическаго архипастыря, архіепископа Гурія.

Съ преосвященнымъ Гуріемъ о. Флавіанъ встрѣтился и сблизился въ Москвѣ, въ Симоновомъ ставропигіальномъ монастырѣ. Оставивъ Московскій университетъ, о. Флавіанъ, въ мірѣ—Николай Николаевичъ Городецкій, на 21-мъ году своей жизни, удалился изъ Москвы и, какъ говорятъ, пѣшкомъ пришелъ въ тихую, уединенную обитель, Св.-Николаевскій Пѣсношскій монастырь, Московской епархіи. Это было въ 1861 г. Здѣсь, по преданію, онъ исполнялъ черныя послушанія на кухнѣ и въ трапезной. Въ декабрѣ 1863 г. онъ переселился въ Московскій Симоновъ монастырь. Неизвѣстно, по своей ли доброй волѣ онъ это сдѣланъ, или по распоряженію начальства. Здѣсь онъ исполнялъ обязанности пономаря и прислуживалъ въ алтарѣ и въ храмѣ. Здѣсь же, въ званіи послушника, чернорабочаго, онъ встрѣтился съ новымъ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Гуріемъ (13 сентября 1865 г.) и до самой кончины этого святителя (17 марта 1882 г.) не разрывалъ съ нимъ своихъ добрыхъ, дружескихъ отношеній. Съ нимъ и подъ его руководствомъ и покровительствомъ о. Флавіанъ полагалъ начало своей общественной дѣятельности; его же рукою онъ былъ изведенъ на поле миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ; его же мудрыми совѣтами онъ всегда пользовался въ своей жизни и дѣятельности, когда былъ тамъ рядовымъ іеромонахомъ, и потомъ, когда занялъ высокій и отвѣтственный постъ начальника Пекинской духовной миссіи, пока самъ не выросъ въ мѣру возраста духовнаго и даже, можетъ быть, переросъ своего великаго учителя.

Архимандритъ Гурій недолго оставался настоятелемъ Симонова монастыря. Въ началѣ 1866 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ православной церкви въ Римѣ. За нимъ послѣдовалъ и послушникъ его Николай Городецкій, но уже съ именемъ Флавіана и въ санѣ іеродіакона. Изъ писемъ предмѣстника своего, архимандрита Порфирія, новый настоятель Римской церкви узналъ, что діаконъ этой церкви, о. Петръ Яковлевъ, по преклонности лѣтъ, не въ силахъ исполнять свои обязан-

ности при совершеніи божественной службы. Имѣя крайнюю надобность въ помощи діакона при священнодѣйствіяхъ, архимандритъ Гурій возбудилъ ходатайство предъ Свят. Синодомъ о рукоположеніи во діакона слѣдующаго при немъ въ Римъ послушника московскаго Симонова монастыря Николая Городецкаго. По его отзыву, послушникъ Городецкій вполнѣ былъ достоинъ быть діакономъ, какъ по образованію, полученному имъ въ Московскомъ университетѣ, такъ и по нравственнымъ его качествамъ; при этомъ архимандритъ Гурій изъявилъ свое согласіе принять содержаніе послушника Городецкаго на свой счетъ, впредь до открытія діаконской или псаломщицкой вакансіи при православной церкви въ Римѣ. 17 февраля 1866 г. послушникъ Николай Городецкій былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Флавіана, а 18-го того же февраля произведенъ въ санъ іеродіакона.

И въ Римѣ архимандритъ Гурій оставался не долго. По распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, 23 марта 1866 г. онъ съ клиромъ своимъ оставилъ Римъ и съ 25 марта поселился въ Неаполѣ. Распоряженіе это было сообщено телеграммою, и по краткости ея не видно было ни цѣли, ни причины, ни даже срока удаленія посольской церкви изъ Рима. Но и въ Неаполѣ богослуженіе совершалось только до 20 апрѣля, послѣ чего церковь была разобрана, упакована и отправлена во Флоренцію. Оставаясь въ Неаполѣ, наша римская посольская церковь оказалась и безъ богослуженія и безъ дѣла. Архимандритъ Гурій писалъ о своемъ неопредѣленномъ и затруднительномъ положеніи и С-Пб-му митрополиту и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и спрашивалъ: „оставаться ли ему съ клиромъ въ Италіи, или возвратиться въ Россію, и, оставаясь въ предѣлахъ Италіи, должны ли они жить въ Неаполѣ, или въ Римѣ и при какихъ занятіяхъ“? Вскорѣ за симъ, 11 мая 1866 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе быть архимандриту Гурію епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Казань и о. Флавіанъ, причисленъ былъ къ братіи Спасо-Преображенскаго монастыря и 9 апрѣля 1867 года былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха.

Не долго преосвященный Гурій оставался и въ Казани: 28 ноября 1867 года ему Высочайше повелѣно быть епископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ; за нимъ и сюда послѣдовалъ іеромонахъ Флавіанъ; и 15 февраля 1868 г. по прошенію онъ былъ принятъ въ Таврическую епархію и опредѣленъ въ

число братіи таврическаго архіерейскаго дома. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ изъ Казани послушникъ Спасскаго монастыря Семенъ Александровичъ Максоровъ. Владыка Гурій взялъ его къ себѣ и наблюденіе за нимъ поручилъ о. Флавіану. Максоровъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о первыхъ дняхъ жизни ихъ въ Симферополѣ.

„По пріѣздѣ въ Симферополь, повѣствуетъ онъ, владыка Гурій засталъ все въ полномъ разрушеніи; взяточничество и пьянство были въ полномъ ходу, и всѣ эти люди, у которыхъ было рыло въ пуху, смотрѣли на насъ, т. е. на меня и на о. Флавіана, подозрительно; поэтому онъ, о. Флавіанъ, уклонялся сближаться съ кѣмъ-либо. Владыка же съ ранняго утра до поздняго вечера былъ занятъ, и намъ по неволѣ, заброшеннымъ въ чужую страну, пришлось коротать время вдвоемъ; а сума и тюрьма сближаютъ людей. Такъ случилось и съ нами“. И вотъ, въ эти тяжелыя минуты о. Флавіанъ разсказывалъ своему сожителю о своемъ прошломъ житьѣ—бытьѣ и, между прочимъ, повѣдалъ ему, что онъ родился въ богатой семьѣ и росъ въ нѣгѣ; но жизненныя обстоятельства, независимо отъ него, такъ сложились, что онъ вынужденъ былъ бросить все и уйти въ монастырь. Сначала онъ поступилъ въ Оптину пустынь, гдѣ ему жилось очень плохо; особенно много обидъ пришлось ему переносить отъ меньшей братіи; такъ какъ вся она была изъ крестьянъ, то смотрѣла на него съ завистію и озлобленіемъ. Въ Оптиной пустынѣ онъ несъ послушаніе на кухнѣ: чистилъ рыбу, выносилъ помои и пр.: потомъ былъ переведенъ въ хлѣбопекарню. Тутъ онъ подъ тяжестью непосильныхъ трудовъ и насмѣшекъ заболѣлъ. По выздоровленіи онъ перешелъ въ Москву, въ Симоновъ монастырь, гдѣ *былъ помощникомъ помощника пономаря* при раннихъ обѣдняхъ. На его обязанности лежали уборка церкви и отопленіе печей въ зимнее время. Здѣсь онъ окончательно подорвалъ свое здоровье. Съ назначеніемъ же архимандрита Гурія настоятелемъ въ Симоновъ монастырь служебное положеніе о. Флавіана сразу измѣнилось. Разсматривая послужные списки монаховъ, архимандритъ Гурій обратилъ вниманіе на молодого послушника Николая Городецкаго и сейчасъ же велѣлъ позвать его къ себѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь его стала улучшаться изо дня въ день. Въ 1868 году владыка Гурій съ о. Флавіаномъ изъ Симферополя поѣхали въ Одессу, гдѣ владыка Гурій набралъ пѣвчихъ для собора. По возвращеніи изъ Одессы, владыка Гурій сталъ поручать о. Флавіану разныя должности“, и съ тѣхъ поръ тучи надъ нами стали расходиться,

и мы увидѣли солнышко. Въ 1872 году о. Флавіанъ сталъ изучать китайскій языкъ подъ руководствомъ владыки Гурія, а въ 1773 году онъ былъ назначенъ членомъ Пекинской духовной миссіи".[1])

„Съ любовію вспоминаю наше съ Вами знакомство и дружбу въ Казани, 34 года тому назадъ, писалъ высокопреосвященный Флавіанъ „достолюбезнѣйшему о. Симеону", наше путешествіе изъ Казани въ Крымъ и нашу жизнь въ таврическомъ архіерейскомъ домѣ". „Вспоминаю, какъ мы съ Вами, именно въ началѣ января, ѣхали изъ Казани въ Симферополь, писалъ о. Симеону высокопреосвященный Флавіанъ изъ Варшавы. „Думали-ль мы тогда, что Вы будете священникомъ, а я—архіереемъ, да еще Варшавскимъ? Дивны судьбы Божіи! О. Іоиль, кажется, сердится на меня за то, что завидуетъ моему возвышенію. Помните, какъ онъ всегда свысока относился ко мнѣ, а о себѣ такъ мнилъ высоко, и теперь все іеромонахомъ, а я куда далеко ушелъ отъ него. Спаси его, Господи! Вуколовъ тоже, помните, какъ притѣснялъ насъ и хотѣлъ выжить изъ архіерейскаго дома, а самъ что теперь?"[2]) Такъ писалъ архіепископъ Варшавскій, подтверждая сообщеніе своего друга о жизни ихъ въ Таврическомъ архіерейскомъ домѣ.

Живя въ таврическомъ архіерейскомъ домѣ, іеромонахъ Флавіанъ исполнялъ различныя послушанія и порученія епархіальнаго начальства и „все дѣлалъ безотговорочно, съ одинаковою ревностію и усердіемъ, съ одинаковою ко всѣмъ ласкою и добродушіемъ". Такъ, по распоряженію преосвященнаго Гурія, онъ часто служилъ въ домовой церкви дѣтскаго пріюта имени графини Адлербергъ, въ Симферополѣ: исправлялъ богослуженіе и разныя требы въ церкви св. муч. Ѳеодора Стратилата, въ Алуштѣ (съ 28 іюня до 1 октября 1868 г.); исполнялъ обязанности эконома архіерейскаго дома (съ 18 октября до 7 де- 1868 г.); исправлялъ должность настоятеля Бахчисарайскаго скита (съ декабря 1868 г. до 20 января 1869 г.); назначенъ духовникомъ при таврическомъ архіерейскомъ домѣ (23 янв. 1869 г.); назначенъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ Таврическаго епархіальнаго женскаго училища (21 декабря 1871 г.); тамъ же поручено ему преподаваніе географіи (въ сентябрѣ 1872 г.); тогда же онъ назначенъ былъ экономомъ таврическаго архіерейскаго дома, а съ 10 ноября 1872 г.—управляющимъ

[1]) Изъ письма свящ. С. Максорова прот. Назаревскому.

[2]) Изъ письма архіепископа Флавіана о. С. Максорову изъ Варшавы, отъ 10 января 1892 года.

Бахчисарайскимъ Успенскимъ скитомъ. За отлично-усердную и ревностную службу онъ былъ награжденъ набедренникомъ (19 февраля 1869 г.), и дважды было преподано ему благословеніе Святѣйшаго Синода (21 марта 1871 г. и 10 апр. 1872 г.).

По благословенію преосвященнаго Гурія, 23 ноября 1868 г. при Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ было открыто Таврическое Александро-Невское братство. Съ первыхъ дней возникновенія этого братства и до конца своей жизни высокопреосвященный Флавіанъ былъ самымъ живымъ и дѣятельнымъ его членомъ. Въ спискѣ лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ дѣлахъ этого братства, значится и о. Флавіанъ (№ 599). На общемъ собраніи членовъ братства 31 авг. 1870 г. закрытою баллотировкою онъ былъ избранъ кандидатомъ въ совѣтъ братства; 4 декабря 1870 г., онъ вошелъ въ составъ совѣта и выразилъ готовность быть дѣлопроизводителемъ его безвозмездно; 31 августа 1872 г. общее собраніе братства единогласно постановило ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о награжденіи его наперснымъ крестомъ за его труды по должности дѣлопроизводителя совѣта. Въ 1873 г. о. Флавіанъ оставилъ Тавриду, но не оставилъ онъ Александро-Невскаго братства въ Симферополѣ и до конца жизни состоялъ почетнымъ его членомъ.

II.

Въ концѣ 1871 года, начальникъ Пекинской духовной миссіи, архимандритъ Палладій, сообщилъ преосвященному Гурію о кончинѣ помощника своего, іеромонаха Исаіи,[1]) и просилъ его порекомендовать надежнаго человѣка на открывшуюся вакансію. По собственному опыту зная, какъ затруднительно положеніе начальника миссіи въ Пекинѣ даже и при добрыхъ помощникахъ, преосвященный Гурій съ полной готовностью „радъ былъ отдать послѣднее, что Господь послалъ ему“; тѣмъ болѣе, что, потерявъ іеромонаха Исаію, о. Палладій, можно сказать, остался одинъ; тѣ два помощника, которые считались при немъ, по мнѣнію преосвященнаго Гурія, больше затрудняли, нежели помогали. Сообщая С.-Пб. митрополиту Исидору о случившемся въ Пекинѣ, преосвященный Гурій писалъ ему: „Въ настоящее время при мнѣ есть іеромонахъ Флавіанъ, человѣкъ трезвый, скромный, нрава тихаго, трудолюбивый; воспитаніе онъ полу-

[1]) Іеромонахъ Исаія (Поликинъ), уроженецъ Олонецкій, учился въ С.-Пб. духовной академіи (1853—1857 г.), до окончанія курса зачисленъ въ Пекинскую миссію. (Біогр. Слов. Родосскаго, стр. 173).

чилъ въ Московскомъ университетѣ. Шесть лѣтъ онъ состоитъ при мнѣ. Въ Римѣ, Казани и теперь въ Симферополѣ, здѣсь и вездѣ, онъ пользовался и пользуется общею любовію и уваженіемъ. Пріемлю смѣлость рекомендовать его Вашему Высокопреосвященству на праздную іеромонашескую вакансію при Пекинской миссіи, въ полной увѣренности, что рекомендуемый мною іеромонахъ Флавіанъ оправдаетъ и мою рекомендацію и Ваше довѣріе, если только Вамъ угодно будетъ оказать ему таковое. Конечно, интересъ ввѣренной мнѣ епархіи требуетъ удерживать при себѣ благонадежныхъ людей; но интересъ мой раздѣлился: отдавши полъ-жизни Пекинской церкви и изъ переписки съ прежними моими духовными дѣтьми, доселѣ не прекращающейся, видя, что у нихъ есть и чего не достаетъ, я не только готовъ отдать имъ послѣдняго хорошаго человѣка, но не задумался бы пожертвовать и собою, если бы Ваше Высокопреосвященство нашли, что я еще гожусь на что—нибудь для нихъ. Нужда ихъ велика. Помогите имъ. Сдѣлано немного, но и это немногое еще требуетъ бдительнаго ухода. Если вы не имѣете въ виду благонадежнаго человѣка и мѣсто еще не занято, то благоволите принять моего кандидата. Ошибки не будетъ".[1])

Изъ послѣдующаго отвѣта преосвященнаго Гурія митрополиту Исидору видно, что высокопреосвященный Исидоръ для Пекинской миссіи указалъ двухъ кандидатовъ и просилъ преосвященнаго Гурія дать о нихъ отзывъ. „Вамъ угодно знать мое мнѣніе о двухъ кандидатахъ на іеромонашескую вакансію при Пекинской миссіи. По моему мнѣнію, они оба хороши. Нельзя ли послать обоихъ? Изъ занимающихъ теперь іеромонашескія вакансіи при Пекинской миссіи одинъ—іеромонахъ Геронтій—положительно помѣшанный человѣкъ. Теперь онъ въ Монголіи, въ Ургѣ. Онъ потому и посланъ изъ Пекина въ Ургу, что въ миссіи оказался нетерпимъ. Онъ существуетъ только для проѣзжающихъ купцовъ и консульства. Для Пекинской миссіи онъ совершенно безполезенъ; его надо взять оттуда и послать хотя въ Иркутскъ, въ Вознесенскій монастырь. Другой—священникъ Іоаннъ Рачинскій—лице безцвѣтное. Въ теченіе шести лѣтъ постоянно получая письма изъ Пекина, я ни въ одномъ не встрѣтилъ даже намека, по которому можно былъ бы подозрѣвать о существованіи этого дѣятеля. Его, по моему мнѣнію, слѣдовало бы послать въ Монголію на мѣсто Геронтія. Такимъ

[1]) Изъ письма архіепископа Гурія митрополиту Исидору, отъ 27-го февраля 1872 года.

образомъ, собственно въ Пекинѣ образуется два вакантныхъ мѣста. Если ихъ замѣстить имѣющимися въ виду двумя кандидатами, то дѣло приметъ во всякомъ случаѣ хорошій оборотъ, если уже необходимо, чтобы Пекинская миссія содержала на свой счетъ причтъ въ Ургѣ, гдѣ купцы могли бы сами содержать священника, если онъ имъ нуженъ. Если же непремѣнно нужно выбирать и послать одного котораго—нибудь, т. е. Поликина или іеромонаха Флавіана, то, говоря откровенно, я затрудняюсь дать которому—либо изъ нихъ преимущество. Если одинъ учился китайскому языку, то другой можетъ заняться имъ и не отстанетъ. Я имѣю причины думать, что въ Петербургскомъ университетѣ можно учиться китайскому языку, но научиться—никогда. Дайте мнѣ мѣсяцъ сроку, и іеромонахъ Флавіанъ сдастъ экзаменъ по китайскому языку едва ли хуже г. Поликина. По способностямъ, выдержанности, наблюдательности, находчивости о. Флавіанъ не ниже г. Поликина. Это я заключаю изъ того, что, занимаясь по факультету восточныхъ языковъ, г. Поликинъ кончилъ курсъ только дѣйствительнымъ студентомъ. Что же касается до знанія церковности и вообще христіанской вѣры, іеромонахъ Флавіанъ несомнѣнно преимуществуетъ. А въ миссіонерствѣ эта статья не послѣдняя. Имѣю въ виду, что когда-нибудь о. Палладію захочется и отдохнуть; ему, вѣроятно, есть уже 56 лѣтъ. Для того, чтобы замѣстить его, г. Поликинъ будетъ ли годенъ—не знаю. За Флавіана могу поручиться, что черезъ два—три года онъ будетъ готовъ и въ силахъ занять этотъ постъ. Китайскій языкъ страшенъ здѣсь, а въ Пекинѣ можно научиться ему, такъ сказать, шутя".

„Исполняя приказаніе Вашего Высокопреосвященства, я дозволилъ себѣ высказать свое мнѣніе откровенно. Прошу милостиваго снисхожденія къ моему многорѣчію. Я боленъ Пекинскою миссіею, поэтому, немудрено, что я сказалъ больше, нежели сколько требовалось. Если же обстоятельства требуютъ отправки только одного іеромонаха, то благоволите командировать г. Поликина; мой кандидатъ останется въ резервѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ благоволите предложить мой проектъ о. архимандриту Палладію на заключеніе. Если и о. Палладій найдетъ его подходящимъ, то іеромонахъ Флавіанъ будетъ готовъ. Между тѣмъ мы займемся немного и китайскимъ языкомъ. Я еще не все забылъ". Такъ отвѣчалъ преосвященный Гурій митрополиту Исидору.[1])

---

[1]) Изъ письма преосвященнаго Гурія С.-Пб. митропол. Исидору.

Выборъ палъ на іеромонаха Корнилія.[1]) Но ему не суждено было добраться до Китая. Онъ умеръ въ Ургѣ, не доѣхавши до мѣста своего назначенія, и Пекинская миссія опять осталась безъ священника. Объ этомъ извѣстилъ преосвященнаго Гурія начальникъ Пекинской миссіи архимандритъ Палладій, а преосвященный Гурій доложилъ митрополиту Исидору „на тотъ конецъ, что, можетъ быть, ему угодно было бы, въ удовлетвореніе насущной потребности Пекинской церкви, принять рекомендованнаго имъ іеромонаха Флавіана". „Человѣкъ этотъ, писалъ онъ, стоитъ довѣрія и, надѣюсь, оправдаетъ мою объ немъ рекомендацію. Жаль, что нѣкогда предложенная Святѣйшему Синоду мысль приготовлять священниковъ для Пекинской миссіи изъ китайцевъ, не могла осуществиться! Цѣли мы достигли бы лучше и съ меньшими издержками. Если бы Вашему Высокопреосвященству угодно было возбудить объ этомъ вопросъ, я охотно предлагаю мои услуги. Пока я живъ и пользуюсь довѣріемъ Святѣйшаго Синода, мой досугъ и силы въ его полномъ распоряженіи".

Дополненіемъ и нѣкотораго рода иллюстраціей къ характеристикѣ іеромонаха Геронтія и священника І. Рачинскаго могутъ служить, между прочимъ, и слѣдующія строки изъ писемъ о. Флавіана къ о. С. Максорову. Отвѣчая на запросъ о. Симеона, сколько братіи въ Пекинской миссіи, кто они и откуда, о. Флавіанъ сообщилъ, что въ составъ миссіи входятъ: начальникъ миссіи, архимандритъ Палладій, уроженецъ—Казанскій, въ Китаѣ живетъ болѣе 30 лѣтъ, человѣкъ добрый и очень хорошій; священникъ о. Іоаннъ Рачинскій, кандидатъ академіи, изъ деревенскихъ іереевъ Новгородской епархіи; живетъ здѣсь уже болѣе 10 лѣтъ; іеромонахъ Геронтій—изъ Курской семинаріи, былъ въ Кіевской лаврѣ, потомъ—на Аѳонѣ, наконецъ—въ Петербургской лаврѣ; здѣсь живетъ болѣе 12 лѣтъ; пишетъ стихи, разводитъ садъ и воспитываетъ 20 кошекъ. О. Іоанна Рачинскаго характеризуетъ, между прочимъ, слѣдующій случай изъ его жизни. Однажды онъ былъ для служенія на Южномъ Подворьѣ,—это было въ концѣ октября 1878 г.,—и ни съ того, ни съ сего пригласилъ къ себѣ всѣхъ завтракать въ слѣдующее воскресенье; пріѣхалъ домой и забылъ. Гости пріѣхали въ назначенное время и застали о. Іоанна преспокойно кушающимъ свою обычную трапезу, безъ всякихъ признаковъ въ комнатѣ, что ожидаются гости. Произошло, конечно, недоумѣніе и часа черезъ два приготовили кое-что (Пекинъ, 13 декабря 1878 г.).

[1]) Изъ письма преосвященнаго Гурія С.-Пб. митропол. Исидору.

Въ письмѣ къ начальнику миссіи архимандриту Палладію о. Флавіанъ сообщаетъ, что о. Іоаннъ почти совсѣмъ не ѣздитъ на Южное Подворье для богослуженія; въ ноябрѣ былъ тамъ два раза, потомъ—6 декабря о опять собираетса только въ праздникъ Рождества Христова (Пекинъ, 13 декабря 1878 г.). Онъ же сообщаетъ, что одинъ изъ учениковъ о. Іоанна, по имени Климентъ, правда, малый туповатый и лѣнивый, около 10 лѣтъ ежедневно проводилъ утро, до обѣда, у о. Іоанна, упражняясь въ письмѣ и чтеніи часослова. „Писать онъ научился порядочно и часословъ вытвердилъ наизустъ, но большему не научился; а 10-тилѣтнее чтеніе часослова возбудило въ немъ непреодолимое отвращеніе къ чтенію“. (Пекинъ, 4 октября 1880 г.).

III.

Въ 1873 году, 6-го іюня, іеромонахъ Флавіанъ назначенъ былъ членомъ Пекинской духовной миссіи и выѣхалъ изъ Симферополя. До новаго (1874) года онъ прожилъ у родныхъ, въ Орлѣ; послѣ новаго года отправился въ Одессу, откуда моремъ выѣхалъ въ Китай. „Ѣхалъ я, писалъ онъ „любезному другу“ своему, о. С. Максорову“, по разнымъ морямъ и на разныхъ иностранныхъ пароходахъ; въ Пекинъ пріѣхалъ на 70-й день послѣ выѣзда изъ Одессы. Путешествіе мое было весьма счастливо, и теперь я совершенно здоровъ. Пріѣхалъ я въ Пекинъ на 6-й недѣлѣ Великаго поста, и вотъ уже пятый мѣсяцъ, какъ живу здѣсь, понемногу привыкаю, учусь китайскому языку и уже кое-что знаю“. (Пекинъ, 24 іюня 1874 г.).

Какъ съ дороги, такъ и изъ Пекина о. Флавіанъ многимъ писалъ: но вотъ уже полгода прожилъ онъ въ Китаѣ и ни отъ кого изъ Симферополя не получилъ отвѣта, хотя многіе обѣщали писать ему. На это онъ жаловался въ письмѣ преосвященному Гурію. отъ 14 іюня 1874 г. Видимо, онъ очень любилъ Симферополь и своихъ сослуживцевъ; скучалъ въ разлукѣ съ ними; жалѣлъ, что согласился отправиться въ Китай, и откровенно высказывалъ это въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. „Часто я вспоминаю и жалѣю о Крымѣ, и всякая вѣсть оттуда мнѣ очень дорога“, писалъ онъ о. Максорову. „О, съ какимъ удовольствіемъ побывалъ бы я теперь въ Симферополѣ, посмотрѣлъ бы на вновь воздвигнутыя въ немъ зданія, на распространенное и преобразованное училище, на перестройки въ архіерейскомъ домѣ! Съ удовольствіемъ слышу о возводимыхъ у васъ новыхъ зданіяхъ. Какъ бы желалъ я посмотрѣть на нихъ. Но едва ли это будетъ скоро исполнимо. По крайней мѣрѣ,

нѣтъ ли у васъ фотографическаго вида новаго корпуса женскаго училища. Весьма радъ былъ бы получить таковой". Такъ писалъ о. Флавіанъ преосвященному Гурію (23 іюня 1879 г.). Его радовали пріятныя вѣсти изъ Симферополя и особенно о женскомъ училищѣ, гдѣ онъ былъ инспекторомъ и законоучителемъ; онъ скорбѣлъ, когда слышалъ, что „опять тамъ мира нѣтъ"; ему пріятно было узнать, что ревизоръ нашелъ въ женскомъ училищѣ учебную часть въ добромъ порядкѣ; ему интересно было знать, кто замѣнилъ выбывшихъ классныхъ дамъ, преподавателей; о М. И. (Симанской) онъ „думаетъ, что не легко ей будетъ ужиться въ Керчи", куда она перешла изъ училища и поступила въ Кушниковскій институтъ; вспоминаетъ о Юліи Ѳеодоровнѣ (Артамоновой-Аханової), „такъ коварно покинувшей ввѣренное ей училище".[1]) Извѣстіе о смерти протоіерея Руднева и тяжкой болѣзни протоіерея Брюховскаго „крайне поразило его". Если только это правда, писалъ онъ преосвященному Гурію, то полагаю, что и для васъ ощутительна была эта потеря, и не легко ихъ замѣнить въ краю и безъ того столь бѣдномъ дѣятелями. Мнѣ же ихъ весьма жаль, какъ людей, съ которыми я былъ весьма коротко знакомъ и которые для меня всегда были очень добры". (Пекинъ, 2 августа 1874 г.). „Я сохраняю самое отрадное воспоминаніе о полуторагодовомъ служеніи моемъ въ женскомъ училищѣ. Вотъ уже четвертый годъ, какъ я оставилъ его и не много уже лицъ, которыя знаютъ меня. Вѣроятно, и эти всѣ совершенно забыли о моемъ существованіи. Кланяйся отъ меня всѣмъ, кто меня помнитъ. Что же касается до меня, то я рѣшительно всѣхъ помню, даже до послѣдняго мальчика пѣвчаго", (Изъ письма къ о. Максорову). Въ своихъ письмахъ о. Флавіанъ называетъ по именамъ очень многихъ знакомыхъ ему симферопольцевъ и посылаетъ поклонъ: о.о. Андрею (Жежеленко), Іакову (Чепурину), Димитрію (Койко), о. протодіакону, о. Ѳед. Хорошилову, Як. Гавр. Алейникову, Вас. Мин. Маевскому, о. Меѳодію, о. Игнатію и Михаилу, Владиміру Сергѣевичу (Сеженскому), о. Влад. Сластовникову, о. Мих. Сериго, Діонисію Петрову, Михаилу Волошенко „и вообще всѣмъ, кто тамъ меня и теперь еще помнитъ", писалъ онъ о. Максорову 1 февраля 1876 г.: „всѣмъ, кто помнитъ меня, поклонитесь отъ меня". „Поступилъ ли Діонисій Петровъ въ университетъ и въ какой? Коломійцевъ все ли еще въ Токмакѣ и не женился ли"? и т. д.

---

[1]) Ю. Ѳ. уже въ преклонныхъ лѣтахъ вышла замужъ за армянина, грубаго приказчика изъ армянскихъ рядовъ, въ Симферополѣ.

Но съ особеннымъ чувствомъ почтенія и благодарности онъ всегда относился къ своему наставнику и благодѣтелю, преосвященному Гурію; все касающееся преосвященнаго Гурія онъ близко принималъ къ сердцу, радовался радостямъ его и скорбѣлъ его печалями. Прочиталъ онъ въ газетахъ о награжденіи преосвященнаго Гурія орденомъ Св. Владиміра II-й ст. Поздравляя его съ новымъ знакомъ Монаршей милости, онъ пишетъ: „это извѣстіе меня весьма порадовало. Утѣшительно, что наконецъ[1]) оцѣнили и воздали должную дань неусыпнымъ архипастырскимъ трудамъ и заботамъ Вашимъ, близкимъ свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Остается теперь только молить Бога, чтобы онъ укрѣпилъ Ваше здоровье и на многіе годы продлилъ Вашу благоплодную жизнь“ (Пекинъ, 14 іюня 1874 г.). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 4 окт., онъ поздравляетъ преосвященнаго Гурія со днемъ его Ангела и пишетъ: „Поздравленіе это дойдетъ до Васъ очень не скоро; но по крайней мѣрѣ оно послужитъ доказательствомъ того, что въ самый день Вашего праздника, далеко въ Китаѣ я вспоминалъ и оттуда мысленно поздравлялъ васъ. Конечно, при этомъ припомнилось многое: и день 4 октября въ Казани, ознаменованный открытіемъ братства святителя Гурія, обязаннаго своимъ возникновеніемъ трудамъ Вашего Преосвященства, и цѣлый рядъ праздниковъ этого дня въ Симферополѣ, на которыхъ бывалъ по временамъ я то гостемъ, то распорядителемъ. Много мелочныхъ подробностей этого дня въ продолженіе восьмилѣтняго служенія моего при вашемъ преосвященствѣ встаютъ въ памяти, и прошедшее, прожитое кажется такимъ хорошимъ, такимъ отраднымъ, что какъ жаль становится, что все это миновало, все прошло безъ возврата. Вотъ уже второй разъ приходится мнѣ поздравлять Васъ издалека, и сократится ли когда это далекое разстояніе; буду ли я когда опять близъ Васъ, Богъ вѣсть“!

О своей жизни въ Пекинѣ о. Флавіанъ писалъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ разлуки съ любезнымъ ему Крымомъ и свое положеніе рисовалъ довольно мрачными красками: „Вотъ уже три мѣсяца, какъ я живу въ Пекинѣ и понемногу привыкаю къ языку и обстановкѣ, хотя и не скрою этого отъ Васъ, весьма скучаю и отчасти даже и скорблю, что выпалъ мнѣ жребій такой службы. Судя по-человѣчески, я чрезвычайно много потерялъ, что согласился пріѣхать сюда. Положеніе

[1]) Орденъ Св. Анны I ст. преосвященный Гурій получилъ въ 1869 г. и только въ 1874 г. орденъ Св. Владиміра II ст.

мое въ Симферополѣ, даже въ качествѣ простого крестоваго іеромонаха, не говоря уже о настоятельствѣ въ Бахчисарайскомъ скиту, было несравненно независимѣе и гораздо лучше обставлено. Но что дѣлать... Дѣло сдѣлано; назадъ не воротишься; волею—неволею, а придется, видно, нѣсколько лѣтъ послужить здѣсь. О какихъ-либо заслугахъ думать здѣсь нечего; изъ за того только, чтобы оставили потомъ кабинетскій крестъ, семь лѣтъ служить не стоитъ. Посему, я ни какъ не могу допустить мысли, чтобы не только остаться навсегда въ Пекинѣ, но даже и на продолжительное время. Лучше жить гдѣ-нибудь въ братствѣ монастыря, и если бы года черезъ три, или четыре меня отпустили отсюда, я былъ бы очень счастливъ. А какъ, во всякомъ случаѣ, время моего исхода отсюда неизвѣстно, то я все-таки начинаю учиться по-Китайски и учусь съ полнымъ прилежаніемъ". Такъ о. Флавіанъ писалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Пекинѣ преосвященному Гурію вскорѣ по пріѣздѣ въ Китай (2 августа 1874 года).

Въ томъ же тонѣ о. Флавіанъ писалъ и о. Симеону Максорову, „дорогому другу" своему, и даже гораздо позже, въ сентябрѣ 1876 г.: „Я вотъ уже полтора года живу въ Пекинѣ; немного привыкаю, но говорить много по-китайски еще не могу. Жизнь здѣсь очень скучная; нужно все сидѣть дома; никуда нельзя ни пойти, ни поѣхать. Хотѣлось бы мнѣ очень поскорѣй воротиться въ Россію; но скоро надѣяться на это нельзя и много лѣтъ придется здѣсь промаяться, если не навсегда сложить здѣсь мою буйную головушку. Мое положеніе теперь похоже на мышь, захлопнутую въ западню. Въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ, въ Симферополѣ, особенно въ послѣднее время, я просто катался, какъ сыръ въ маслѣ. Здѣсь не то, и я всегда съ любовію и сожалѣніемъ вспоминаю Симферополь (Пекинъ, 4 марта 1875 г. и 1 февраля 1876 г.). „Я живу-себѣ по-маленьку, писалъ о. Флавіанъ тому же „любезнѣйшему другу:" здоровьемъ хотя и не похвалюсь, но и жаловаться также особенно не могу. Здѣшній климатъ очень располагаетъ къ хандрѣ и жизнь очень скучная; порядки строгіе; пойти никуда нельзя; сиди—себѣ въ четырехъ стѣнахъ; служба въ церкви только по праздникамъ, людей видишь рѣдко; занятіе—только переводить съ русскаго на китайскій. Всякій день ходитъ ко мнѣ учитель—китаецъ: по русски онъ ничего не знаетъ; зовутъ его Лунъ-сянь-шенъ, а меня зовутъ Фа-шень-фу, т. е. духовный отецъ Фа. сокращенное изъ Флавіана". (Пекинъ, 1-го сентября 1876 г.).

О своихъ занятіяхъ китайскимъ языкомъ, о своихъ отношеніяхъ къ начальнику миссіи и къ сослуживцамъ о. Флавіанъ писалъ преосвященному Гурію, какъ знатоку дѣла и человѣку знающему окружающихъ его лицъ и всю обстановку. „Учителемъ (китайскаго языка) у меня—Павелъ Ши, который, кажется, крещенъ при Васъ. Онъ преаккуратно является ко мнѣ каждое утро и занимается со мною часа по три. Первое время мнѣ чрезвычайно было трудно понимать его; безпрестанно надо было прибѣгать къ помощи лексикона. Теперь стало немного легче, хотя и въ настоящее время я знаю по-китайки еще очень не много и даже со слугою не всегда могу объясниться. Для упражненія въ переводахъ о. архимандритъ далъ мнѣ письма императора Кань-си къ сыну, во время похода его на сѣверъ для усмиренія мятежниковъ. Съ другими китайцами, кромѣ учителя, я ни съ кѣмъ не знакомъ, ибо въ настоящее время никто изъ китайцевъ къ членамъ миссіи (за исключеніемъ, конечно, начальника) не ходитъ, теперь за этимъ весьма строго наблюдаютъ. Въ женскомъ училищѣ я еще не былъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда о. Палладій обѣщалъ мнѣ показать его, но пока еще не выбралъ свободнаго времени, потому что онъ весьма много занимается надъ составленіемъ китайско-русскаго словаря по особой его системѣ, не изъ буквъ, а изъ цѣлыхъ фразъ и выраженій. Говорятъ, что это будетъ весьма капитальный ученый трудъ, и о. архимандритъ надѣется его окончить года черезъ два или три. Ко мнѣ онъ весьма благосклоненъ и внимателенъ и изрѣдка даже заходитъ ко мнѣ. Вотъ, и сегодня утромъ, во время урока, о. архимандритъ былъ такъ добръ, заходилъ ко мнѣ и провѣрялъ мои упражненія въ переводѣ, при чемъ оказалось, что большею частію мысль подлинника я понялъ вѣрно; конечно, нашлись и промахи, но вообще нужно замѣтить, что слогъ этихъ писемъ Кань-си очень легокъ. Вообще же успѣхи мои по китайскому языку мнѣ кажутся не совсѣмъ удовлетворительными: объясненія учитсля я кое-какъ съ трудомъ понимаю, а заговоритъ кто-либо другой, ничего не пойму. А вѣдь уже четыре мѣсяца учусь, хотѣлось бы узнать гораздо больше, но что дѣлать.... Память мнѣ очень измѣняетъ; все забываю выученное, да и заниматься усидчиво трудно мнѣ себя принудить, къ тому же такія занятія не хорошо дѣйствуютъ на мое здоровье. У меня постоянно голова не свѣжа и тяжела и находишься въ какомъ-то полусонномъ состояніи. Жаркая, парная погода и сырая комната имѣютъ свое вредное вліяніе. Посмотримъ, что будетъ, когда похолоднѣетъ“. (Пек., 2 авг. 1874 г.).

А похолоднѣло, другая бѣда: дурное устройство помѣщенія и особенно каменный полъ давали себя чувствовать сильнѣе жары. „Новая печь совсѣмъ ничего не грѣетъ; при топкѣ герметически она дѣлается едва только теплой; при топленіи же обыкновеннымъ способомъ, хотя нагрѣвается не много болѣе, но, не имѣя отдушниковъ, не даетъ тепла въ комнату. Въ солнечные дни температура не выше 10 гр., а въ туманные дни — только 7°/₀, такъ что по необходимости долженъ топить и желѣзную печь“. (Пекинъ, 13 декабря 1878 г.).

Своимъ добрымъ нравомъ и трудолюбіемъ о. Флавіанъ скоро привлекъ къ себѣ расположеніе начальника миссіи, общее вниманіе, довѣріе и любовь своихъ сослуживцевъ и всего христіанскаго общества. „Начальство мною довольно, писалъ онъ о. Симеону; братія расположены, христіане уважаютъ“. (Пек., 1 сентября 1876 г.). „Забота объ о. Флавіанѣ — моя первая забота, писалъ о. Палладій преосвященному Гурію, и я дорожу имъ, какъ нельзя болѣе; онъ — единственная надежда миссіи: пусть бы только ознакомился хорошенько съ китайщиною, чѣмъ онъ и занимается понемногу. Что касается до остальной братіи моей, убогой душевно и хилой тѣлесно, то.., къ сожалѣнію, мало или вовсе нѣтъ помощниковъ изъ албазинцевъ; остался одинъ Мойсей, да и тотъ исчезаетъ въ лютой чахоткѣ. Кассіанъ, на котораго такъ надѣялся о. Исаія, неблагонадеженъ, куритъ. Помните-ли вы Павла Ши (Ши-сянь-шенъ)? Откровенно сказать, онъ оказался пустымъ и безполезнымъ человѣкомъ. Михаилъ Линь, величаемый полковникомъ, — отчаянный опіумокуритель. Жаль его дѣтей“. Выражая благодарность преосвященному Гурію за участіе въ Пекинской миссіи, архимандритъ Палладій пишетъ: „Печально только, что вы не имѣете въ виду для нея другого о. Флавіана. Въ письмахъ вашихъ вы рекомендуете мнѣ беречь о. Флавіана. И я, и онъ самъ можемъ засвидѣтельствовать, что я никогда въ мысли не имѣлъ что-нибудь подумать противъ него. Напротивъ, дай Богъ, по моему мнѣнію, побольше такихъ миссіонеровъ. Теперь мы заняты съ нимъ переводомъ псалмовъ по новому русскому тексту. Скучать ему едва ли есть время, потому что мало по малу я поручаю ему почти всѣ внутреннія дѣла миссіи; скоро начну знакомить съ училищами“. (Пекинъ, 3 мая 1878 г.).

Такъ исподоволь, постепенно подготовлялось то, что по волѣ Божіей совершилось осенью того же 1878 г. и о чемъ сообщаетъ о. Флавіанъ преосвященному Гурію: „Спѣшу сообщить вамъ грустную вѣсть о постигшемъ насъ горѣ: сегодня

мы проводили нашего добраго и горячо любимаго о. Палладія, покинувшаго насъ неожиданно и, какъ можно предполагать, навсегда. Его постигла тяжкая болѣзнь, излечить которую медицина безсильна. Въ концѣ іюля текущаго года, среди самой усиленной его дѣятельности, когда онъ приводилъ къ окончанію свой монументальный трудъ—лексиконъ, въ которомъ онъ выкладывалъ все, что пріобрѣлъ 40-лѣтнимъ усиленнымъ трудомъ, у него открылось кровохарканье. Немедленно приглашенный врачъ французскаго посольства, замѣняющій нашего, находящагося въ отпуску, съ перваго раза нашелъ положеніе больного серьезнымъ. Оказалось пораженіе сердца—послѣдствіе ревматизма. Въ половинѣ августа врачъ объявилъ мнѣ и повѣренному нашему въ дѣлахъ А. И. Кояндеру, что ежеминутно можно ожидать кризиса, вслѣдствіе чего я почти уже и не покидалъ его. Но болѣзнь потомъ приняла другое теченіе; опасность мгновеннаго кризиса миновала; врачъ пришелъ къ заключенію, что она можетъ продолжаться очень долго, если не будетъ усложнена какою-либо другою простудною болѣзнію; почему находилъ, что довольно суровая пекинская зима будетъ ему не по силамъ. Созванные на консиліумъ всѣ находящіеся здѣсь три европейскіе врача раздѣлили мнѣніе своего товарища и объявили, что о. архимандритъ зимы въ Пекинѣ пережить не можетъ, долженъ немедленно выѣхать на югъ и провести зиму въ Египтѣ, или южной Италіи". Вслѣдствіе сего о. Палладій рѣшился испросить себѣ годовой отпускъ, отправиться моремъ въ Неаполь, прожить тамъ до конца марта, потомъ переѣхать въ Крымъ, провести конецъ весны у преосвященнаго Гурія и лѣтомъ явиться въ С.-Петербургъ. Въ половинѣ сентября послано было донесеніе въ Святѣйшій Синодъ и телеграмма: но отвѣта не послѣдовало; онъ могъ быть полученъ не раньше 20 октября. Между тѣмъ врачи не нашли возможнымъ, чтобы о. Палладій пробылъ въ Пекинѣ до означеннаго времени; почему онъ, сдавши о. Флавіану должность, оставилъ Пекинъ, сопровождаемый слезами своихъ соотечественниковъ и паствы. До Шанхая поѣхалъ провожать его лѣчившій его докторъ. Изъ Шанхая 27 октября онъ отправился на французскомъ пароходѣ, на которомъ слѣдовало назначенное въ Россію китайское посольство съ посланникомъ Чунь-хоу во главѣ. О. архимандритъ потому избралъ этотъ пароходъ, что для сопровожденія китайскаго посольства былъ назначенъ состоящій при Пекинской дипломатической миссіи г. Поджіо; слѣдовательно, свой человѣкъ, который могъ позаботиться о немъ въ

пути и сдать его въ Неаполѣ на попеченіе А. Е. Влангали. „Дай Богъ, писалъ о. Флавіанъ, чтобы всѣ эти предположенія исполнились и о. архимандритъ благополучно доѣхалъ до васъ; но, признаюсь, я сильно сомнѣваюсь въ этомъ, судя по тому болѣзненному положенію, въ которомъ онъ поѣхалъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю завтра извѣстій, какъ онъ доѣхалъ до Тунъ-Чжо. Провожать себя онъ никому не позволилъ, говоря что это еще болѣе его растревожитъ и обезсилитъ“.

IV.

Такимъ образомъ, на пятомъ году жизни о. Флавіана въ Пекинѣ, бремя управленія миссіей легло на его плечи. „И вѣроятно, пишетъ онъ, мнѣ придется нести это бремя не малое время; ибо, если о. Палладій не поправится и не возвратится, то преемникъ его прибудетъ не скоро. И кого-то къ намъ пришлютъ? Теперь насъ только двое, я и о. Иванъ, помощникъ плохой, и дѣло все нужно дѣлать мнѣ одному. Помолитесь, Ваше Преосвященство, чтобы Господь умудрилъ меня вести дѣло это къ славѣ Его святаго имени: не оставьте меня вашими мудрыми совѣтами и руководительствомъ“. (Пекинъ, 2 окт. 1878 г.).

Такъ думалъ и гадалъ о. Флавіанъ, что и какъ будетъ дальше, а Промыслъ Божій давно уже уготовалъ въ его лицѣ преемника о. Палладію. Еще когда шла только рѣчь о назначеніи его въ Пекинскую миссію, преосвященный Гурій говорилъ о немъ, какъ о преемникѣ о. Палладію; уже и тогда онъ имѣлъ въ виду, что о. Палладію когда-нибудь захочется и отдохнуть, и что года черезъ два—три о. Флавіанъ будетъ готовъ и въ силахъ занять постъ начальника миссіи. О. Палладій въ концѣ октября 1878 г. выѣхалъ изъ Пекина, добрался до Ниццы и здѣсь умеръ. Въ день Свѣтлаго Праздника, 1 апрѣля 1879 г., о. Флавіанъ получилъ указъ С.-Петербургской консисторіи, изъ котораго онъ узналъ, что 9-го января состоялось постановленіе Святѣйшаго Синода о назначеніи его начальникомъ миссіи съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита. Но при этомъ не было сказано о томъ, какъ и гдѣ совершится это священнодѣйствіе. Это обстоятельство заставило новаго архимандрита призадуматься, къ кому, куда и когда отправиться ему за посвященіемъ. Ему казалось, что всего-бы лучше съѣздить въ Иркутскъ. Лѣтомъ это путешествіе возможно было совершить туда и обратно мѣсяца въ два съ небольшимъ. Это тѣмъ болѣе казалось удобнымъ, что за общимъ выѣздомъ дипломатической миссіи на дачи, богослуженіе на Южномъ По-

дворьѣ прекращается, и о. Иванъ могъ бы остаться одинъ для совершенія богослуженія на Сѣверномъ Подворьи. „Не знаю, какъ рѣшено это Святѣйшимъ Синодомъ и почему распоряженіе его до сего времени не получено, писалъ о. Флавіанъ преосвященному Гурію: не думаютъ ли позвать меня въ С.-Петербургъ за посвященіемъ, какъ звали японскаго о. Николая". (Пекинъ, 4 іюня 1879 г.).

Но вотъ получился, наконецъ, и ожидаемый указъ Святѣйшаго Синода, гдѣ о. Флавіанъ именуется уже архимандритомъ и гдѣ было снова сказано, что онъ назначается на открывшуюся вакансію начальника Пекинской духовной миссіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ производствомъ положеннаго по штату содержанія; но опять никакого распоряженія о томъ, чтобы для посвященія въ санъ онъ отправился къ какому-либо преосвященному. Можно было думать, что, именуя въ указѣ своемъ о. Флавіана архимандритомъ, Святѣйшій Синодъ нашелъ возможнымъ, обойтись безъ церковнаго посвященія и заочно своею властію возвести его въ санъ архимандрита, въ виду дальняго разстоянія и неудобства оставить миссію на довольно продолжительное время. Съ другой стороны, о такомъ отступленіи отъ общаго правила слѣдовало бы упомянуть въ указѣ и дать благословеніе на возложеніе присвоенныхъ сану архимандрита служебныхъ знаковъ. Но ничего этого въ указѣ не было прописано. Поэтому, о. Флавіанъ поставленъ былъ въ недоумѣніе, какъ онъ долженъ былъ именовать себя, іеромонахъ или архимандритъ. И если бы онъ сталъ именоваться архимандритомъ, то могъ ли онъ при служеніи употреблять митру и пр.? За разрѣшеніемъ своего недоумѣнія онъ обратился опять же къ своему руководителю и покровителю преосвященному Гурію. „Весьма бы изволили меня одолжить, если бы разъяснили это обстоятельство". (Пек., 23 іюня 1879 г.).

Наконецъ, не задолго до Пасхи 1880 года С.-Петербургская консисторія сообщила о. Флавіану резолюцію митрополита Исидора, положенную на письмѣ его. Владыка митрополитъ написалъ, что особаго посвященія въ санъ архимандрита для него не будетъ, и что со дня состоявшагося опредѣленія Святѣйшаго Синода онъ можетъ именоваться симъ званіемъ и употреблять митру и проч. Такимъ образомъ, недоумѣніе о. Флавіана разрѣшилось, наконецъ, въ благопріятномъ смыслѣ, и онъ сталъ служить, какъ подобаетъ архимандриту. (Пекинъ, 3 мая 1880 г.).

„Но какъ бы то ни было, жребій замѣнить о. Палладія палъ на меня, писалъ о. Флавіанъ преосвященному Гурію, и воля

Божія возлагаетъ на меня служеніе не легкое. Особенно трудность эта усугубляется тѣмъ, что я—одинъ и что все почти приходится начинать съ начала. О. Иванъ—помощникъ плохой и занимается все припоминаніями, толкуетъ все объ отъѣздѣ и протоіерейскомъ мѣстѣ въ Валдаѣ. Протоіерейство въ Валдаѣ сдѣлалось его постоянною idée fixe; всѣмъ и каждому онъ только и толкуетъ о выгодахъ или невыгодахъ для него мѣста въ Валдаѣ".

Первая и самая тяжелая забота новаго начальника Пекинской миссіи состояла въ вопросѣ о замѣщеніи вакантныхъ должностей, въ пріисканіи дѣятелей и помощниковъ въ своихъ трудахъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ одному изъ своихъ знакомыхъ въ Синодѣ (И. С. Жудро) и просилъ его, даже телеграммою, сообщить, замѣщены ли свободныя вакансіи членовъ миссіи, и послѣ долгаго ожиданія получилъ отвѣтъ, что никакого распоряженія объ этомъ еще не было. Такимъ образомъ, о. Флавіанъ оставался въ полной неизвѣстности, когда-то послѣдуетъ назначеніе, какихъ лицъ изберутъ и когда-то доѣдутъ до Пекина эти избранники. „Вѣроятно, назначеніе замедляется тѣмъ, думалъ онъ, что, при общемъ оскудѣніи образованнаго монашества, нѣтъ желающихъ отправиться въ Пекинъ, и я страшно боюсь, писалъ онъ, чтобы ко мнѣ не прислали какихъ-нибудь нравственныхъ уродовъ, въ родѣ Геронтія, нынѣ юродствующаго (какъ пишетъ мнѣ о. Іоиль) въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ, или здравствующаго здѣсь о. Іоанна. А дѣятельные помощники здѣсь крайне нужны, особенно при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся здѣсь дѣла въ настоящее время". (Пекинъ, 4 іюня 1879 г.).

Въ такомъ раздумьи о дѣлахъ миссіи и о томъ, что будетъ дальше, въ одномъ изъ номеровъ Церковно-общественнаго Вѣстника (А. И. Поповицкаго) о. Флавіанъ прочиталъ о поступленіи въ Таврическій архіерейскій домъ бывшаго члена японской миссіи іеромонаха Евѳимія (Четыркина[1]). „Что за причина, что и этотъ отецъ оставилъ Японію, подобно своему товарищу Моусею, спрашиваетъ въ недоумѣніи о. Флавіанъ. А о нихъ такъ много было писано, на нихъ возлагались такія надежды, и они заявляли такіе блестящіе успѣхи, что чуть ли не черезъ полгода вели церковную проповѣдь на туземномъ языкѣ.

---

[1]) Іеромонахъ Евѳимій (въ мірѣ—Григорій Четыркинъ), сынъ діакона Смоленской епархіи; въ 1874 г. былъ по прошенію назначенъ въ Японскую миссію и въ 1878 г. по прошенію же уволенъ, въ январѣ 1879 г. принятъ въ братство Таврическаго архіерейскаго дома.

Что тутъ есть: дѣйствительно ли болѣзнь заставила ихъ покинуть столь блестяще начатое ими поприще, или же личные *Мао-бины?..*".

Интересовался же этимъ о. Флавіанъ потому, что если дѣйствительно неудобство климата Японіи, а не что другое заставило о. Евѳимія покинуть Японію, и если по наблюденіямъ преосвященнаго о. Евѳимій человѣкъ порядочный, способный и неодержимъ никакимъ *маобиномъ,* то не пожелаетъ ли онъ, спрашивалъ о. Флавіанъ, отправиться въ Пекинъ? До сихъ поръ, а это было въ іюнѣ 1879 года, не было извѣстно о томъ, сдѣлано ли что-нибудь для замѣщенія праздныхъ вакансій въ Пекинской миссіи. Евгеній Карловичъ Скачковъ, членъ дипломатической Пекинской миссіи, былъ въ это время въ Петербургѣ и обѣщалъ похлопотать по этому дѣлу; но похлопоталъ только о томъ, что о. Флавіанъ лишился единственнаго, хоть и плохого помощника, въ лицѣ о. Іоанна. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ замѣняющему его г. Кояндеру онъ поручилъ передать о. Іоанну, что онъ видѣлся съ графомъ Толстымъ, говорилъ съ нимъ объ о. Іоаннѣ и надѣется, что все будетъ для него сдѣлано. О. Іоаннъ просилъ выхлопотать ему увольненіе съ пенсіей и мѣсто уѣзднаго протоіерея. „Поэтому нужно думать, съ грустію заключаетъ о. Флавіанъ, что о. Іоаннъ будетъ скоро взятъ отъ насъ, а что сдѣлано относительно новыхъ людей, о томъ не пишутъ". (Пекинъ, 23 іюня 1879 г.). И въ слѣдующемъ, 1880 году, видимо, не послѣдовало никакихъ перемѣнъ, потому что въ письмѣ отъ 3 мая онъ опять возвращается къ мысли объ о. Евѳиміи и пишетъ, что извѣстіе о возобновленіи дѣла объ отправленіи его въ Пекинъ весьма его порадовало. „Дай Богъ, пишетъ онъ, чтобы о. Евѳимій скорѣе былъ назначенъ къ намъ. Здѣсь нужда въ членахъ миссіи дошла до послѣдней крайности; ибо и о. Іоаннъ, наконецъ, подалъ прошеніе объ увольненіи". „Съ нетерпѣніемъ жду извѣстія о назначеніи къ намъ о. Евѳимія и о времени его къ намъ прибытія". (Пекинъ, 24 мая 1880 г.). „Съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія Евгенія Карловича, чтобы узнать, что думаютъ въ Петербургѣ о Пекинской миссіи, такъ какъ онъ видался и съ бывшимъ и съ настоящимъ оберъ-прокуроромъ Синода, по дѣлу назначенія новыхъ членовъ и увольненія о Іоанна". (Пекинъ, 4 октября 1880 г.).

Несомнѣнно, преосвященный Гурій писалъ митрополиту Исидору о желаніи о. Флавіана имѣть своимъ сотрудникомъ о. Евѳимія. Въ письмѣ отъ 18 сентября 1879 г., очевидно, въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго Гурія, онъ пишетъ:

„Ежели іеромоняхъ Евѳимій служитъ у Васъ съ пользою, мнѣ кажется, лучше оставить его на занимаемомъ мѣстѣ. Если же онъ домогается мѣста въ Пекинѣ, пусть пошлетъ отъ себя прошеніе на имя Святѣйшаго Синода. Я сомнѣваюсь представлять объ немъ по слѣдующимъ причинамъ: двухъ іеромонаховъ Кіевской Лавры представлялъ я въ Японскую миссію по собственной ихъ просьбѣ - Моусея и Евѳимія. Синодъ отпустилъ до 3000 рублей на проѣздъ ихъ въ Японію. И вотъ, въ скоромъ времени, прежде Моусей возвратился въ Петербургъ, а потомъ и Евѳимій, безъ разрѣшенія начальства и безъ уважительной причины, по одному неудовольствію къ начальнику миссіи архимандриту Николаю, всѣми уважаемому. Не занимаясь дѣлами миссіи, Евѳимій велъ переписку съ миссіонеромъ Анатоліемъ, возбуждая его къ ропоту и негодованію противъ того же Николая, и, явившись въ Петербургъ, представилъ мнѣ письма Анатолія въ доказательство, что не онъ одинъ недоволенъ Николаемъ. Какъ Вамъ покажется такая интрига? Можемъ ли мы ручаться, что и въ Пекинѣ онъ уживется? Ежели бы я представилъ о немъ Святѣйшему Синоду, не вправѣ ли Синодъ упрекнуть меня, что я ходатайствовалъ и о посылкѣ его въ Японію, и ничего добраго не вышло? Не замѣтилъ я въ немъ ни терпѣнія, ни самоотверженной готовности потрудиться во славу Господа. Какой же это помощникъ для Флавіана? Едва ли будетъ лучше того священника, о которомъ пишетъ Флавіанъ и который лѣтъ въ десять не изучилъ ни одной китайской фразы. Впрочемъ, я мѣшать ему не буду, ежели обратится съ просьбою прямо въ Святѣйшій Синодъ, съ приложеніемъ копіи послужного списка. Нельзя не пожалѣть, что Пекинская миссія доселѣ не подготовила никого изъ туземцевъ для миссіонерскаго дѣла“. (18 сентября 1879 г.).

Владыка Гурій удержалъ о Евѳимія у себя на службѣ, поручилъ ему преподаваніе Закона Божія въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, а потомъ—управленіе Бахчисарайскимъ скитомъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ. „Съ января 1885 г. почиваетъ въ Бахчисарайскомъ скиту“, архимандритъ Анатолій Тихай—мой сожитель по Хакодате въ Японіи; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ „штатнаго“ миссіонерства возвратился въ Россію и умеръ въ психіатрической больницѣ отъ mania grandiosa. Къ апостольству былъ вовсе не способенъ. Но... sit illi terra levis! (Архим. Моусей VI/9 1909 г. С.-Пб.).

Въ 1881 году преосвященный Гурій былъ въ С.-Петербургѣ для совѣта съ врачами. О. Флавіанъ слышалъ, что вла-

дыка собирается полѣчиться и для этого поѣдетъ за-границу куда-либо, и только, когда владыка уже возвратился домой, онъ узналъ, что преосвященный Гурій больше мѣсяца жилъ въ въ Петербургѣ. „Весьма сожалѣю, что не написалъ Вамъ туда, писалъ онъ; но и безъ моего письма, вѣроятно, Вы не забыли нашу миссію, находясь близъ центра церковной власти. Съ прошедшею почтою я получилъ указъ Святѣйшаго Синода о назначеніи къ намъ въ миссію на іеромонашескую вакансію тит. сов. Виноградова. И какъ время назначенія его совпадаетъ со временемъ пребыванія Вашего въ Петербургѣ, то я позволяю себѣ думать, что назначеніе это состоялось не безъ Вашего участія, или по крайней мѣрѣ не безъ Вашего одобренія. Что это за человѣкъ, откуда онъ, гдѣ ручательство его добраго поведенія, такъ какъ онъ принятъ извнѣ въ духовное вѣдомство. Изъ указа Святѣйшаго Синода ничего не видно, и возникшія—было у меня сомнѣнія разсѣялись только тѣмъ предположеніемъ, что онъ назначенъ съ Вашего одобренія. Жду его съ большимъ нетерпѣніемъ, и дай Богъ, чтобы онъ былъ добрымъ сослуживцемъ и хорошимъ мнѣ помощникомъ“.

О. Іоаннъ Рахинскій былъ уволенъ отъ должности съ пенсіей въ 433 рубля въ годъ. Указъ объ этомъ полученъ былъ въ началѣ января, но о. Флавіанъ удержалъ его отъѣздъ до половины апрѣля, потому что былъ не въ состояніи совершать богослуженіе въ продолженіе Великаго поста и Пасхальной недѣли одновременно въ двухъ храмахъ. О. Іоаннъ уѣхалъ моремъ на пароходѣ добровольнаго флота, съ чаемъ изъ Ханькоу, въ Одессу. Съ отъѣздомъ его о. Флавіанъ остался совершенно одинъ. Предвидя это одиночество и потерявъ надежду на скорую присылку помощниковъ, онъ въ январѣ обратился съ ходатайствомъ въ Святѣйшій Синодъ о рукоположеніи во священника катихизатора Митрофана. „Отвѣта еще не имѣю, писалъ о. Флавіанъ въ іюнѣ 1879 г., и не знаю, какъ посмотрѣлъ на это Святѣйшій Синодъ, но надѣюсь, что отказа не будетъ и что мнѣ разрѣшатъ отправиться съ Митрофаномъ въ Японію и представить его для рукоположенія преосвященному Николаю. Все нужное съ моей стороны для священника изъ китайцевъ я приготовилъ. Въ одномъ изъ угловъ Подворья, на отдѣльномъ дворикѣ, я построилъ нынѣ весной хорошенькій домикъ въ 5 цзяней для его жительства; перевелъ на китайскій языкъ *служебникъ* въ полномъ его составѣ, съ учительнымъ извѣстіемъ и краткимъ уставомъ, и главныя части *канонника:* канонъ а акаѳистъ Спасителю, канонъ и акаѳистъ Божіей Ма-

тери, канонъ молебный Божіей Матери, и канонъ Ангелу Хранителю. Думаю напечатать эти каноны и переплести вмѣстѣ съ напечатанными Вами утренними и вечерними молитвами и послѣдованіемъ ко Св. Причащенію, что составитъ въ нѣкоторомъ родѣ сокращенный *правильникъ*. Переводъ же *требника,* какъ извѣстно Вамъ, сдѣланъ покойнымъ о. Исаіею и хранится въ рукописи; такъ что все нужное для священника у меня готово, и я очень бы желалъ, чтобы указъ пришелъ не позднѣе сентября и поѣздка въ Японію могла бы совершиться до наступленія зимы.“[1])

V.

Таковы были заботы о. Флавіана по устройству миссіи съ внѣшней стороны; но несравненно болѣе заботъ и хлопотъ представляло устройство миссіи съ ея внутренней стороны — постановка богослуженія и проповѣди. Въ какомъ видѣ онъ принялъ эту сторону миссіи отъ своего предмѣстника и что находилъ нужнымъ сдѣлать, о. Флавіанъ изобразилъ въ письмѣ преосвященному Гурію, прося его помощи, указаній, руководства и св. молитвъ. „Ваше Преосвященство, пишетъ онъ, изволили положить здѣсь прочное начало миссіонерской дѣятельности. О. Исаія слѣдовалъ проложеннымъ Вами путемъ; его ревностная пастырская дѣятельность вспоминается всѣми до сего времени, и о ней свидѣтельствуетъ масса сдѣланныхъ имъ переводовъ. Но со смертію его все разрушилось. Не мое дѣло входить въ изысканіе причинъ, почему не найдено было нужнымъ продолжать дѣло веденнымъ путемъ и прекращена была совершенно всякая просвѣтительно — пастырская дѣятельность. Кажется, главная тому причина была положительная невозможность поручить это дѣло остававшимся тогда двумъ членамъ миссіи. Когда я прибылъ сюда, то засталъ, что все ограничивается только формальнымъ отправленіемъ богослуженія и требъ на чужомъ и непонятномъ паствѣ языкѣ славянскомъ. Паства оставлена безъ всякаго духовнаго руководительства и всякое общеніе ея съ духовными отцами порвано. Такъ шли дѣла и въ продолженіе прожитыхъ мною здѣсь 5 лѣтъ, и я, какъ человѣкъ новый и подначальный, не считалъ себя вправѣ вмѣшиваться въ то, что не касалось меня. Теперь же, когда дѣло

[1]) См. о томъ же въ „Извлеченіи изъ отчета оберъ-прок. Святѣйшаго Синода за 1881 г., стр. 67—68.

очутилось непосредственно въ моихъ рукахъ, мнѣ стало ясно, что такъ идти оно не можетъ; такой ходъ неизбѣжно приведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, которыя и теперь уже даютъ себя чувствовать. Напримѣръ, не ревность къ храму Божію, не усердіе къ исполненію заповѣдей Божіихъ развиваются между нашими христіанами; напротивъ, поразительная холодность, совершенный индеферентизмъ, доходящій и до поклоненія *Фоѣ,* увеличиваются день ото дня. Храмъ почти пустъ; число приступающихъ къ таинствамъ годъ отъ году становится менѣе и менѣе. И кажется, если бы только прекратить денежное пособіе, подъ разными видами выдаваемое большому числу нашихъ христіанъ, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что у насъ не останется и десяти христіанъ. Все держится только деньгами, и тѣ лица, которыя не имѣютъ у насъ должности или не получаютъ ай-цзинь-цянь, тѣ и въ церковь никогда не ходятъ и христіанскихъ обязанностей не исполняютъ, хотя и живутъ у насъ подъ бокомъ и никакимъ дѣломъ не заняты; особенно это нужно сказать о мужчинахъ. Поэтому, какъ только вступилъ я въ управленіе миссіей, то увидѣлъ необходимость вернуться къ тому направленію, которымъ слѣдовали вы и о. Исаія. Первымъ моимъ дѣломъ было возстановить богослуженіе на родномъ народу языкѣ китайскомъ. Начатое Вами дѣло перевода богослужебныхъ книгъ успѣшно продолжалось о. Исаіею; къ концу 60-хъ годовъ все читаемое и поемое въ церкви было переведено и читалось и пѣлось по-китайски. Тотчасъ по смерти о. Исаіи, покойный о. Палладій, въ виду того, что переводы не удовлетворяютъ литературной чистотѣ языка и предполагая ихъ всѣ пересмотрѣть и исправить, изъялъ ихъ изъ употребленія и приказалъ совершать все богослуженіе на славянскомъ языкѣ, что и совершалось въ продолженіе 6—7 лѣтъ до самаго его отъѣзда. По-китайски пѣли только Символъ вѣры и Отче нашъ на литургіи, да во дни говѣнія, на первой и послѣдней недѣли Великаго поста, читали часы и правило ко Св. Причащенію. Занятый всецѣло составленіемъ лексикона, покойный о. архимандритъ не успѣлъ заняться дѣломъ исправленія богослужебныхъ переводовъ и только въ послѣдній годъ своей жизни взялся за переводъ Псалтири, которой и перевелъ 11 каѳизмъ. Вначалѣ 12-й каѳизмы застала его предсмертная болѣзнь и преждевременно положила конецъ его неустанной полезной дѣятельности. Такимъ образомъ, переводы остались неисправленными и теперь некому исправить ихъ недостатковъ. Но выходя изъ того убѣжденія, что даже самый

плохой переводъ полезнѣе и понятнѣе рѣчи чужеземной и имѣя въ виду, что переводы о. Исаіи нѣкогда самимъ же о. Палладіемъ допускались къ употребленію въ церкви, а многіе даже проходили черезъ его цензуру и были имъ исправляемы, я рѣшился возстановить въ полномъ объемѣ отправленіе богослуженія на китайскомъ языкѣ. Для этого мы съ Луномъ окончили переводъ Псалтири, или лучше сказать Лунъ отдѣлалъ вторую его половину въ стилѣ переведенной о. Палладіемъ первой половины; затѣмъ просмотрѣли *часословъ,* исправили въ немъ псалмы и псаломскіе стихи по новому переводу Псалтири и ввели въ употребленіе еще въ концѣ прошлаго (1878) года. Такимъ образомъ, теперь въ церкви все читается, а многое по-китайски и поется. Къ сожалѣнію, многія пѣснопѣнія, написанныя въ одномъ экземплярѣ, частію отъ небрежности утратились, частію отосланы въ Японію; отъ нѣкоторыхъ остались черновыя, а отъ другихъ не сохранилось и черновыхъ, такъ что все нужно провѣрять и переписывать, а многое и вновь переводить. Воскресная служба возстановлена и переписана въ переплетенныя тетради: службъ же праздничныхъ многихъ не оказывается и нужно будетъ перевести ихъ вновь. Къ моему счастію, Московскія Епархіальныя Вѣдомости въ текущемъ году печатаютъ переводы праздничныхъ службъ, и это мнѣ, какъ незнающему греческаго языка, будетъ служить большимъ пособіемъ.

„Но Богослуженіе, чтобы быть назидательнымъ, должно сопровождаться проповѣдью. Вотъ этого-то еще у насъ и нѣтъ. Послѣдній катихизаторъ Антоній Ли умеръ въ концѣ 1873 г. и съ того времени проповѣдь церковная прекратилась и донынѣ катихизатора нѣтъ у насъ. Горестнѣе всего, что вмѣстѣ съ тѣмъ утратились и сборники произносимыхъ въ церкви проповѣдей. Года два—три тому назадъ, о. Палладій хватился ихъ, но всѣ розыски были тщетны; куда они дѣвались, неизвѣстно; тѣмъ болѣе, что и Моисей, который, какъ предполагаютъ, забралъ бумаги Антонія послѣ его смерти, также умеръ; у родственниковъ того и другого ихъ не оказывается, и о. Палладій прекратилъ розыски. Такимъ образомъ, новому катихизатору съ самаго начала будетъ предстоять не легкій трудъ составленія вновь поученій. Для занятія катихизаторской должности о. Палладій имѣлъ въ виду Иннокентія, но для приготовленія его къ этому еще, собственно говоря, ничего не сдѣлано. Не видно въ немъ и особеннаго желанія занять эту почетную должность. Ссылаясь на свою молодость, онъ старается отсрочить приступъ

къ проповѣди. Отчасти это происходитъ и отъ врожденной ему застѣнчивости. Я пока не особенно налегаю на него, потому что это все время былъ довольно занятъ и не имѣю времени заняться съ нимъ; но въ скоромъ времени думаю начать съ нимъ составленіе проповѣдей и въ концѣ года извести его на дѣланіе".

„Впрочемъ, кромѣ Иннокентія есть и другой кандидатъ въ катихизаторы, весьма желающій этой должности. Это—сынъ покойнаго катихизатора Ивана—Кассіанъ, воспитанникъ и любимецъ о. Исаіи; человѣкъ весьма способный, знающій основательно христіанское вѣроученіе и почти все понимающій по русски, такъ что съ нимъ составленіе поученій было бы не трудно, потому что онъ, при небольшой помощи, легко переводитъ прямо съ русской книги. Но, къ сожалѣнію, репутація его не безупречна. Впрочемъ, въ послѣдніе годы исправился, болѣе трехъ лѣтъ работалъ съ о. Палладіемъ надъ его лексикономъ и хотя послѣ его отъѣзда предался было опять коренному своему пороку—игрѣ и проигрался до нитки, но потомъ далъ мнѣ клятву исправиться и вотъ болѣе полугода ведетъ себя прекрасно. Его нужно держать всегда на виду и за работой, чтобы отъ бездѣлья онъ не втянулся въ игру и не далъ страсти возобладать надъ здравымъ смысломъ. Онъ мнѣ теперь очень полезенъ, какъ по перепискѣ, такъ и по печатанію книгъ".

„Усмотрѣвъ, что напечатанныя Вашимъ Преосвященствомъ Новый Завѣтъ и нѣкоторыя другія книги всѣ израсходованы, доски же ихъ цѣлы, я рѣшился напечатать ихъ вновь по нѣскольку экземпляровъ, и нами напечатаны: Новаго Завѣта—50 экз.,—въ *Шень-Гунъ-сыхо*—100 экз., *Цзяо-ли вэнь-да*,—вами составленный катихизисъ—50 экз., *Шенъ-цзяо-ли вэнь-да*—пространный катихизисъ митрополита Филарета,—переводъ разговорнымъ языкомъ о. Исаіи—30 экз. О. Исаія перевелъ и вырѣзалъ доски незадолго до своей смерти, во время путешествія о. Палладія по Уссурійскому краю, и успѣлъ напечатать только нѣсколько экземпляровъ. О. Палладій дальнѣйшее печатаніе остановилъ, находя языкъ слишкомъ вульгарнымъ, и поручилъ Луну переложить его на болѣе очищенный языкъ, что имъ и сдѣлано и о. Палладіемъ одобрено. Но какъ въ текущемъ году печатаніе и рѣзьба новыхъ досокъ потребовали уже не малыхъ расходовъ, и средства мои не позволяли мнѣ приступить еще и къ рѣзьбѣ новыхъ досокъ довольно объемистой книжки катихизиса, то я рѣшился оттиснуть небольшое число экземпля-

ровъ со старыхъ досокъ для учителей и учительницъ, пока не соберемся напечатать въ исправленномъ видѣ. Потомъ еще напечатали составленныя о. Исаіемъ: краткую Св. исторію—*Шенъ ши цзы-ліо* и краткій катихизисъ—*Шенъ-цзяо хуй яо ко* по 100 экз. каждой; *Жи сунъ-цзянь-вэнь*—главныя молитвы—300 экз. Къ сожалѣнію, доски этихъ трехъ брошюръ нужно было рѣзать вновь за утратою, неизвѣстно какимъ образомъ, старыхъ. Кромѣ того вырѣзали и теперь печатаютъ Евангеліе Матѳея съ примѣчаніями, проредактированное и исправленное о. Палладіемъ. Какъ только оно будетъ готово, почту непремѣннымъ долгомъ препроводить экземпляръ Вашему Преосвященству: вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу позволенія прислать Вамъ въ рукописи и три прочія Евангелія и надѣюсь, что Вы не откажете просмотрѣть ихъ и выразить о нихъ Ваше мнѣніе. Если Ваше Преосвященство изволите одобрить, то мы думаемъ напечатать ихъ. Безъ Вашего же одобренія приступить къ печати не рѣшаюсь. Въ настоящее время я съ Луномъ просматриваю ихъ вновь и провѣряю и думаю, мѣсяца черезъ два они будутъ окончены и переписаны".[1])

Отъ книгъ о. Флавіанъ переходитъ къ лицамъ и сообщаетъ, что въ „женскомъ училищѣ господствуетъ прекрасное христіанское направленіе, основанное главнымъ образомъ на чтеніи и уразумѣніи книгъ христіанскихъ, за что великое спасибо Маріи, которою все это ведется, и двумъ ея труженицамъ—помощницамъ—Іѣ и Меланіи".

Насколько утѣшительно было дѣло въ женскомъ училищѣ, настолько же невыгодное впечатлѣніе произвело на о. Флавіана училище мужское. Давно уже ходили слухи о неудовлетворительномъ веденіи дѣла Павломъ Ши, что онъ ничему не учитъ, беретъ взятки и прочее, вслѣдствіе чего всѣ, имѣющіе хотя малый достатокъ, избѣгали отдавать дѣтей въ наше училище, а посылали ихъ къ частнымъ учителямъ, платя имъ, конечно, за это деньги. При первомъ же знакомствѣ съ училищемъ, о. Флавіанъ былъ весьма удивленъ отсутствіемъ въ немъ всякаго христіанскаго ученія: не всѣ ученики знали даже главныя молитвы, что же касается до Священной исторіи, то ему было заявлено, что были, лѣтъ 10 тому назадъ, книжки, но отъ времени онѣ давно истрепались, и уже нѣсколько лѣтъ Священная исторія не изучается. О. Флавіанъ просилъ почтеннаго учителя обра-

[1]) О томъ же см. извлеченіе изъ отчета оберъ-прок. Св. Синода за 1881 годъ, стр. 65—68.

тить особенное вниманіе на изученіе Закона Божія, такъ какъ для этого и училище существуетъ, снабдилъ книжками, которыя нашлись въ библіотекѣ, и сталъ довольно часто заглядывать въ училище и замѣчать ему неисправность посѣщенія имъ уроковъ. Почтенному господину это не понравилось, и онъ заявилъ желаніе оставить учительство, въ чемъ не встрѣтилъ препятствія и со стороны о. Флавіана. Тогда онъ исчезъ, неизвѣстно куда; по крайней мѣрѣ въ подворье не являлся и даже въ праздникъ Пасхи не былъ въ церкви. Завѣдываніе училищемъ поручено было Иннокентію. Онъ показалъ особенное усердіе и честность, ибо расходы по училищу убавились на 20%. Мальчиковъ въ училищѣ было 18 и у Луна—4. Послѣдній съ своими учениками занимался чрезвычайно усердно и подавалъ надежды, что изъ нихъ будетъ толкъ. При училищѣ Луна состоялъ и Митрофанъ, переписывавшій главнымъ образомъ то, что о. Флавіанъ съ Луномъ переводили. Шесть мальчиковъ изъ обоихъ отдѣленій учились у о. Ивана русской грамотѣ и нѣкоторые не безъ успѣха.

VI.

Такъ обстояло дѣло духовной миссіи въ самомъ Пекинѣ; еще печальнѣе положеніе его было въ окрестностяхъ Пекина. Недалеко отъ Пекина, еще при архимандритѣ Гуріи, въ селеніи Дунъ-динъ-ань, образовалась христіанская община, и даже устроена была церковь. Великимъ постомъ въ 1879 г. о. Флавіанъ удосужился въ первый разъ выѣхать въ это селеніе и нашелъ тамъ положеніе дѣла въ самомъ безотрадномъ видѣ. По исповѣднымъ росписямъ значилось тамъ христіанъ болѣе 50 душъ, а въ церковь явилось только 18 человѣкъ; прочіе переселились въ другія мѣста, разбрелись по заработкамъ, а нѣкоторые хотя и были дома, въ церковь не пошли. И это малое стадо, по замѣчанію о Флавіана, были какіе-то двоевѣры; въ другое время ходятъ и въ кумирни; умершихъ хоронятъ съ *хэшенами* и дѣтей—младенцевъ не хотятъ крестить, а у иныхъ и жены некрещеныя. Сколько ни хлопоталъ о. Флавіанъ, а не убѣдилъ принести дѣтей для крещенія. Жаловались, что они совсѣмъ заброшены, что 4 года къ нимъ не пріѣзжалъ священникъ, что односельчане—язычники надъ ними смѣются, и что церковь у нихъ стоитъ безъ службы. О. Флавіанъ обѣщалъ бывать у нихъ какъ можно чаще и непремѣнно быть у нихъ къ храмовому празднику свят. Иннокентія. „Что Богъ

дастъ, пишетъ о. Флавіанъ: повидимому, трудно надѣяться на лучшій оборотъ дѣла; нельзя же и такъ бросить; употреблю всѣ возможныя усилія, а успѣхъ въ рукѣ Божіей. По моему мнѣнію, тамъ непременно долженъ жить постоянно одинъ миссіонеръ, и какъ только Господь пошлетъ намъ новыхъ сотрудниковъ, я думаю, подготовивъ немного понимать по-китайски, послать одного въ Дунъ-динъ-ань, если не на цѣлый годъ, то по крайней мѣрѣ на цѣлую зиму. Съ этой цѣлью предполагаю будущей весною построить тамъ новый флигель для священника въ 3 цзяня въ сѣв.-западномъ углу, а находящійся въ сѣв.-восточномъ углу старый флигель въ 2 цзяня обратить въ училище. Имѣется въ виду и учитель, — это — нѣкто Осія, тамошній уроженецъ; былъ взятъ о. Исаіею въ Пекинъ, учился у Луна, получилъ степень *сюцая,* теперь живетъ дома и занимается обученіемъ дѣтей своихъ односельчанъ. Наше купечество въ Тяньцзинѣ имѣетъ большое усердіе къ Дунъ-динъ-аньскому храму, и намъ приходилось отъ нихъ слышать горькія сѣтованія на то, что мы совсѣмъ забыли этотъ храмъ; есть надежда, что всякое доброе начинаніе тамъ найдетъ у нихъ и матеріальную поддержку. Прежній смотритель этого храма, Владиміръ, померъ и теперь смотритъ за нимъ старикъ Василій, давнишній христіанинъ и слуга миссіи. Онъ проситъ Ваше Преосвященство вспомнить его въ святительскихъ молитвахъ Вашихъ".

„Вотъ, Ваше Преосвященство, настоящее положеніе дѣлъ у насъ", заключаетъ свое скорбное письмо новый начальникъ миссіи въ Пекинѣ, о. Флавіанъ. „Не оставьте меня Вашими совѣтами и указаніями. Помолитесь, чтобы Господь увѣнчалъ успѣхомъ наши старанія". (Пекинъ, 4 іюня 1879 г.).

Но и въ послѣдующемъ, кажется, уже послѣднемъ письмѣ своемъ къ преосвященному Гурію, отъ 14 іюля 1881 г., о. Флавіанъ сообщаетъ о внутреннемъ состояніи миссіи не болѣе отрадныя извѣстія: „У насъ, въ миссіи, по обыкновенію, тихо, пишетъ онъ. Христіане поражаютъ своимъ равнодушіемъ и холодностію съ одной стороны, и одолѣваютъ назойливымъ попрошайничествомъ съ другой. Въ храмѣ ни одного мужчины, а у дверей моей квартиры — толпа женщинъ, требующихъ денегъ. Это повторяется неизмѣнно каждое воскресенье, и не знаю, что мнѣ дѣлать.... А что же о. Евѳимій? Неужели Ваше личное пребываніе не помогло его назначенію въ Пекинъ? Очень, очень жаль!" (Пекинъ, 14 іюля 1881 г.). На это письмо владыка Гурій отвѣчалъ 14 декабря 1881 г., а 17 марта 1882 г. онъ отошелъ ко Господу. Надо полагать, что это было послѣд-

нее письмо его къ о. Флавіану. Грустными словами, полными горькой безнадежности, оканчивалось и послѣднее письмо о. Флавіана къ преосвященному Гурію. Скорбѣлъ онъ о внутреннемъ неустройствѣ миссіи, скорбѣлъ и о внѣшнемъ ея „неопредѣленномъ положеніи“. Что онъ успѣлъ сдѣлать для православной миссіи въ Пекинѣ, объ этомъ въ свое время скажетъ исторія; но, видимо, у него не надолго хватило терпѣнія, и онъ, сознавая, что одинъ въ полѣ не воинъ, воспользовался своимъ правомъ возвратиться въ Россію и въ 1883 г. 25 октября былъ уволенъ по прошенію.

По возвращеніи въ Россію онъ (въ 1884 г.) поступилъ въ число братіи Александро-Невской Лавры въ С.-Петербургѣ; но 19 янв. 1885 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Флавіану епископомъ Аксайскимъ, викаріемъ Донской епархіи. „Поселился—было я въ Лаврѣ на покой, писалъ онъ о. С. Максорову, но не долго имъ наслаждался: съ новаго года назначенъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія съ присутствіемъ въ консисторіи, такъ что дѣла у меня будетъ не мало въ теченіе цѣлаго года, а тамъ, что Богъ дастъ. (С.-Пб., 2 янв. 1885 г.). А тамъ... 2 февраля того же года онъ былъ хиротонисанъ во епископа Аксайскаго, а 29 іюня того же года былъ назначенъ викарнымъ епископомъ Холмскимъ, по титулу—Люблинскимъ; 15 мая 1892 г. архіепископомъ Варшавскимъ; 21 февраля 1898 г. перемѣщенъ на Кавказъ съ назначеніемъ его экзархомъ Грузіи; 10 ноября 1901 г. перемѣщенъ въ Харьковъ, съ оставленіемъ его въ званіи члена Святѣйшаго Синода, а 1 февраля 1903 г. назначенъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, священно-архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры; здѣсь онъ и почилъ вѣчнымъ блаженнымъ сномъ 4 ноября 1915 г., въ 9 час. вечера, на 76-мъ году своей праведной подвижнической жизни. (Богосл. Энц. т. X, стр. 612).

Въ одномъ изъ писемъ къ о. Симеону высокопреосвященный Флавіанъ, уже экзархъ Грузіи, писалъ: „Исполняя желаніе Ваше, посылаю Вамъ мою фотографію. Смотрите, какимъ старикомъ я сталъ. Въ этомъ году мнѣ исполняется 60 лѣтъ, и старость очень уже даетъ себя чувствовать и недугами и ослабленіемъ силъ. Да, много и пожить далъ мнѣ Господь, много постранствовать и много потрудиться“. (Тифл., 11 янв. 1900 г.). И послѣ этого судилъ ему Господь и пожить, и постранствовать и не мало потрудиться; но теперь онъ шелъ все выше и выше, отъ силы въ силу, отъ славы къ славѣ, до самаго высокаго положенія въ русской православной церкви, о которомъ не

смѣлъ и мечтать *„помощникъ помощника пономаря“*. За труды на пользу святой церкви и отечества высокопреосвященный Флавіанъ отличенъ былъ не только саномъ митрополита, но и для митрополитовъ рѣдкими наградами. Такъ, онъ былъ удостоенъ получить панагію, украшенную драгоцѣнными камнями (1896 г.), брилліантовый крестъ на клобукъ (1898 г.), орденъ св. Александра-Невскаго (1900 г.), брилліантовый крестъ для ношенія на митрѣ (1903 г.), знаки ордена св. Александра-Невскаго съ брилліантовыми украшеніями (1906 г.), орденъ св. Владиміра I ст. (1910 г.), Всемилостивѣйше пожалованный ему крестъ для предношенія въ священнослуженіи (1911 г.) и, наконецъ,—орденъ св. Андрея Первозваннаго (1913 г.).

Но ни высота положенія въ церковной іерархіи, ни исключительныя по своему значенію награды, никакія перемѣны во внѣшнемъ положеніи не измѣнили самого о. Флавіана; на самыхъ высшихъ степеняхъ іерархіи о. Флавіанъ оставался все тѣмъ же смиреннымъ и кроткимъ рабомъ Божіимъ, какимъ знали его въ ранней его юности; все, что ни дѣлалъ онъ, онъ дѣлалъ осторожно, осмотрительно, какъ бы не ошибиться и не погрѣшить противъ Бога и ближнихъ. Будучи чуждъ превозношенія и гордости, онъ боялся, чтобы кто другой не заподозрилъ его въ этомъ неблагородномъ свойствѣ характера. Такъ, напримѣръ, случилось однажды, что онъ замедлилъ отвѣтомъ на письмо друга юности о. С. Максорова. Это было какъ разъ въ то время, когда онъ былъ назначенъ епископомъ Аксайскимъ. „Бога ради, не подумайте, писалъ онъ, что это произошло отъ гордости и что я съ перемѣною положенія въ чемъ нибудь измѣнился: я—все тотъ же, какимъ Вы знали меня въ Казани и въ Симферополѣ“ (2 января 1885 г.). А какимъ онъ былъ въ Казани, объ этомъ свидѣтельствуетъ бывшій послушникъ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря С. А. Максоровъ. „Настоятелемъ Спасскаго монастыря въ то время былъ владыка Гурій“, такъ повѣствуетъ бывшій послушникъ монастыря, а теперь почтенный о. протоіерей С. А. Максоровъ. „Владыка взялъ меня къ себѣ и поручилъ наблюденіе за мною своему секретарю, іеромонаху Флавіану. Въ Спасскомъ монастырѣ іеромонаха Флавіана всѣ любили, начиная съ намѣстника и кончая привратникомъ. Да и нельзя было не любить его; онъ былъ достоинъ того, не взирая на свое служебное положеніе. Онъ былъ со всѣми привѣтливъ и ласковъ и все, что имѣлъ, раздавалъ неимущимъ и чрезъ это самъ часто нуждался даже во всемъ необходимомъ“.

Образцомъ отношенія о. Флавіана къ ближнимъ можетъ служить его сердечное, дружеское, почти—отеческое письмо его къ тому же послушнику Максорову, котораго владыка Гурій поручилъ наблюденію о. Флавіана. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1868 г. владыка Гурій съ о. Флавіаномъ поѣхалъ въ Одессу; съ ними былъ и келейникъ владыки. „Мы съ Иваномъ Ивановичемъ часто тебя вспоминаемъ, писалъ о. Флавіанъ изъ Одессы своему ученику: какъ ты теперь живешь въ Симферополѣ? Боимся очень, что шалишь и много болтаешься; вѣдь, теперь тебѣ своя воля. Прошу тебя, будь поразсудительнѣй; веди себя хорошенько; оказывай больше послушанія и уваженія о. игумену и безъ его позволенія *пожалуйста* ни куда не ходи. Не забывай катихизиса; учи дальше о заповѣдяхъ; попроси Алешу Коломійцева тебя прослушивать, попроси отъ моего имени; я увѣренъ, что онъ не откажется. Я пріобрѣлъ для тебя въ Одессѣ *два подарка*. Если будешь вести себя хорошо и по возвращеніи никто не будетъ на тебя жаловаться, то ты ихъ получишь; а если я узнаю, что ты велъ себя дурно, ходилъ безъ спросу изъ дома, капризничалъ, не слушался о. игумена, тогда я на тебя разсержусь, перестану любить и не жди отъ меня ничего. Еще разъ прошу тебя вести себя хорошо и, обнимая отъ всего сердца, остаюсь горячо любящій тебя I. Ф. P. S. По полученіи этого письма, пиши на мое имя въ Херсонисскій монастырь о томъ, какъ ты живешь, и если что нашалилъ, увѣдомь меня впередъ; пожалуйста не скрывай ничего. Если сознаешься самъ, я сердиться на тебя не буду, а если что скроешь и я узнаю отъ другихъ, тогда и не проси прощенія. Пиши самъ, собственноручно. Ничего, что напишешь дурно; я разберу. А подарки везу тебѣ такіе, какихъ ты и не ожидаешь, и надѣюсь тебѣ угодить ими“. (Одесса, 28 апрѣля 1868 г.). Это письмо своею заботливостію о юномъ питомцѣ, своею ласковостію и благоразумною строгостію можетъ быть назидательнымъ для многихъ родителей въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ. Многіе родители своею строгостію и сухостію въ отношеніи къ дѣтямъ отталкиваютъ ихъ отъ себя и дѣлаютъ ихъ тоже сухими, недовѣрчивыми, скрытными; а иные родители своею мягкостію и дряблостію. преклоненіемъ предъ всякимъ желаніемъ и капризами своихъ дѣтей дѣлаютъ ихъ своевольными и толкаютъ ихъ на путь нечестивыхъ.

Въ бытность свою въ Пекинѣ почившій архимандритъ снискалъ себѣ такую любовь у китайцевъ—христіанъ, что когда они узнали о предстоящемъ отъѣздѣ своего наставника, толпой

умоляли не оставлять ихъ и даже оффиціально обратились къ русскому посланнику въ Китаѣ съ коллективною просьбою объ оставленіи у нихъ о. архимандрита Флавіана.[1]) Фактъ особенно примѣчательный, если взять во вниманіе обычную непріязнь китайцевъ къ европейцамъ — христіанамъ. Но и впослѣдствіи, вездѣ и всегда, преосвященный Флавіанъ, какъ архипастырь, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и самою искреннею любовію своихъ пасомыхъ и не только среди всѣхъ сословій, но даже и среди духовенства. Всѣ цѣнили въ немъ рѣдкую доступность, умѣнье и терпѣніе выслушать просителя, простоту, отзывчивость, благожелательность, гуманность и благородство его души, и всѣ эти высокія качества въ немъ гармонически сочетались съ твердостію и полнымъ безпристрастіемъ. Но особенно по душѣ пришелся почившій архипастырь кіевлянамъ.[2]) Онъ представлялъ собою счастливое сочетаніе того, что составляетъ образъ святителя, архипастыря. Владыкѣ Флавіану какъ-то особенно приличествовало быть митрополитомъ. Кіевскія газеты въ своихъ характеристикахъ почившаго архипастыря отмѣчаютъ его мягкость, простоту, джентльменство (спеціально кіевская характеристика владыки), доступность, обходительность, скромность, отсутствіе духа начальническаго напряженія, благолѣпность во время богослуженія, самоотверженное служеніе своему долгу, точность и аккуратность во всемъ, вѣрность данному слову или рѣшенію, наконецъ, безсребреничество и искренній патріотизмъ,—вотъ рядъ самыхъ опредѣленныхъ, опирающихся на извѣстные всѣмъ факты, характеристикъ владыки Флавіана, которыя были отмѣчены въ кіевской прессѣ. О степени и искренности его патріотизма краснорѣчиво говоритъ вся его жизнь и дѣятельность и въ Пекинѣ и въ Россіи, особенно—въ Западномъ краѣ и на Кавказѣ. „Въ минуты разлученія души отъ тѣла тревожусь и горячо молюсь за дорогую мнѣ отчизну“, вотъ предсмертныя слова почившаго святителя; а недѣли за двѣ до своей смерти онъ сказалъ: „Ну, слава Богу! Теперь у меня не осталось ни одной копейки“. Весь свой капиталъ, около полмилліона, почившій владыка еще при жизни истратилъ на постройку церкви и больницы въ Кіево-Печерской Лаврѣ[3]) и на организацію богатѣйшей библіотеки. Оставшійся у него капиталъ, 50 тысячъ, владыка завѣщалъ той же Лаврѣ на просвѣтительныя и благотворительныя дѣла. Родствен-

[1]) Богосл. Энц. т. X-й, стр. 614.
[2]) См. Ц. Вѣд. за 1915 г., № 47, стр. 2357, 2359.
[3]) Тамъ же, стр. 2361.

никовъ у митрополита Флавіана не оказалось. (Колок. № 2865, отъ 28 ноября 1915 г.). Но за то друзей и искреннихъ молитвенниковъ у митрополита Флавіана въ разныхъ мѣстахъ его служенія осталось очень много; не мало почитателей о. Флавіана и въ нашей Тавридѣ. Тавричане полюбили о. Флавіана; но они имѣли случай убѣдиться въ томъ, какою крѣпкою любовію и о. Флавіанъ полюбилъ тавричанъ и симферопольцевъ. Мы уже видѣли, какъ онъ скучалъ въ Пекинѣ и какъ тянуло его обратно въ Крымъ. Получивши назначеніе въ Новочеркасскъ, онъ снова обращаетъ взоры сво на Тавриду, на Симферополь, и пишетъ о. Симеону: „Теперь я живу отъ Васъ недалеко и можетъ быть Господь приведетъ меня побывать когда-нибудь въ Симферополѣ, поклониться могилѣ нашего общаго благодѣтеля, преосвященнаго Гурія". (Новочерк., 10-го апрѣля 1885 г.). Въ 1892 году, когда онъ былъ уже Варшавскимъ архіепископомъ, онъ опять возвращается къ мысли „когда-нибудь пріѣхать въ Симферополь и хоть посмотрѣть знакомыя мѣста; но когда это будетъ, не знаю", съ грустію добавляетъ онъ. „А жаль, что попалъ я въ Варшаву, а не въ Симферополь", писалъ онъ, когда назначенъ былъ архіепископомъ Варшавскимъ. (10 января 1892 года).

Сердечное желаніе высокопреосвященнаго Флавіана побывать въ Симферополѣ, посмотрѣть знакомыя мѣста и поклониться могилѣ своего благодѣтеля, преосвященнаго Гурія, исполнилось, когда онъ былъ архіепископомъ Варшавскимъ и потомъ—уже митрополитомъ Кіевскимъ. Въ первый разъ онъ былъ въ Симферополѣ въ іюлѣ 1894 г., а во второй разъ—въ августѣ 1913 года, и оба раза онъ удивилъ всѣхъ и обрадовалъ своихъ бывшихъ знакомыхъ, сослуживцевъ и своихъ ученицъ по женскому училищу; онъ обрадовалъ всѣхъ своимъ дружескимъ вниманіемъ и ласкою и удивилъ феноменальною своею памятью. Вотъ тутъ онъ на дѣлѣ показалъ и подтвердилъ свои слова, что онъ „рѣшительно всѣхъ помнитъ, даже до послѣдняго мальчика—пѣвчаго". Онъ называлъ каждаго изъ своихъ знакомыхъ по имени и отчеству и, встрѣтивши свою бывшую ученицу, назвалъ по именамъ всѣхъ ея подругъ, съ которыми она училась и кончила курсъ. Такая крѣпкая любовь къ намъ и память о насъ почившаго архипастыря вполнѣ заслуживаютъ, чтобы и мы съ своей стороны заплатили ему любовію и памятію о немъ, особенно въ молитвахъ у престола Божія, да упокоитъ Господь его душу въ селеніяхъ праведныхъ.

Но какъ при жизни преосвященный Флавіанъ былъ тѣсно связанъ съ преосвященнымъ Гуріемъ узами братской любви и дружбы, такъ и по смерти ихъ да будутъ имена этихъ великихъ святителей связаны и неразрывно соединены въ нашей памяти о нихъ, объ ихъ свѣтлой, праведной жизни и многоплодной дѣятельности, какъ въ нашей родной землѣ, такъ и тамъ, на окраинахъ вселенной, въ далекомъ отъ насъ Пекинѣ.

Протоіерей А. Казаревскій.

Объ одномъ генуэзскомъ барельефѣ Ѳеодосійскаго музея.

Въ V-мъ томѣ „Записокъ“ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей покойный профессоръ В. Н. Юргевичъ, описывая въ статьѣ „Генуэзскія надписи въ Крыму“ имѣвшіяся въ его время на лицо генуэзскія плиты съ надписями въ Ѳеодосіи, Судакѣ и Балаклавѣ, останавливаетъ, между прочимъ, наше вниманіе на памятникѣ подъ № VI-мъ, съ изображеніемъ трехъ рельефныхъ фигуръ съ двумя готическими латинскими надписями. Правда, маститый палеографъ въ этой монографіи не указываетъ мѣста, гдѣ находится этотъ камень, но въ виду того, что онъ помѣщаетъ его среди другихъ генуэзскихъ ѳеодосійскихъ досокъ, можно полагать, что эта указанная имъ доска находилась въ Ѳеодосійскомъ музеѣ древностей. Между тѣмъ, недавно, при тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ хранящихся въ Ѳеодосійскомъ музеѣ генуэзскихъ консульскихъ плитъ, мы тщетно искали № VI-го В. Н. Юргевича, почему является теперь вопросъ, куда могъ дѣваться столь интересный памятникъ. Вѣдь его видѣлъ, читалъ и помѣстилъ его изображеніе въ приложенномъ къ своимъ письмамъ альбомѣ посѣтившій Каффу въ концѣ XVIII-го столѣтія, вслѣдъ за занятіемъ Крыма русскими войсками въ 1783 году, извѣстный италіанскій путешественникъ, патеръ Одерико.[1]) Въ 1855 г. генуэзскій историкъ Канале, въ своемъ часто цитируемомъ сочиненіи „Della Crimea“[2]) повторилъ монографію Одерико, вмѣстѣ съ рисунками послѣдняго, среди которыхъ помѣстилъ и изображеніе ѳеодосійскаго барельефа съ тремя фигурами и двумя надписями.

Однако въ 1863 году проф. Юргевичъ при осмотрѣ всѣхъ досокъ, указанныхъ италіанскими изслѣдователями, нашелъ въ

[1]) Oderico, *„Lettere ligustiche“*, Genova, 1792.

[2]) Canale, *„Della Crimea, del suo commercio e dei sui dominatori“*, Genova, 1855, vol. II, Docum. Tauro-liguri.

чтеніи Одерико крымскихъ генуэзскихъ надписей нѣкоторыя погрѣшности и, по возможности, исправилъ ихъ и дополнилъ ихъ списокъ. Въ V-мъ томѣ „Записокъ“ Одесскаго Общества покойный профессоръ далъ подробныя монографіи этихъ надписей, съ приложеніемъ къ нимъ на двухъ таблицахъ 39 рисунковъ видѣнныхъ имъ на башняхъ и въ музеяхъ генуэзскихъ памятниковъ.

Въ своемъ описаніи интересующаго насъ памятника[1]) проф. Юргевичъ даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Мраморная толстая плита, длиною и шириною въ аршинъ, съ изображенными на ней тремя фигурами, которыхъ видна только нижняя половина, съ надписью внизу: *Hoc opus fuit (fact)um tempore nobilis Domini Gotifredi de Zoalio, Consulis Ianuensis in (Caf)a, Anno Domini 1351, die primo mens(is Ian)uarii,* т. е. „Это строеніе построено во время правленія благороднаго господина Готифредо ди Зоали, консула генуэзскаго въ Каффѣ, лѣта Господня 1351, въ 1-й день Генваря мѣсяца“.

Комментируя эту надпись, проф. Юргевичъ прибавляетъ:

„У Канале Готифредо ди Зоали помѣщенъ (консуломъ Каффы) подъ 1352 годомъ. Въ *Lib. jur.*, стр. 1516, упоминается *Nicolaus de Zoalio quondam Gotifredi, prior Antianorum* въ Генуѣ, въ 1378 г. Во время Одерико упомянутая плита существовала еще въ цѣлости. На таблицѣ 1-й, приложенной къ его сочиненію, показана ея высота въ $1^1/_2$ аршина, ширина въ 1 аршинъ. Верхняя и нижняя надписи списаны у него худо, отъ того значеніе фигуръ и самой постройки, на которой находился камень, не могло быть объяснено. Исправивъ верхнюю надпись, мы получимъ слѣдующіе риѳмическіе стихи:

Munere queso Christi
veniam que tibi promeruisti,
nos Magdalena,
viciorum solve a eterna pena.

„Магдалина, заслужившая прощеніе по милости Христа, молимъ тебя, спаси насъ отъ вѣчнаго наказанія за грѣхи наши“.

Судя по всему выше здѣсь сказанному Юргевичемъ, мы должны, значитъ, примѣтить: 1-е) что нашъ почтенный комментаторъ верхней половины данной плиты не видѣлъ, а видѣлъ только нижнюю; 2-е) судилъ объ этой верхней части только по рисунку Одерико; 3-е) что считаетъ видѣнную имъ нижнюю

---

[1]) „Записки“ Одесскаго Общества, т. V, стр. 162.

половину плиты явнымъ остаткомъ описаннаго Одерико и Канале памятника. Поэтому онъ прибавляетъ къ своему чтенію слѣдующее:

„Слова надписи приводятъ насъ къ заключенію, 1-хъ, что три фигуры изображаютъ св. Магдалину, стоящую на колѣняхъ, поддерживаемую двумя ангелами, 2-хъ, что камень находился въ Каффѣ въ церкви ея имени (см. „Уставъ для Генуэзскихъ колоній“, кн. 1, гл. 27, № 8). Изъ нижней же надписи, приведенной выше, мы узнаемъ, что церковь св. Магдалины построена была въ 1351 г., слѣдовательно принадлежала къ древнѣйшимъ церквамъ въ Каффѣ“.

И такъ, повторяемъ, В. Н. Юргевичъ нижнюю половину разбитой плиты съ тождественною съ читанною Одерико надписью о сооруженіи въ Каффѣ въ 1351 году консуломъ ди Зоали зданія могъ смѣло считать остаткомъ затеряннаго барельефа съ изображеніемъ св. Магдалины.

Но, подобно книгамъ, камни также имѣютъ свою судьбу. Десять лѣтъ спустя послѣ помѣщенія въ Запискахъ Одесскаго Общества труда профессора Юргевича, поступилъ въ Ѳеодосійскій музей обломокъ толстой мраморной доски съ искалѣченнымъ барельефомъ, безъ основной части и безъ надписи. При ближайшемъ осмотрѣ внѣшняго вида и размѣровъ этого камня, явилась мысль приставить его къ той половинѣ плиты, которую описывалъ Юргевичъ, и, дѣйствительно, новый обломокъ оказался верхнею частью уже теперь новаго, дотолѣ неизвѣстнаго генуэзскаго памятника. Какъ по размѣрамъ въ ширинѣ и толщинѣ доски, такъ и по конфигураціи линій излома мрамора, новый обломокъ пришелся плотно и безпрепятственно по всѣмъ точкамъ къ своей нижней части. Такимъ образомъ, составилась цѣльная доска, всѣ детали которой ясно обрисовались предъ взоромъ изслѣдователя. Однако, если надпись на этой новой доскѣ оказалась слово въ слово тождественной съ той, которую читалъ и списалъ Одерико, то верхняя часть доски оказалась совсѣмъ другой. Барельефъ давалъ совсѣмъ другое изображеніе, и отсутствовала молитва въ стихахъ съ обращеніемъ къ св. Магдалинѣ.

Въ изданномъ въ 1874 году указателѣ Ѳеодосійскаго музея древностей подъ № 4 и въ изданіи этого же указателя 1891 года подъ № 6 этотъ уже вполнѣ возстановленный генуэзскій памятникъ отмѣченъ слѣдующими строками:

„*Мраморное изображеніе Пресвятой Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и надписью.....*“, и тутъ повторяется

слово въ слово чтеніе профессора Юргевича о построеніи зданія въ Каффѣ въ 1351 году консуломъ Готифреди ди Зоали.

Новый, значитъ, изслѣдователь въ изображеніи нашего барельефа, по недосмотру-ли или по другой болѣе непростительной причинѣ, увидѣлъ уже не три фигуры—св. Магдалины съ двумя ангелами, а всего двѣ, т. е. италіанскую Мадонну съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, и слѣдующій издатель указателя музея буквально повторилъ ту же монографію. Между тѣмъ, при болѣе тщательномъ созерцаніи этого изваянія XIV вѣка, нѣкоторые характерные контуры рисунка ясно говорятъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно инымъ замысломъ кафинскаго ваятеля, а не изображеніемъ Мадонны. Въ этомъ барельефѣ сразу бросается въ глаза всего одна фигура въ нимбѣ, мужская, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ и съ копьемъ въ правой, т. е. изображеніе одного изъ святыхъ воиновъ.

Что касается до размѣра этой плиты, онъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ данному Одерико и Юргевичемъ. Нашъ камень въ сантиметрахъ имѣетъ въ высоту 1,2 м. и въ ширину 0,58, или въ вершкахъ 23 в.×13 в.

Относительно видѣннаго и срисованнаго Одерико камня консула Готифредо ди Зоали съ надписью о св. Магдалинѣ, нужно предположить, что онъ въ Ѳеодосійскій музей никогда не поступалъ и что въ періодѣ годовъ отъ Одерико до основанія этого музея (1811 года), онъ или былъ увезенъ изъ Ѳеодосіи еще въ концѣ XVIII столѣтія,[1]) или погибъ безвозвратно вмѣстѣ со многими другими историческими памятниками, лежавшими на грудахъ развалинъ, покрывавшихъ въ то время городскую территорію.[2])

[1]) Сумароковъ, „Досуги крымскаго судьи“, т. II, стр. 90.

[2]) Edouard-Daniel Clarke, „Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie“—Paris, 1813, т. II, p. 310.

Ликъ святого на нашемъ барельефѣ почти стертъ и сильно пострадалъ отъ ударовъ преступныхъ, варварскихъ рукъ. Надпись консула въ нижней части доски довольно хорошо сохранилась и читается легко.

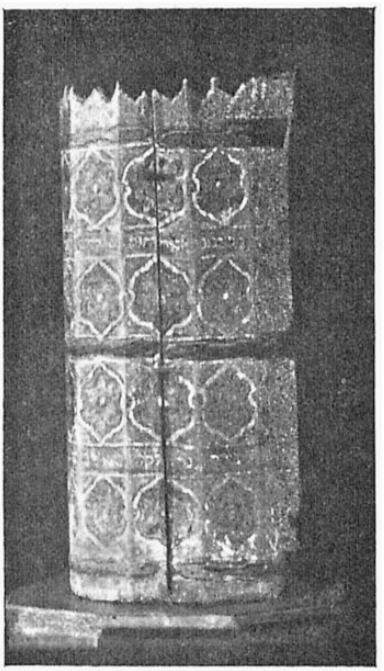
Что касается до изображенія на барельефѣ святого воина, мы не рѣшаемся опредѣленно высказаться о точномъ замыслѣ кафинскаго ваятеля. Поэтому оставляемъ рѣшеніе этого вопроса на усмотрѣніе компетентныхъ въ этой области науки авторитетовъ. Позволяемъ себѣ однако выразить здѣсь предположеніе, что на нашемъ барельефѣ изображенъ святой воинъ Ѳеодоръ Стратилатъ, во имя котораго въ XIV вѣкѣ воздвигнута была въ Каффѣ церковь, на западъ отъ города, подъ горой, за защитнымъ рвомъ, extra muros.[1])

Л. Колли.

[1]) Amedeo Vigna „Atti della Societá ligure“, т. VII, fasc. II.—Statutum Caphae.

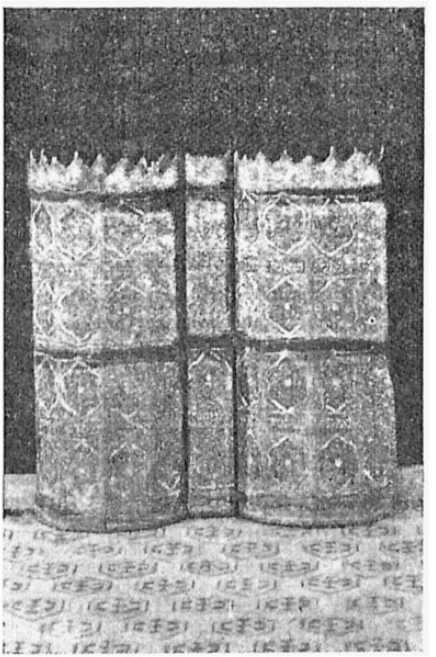
Футляръ для Торы—tik—изъ синагоги Крымчакской общины въ Карасубазарѣ.[1])

Футляръ имѣетъ видъ 10-гранной (вѣроятно, по числу заповѣдей) призмы, вышиною въ 72 и въ діаметрѣ основанія 30 сантиметровъ и сдѣланъ изъ дубовыхъ клепокъ. Верхній край каждой стороны призмы вырѣзной или зубчатый, нижній ровно обрѣзанъ. Оба основанія призмы представляютъ 10-тиугольники, разрѣзаны на двѣ половины и имѣютъ въ каждой половинѣ по отверстію, въ которыя просовывались ручки вальковъ, на которые обыкновенно навернутъ пергаментный свитокъ. Одна изъ сторонъ призмы разрѣзана вдоль пополамъ, и каждая такая половинка, вмѣстѣ съ прикрѣпленными къ ней четырьмя цѣлыми сторонами призмы сбоку и половинками основаній сверху и снизу, составляетъ одну изъ двухъ створокъ футляра. Створки эти раскрываются и закрываются при посредствѣ трехъ паръ петель, которыми онѣ навѣшены къ краямъ десятой стороны призмы. Каждая пара петель переходитъ въ плоскій обручъ, охватывающій кругомъ весь футляръ до краевъ створокъ. Такихъ обручей, по числу паръ петель, три. Въ за-



[1]) Футляръ найденъ завѣдующимъ Карасубазарской Талмудъ-Торой г. Кая въ подвалѣ своего дома. За доставленіе его мнѣ приношу ему глубокую благодарность.

крытомъ состоянiи створки сдерживаются тремя плоскими кованными желѣзными крючками, приклѣпленными къ футляру на желѣзныхъ же розеткахъ. Изъ трехъ крючковъ недостаетъ одного, а изъ имѣющихся двухъ одинъ, очевидно, поздняго происхожденiя; изъ трехъ паръ розетокъ недостаетъ двухъ, а одна —нижняя петля отломана. Внутри футляръ выстланъ полотномъ коричневаго цвѣта, а снаружи покрашенъ масляной краской, причемъ на темнозеленомъ или синемъ фонѣ выведенъ однообразный рисунокъ въ видѣ четырехъ розетокъ краснаго и бѣлаго цвѣта на каждой сторонѣ призмы.



Между первымъ и вторымъ, а также третьимъ и четвертымъ рядами розетокъ вокругъ всего футляра имѣется чрезвычайно рельефная надпись, сдѣланная той же прочной, густой, бѣлаго цвѣта краской, которая, какъ и на розеткахъ, носитъ на себѣ явные слѣды позолоты. Футляръ довольно хорошо сохранился, за исключенiемъ нижней части, на которой, кромѣ вышеупомянутыхъ изъяновъ въ петляхъ и крючкахъ, стерта краска, мѣстами до дерева. Надпись сдѣлана еврейскимъ печатнымъ, квадратнымъ шрифтомъ и въ латинской транскрипцiи гласитъ:

Zoth hathorah schehikdisch hasar hanaalah haneeman lemalchuth makt haschem hatov hamaskil vehaiakar khr Mosche Kokoz nro lkk Karasub iae lecaparath nafschom schel aviv veimo tnzbh schenath veheschiv lev avoth al banim lpk lejezirah.

Въ русскомъ переводѣ значитъ:

„Эту Тору пожертвовалъ высокопоставленный сановникъ, государственный казначей, многопрославленный, съ добрымъ именемъ, просвѣщенный и дорогой почтенный раби Мойсей Кокозъ—пусть ярко свѣтитъ его свѣтильникъ—святой общинѣ

Карасубазара—да воззиждется градъ Господенъ—для помилованія душъ отца его и матери—да будутъ пріобщены они къ вѣчной жизни; лѣта: и вернетъ Онъ сердце отцовъ къ дѣтямъ, по малому лѣтосчисленію отъ сотворенія міра".

Для полнаго уясненія себѣ смысла этой надписи слѣдуетъ пояснить значеніе нѣкоторыхъ вводныхъ предложеній, приведенныхъ въ текстѣ въ сокращенномъ видѣ, въ видѣ аббревіатуръ.

1. Nro. Карасубазарскіе крымчаки читаютъ Nafscho, rucho venischmatho—душой, духомъ и душой, resp. отъ всего сердца. Они и въ настоящее время дѣлаютъ такую же надпись на жертвуемыхъ для синагоги вещахъ—занавѣсяхъ для кивота, облаченіяхъ для Торы и пр. Мѣстные гебраисты читаютъ: nero jaer veizrach—пусть свѣтильникъ его свѣтитъ и блеститъ, пусть его свѣтильникъ ярко свѣтитъ,—свѣтильникъ въ смыслѣ жизни,—благопожеланіе, употребляемое при упоминаніи о живомъ лицѣ. Еврейскій историкъ Дубновъ прочелъ: Natrei rachmane—талмудическое выраженіе, на халдейскомъ языкѣ—да хранитъ его Милосердный.

2. Iae. Аббревіатура эта также различно толковалась карасубазарскими крымчаками и мѣстными гебраистами, но удачнѣе всего она прочтена находящимся въ настоящее время въ Симферополѣ, между прочими бѣженцами, раввиномъ Ковенской губерніи М. Шапиро. Онъ читаетъ ее: Ibne ir Elohenu—да будетъ отстроенъ городъ нашего Господа, да воззиждется градъ Господенъ. Смыслъ этого выраженія таковъ: въ псалмѣ „На рѣкахъ Вавилонскихъ" имѣется стихъ: „Если я позабуду тебя, Іерусалимъ, пусть забудется моя правая рука; пусть прилипнетъ языкъ мой къ гортани, если не буду помнить тебя". Поэтому каждый еврей долженъ всегда помнить о Іерусалимѣ, и вошло въ обычай, что, о какомъ бы городѣ правовѣрный еврей ни писалъ, онъ вспоминаетъ о Іерусалимѣ и сейчасъ же прибавляетъ: „Ibne ir Elohenu—да воззиждется градъ Господенъ". И здѣсь, говоря о Карасубазарѣ, писецъ прибавляетъ: „Ibne ir Elohenu"—да воззиждется градъ Господенъ.

3. Tnzbh—да будутъ ихъ души вплетены въ узелъ вѣчной жизни, да будутъ пріобщены они къ вѣчной жизни,—формула (эвлогія), обычно употребляемая на надгробныхъ памятникахъ, взятая изъ молитвы объ усопшихъ. И здѣсь, упоминая о покойныхъ родителяхъ жертвователя, писецъ прибавляетъ: „Tnzbh—да будутъ пріобщены они къ вѣчной жизни".

4. Lpk-Ieprat koton—по малому лѣтосчисленію. Лѣтосчи-

сленіе у евреевъ, начиная со среднихъ вѣковъ, ведется отъ сотворенія міра, причемъ въ датахъ число тысячъ или пишется—большое счисленіе, или, какъ само собою разумѣющееся—5, въ теперешнемъ тысячелѣтіи, опускается—малое счисленіе. Число выражается не цифрами, которыхъ у евреевъ нѣтъ, а буквами алфавита, причемъ дата изображается двояко: а) пишется рядъ буквъ справа налѣво, сначала буква или буквы, выражающія сотни, потомъ—десятки и единицы, а если приводятся тысячи, то впереди всѣхъ—и буква, выражающая число тысячъ, или б) берется стихъ, изреченіе изъ Священнаго Писанія, выбираются изъ него тѣ буквы, численный составъ которыхъ составляетъ требуемое число, и на этихъ буквахъ ставятся точки, апострофы, черточки, или пишутся онѣ въ большемъ размѣрѣ, другимъ цвѣтомъ, однимъ словомъ, чѣмъ нибудь выдѣляются. Въ нашемъ случаѣ дата обозначена „по малому счисленію", значитъ, безъ тысячъ, и для выраженія ея использованъ второй способъ—взятъ стихъ изъ Малахіи, гл. 3 ст. 24: „И вернетъ Онъ сердца отцовъ къ дѣтямъ". Изъ буквъ, числовой составъ которыхъ долженъ дать искомое число, обозначена точками только одна буква beth въ словѣ „avoth", да, пожалуй, кой-какой слѣдъ отъ точки имѣется на буквѣ vav того же слова. Числовой составъ обѣихъ буквъ—8 слишкомъ малъ для обозначенія даты. Очевидно, были точки еще на другихъ буквахъ, къ сожалѣнію, не сохранившіяся.. Мы видимъ, что краска вокругъ всего слова „veheschiv" стерта или отпала совершенно до обнаженія дерева, и если были точки на буквахъ этого слова, то онѣ съ уничтоженіемъ краски также должны были исчезнуть. Къ счастью, имѣется литературный источникъ, относящійся къ тому времени, когда футляръ находился въ лучшей сохранности и краска—въ лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь, а именно сочиненіе еврейскаго путешественника Эфраима Дейнарда—„Maso Krim", вышедшее въ 1878 году. Въ немъ приведено 15 надписей на футлярахъ, подобныхъ нашему, изъ трехъ крымчакскихъ синагогъ Карасубазара, и между ними и надпись на нашемъ футлярѣ. Надпись у Дейнарда совершенно тождественна съ нашей, съ той только разницей, что въ ней сохранилась дата въ видѣ точекъ надъ буквами schin перваго слова стиха—„veheschiv", какъ разъ того, вокругъ котораго краска исчезла, и beth и vav слова—„avoth", какъ у насъ. Численный составъ этихъ буквъ 308. А такъ какъ дата обозначена „по малому лѣтосчисленію", т. е. опущены тысячи, то, прибавивъ число тысячъ—5, получимъ 5308 отъ сотворенія міра,

что составляетъ по христіанскому лѣтосчисленію 1547—8 годъ по Р. Х.

Итакъ, изъ надписи мы видимъ, что въ футлярѣ заключался свитокъ Торы, пожертвованный нѣкіимъ Моисеемъ Кокозомъ Карасубазарской еврейской, resp. крымчакской общинѣ въ 1547--8 году. Такіе футляры нигдѣ теперь у евреевъ, по крайней мѣрѣ на Западѣ, не употребляются. Только отъ отца моего, 80-лѣтняго старца, со словъ моего дѣда, мнѣ неоднократно приходилось слышать, что Фирковичъ отнялъ у крымчаковъ въ Карасубазарѣ изъ синагогъ ихъ свитки Торы, заключавшіеся въ деревянныхъ футлярахъ, да Дейнардъ приводитъ описаніе такихъ футляровъ, видѣнныхъ имъ въ изрядномъ количествѣ въ крымчакскихъ синагогахъ Карасубазара.

Что жертвователь принадлежалъ именно къ еврейской общинѣ, вѣрнѣе, къ общинѣ крымчаковъ, крымскихъ евреевъ-раббанитовъ, это несомнѣнно. Фамилія Кокозъ до сихъ поръ носится многими крымчаками въ разныхъ городахъ Крыма. Я имѣлъ честь демонстрировать на одномъ изъ засѣданій Таврической Ученой Архивной Комиссіи молитвенникъ евреевъ-раббанитовъ, Сефардскаго толка, къ которому принадлежатъ и Крымчаки, на которомъ имѣется надпись: „Исаакъ Кокозъ“. Дейнардъ въ своемъ описаніи приводитъ нѣсколько надписей на книгахъ и свиткахъ крымчакскихъ синагогъ съ той же фамиліей.

Фамилія Кокозъ принадлежитъ древней знатной еврейской семьѣ. Она упоминается и въ лѣтописяхъ Русской исторіи. Карамзинъ, на основаніи Крымскихъ Дѣлъ, повѣствуетъ въ своей исторіи: „Ханъ Таврическій или Крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставивъ шесть сыновей..., изъ коихъ старшій, Нардоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но, сверженный братомъ Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и союзъ Казимировъ съ непріятелемъ Таврической Орды, ханомъ Волжскимъ Ахметомъ, возбудивъ въ Менгли-Гиреѣ недовѣріе къ королю Польскому, дали мысль прозорливому Іоанну искать дружбы новаго царя крымскаго, посредствомъ одного богатаго жида, именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ.... Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Іоаннову, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исупомъ, шуриномъ Хози Кокоса.... Отправляя въ Крымъ съ мирнымъ договоромъ посла Никиту Беклемишева, великій князь приказывалъ ему заѣхать въ Кафу и изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ

услугу въ сношеніяхъ съ Крымскимъ царемъ....". Этотъ Хозя Кокозъ былъ посредникомъ и при переговорахъ между Іоанномъ III и владѣтелемъ Мангупа Исайкой, который предлагалъ свою дочь въ невѣсты сыну Іоанна III, Іоанну Іоанновичу[1]).

Какъ видно изъ надписи на нашемъ футлярѣ, жертвователь Моисей Кокозъ, быть можетъ, потомокъ сейчасъ упомянутаго кафинскаго Хози Кокоса, былъ также знатенъ, занималъ высокій служебный постъ при дворѣ крымскаго хана: онъ—высокопоставленный сановникъ, государственный казначей, притомъ просвѣщенный человѣкъ, пользуется добрымъ именемъ и благочестивъ — почтенный рабби, жертвуетъ свитокъ Торы, имѣющій большую цѣнность, своей единовѣрческой общинѣ.

А. Гидалевичъ.

[1]) Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., т. VII, гл. II. Объ этомъ же Кеппенъ, „Крымскій Сборникъ", на стр. 282; Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др. т. V, стр. 184; Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XLI; В. Д. Смирновъ, „Крымское Ханство", стр. 255.

Къ вопросу о количествѣ населенія Таврической губерніи въ началѣ XIX столѣтія.

Вопросъ о количествѣ населенія въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи имѣетъ, по нашему мнѣнію, значеніе какъ въ историческомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи. Степень населенности страны, та или другая плотность населенія, составъ народности и другіе вопросы чисто статистическаго характера служатъ, какъ извѣстно, показателями культуры страны, ея духовной мощи, ея приспособленности къ дальнѣйшему развитію. По отношенію къ Крыму, обладающему богатымъ историческимъ прошлымъ, при его природныхъ условіяхъ, этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ проливаетъ свѣтъ на одну изъ самыхъ близкихъ къ намъ фазъ его многообразной исторической жизни. Богато одаренный природою край, находящійся вблизи историческаго пути передвиженій народовъ изъ Азіи въ Европу и связанный моремъ съ колыбелью европейской цивилизаціи, Крымъ служилъ мѣстопребываніемъ почти всѣхъ народностей, обитавшихъ и нынѣ обитающихъ Европу, и, наконецъ, сталъ достояніемъ народности, вышедшей изъ степей Азіи и утвердившей здѣсь свое господство въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій вплоть до конца XVIII вѣка. Политическая и общественная структура осѣвшей здѣсь монгольской народности мало способствовала внутреннему развитію ея, и неудивительно, если степень населенности страны не была въ соотвѣтствіи съ тѣми физическими условіями, которыми одарена эта страна, и далеко ниже того уровня, какого можно было бы ожидать, имѣя въ виду многовѣковую и столь сложную жизнь Крыма при непрекращающемся здѣсь скрещеваніи народовъ.

Опредѣлить съ точностью количество населенія Крыма въ періодъ, предшествовавшій присоединенію его къ Россіи, почти невозможно, въ виду отсутствія провѣренныхъ данныхъ. Можно

приблизительно только указать это число, при чемъ, въ виду недостатка цифровыхъ данныхъ, эти указанія могутъ имѣть лишь приближенное значеніе. Тунманъ въ своемъ „Описаніи Крыма“ говоритъ, что въ 1777 г. было въ Крымскомъ ханствѣ около 400 тыс. жителей, при чемъ онъ добавляетъ, что въ 1740 г. по приказанію хана Менгли Гирея было сосчитано 1399 деревень, распредѣленныхъ по 48 кадылыкамъ (округамъ). Баронъ Игельстромъ, главнокомандующій всѣми войсками въ Крыму въ годъ присоединенія его къ Россіи, исполнявшій обязанности начальника новоприсоединеннаго края, по случаю болѣзни князя Потемкина, передавшаго 16 августа 1783 г. ему власть и уѣхавшаго въ Полтаву, въ своемъ докладѣ князю Потемкину исчисляетъ число жителей въ Крыму весьма проблематично. Сосчитавъ общее число деревень татарскихъ въ Крыму именно 1474 деревни, т. е. на 75 деревень болѣе, чѣмъ сосчитано Тунманомъ, Игельстромъ даетъ за симъ число дворовъ въ каждомъ изъ шести каймаканствъ (уѣздовъ) и находитъ, что въ 293 деревняхъ Бахчисарайскаго каймаканства—3218 дворовъ, въ 169 деревняхъ Перекопскаго—1383 двора. Опредѣливъ за симъ для каждой деревни Акмечетскаго, Карасубазарскаго и Козловскаго (Евпаторійскаго) каймаканства по 10 дворовъ, а для Кефинскаго по 9, онъ огульно даетъ общее число дворовъ въ 14323 двора. Полагая по три души на дворъ, Игельстромъ получилъ 42969 душъ татаръ. Къ этому онъ прибавилъ населеніе городовъ, въ 8415 татаръ и 1407 евреевъ, высчитанныхъ по тому же способу помноженія трехъ жителей на каждый дворъ, и населеніе, оставшееся въ 1042 дворахъ въ 66 деревняхъ,[1]) т. н. христіанскихъ, оттуда были переселены Суворовымъ въ 1779 году греки и армяне въ нынѣшній Маріупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи, въ числѣ 3126 человѣкъ, и прибавивъ 55917 ногайцевъ, занимавшихъ Перекопскія степи, и 3200 цыганъ, баронъ Игельстромъ получилъ 115034 жителей въ 1783 году. Само собою разумѣется, что это число имѣетъ лишь проблематическое значеніе и не можетъ быть принято на вѣру.

Новороссійскій военный губернаторъ гр. Каховскій, бывшій въ періодъ времени съ 1784 по 1788 годъ правителемъ Таврической области, въ письмѣ своемъ къ бывшему при послѣднемъ ханѣ дефтердарю Мегметъ-агѣ опредѣляетъ число жителей ея въ

---

[1]) Эти деревни распредѣлялись по каймакамствамъ такъ: въ Бахчисарайскомъ—46 деревень, Акмечетскомъ—3, Карасубазарскомъ—10 и Кефинскомъ—7.

1770 году въ полмилліона.[1]) На чемъ основывалъ гр. Каховскій подобный свой выводъ не извѣстно. Переходя къ послѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ даннымъ относительно количества населенія Крыма по присоединеніи, мы имѣемъ, наконецъ, впервые документъ, а именно „вѣдомость", составленную на основаніи сказокъ, поданныхъ къ 5-ой ревизіи 1796 г., о числѣ поселянъ казенныхъ и помѣщичьихъ. Общія числа этой вѣдомости по уѣздамъ уже обнародованы мною въ „Историческомъ очеркѣ Крымско-татарскаго землевладѣнія" (самый списокъ не напечатанъ). Всего числилось по этой вѣдомости 99195 душъ поселянъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ сумму далеко ниже той, какую можно было бы предполагать, судя по опредѣленію гр. Каховскаго, и превышающую цифру, данную барономъ Игельстромомъ. Дѣло въ томъ, что по присоединеніи Крыма началось, какъ извѣстно, массовое бѣгство татаръ въ единовѣрную Турцію, и эта эмиграція, поддерживаемая измѣнившимися экономическими условіями, къ которымъ новые подданные не могли приспособиться, продолжалась долгое время. Палласъ, путешествовавшій по Крыму въ 1794 году, считаетъ число переселившихся въ Турцію татаръ не менѣе 80 тыс., а Сумароковъ, занимавшій должность члена коммиссіи для разрѣшенія земельныхъ споровъ въ Крыму, опредѣляетъ въ своихъ „Досугахъ Крымскаго судьи" число эмигрировавшихъ татаръ въ 300 тыс. человѣкъ. Если послѣднее число и кажется слишкомъ большимъ по сравненію съ тѣмъ, которое даетъ Палласъ (за девять лѣтъ протяженія со времени путешествія Палласа число, показанное имъ, должно было удвоиться), то во всякомъ случаѣ, судя по даннымъ „Камеральнаго описанія Крыма", гдѣ показано имущество—земли, сады, дворы выѣхавшихъ въ Турцію татаръ, число ихъ должно быть опредѣлено не менѣе 150 тыс. и даже до 200 тыс. Принимая эту убыль населенія въ эту цифру, мы видимъ, что баронъ Игельстромъ сосчиталъ мало по своей системѣ—по три человѣка на каждый дворъ, и что въ періодъ присоединенія Крыма должно было быть въ немъ не менѣе 300 тысячъ, почему и цифра въ полмилліона людей, показанная гр. Каховскимъ, намъ кажется преувеличенной. Изъ сказаннаго видно, что кромѣ указанной выше вѣдомости, составленной въ 1796 г., другихъ документальныхъ данныхъ не имѣется для исчисленія населенія въ Крыму послѣ присоединенія его къ Россіи.

---

[1]) См. мой Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія, стр. 125.

Разбирая въ свое время архивный матеріалъ, оставшійся послѣ Коммиссіи, Высочайше учрежденной 19 мая 1802 г., для разрѣшенія земельныхъ споровъ въ Крыму, я нашелъ довольно обширный матеріалъ по статистикѣ Крыма за этотъ періодъ времени. Среди него между прочими „вѣдомостями", „списками" и „описаніями", затребованными Коммиссіей отъ подлежащихъ учрежденій, въ моемъ собраніи сохранилась и предлагаемая здѣсь вѣдомость.

„Въ Коммиссію, учрежденную для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Изъ Новороссійской Казенной Палаты.

Потребныя оной Коммиссіей изъ сей Палаты вѣдомости: *первую* о всѣхъ нынѣ существующихъ въ Крыму въ уѣздахъ Акмечетскомъ и Перекопскомъ селеніяхъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, съ означеніемъ въ оныхъ количества душъ и съ различеніемъ родовъ казенныхъ поселянъ, *вторую* о состоящихъ въ оныхъ уѣздахъ пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ съ показаніемъ урочищъ и количества ихъ, также сколько и гдѣ именно оказалось земель, оставшихся впустѣ послѣ вышедшихъ заграницу тамошнихъ жителей, съ означеніемъ, какія именно изъ пустопорожнихъ состоятъ въ оброчномъ содержаніи, у кого и за какую цѣну, также по Высочайшимъ пожалованіямъ и другимъ назначеніямъ предположено отдать во владѣнія разнымъ чинамъ, и *третью* о состоящихъ въ Акмечетскомъ уѣздѣ фруктовыхъ и виноградныхъ казенныхъ садахъ, оставшихся послѣ выѣхавшихъ заграницу татаръ, при семъ Новороссійская Казенная Палата въ оную Коммиссію препровождая, извѣщаетъ, что во многихъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ, за неразмежеваніемъ въ тѣхъ уѣздахъ земли, о количествѣ состоящихъ подъ оными земли неизвѣстно".

№ 5238.
Августа 18-го дня
1802 года.

ВѢДОМОСТЬ,

учиненная въ Новороссійской Казенной Палатѣ, о всѣхъ нынѣ существующихъ въ Крыму, въ уѣздахъ Акмечетскомъ и Перекопскомъ, селеніяхъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и казенныхъ, съ означеніемъ въ оныхъ количества душъ и съ различеніемъ родовъ казенныхъ поселянъ.

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Въ городѣ Акмечетѣ.		О количествѣ состоящей подъ городомъ Акмечетомъ десятинъ земли за неразмежеваніемъ неизвѣстно.	
Купцовъ	20		Процентномъ по $1^1/_4$ копѣйки съ рубля.
Мѣщанъ, христіанъ и евреевъ	719		Подушномъ, христьяна по 2 р. 50 к., а евреи по 4 руб. 50 коп.
Пользующихся мѣщанскимъ правомъ:			
Казаковъ	11		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Однодворцевъ	8		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 р. съ накладными.
Экономическихъ крестьянъ	5		
Воинскихъ поселянъ	1		Подушномъ по 56 к. оброчномъ по 1 р. съ накл. и поземельными по 75 к. и за право мѣщанства по 2 р. 50 к.
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Великороссійскихъ:			
Коллежскаго ассесора Пашовкина	3		Подушномъ по 1 руб. 26 коп. съ накладыми.
Малороссійскихъ:			
Коллежскаго ассесора Бѣляева	4		
Коллежскаго ассесора Никопольскаго	1		
Надворнаго совѣтника Тибскина	1		
Коллежскоой ассесорши Поляковой	3		
Подполковника и кавалера Таранова	4		
Титулярнаго совѣтника Линенкова	2		
Лѣкаря Дементія Гринфельда	2		
Прапорщика Дмитріева	1		
Надворнаго совѣтника Карацкаго	1		
Коллежскаго совѣтника Гофельта	4		
Губернскаго секретаря Федотова	1		
Губернскаго секретаря Христофорова	1		
Тайн. совѣтн. и кавалера Габлица	4		
Колл. ассес. Карла Гагендорфа	1		

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Коллежскаго ассес. Елчанинова . . .	1	О количествѣ состоящей подъ гор. Акмечетомъ десятинъ земли за неразмежеваніемъ неизвѣстно.	Подушномъ по 1 руб. 26 коп. съ накладными.
Статскаго совѣтника Смирнова	5		
Губернскаго секретаря Доброхотова .	3		
Титулярнаго совѣтника Генбачева . .	1		
Поручика Бѣлова	1		
Ген.-лейт. и кавалера Кирѣева	4		
Титулярнаго совѣтника Продми . . .	2		
Титулярнаго совѣтника Тышенкова . .	1		
Итого въ гор. Акмечетѣ	815		
Въ городѣ Карасубазарѣ.			
Купцовъ, христіанъ и евреевъ	60	Окончательно	Процентномъ, христіане по $1^1/_4$ коп., а евреи по $2^1/_4$ коп. съ рубля.
Грековъ и армянъ	156		По 1 коп. съ рубля.
Мѣщанъ, хрестьянъ и евреевъ	1532		Подушн., христіане по 2 р. 50 к., а евреи по 4 р. 50 к. съ накладными.
Пользующихся мѣщанскимъ правомъ:			
Подвѣдомыхъ Карасубазарскому суду римскаго закона грековъ	95		Подушномъ по 2 р. 50 к. съ накладными.
Грековъ и армянъ платящихъ съ двора по 2 рубля	416		Съ двора по 2 рубля.
Однодворцевъ	1		Подушномъ по 1 руб. 26 коп. и оброчномъ по 4 руб. съ накладными.
Экономическихъ крестьянъ	3		
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Малороссійскихъ:			
Прапорщика Делазари	2		Подушномъ по 1 руб. 26 коп. съ накладными.
Прапорщика Каралюшки	1		
Поручика Калатаева	2		
Грека Панаіота Иванова	1		
Поручика Давидова	2		
Прапорщика Калояра	2		
Купца Хобибія Осипова	1		

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Купца Капрела Язедилова	1	подъ	Подушно по 1 руб. 26 коп. съ накладными.
Купца Семенова	1		
Купца Типагоса Карабатова	1		
Купца Киркора Кеворкова	1		
Купца Мигердича	1		
Купца Саркиза Минаева	1		
Прапорщика Христофора Борисова . .	5		
Итого въ гор. Карасубазарѣ . .	2285		
Въ городѣ Бахчисараѣ.			
Купцовъ	406	Земли, состоящей	Процентномъ по $1^1/_4$ к. съ рубля.
Мѣщанъ, христьянъ и евреевъ	2237		Подушномъ, христ. по 2 р. 50 к., а евреи по 4 р. 50 к. съ накладными.
Пользующихся мѣщанск. правомъ:			
Однодворцевъ	1		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 р. съ накладными.
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Малороссійскихъ:			
Поручика Хаджи Пино	1		Подушномъ по 1 р. 26 к. съ накладными.
Итого въ гор. Бахчисараѣ . . .	2645		
Въ городѣ Козловѣ.			
Купцовъ	229		Процентномъ по $1^1/_4$ к. съ рубля.
Мѣщанъ	1668		Подушномъ по 2 р. 50 к. съ накладными.
Пользующихся мѣщанскимъ правомъ:			
Козаковъ	3		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Экономическихъ крестьянъ	1		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 р. съ накладныи.
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Малороссійскихъ:			
Примеръ Маіорши Софіи Метаксиной	1		Подушномъ по 1 р. 26 к. съ накладными.
Коллежскаго ассесора Врето	3		

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Штабъ-лѣкаря Бочкова	1	городами, посадомъ и крѣпостью по	Подушномъ по 1 р. 26 к. съ накладными.
Коллежскаго секретаря Иевлева . . .	1		
Надв. сов. и кавалера Анастасьева . .	4		
Графа Маценигo	1		
Итого въ гор. Козловѣ	1912		
Въ городѣ Кефѣ.			
Купцовъ	22		Процентномъ по $1^1/_4$ коп. съ рубля.
Мѣщанъ, христіянъ и евреевъ	260		Подушномъ христіане по 2 р. 50 к., а евреи по 4 р. 50 к. съ накладными.
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Маллороссійскихъ:			
Секундъ-маіора Балла	2		Подушномъ по 1 р. 26 к. съ накладными.
Унтеръ-цолнера Залѣсскаго	2		
Коллежскаго регистратора Федорова .	1		
Секундъ-маіора Лаушева	1		
Колл. регистраторши Мачушенковой .	1		
Поручицы Возмутиловой	1		
Итого въ гор. Кефѣ	290		
Въ городѣ Ахтіарѣ.			
Купцовъ, христіянъ и евреевъ	34		Процентномъ, христіане по $1^1/_4$ к., а евреи по $2^1/_4$ к. съ рубля.
Мѣщанъ, христьянъ и евреевъ	102		Подушномъ по 2 р. 50 к., евреи по 4 р. 50 к. съ накладными.
Пользующихся мѣщанскимъ правомъ:			
Козаковъ	4		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Однодворцевъ	3		Подушн. по 1 р. 26 к., оброчномъ по 4 р. съ накладными и за право мѣщанства по 2 р. 50 к. съ накладными.
Экономическихъ крестьянъ	1		
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Великороссійскихъ:			
Ген.-маіора и кавалера Баскакова . .	13		
Отставнаго маіора Озминовскаго . . .	2		

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Бригадира и кавалера Гольберга . . .	5	О количествѣ въ сихъ селеніяхъ десятинъ земли за неразмежеваніемъ неизвѣстно.	
Лѣкаря Киричевскаго	1		
Корабельнаго мастера и кавалера Юхарина	3		
Секундъ-маіора Грессера	3		
Итого по гор. Ахтіару	171		
Въ Керчь-Еникольскомъ посадѣ.			
Купцовъ	5		Процентномъ по $1^1/_4$ к. съ рубля.
Мѣщанъ, христьянъ и евреевъ	206		Подушномъ христіане по 2 р. 50 к., а евреи по 4 р. 50 к. съ накладными.
Пользующихся мѣщанскимъ правомъ:			
Козаковъ	22		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Крестьянъ:			
Экономическихъ	5		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 р. съ накладными.
Государственныхъ	1		
Итого въ Керчь-Еник. посадѣ .	239		
Въ крѣпости Керчѣ.			
Помѣщичьихъ крестьянъ.			
Малороссійскихъ:			
Ген.-маіора и кавалера Куприна . . .	5		Подушномъ по 1 р. 26 к. съ накладными.
Поручика артиллеріи Болотникова . .	5		
Итого въ крѣпости Керчи . . .	10		
Въ слободѣ Зуѣ.			
Козаковъ	18		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Однодворцевъ	9		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 руб. съ накладными.
Крестьянъ:			
Экономическихъ	11		Оброчномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 руб. съ накладными.
Дворцовыхъ	1		
Монастырскихъ	1		Под. по 1 р. 26 к. и оброчн. по 2р. съ накладными.
Воинскихъ поселянъ	246		Подушн. по 56 к., оброчномъ по 1 р. съ накладными и поземельн. по 75 к.
Итого въ слободѣ Зуѣ	286		

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Въ селѣ Мангушѣ.		О количествѣ въ сихъ селеніяхъ десятинъ земли неразмежеваніемъ неизвѣстно.	
Мѣщанъ	5		Подушномъ по 2 р. 50 к. съ накладными.
Козаковъ	8		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Однодворцевъ	4		Под. по 1 р. 26 к. и оброчн. по 4 р. съ накладными.
Крестьянъ:			
Экономическихъ	8		Под. по 1 р. 26 к. и оброчн. по 4 р. съ накладными.
Дворцовыхъ	2		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 2 р. съ накладными.
Монастырскихъ	2		
Воинскихъ поселянъ	256		Подушн. по 56 к. и оброчномъ по 1 р. съ накладными и поземельными по 75 коп.
Итого въ селѣ Мангушахъ	285		
Въ селѣ Біясалѣ.			
Воинскихъ поселянъ	23		Подушномъ по 56 к., оброчномъ по 1 р. съ накладными и поземельными по 75 коп.
Въ селѣ Санктпетербургскихъ Мазанкахъ.			
Козаковъ	3		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Воинскихъ поселянъ	24		Подушн. по 56 к., оброчн. по 1 р. съ накл. и поземельными по 75 коп.
Крестьянъ:			
Экономическихъ	4		Подушномъ по 1 р. 26 к. и оброчномъ по 4 р. съ накладными.
Дворцовыхъ	1		
Итого въ Санктпетербургскихъ Мазанкахъ	32		Съ дворц. крестьянъ оброчный доходъ принадл. Департаменту удѣловъ.
Въ слободѣ Подгородней.			
Козаковъ	2		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладными.
Воинскихъ поселянъ	20		Под. по 56 к., обр. по 1 р. съ накл. и земельн. по 75 к.
Экономическихъ крестьянъ	1		Под. по 1 р. 26 к. и обр. по 4 р. съ накладными,
Итого въ слободѣ Подгородней	23	Удобн. 270 Неуд. 40	
Въ селѣ Курцахъ.			
Воинскихъ поселянъ	16	Удобн. 530 Неуд. 45	Подушн. по 56 к., оброчн. по 1 р. съ накл. и по земельномъ по 75 коп.

	Число душъ.	Число десятинъ земли.	Въ какомъ окладѣ состоятъ.
Въ селѣ Салахъ.			
Мѣщанъ	2		Подушномъ по 2 р. 50 к. съ накладными.
Козаковъ	6		Подушномъ по 2 р. 76 к. съ накладнымн.
Воинскихъ поселянъ	30		Под. по 56 к., обр. по 1 р. съ накл, и позем. по 75 к.
Крестьянъ:			
Экономическихъ	11		По 1 р. 26 к. подушн. и оброчномъ по 4 р. съ накладными.
Дворцовыхъ	1		
Итого въ селѣ Салахъ	50	Удобн. 800 Неуд. 416	
Въ слободѣ Изюмской.			
Козаковъ	1		Подушномъ по 2 руб. съ накладными.
Однодворцевъ	1		Под. по 1 р. 26 к. и обр. по 4 р. съ накладными.
Воинскихъ поселянъ	61		Под. по 56 к. и обр. по 1 р. съ накл. и позем. по 75 к.
Экономическихъ крестьянъ	7		Подушномъ по 1 р. 26 к., оброчномъ по 4 руб. съ накладными.
Дворцовыхъ крестьянъ	1	Удобн. 1150 Неуд. 82	
Итого въ слоб. Изюмской	71		
Въ мѣстечкѣ Балаклавѣ.			
Греческаго войска окладомъ не обложенныхъ по силѣ дарованныхъ имъ привиллегій	995	О количествѣ десятинъ неизвѣстно.	Въ окладѣ не состоятъ.

Далѣе слѣдуетъ перечень всѣхъ остальныхъ деревень Акмечетскаго и Перекопскаго уѣздовъ, съ указаніемъ въ нихъ числа жителей. Этотъ списокъ, какъ не представляющій изъ себя ничего новаго, въ сравненіи съ спискомъ 1805 г., напечатаннымъ въ моемъ „Сборникѣ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія“, мы пропускаемъ. Приведемъ лишь итоги этого перечня. Въ концѣ списка по Акмечетскому уѣзду помѣщенъ итогъ: „въ Акмечетскомъ уѣздѣ—58985, да магометанскаго духовенства—5729“ и въ „Перекопскомъ уѣздѣ—33050, да магометанскаго духовенства—2682. А всего въ Акмечетскомъ и Перекопскомъ уѣздахъ—92035, да магометанскаго духовенства—8411“. Само собою разумѣется, что приведенная вѣдомость не можетъ претендовать на полноту и совершенную точность

свѣдѣній. Если даже при существованіи нынѣшнихъ болѣе усовершенствованныхъ способовъ переписи могутъ быть ошибки, то тѣмъ болѣе онѣ возможны были сто лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, сопоставляя ихъ съ другими данными, мы видимъ, что этотъ второй по времени статистическій документъ заключаетъ въ себѣ цифровыя указанія, не подлежащія сомнѣнію и могущія быть принятыми въ основаніе вычисленій. Оказывается, что число жителей показано по двумъ уѣздамъ, на которые въ 1802 г. распредѣлялась бывшая Таврическая область, вошедшая тогда въ составъ Новороссійской губерніи подъ названіемъ уѣздовъ: Акмечетскаго и Перекопскаго. Сначала показано число жителей по сословіямъ въ городахъ. Изъ этого перечня видно, что самымъ многолюднымъ городомъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ Бахчисарай съ 2645, за нимъ слѣдовалъ Карасубазаръ, считавшій 2285, далѣе шли Козловъ (Евпаторія) съ 1912, Балаклава съ 995, бывшій главный городъ области Акмечеть (Симферополь) 815, Кефа 290, Керчь-Еникольскій посадъ 239 и крѣпость Керчь 10. Изъ сословій по количеству занимали, конечно, первое мѣсто мѣщане, составлявшіе въ Акмечети—88%, въ Бахчисараѣ—84%, въ Карасубазарѣ—69% и т. д. По національности, безспорно, первое мѣсто занимали татары. Что касается другихъ національностей, то, за неимѣніемъ данныхъ, трудно опредѣлить ихъ число; напримѣръ, евреи мѣщане показаны въ одномъ общемъ числѣ съ христіанами мѣщанами. Русскихъ поселенцевъ вѣдомость считаетъ не только по деревнямъ, но и по городамъ, очевидно при ихъ помѣщикахъ. Всего же поселянъ считается въ Акмечетскомъ уѣздѣ—4656 и въ Перекопскомъ—4674, итого 9330 человѣкъ. Какъ оказывается, за 18—19 лѣтъ, протекшихъ со времени покоренія Крыма и начала русской колонизаціи, послѣдняя, не смотря на даровую раздачу земель и другія мѣропріятія правительства, какъ, напримѣръ, поселенія воинскихъ чиновъ, происходила медленно, среднимъ числомъ немного болѣе 500 человѣкъ въ годъ.

Общее число жителей по вѣдомости 1802 г. опредѣляется въ Акмечетскомъ уѣздѣ 64714 и въ Перекопскомъ 35732, а всего 100446.—Сравнивая это число съ числомъ, показаннымъ по вѣдомости 5-ой ревизіи, получаемъ разницу въ 1251 человѣкъ, и мы въ большомъ затрудненіи опредѣлить, считать ли это увеличеніемъ народонаселенія, до того оно незначительно. Скорѣе всего, что въ виду непрекращавшагося переселенія татаръ эта цифра должна пойти на пополненіе той убыли, вслѣдствіе эмиграціи, которая не могла быть зарегистрирована вѣдомостью.

Фактъ тотъ, что городское населеніе было весьма незначительно даже для начала XIX в., что, конечно, объясняется главнымъ образомъ недостаточностію средствъ къ поднятію культурнаго уровня страны. Въ частности переселеніе татаръ въ Турцію оказалось особенно ощутительнымъ въ смыслѣ уменьшенія количества городского населенія. По вѣдомости, представленной барону Игельстрому въ 1783 г., въ Кафѣ считалось 211 разоренныхъ домовъ изъ числа 1181, въ Козловѣ—97 изъ 953. Вообще городская жизнь, можно сказать, была въ примитивномъ состояніи. Для характеристики же того, что представляли собою въ эту эпоху крымскіе города, мы рѣшаемся помѣстить ниже цѣликомъ найденный нами въ дѣлахъ той же коммиссіи о разборѣ земельныхъ споровъ въ Крыму 1802 г. черновикъ описанія Таврической области, относящійся, по всѣмъ даннымъ, къ тому же времени, какъ и приведенная выше вѣдомость о числѣ поселеній и жителей, и составленная, какъ видно по сравненію съ другими бумагами, главнымъ землемѣромъ Чуйко, командированнымъ для генеральнаго межеванія Новороссійской губерніи.

Городъ Акмечеть.

„Губернскій городъ Акмечеть, или Симферополь. Сей городъ имѣетъ положеніе свое по теченію рѣчки Салгира съ лѣвой стороны на отложистой горѣ, по географическому положенію находится подъ 45° 21′ 15″ сѣверной широты и подъ 52° 15′ и 10″ долготы восточной. Въ этомъ городѣ строенія главнѣйшія суть: каменный дворецъ и три большія мечети сдѣланы изъ тесаннаго камня, домы Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и прочихъ присутственныхъ мѣстъ, училище, арсеналъ, при ономъ казармы и пороховой погребъ, запасные магазины, три церкви, изъ коихъ: греческая, одна армянская, гостинный дворъ. Строенія изъ дикаго бутоваго камня подъ черепицею. Со времени присоединенія Таврическаго полуострова учрежденъ въ ономъ былъ консулатъ. Жителей въ ономъ исключая военно-служащихъ и прочихъ чиновъ 807. Купечество торгъ свой имѣетъ разными шелковыми, бумажными и шерстяными товарами и другими продуктами. На правой сторонѣ Салгира имѣются изрядные фруктовые сады и винограды; пользуются водою изъ рѣчки, а большею частью изъ колодезей. Также примѣчанія достойна отъ города въ 25-ти верстахъ гора Чатырдагъ, которая во всемъ Крымскомъ полуостровѣ поверхностью своею болѣе всѣхъ, и отъ стороны Перекта за 70 верстъ

видима, большая часть покрыта бываетъ облаками, но въ самую ясную погоду можно усмотрѣть съ оной почти всю западную часть полуострова. На оной горѣ довольно разнаго лѣса; въ иныхъ же мѣстахъ есть ледяныя ямы, которые чрезъ цѣлый годъ не таютъ. Земля оной плодоносна.

I. Въ уѣздѣ онаго приписные.

1. Портовый городъ Кафа или Феодосія, лежитъ у подошвы Чернаго моря на довольно возвышенной каменной горѣ, отъ запада совсѣмъ закрывающейся и по выгодному положенію пристани для кораблей военныхъ и купеческихъ, а также прежде по великому количеству жителей считался между лучшими коммерческими въ оной губерніи городами. Но нынѣ видны только одни развалины, крѣпость, обведенная каменной стѣной со многими батареями, и внутри оной цитадель, укрѣплена была каменною же стѣною; въ ономъ городѣ строеній церквей три, мечеть одна и жидовская школа, многія пустыя разоренныя греческія, армянскія католическія, церкви, тожъ мечети, и нѣкоторые постоялые дворы, именуемые ханами, хлѣбный магазейнъ и протчіе строенія вообще изъ дикаго камня и землянаго кирпича; въ семъ городѣ учреждена таможня и карантинъ. Жителей 323: торгъ имѣютъ шелковыми, бумажными и шерстяными товарами, бакалеею и пшеницею, а пользуются водою изъ фонтановъ внѣ города; обвалившійся дворецъ, служившій нѣкогда для пріѣзда хана, и монетный дворъ.

Портовый городъ Козловъ.

2. Оный городъ на ровномъ и открытомъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря, укрѣпленіе оного обведено каменною стѣною и рвомъ, въ немъ строенія: двѣ небольшія церкви: греческая и армянская, мечетей 20-ть, изъ коихъ одна близъ моря нарочитой величины съ куполомъ, покрытая свинцомъ, школа еврейская одна, соляные амбары, постоялые дворы, заводовъ кожевенныхъ шесть, хлѣбной магазейнъ; все оное строеніе изъ дикаго камня и землянаго кирпича на глинѣ подъ черепицею; жителей въ ономъ 2034, торгуютъ разными продуктами, вода въ городѣ ко употребленію недостаточная, а пользуются оною изъ сосѣдственныхъ мѣстъ.

Портовый городъ Ахтіяръ или Севастополь.

3. Положеніе его между двумя гаванями при Черномъ морѣ выбранное для военныхъ и купеческихъ кораблей на возвы-

шенномъ мѣстѣ, отчего такъ стѣсненъ, что въ самомъ городѣ не только пространныхъ дворовъ, ниже самыхъ малыхъ мѣстъ къ строенію имѣть не можно. Казенныя строенія и многія партикулярныя выстроены изъ дикаго бутоваго камня, а нѣкоторыя изъ тесаннаго, крыши оныхъ покрыты черепицей, церквей двѣ, жителей окромѣ военнослужителей 145, оные торгъ имѣютъ съ иностранными на судахъ пріѣзжающими купцами; городъ въ разсужденіи возвышеннаго и каменистаго мѣстоположенія водою не достаточенъ.

Городъ Балаклава.

4. Оной устроенъ на берегу Чернаго моря на пологомъ косогорѣ, съ восточной стороны при балаклавской гавани, въ которую входить могутъ небольшія военныя и купеческія судна. На горѣ каменная большая ветхая генуэзская крѣпость; въѣздъ въ городъ сухимъ путемъ только одинъ съ сѣверной стороны; церковь каменная одна; строеній разнаго рода количество небольшое; жителей въ ономъ окромѣ военнослужителей 995; водою пользуются изъ родниковъ и фонтановъ, вода здоровая. Между онымъ городомъ и Ялтою находятся лѣса весьма противъ другихъ отмѣнные вышиною и толщиною разнаго рода.

Городъ Бахчисарай.

5. Большая резиденція крымскихъ хановъ лежитъ между двухъ довольно возвышенныхъ и обрывистыхъ каменныхъ утесовъ, въ немъ строенія ханскій дворецъ съ небольшими фруктовыми и виноградными садами, пристань ханская и при оной мечеть изрядной величины и три гробницы съ куполами покрытыми свинцомъ; прочія же дома построены изъ дикаго камня и землянаго кирпича. Оный городъ имѣетъ два въѣзда съ сѣверной и южной стороны. Церквей одна греческая и армянская, еврейскихъ школъ двѣ, мечетей 30, заводовъ кожевенныхъ 13, на коихъ выдѣлываются сафьяны, мышыны: красный, алые, зеленые, синіе, желтые и черные. Чрезъ городъ протекаетъ рѣчка Чуруксу, вода нездоровая, а пользуются изъ фонтановъ; жителей 2877; торгъ имѣютъ купцы не въ одномъ городѣ, но и въ другихъ мѣстахъ торгуютъ шелковыми, бумажными, шерстянными товарами, кожами разнаго рода, сафьянами и табакомъ.

Городъ Карасубазаръ.

6. Положеніе свое имѣетъ по теченію рѣчки Біюкъ-Карасу, на лѣвой сторонѣ; небольшая часть онаго занимаетъ и

правую сторону, мѣстоположеніе изрядное и ровное съ небольшими при самой рѣкѣ крутинами. Въ городѣ строенія: три церкви каменныя, мечетей—17, еврейскихъ школъ двѣ, полевая аптека, хановъ или постоялыхъ дворовъ—24. Гостинной дворъ, въ коемъ считается до 600 лавокъ; фабрикъ сафьянныхъ—5, кожевенныхъ четыре, мыльная одна, свѣчныхъ четыре, кувшинныхъ пять, запасной магазейнъ, постоялый домъ, а при немъ и садъ нарочитой величины; жителей—2033; въ семъ городѣ разныхъ націй торгъ имѣютъ разными вышесказанными товарами, водою пользуются изъ колодезей и вода въ каналахъ и рѣкѣ здоровая.

Городъ Судакъ.

7. Въ ономъ крѣпость близъ Чернаго моря иррегулярная на весьма крутомъ и каменистомъ мѣстѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ оной могутъ приставать небольшія суда, въ крѣпости оной строенія: казармы для гарнизонныхъ полковъ, каменныя; близъ оной два колодезя, въ оныхъ вода прѣсная. Округа Судакская простирается отъ Чернаго моря по высокимъ крутымъ горамъ оврагу Карагачу до его вершины. Чрезъ оную округу протекаетъ рѣчка Футули, въ которой вода прѣсная, въ оной же округѣ довольное количество лучшихъ предъ прочими въ Крымскомъ полуостровѣ фруктовыхъ садовъ и разныхъ породъ виноградныхъ. Между садами казенной дворецъ и погребъ каменной, въ которомъ вина казенныя хранятся. Лѣсъ растетъ въ урочищѣ Карличъ, строевой, годный для мелкаго строенія и по всей округѣ дровянной разнаго рода, дубы, берестъ, кленъ, букъ, грабина, а по берегу моря отчасти сосновый и можевеловый, въ 10 верстахъ отъ крѣпости въ урочищѣ Карагачъ гора Кушькая, въ коей самый мягчайшій камень для дѣланія мельничныхъ каменьевъ и другія разныя подѣлки весьма способный; жителей въ оной крѣпости нѣтъ, окромѣ военнослужителей.

Городъ Старый Крымъ.

8. Расположенъ между горами на ровномъ и выгодномъ между садами мѣстѣ. Остатки греческихъ, армянскихъ церквей и татарскихъ мечетей доказываютъ прежнюю сего города обширность, нынѣ же существуетъ въ немъ казенной дворецъ, построенный изъ дикаго камня, и при немъ обширный фруктовой садъ, въ дворцѣ походная церковь; шелковый заводъ; обывательское строеніе состоитъ изъ остатковъ ветхихъ татар-

скихъ домовъ, жителей въ ономъ[1]) водою пользуются отъ фонтановъ.

Крѣпость Керчъ.

9. Оная крѣпость лежитъ на берегу Воспорскаго пролива между Чернымъ и Азовскимъ морями при подошвѣ горы и при оной крѣпости берега весьма круты. Въ ней древняя греческая церковь съ мраморными столбами, казармы и магазейны изъ дикаго камня для приходящихъ суденъ изъ Таганрога и Ахтіяра съ припасами; въ предмѣстьи крѣпости строенія изъ землянаго кирпича, жителей въ ономъ,[2]) торгъ имѣютъ рыбою и солеными отмѣнно дѣланными балыками и другими продуктами, водою пользуются изъ крутизнъ горъ, отъ фонтановъ, проведенными подземными трубами, вода здоровая.

Крѣпость Еникале или Воспоръ.

10. Сія крѣпость положеніе имѣетъ по склону горы, примыкаетъ къ берегу Воспорскаго пролива; укрѣпленіе сіе разоренное, въ ней каменная татарская мечеть, въ которой нынѣ церковь христіанскаго закона, прочія строенія изъ дикаго камня. Форштадтъ при самомъ берегѣ и малая часть партикулярныхъ домовъ и казармъ по берегу и косогору, между коими каменная церковь, постоялый дворъ, въ которомъ находится палатка черноморскихъ казаковъ. Жителей въ оной 164, большею частію греки; упражняются въ рыбной ловлѣ и дѣланіи отмѣнныхъ балыковъ.

Крѣпость Арабатъ.

11. Старая земляная крѣпость; положеніе имѣетъ на перешейкѣ Арабатской стрѣлки, между Сивашемъ и Азовскимъ моремъ, внутри коей каменная мечеть, комендантскій со службами и купеческой домъ съ солдатскими и казачьими землянками.

II. Уѣздный городъ Перекопъ.

Сей городъ имѣетъ положеніе на ровномъ и со всѣхъ сторонъ открытомъ мѣстѣ въ перешейкѣ полуострова Крымскаго; по обѣ стороны рва разваленныя батареи, чрезъ Перекопъ простирающіяся отъ Сиваша до береговъ Чернаго моря разстояніемъ на 7 верстъ. Внутри полуострова при самомъ Перекопѣ состоитъ каменная крѣпость съ цитаделью, обведенная глубо-

[1]) Число не показано.
[2]) Число не показано.

кимъ землянымъ рвомъ, въ которой находится безотлучно комендантъ съ его гарнизономъ. Строенія въ городѣ семъ: казенной дворецъ и въ немъ церковь, въ предмѣстіи обывательскія строенія: гостинной и постоялые дворы, соляная контора, каменные, изъ мелкаго камня. По другую сторону Перекопа, внутри полуострова, селеніе Армянской Базаръ отстоитъ отъ города въ четырехъ верстахъ, въ коемъ имѣютъ пребываніе уѣздные суды и казначейство; церковь греческая и армянская и пять татарскихъ мечетей, гостинной дворъ и обывательскіе домы, большею частію изъ земляного кирпича покрытые черепицею, морскою травою и землею. Жителей въ Перекопѣ и Армянскомъ Базарѣ 678; водою пользуются изъ колодезей. Въ ономъ уѣздѣ близъ Сиваша имѣется соленыхъ большихъ и малыхъ озеръ.

Приписанная къ уѣзду крѣпость Кинбурнъ.

Оная выстроена при устьѣ соединяющагося съ Чернымъ моремъ Днѣпровскаго лимана въ ней церковь деревянная, выгонная земля простирается между береговъ Чернаго моря и Днѣпровскаго лимана, земля песчанная; въ округѣ сей состоитъ нѣсколько соляныхъ озеръ и солонцовъ, изъ коихъ собирается довольное количество соли; жителей въ оной крѣпости 15. Водою пользуются изъ колодезей и вода здоровая.

Во время отдѣленія Таврической губерніи отъ Екатеринославской въ 1803 г. отошла обратно часть Маріупольскаго уѣзда по рѣчкѣ Бердѣ и Токмачкѣ въ Таврической губерніи, которая и прежде была подъ названіемъ Мелитопольскій уѣздъ и находится уѣздный судъ и полиція въ селѣ Большомъ Токмакѣ. Въ оной части главныя рѣчки: Бердянка, Обиточная, Черталихъ, Корсакъ, Токмакъ, Джююшакъ, Молочныя воды, Азись, Утлюкъ, на которой землѣ большая часть поселена вышедшихъ съ Кавказской линіи татаръ Едисанскихъ, Едичкульскихъ и Джамбулакскихъ ордъ и изъ разныхъ мѣстъ Россіи выводимыми духоборцами, кои поселены при Молочныхъ водахъ, а также занимаютъ поселеніемъ мѣста новые колонисты и менониты, кои производятъ строеніе жилыхъ домовъ и садовъ и умножаютъ хлѣбопашество съ лучшимъ успѣхомъ".

Какъ ни бѣдно свѣдѣніями приведенное описаніе городовъ Таврической области въ первыхъ годахъ XIX вѣка, однако мы находимъ въ немъ нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно возсоздать картину того, что представляли собою тогда

крымскіе города. Объединяя имѣющіяся въ немъ указанія, мы находимъ, что по количеству населенія всѣ города представляли изъ себя небольшіе поселки. Самымъ населеннымъ городомъ является, конечно, бывшая столица хановъ Бахчисарай, въ которомъ, по описанію, живетъ 2877 душъ. За нимъ слѣдуетъ Козловъ съ 2034 душами и почти рядомъ съ нимъ Карасубазаръ съ 2033; очень мало жителей въ губернскомъ городѣ Акмечетѣ (Симферополѣ), гдѣ зарегистрировано всего 995, а еще меньше того въ Ахтіарѣ (Севастополѣ)—145. Въ отношеніи построекъ, такъ сказать—архитектурномъ, всѣ города почти не отличаются другъ отъ друга, за исключеніемъ развѣ Бахчисарая, съ его ханскимъ дворцомъ и мечетями. Почти въ каждомъ изъ нихъ, наряду съ небольшими постройками для жилья, сдѣланными изъ бутоваго камня, а въ нѣкоторыхъ—изъ глинобитнаго кирпича, постоялыми дворами („ханами"), лавками и т. д., были, въ особенности въ Акмечети, казенныя постройки, казармы и т. д., ничѣмъ не выдѣлявшіяся. Повсюду большое число мечетей, по нѣсколько христіанскихъ церквей—большею частью греческихъ и армянскихъ, а также много развалинъ, въ особенности въ Кафѣ и Старомъ Крыму, бывшемъ Солкатѣ, о величинѣ коего въ древнее время сказано выше.

Что же касается промышленности городовъ, то она состояла, главнымъ образомъ, судя по описанію, въ обработкѣ кожи, выработкѣ сафьяна, выдѣлкѣ свѣчей, мыла и т. д. Описаніе отмѣчаетъ „дѣланіе отмѣнныхъ балыковъ" въ Керчи и Еникале. Самыми промышленными городами были Бахчисарай и Карасубазаръ.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что на Молочныхъ Водахъ уже тогда обращали на себя вниманіе менонитскія колоніи, кои, по выраженію описанія, „умножали хлѣбопашество съ лучшимъ успѣхомъ".

Д. Лашковъ.

Древне-христіанскій фамильный склепъ IV-го вѣка съ фресковой декоративной росписью близъ Херсонеса (на землѣ Н. И. Тура), окончательно дослѣдованный въ ноябрѣ 1912 г.

Къ числу самыхъ интересныхъ древне-христіанскихъ фамильныхъ склеповъ въ Херсонесѣ съ фресковой декоративной росписью принадлежитъ склепъ, находящійся за стѣнами города, на землѣ Н. И. Тура.

Первыя свѣдѣнія объ описываемомъ склепѣ были мною сообщены А. Л. Бертье-Делагарду и помѣщены въ его обширномъ трудѣ „О Херсонесѣ" (Крестообразный храмъ—Крещальня—Крѣпостная ограда), напечатанномъ въ 21-мъ вып. Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи за 1907 годъ, на стр. 160—162. Затѣмъ, въ журналѣ „Гермесъ" за 1909 г. № 1 (27), на стр. 31—32, былъ помѣщенъ рефератъ Н. М. Печенкина объ этомъ склепѣ, прочитанный 19 декабря 1908 г. въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, какъ поправка къ труду А. Л. Бертье-Делагарда „О Херсонесѣ". Послѣ этого г. Печенкинъ помѣстилъ въ № 48 Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи 1912 г., на стр. 145—149, статью подъ заглавіемъ: „Роспись христіанской катакомбы, находящейся близъ Херсонеса, на землѣ Н. И. Тура", съ рисункомъ и двумя таблицами. Наконецъ, проф. М. И. Ростовцевъ обстоятельно говоритъ объ этомъ склепѣ въ своемъ монументальномъ трудѣ: „Античная декоративная роспись на югѣ Россіи", 1914 года, стр. 472—480, съ рис.

Склепъ находится въ 200 саженяхъ къ Ю. З. отъ башни № 5. юго-западной части херсонесской оборонительной стѣны. Онъ вырубленъ въ верхнемъ выступѣ скалы, на 0,90 м. отъ поверхности, оріентированъ на С. В., трапеціевидной формы, грубой работы, размѣрами: длина правой стороны 2,49 м., лѣвой 2,13 м., ширина у передней стѣны 2,79 м., у задней 2,59 м. и высота у передней 1,68 м. и задней 1,60 м., съ двумя высокими

нишами (койками) въ двухъ стѣнахъ — лѣвой и задней. Внутренніе углы лѣвой ниши округлены. Размѣры нишъ: лѣвой—длина 2,05 м. и ширина у передней стѣны 1,20 м. и у задней 0,97 м. на высотѣ отъ пола 0,89 м.; задней—длина у задней стѣны 1,82—2,14 м. ширина 1,24 м. на высотѣ отъ пола 0,90 м. Лѣвый уголъ задней боковой стѣны ниши дугообразенъ, правый-же прямой; внутренніе углы также округлены.

Потолокъ бугорчатой поверхности, хотя и обработанный. Передняя стѣна сдѣлана уступомъ, какъ и въ склепѣ въ Херсонесѣ, открытомъ въ 1909 г. Стѣны склепа, лѣвая боковая и задняя, слабодугообразныя, а правая прямая.

Внутри склепа двѣ ступеньки съ ходомъ, оріентированнымъ на Ю. З. Ширина входного отверстія 0,62 и высота 0,63 м., въ реставрированномъ видѣ. Въ виду рыхлости скалы, прослоевъ глины и щелей въ стѣнѣ, способствовавшихъ разрушенію во время вырубки и обработки склепа, стѣны были защеблены осколками кирпичей и черепицы, красной мелкозернистой цемянкой хорошаго качества, а сверху цемянки известью хорошаго качества (съ примѣсью соломы), которая была доведена до гладкой блестящей поверхности, какъ было встрѣчено и въ трехъ другихъ склепахъ съ росписью въ Херсонесѣ. По этой штукатуркѣ была произведена побѣлка, а по сыроватой побѣлкѣ была исполнена роспись.

Вся входная часть склепа обрушилась, равно обрушился и потолокъ, начиная отъ средней части путемъ отслаиванія; большія щели находятся почти во всемъ склепѣ, образовавшіяся отъ прослоекъ глины и рыхлости скалы; ниже ниши въ лѣвой стѣнѣ находится большая выбоина, которая въ свое время была защеблена осколками кирпича и черепицы, но теперь окончательно разрушилась.

Слѣдовъ какихъ-либо грабительскихъ проломовъ, при всей тщательности осмотра, замѣчено не было; причиною разрушенія склепа слѣдуетъ считать атмосферныя вліянія, которыя были причиною разрушенія всѣхъ склеповъ, открытыхъ въ Херсонесѣ.

Въ 1894 г. склепъ этотъ былъ мнѣ впервые указанъ однимъ любителемъ древностей. Передняя стѣнка его была тогда уже обрушившеюся; вся внутренность склепа была засыпана землей, которая получилась частью отъ обрушиванія земли и частью отъ натековъ черезъ входное отверстіе; земля не доходила до потолка не болѣе чѣмъ на 1 метръ, а въ средней части на $1^1/_2$ метра; замѣтить какое-либо изображеніе на стѣнѣ не было никакой возможности, за исключеніемъ вида крѣпости, кото-

рый находится и въ настоящее время въ довольно хорошей сохранности. Поэтому напрасно г. Печенкинъ въ своей статьѣ упрекаетъ меня въ томъ, что я ничего, кромѣ крѣпости, не замѣтилъ; но если бы тогда земли въ склепѣ не было, то я имѣлъ бы, конечно, возможность ознакомиться и съ остальной росписью склепа. Объ этомъ склепѣ и его состояніи я сообщилъ въ 1906 г. А. Л. Бертье-Делагарду.

Теперь предлагаю описаніе остатковъ фресковой росписи этого склепа на основаніи тщательнаго изслѣдованія ея въ недавнее время.

По всѣмъ стѣнамъ склепа, начиная отъ ступеньки, на высотѣ отъ пола 0,28—0,34 м. была проведена красная полоса (мумія), шириною въ 0,05—0,06 м.; въ углахъ она подымалась вверхъ, до потолка, за исключеніемъ праваго передняго угла, гдѣ таковой не было; полоса эта, проходила подъ потолкомъ до входного отверстія, входила въ лѣвую нишу, огибала ея кромки и обходила по всѣмъ ея угламъ. Въ правомъ заплечикѣ задней ниши проведена такая же красная полоса, на разстояніи отъ первой въ 0,17 м.; такая же полоса могла быть и на лѣвой сторонѣ заплечика, который въ настоящее время разрушенъ. Аналогичная роспись такими полосами и раньше встрѣчалась въ Херсонесѣ.

На задней стѣнѣ, на высотѣ 0,95 м., написанъ бордюръ, шириною въ 0,18 м.: сначала проведена вокругъ ниши блѣдно-коричневая съ оттѣнкомъ красной линія (мумія); внутри по желтому фону (желтая охра) идетъ рамка шириною 0,008 м.; внутри рамки написаны квадратныя и прямоугольныя спирали, такъ называемые лабиринтики, блѣдно-коричневаго цвѣта съ оттѣнками красной муміи, въ серединѣ прямоугольныя, сверху и снизу квадратныя; пространство съ боковъ и между спиралями украшено полушариками: шарикъ написанъ коричневымъ, обведенъ краснымъ, а самый центръ бѣлымъ; параллельно вверхъ проведена черная полоса (сажа) въ 0,008 м. шир. и рядомъ, начиная отъ второй верхней красной линіи, идетъ такой же бордюръ шириною 0,19 м. параллельно вертикальной сторонѣ ниши, затѣмъ снизу, параллельно горизонтальному ребру, и снова вверхъ, параллельно вертикальному ребру, съ такими же точечками и такимъ же фономъ, т. е. состоитъ изъ такихъ же прямоугольныхъ и квадратныхъ спиралей, лабиринтиковъ.

Г-нъ Печенкинъ указываетъ, что это изображены—меандры, и съ нимъ соглашается проф. Ростовцевъ, но это невѣрно, такъ какъ эти прямоугольники не представляютъ одного цѣлаго, а

каждый изъ нихъ отдѣленъ отъ слѣдующаго рельефными точечками. Съ лѣвой стороны задняго угла на уцѣлѣвшемъ остаткѣ стѣны (вродѣ простѣнка) видны красныя пятна блестящей поверхности, сдѣланныя красной помпеевской краской, остатки такой же штукатурки были находимы часто при раскопкахъ римскихъ строеній въ Херсонесѣ.

Приходится сожалѣть, что часть штукатурки умышленно разрушена мальчишками, посѣщавшими склепъ; отчасти это произошло и отъ огня, который закоптилъ часть этой стѣны до такой степени, что копоть не удалось уничтожить самой тщательной промывкой. Послѣ промывки тысячелѣтней пыли и плѣсени, покрывавшей поверхность задней стѣны ниши, выяснилась слѣдующая композиція росписи. Въ углахъ ниши сохранились остатки красной полосы обрамленія. Въ нишѣ съ лѣвой стороны, изображенъ павлинъ, а съ правой пава, причемъ павлинъ въ спокойномъ положеніи, а пава съ вытянутой шеей; павлинъ смотритъ влѣво, пава вправо. Въ клювахъ павлинъ и пава держатъ двойную гирлянду, которая начинается ленточками и исполнена красной муміей по желтому фону; обѣ гирлянды дугообразны къ низу, причемъ нижняя болѣе дугообразна, чѣмъ верхняя. Верхняя гирлянда лавровая; листики лавра исполнены чернымъ контуромъ по коричневому фону, справа-же обведены коричневымъ; средина нарисована чернымъ по зеленому фону; въ срединѣ гирлянды вплетенъ цвѣтокъ съ четырьмя сердцевидными листками, исполненными въ срединѣ желтымъ, а по краямъ краснымъ; края розовые; между лепестками тычинки сдѣланы черными и зелеными линіями. Въ нижней гирляндѣ такой-же цвѣтокъ, но здѣсь тычинки исполнены только черной краской, листья гирлянды, также изъ лавра, исполнены коричневымъ фономъ съ чернымъ оттѣненіемъ; по краямъ находятся зеленые листочки. Фигура павлина исполнена, какъ шея, грудка, такъ равно и туловище и икры ногъ, чернымъ, съ оттѣнками въ размывку коричневаго цвѣта; выше грудки хорошо сохранилось зеленовато-голубоватое оттѣненіе, ниже вся грудка и туловище исполнены грязно-зеленымъ цвѣтомъ, а чешуйки перьевъ черными ковычками снизу вверхъ; икры ногъ написаны коричневымъ фономъ, контуръ икры оттѣненъ черными ковычками; ножки исполнены красной краской, онѣ изображены въ слегка поджатомъ видѣ; фонъ крыла исполненъ желтой охрой, контуръ крыла написанъ красной муміей, причемъ верхняя часть его исполнена въ размывку коричневой, чтобы дать рельефъ

крыла; чешуйка перьевъ также вся обработана красной муміей; фонъ хвоста исполненъ блѣдно-бураковой краской, стержни перьевъ черные, блѣдно-желтые и коричневые; ободки глазковъ на перьяхъ исполнены чернымъ, внутренность желтенькая, зрачекъ черненькій съ бѣленькой точкой. Головки павлина описать нельзя, потому что она до такой степени поблѣднѣла, что совершенно сошла съ фона. Высота павлина 0,36 м. при длинѣ 0,58. Съ правой стороны изображена пава, у которой тоже головка не сохранилась, равно плохо сохранилась и гирлянда; шея слегка вытянута въ наклонномъ видѣ вправо; контуръ шеи, грудки и туловища исполненъ черной краской съ оттѣнками въ размывку коричневой краской; фонъ шеи, грудки и всего туловища исполненъ грязнозеленой краской съ черными ковычками снизу вверхъ, какъ и въ рисункѣ павлина; фонъ крыла исполненъ желтымъ (охра); контуръ крыла исполненъ красной муміей, начиная отъ шеи оттѣненъ коричневымъ; чешуйки всѣхъ перьевъ обработаны той же муміей, какъ и въ предыдущемъ; икры нарисованы, какъ и тамъ: контуръ чернаго цвѣта, фонъ коричневый, а чешуйки перьевъ исполнены черными ковычками; ножки красныя, слегка поджатыя; фонъ хвоста блѣдно-бураковаго цвѣта; стержни перьевъ написаны черной, желтой и коричневой краской съ пятнышками въ видѣ ковычекъ сѣраго и бѣлаго цвѣтовъ, напоминающихъ рябоватость перьевъ; хвостъ изображенъ прямымъ, опущеннымъ внизъ. Точно такой остатокъ хвоста виденъ и на композиціи росписи правой стѣны, который г. Печенкинымъ былъ принятъ за змія (дракона), и будетъ описанъ ниже. Простота красокъ и техника росписи напоминаютъ изображенія павлиновъ въ склепѣ, открытомъ Р. Х. Леперомъ въ 1909 г., и въ склепѣ, случайно открытомъ работами подрядчика И. С. Лукина.

Вверху ниши, надъ концами крыльевъ павлина и павы, приблизительно на срединѣ между потолкомъ и птицами, изображены цвѣточки, по одному цвѣтку, съ такими же тычинками.

На правой стѣнѣ задней ниши видны черточки и пятна, черные, сѣрые и красные. Здѣсь могли быть изображенія птицъ (голубковъ), которыя встрѣчались въ Херсонесѣ и въ другихъ склепахъ.

Внутри лѣвой ниши, внизу, надъ самымъ ея поломъ, равно какъ и въ углахъ ея, видны красныя полосы, идущія вверхъ; онѣ также видны и подъ потолкомъ и на лѣвой внутренней продольной стѣнѣ ниши. Хотя штукатурка хорошо сохранилась, но никакихъ слѣдовъ росписи не замѣтно; по всей вѣроятно-

сти, здѣсь ея вовсе и не существовало. На поперечной боковой стѣнѣ, ближе къ задней, сохранились пятна и черточки краски, которыя говорятъ, что здѣсь была роспись; можно думать, что здѣсь была изображена также птица.

Тутъ же, на боковой стѣнѣ, на высотѣ отъ пола 0,26 м., сохранилась красная полоса обрамленія, и все пространство образуетъ собой прямоугольникъ, обведенный красной рамой. Въ срединѣ этого прямоугольника, на бѣломъ фонѣ, сохранились остатки роскошнаго вѣнка, признаннаго г. Печенкинымъ за орнаментъ, отъ котораго осталась только правая сторона: по блѣдно-коричневому фону родъ узкихъ листьевъ, направленныхъ кверху, изъ которыхъ боковые написаны блѣдно-желтыми полосками, къ срединѣ темно-коричневыми, темно-красными и между ними черными. По всему вѣнку изображены, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, чернымъ контуромъ ягодки съ сѣрыми бликами, а между ними цвѣточки, въ видѣ лепестковъ изъ восьми бѣлыхъ точечекъ, съ точкою посрединѣ, очевидно, въ подражаніе какому-то полевому цвѣтку, а ниже, справа, хорошо сохранились двѣ ягоды съ стеблями, написанныя красной муміей съ срединой желтой; ниже оттѣненіе вродѣ листиковъ сдѣлано черными и зелеными полосками; въ верхней части вѣнка изображены листья,—черный контуръ, средина зеленая, а выше видны красныя полоски съ красными пятнами; очевидно, это остатки какого-либо цвѣтка или букета. Аналогичный рисунокъ вѣнка былъ уже замѣченъ въ т. н. Уваровскомъ склепѣ (раск. 1853 г.) и указанъ г. Ростовцевымъ, съ той разницей, что онъ находился на боковой стѣнѣ ниши.

Дальнѣйшіе слѣды росписи на этой стѣнѣ возстановить нѣтъ возможности.

Перехожу къ росписи правой боковой стѣны, служившей камнемъ преткновенія при разъясненіи ея композиціи.

По всей длинѣ, на высотѣ отъ пола 0,31—0,34 м., сохранилась такая-же красная полоса, идущая вверхъ, замѣтная въ правомъ углу у заплечика, а также и параллельно идущая подъ потолкомъ; слѣды ея хорошо видны и сейчасъ. Является немного страннымъ, что г. Печенкинъ ровно ничего не говоритъ объ этихъ красныхъ полосахъ, а на приложенной къ статьѣ таблицѣ 1-й въ краскахъ видны только части нижней полосы. Въ лѣвой части стѣны, на высотѣ 0,80 м. отъ красной нижней полосы, изображено растеніе на подобіе деревца, причемъ въ верхней его части можно различить вѣточки, листья и ягоды,—все исполнено чернымъ, причемъ ягодки сѣроватыя. Далѣе, на

высотѣ 0,15 м., отъ нижней красной полосы, проведена коричневато-красная волнистая полоса, изображающая горизонтъ земли, а правѣе дерева хорошо замѣтна фигура женщины, обращенная лицомъ къ зрителю. Она въ двухъ туникахъ, нижней длинной и верхней короткой, немного выше колѣнъ, съ рукавами до локтей, причемъ вся фигура написана красной муміей; нижнее платье написано по блѣдно-коричневатому фону съ бѣлыми проблесками, съ желтыми оттѣнками; верхняя туника, по блѣдно-палевому фону съ блѣдно-коричневатыми оттѣнками. Обувь написана блѣдно-коричневой краской. Правая рука женщины слегка согнута у локтя и слегка опущена книзу и покоится ниже груди; сохранилась только часть фигуры, начиная отъ пояса внизъ, и часть туловища; замѣтны слѣды и верхней части фигуры, но нельзя разобрать деталей рисунка. Рядомъ, правѣе, фигура мужчины, обращенная влѣво; ноги также повернуты влѣво. Мужчина въ короткой туникѣ, съ короткими рукавами до локтей, гдѣ рукава слегка подвернуты; вся фигура написана красной муміей; ноги до голени написаны желтымъ (охра) фономъ, ремни обуви (сандаліи), раздѣланы красными полосками; на голени ремни идутъ горизонтально, а на ступнѣ наклонно: туника написана блѣдно-палевымъ цвѣтомъ съ коричневыми оттѣнками складокъ, причемъ правый край туники снизу оттѣненъ черной полоской съ чернымъ сердцеобразнымъ украшеніемъ въ срединѣ. На рисункѣ хорошо, безъ всякаго затрудненія, можно замѣтить обѣ руки, слегка вытянутыя влѣво впередъ, причемъ кисть правой руки, на которой хорошо замѣтны всѣ пять пальцевъ, касаются локтя лѣвой руки. Тѣло мужчины исполнено смѣсью красной муміи съ бѣлымъ, съ коричневыми оттѣнками, что придаетъ изображенію живость: тѣ же самые цвѣта оголенной руки замѣчаются и на женской фигурѣ. Судя по складкамъ туники, какъ на мужской, такъ и на женской фигурахъ, можно предположить, что онѣ были опоясаны. Ниже мужской фигуры видна извилистая красно-коричневая полоса, что опять-таки напоминаетъ горизонтъ земли. Судя по складу всей фигуры женщины, можно предположить, что она держала что-либо въ своихъ рукахъ, а мужчина, какъ видно, указываетъ ей какой-то путь или предметъ; лѣвѣе его, ниже и выше, видны разныя неровности, изображающія гористую мѣстность, и пятна чернаго и коричневаго цвѣта.

Въ правомъ углу передней стѣны изображенъ тростникъ, исполненный черными линіями. Г. Печенкинъ въ своемъ опи-

саніи не различилъ подробностей изображенія и принялъ тростникъ за дерево, а столѣтнюю плѣсень за зеленую краску, которую художница г-жа Ступина изобразила на его рисункѣ.

Приблизительно въ средней части стѣны, ближе къ правой сторонѣ угла передней стѣны, изображенъ городъ съ воротами и многими башнями.

Городъ изображенъ схематически и напоминаетъ средневѣковыя изображенія городовъ, каковыя можно видѣть на картахъ.

Фонъ города написанъ желтой охрой, всѣ линіи башенъ и ряды камней исполнены красной муміей; дальній планъ задней стѣны оттѣненъ черной краской, внутренность воротъ съ правой стороны, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ, была оттѣнена черной тѣнью.

Вверху изображенія города, съ лѣвой стороны, находятся остатки зеленыхъ листковъ, гдѣ могъ быть вѣночекъ или что-либо въ этомъ родѣ.

У меня сохранилась калька съ этого изображенія, сдѣланная 19 лѣтъ тому назадъ. Рисунокъ города, въ тогдашней степени сохранности изображенія, помѣщенъ въ Извѣст. Импер. Археолог. Коммиссіи, въ вып. 21-мъ, на стр. 161, рис. 29. Рисунокъ же ея, помѣщенный въ статьѣ, г. Печенкина въ вып. 48-мъ, Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., на стр. 148-й, табл. 1, хотя сдѣланый схематически въ краскахъ, но мало походитъ на дѣйствительность.

Площадь стѣны, занимаемая фреской, 3,78 кв. метр. Площадь изображенія крѣпости 0,19 кв. метр., что составляетъ почти $^1/_{20}$ площади всей стѣны.

Теперь перехожу къ самой невыясненной части композиціи.

Внизу города, съ правой стороны, ближе къ переднему углу, уцѣлѣли остатки пальметъ, написанныхъ красными полосками по желтому фону; разстояніе отъ первой пальметки до второй 0,38 м., тутъ же видно, при первой пальметкѣ, изображеніе черной пальметки по сѣрому фону; повидимому, здѣсь было изображено какое-нибудь причудливое растеніе, вѣтки котораго были почти параллельными землѣ. Ниже этихъ пальметъ хорошо сохранились остатки павлиньяго хвоста, исполненнаго по блѣдно-бураковому фону; стержни перьевъ, которыя слегка дугообразны къ землѣ, красные; перья раздѣланы ковычками, снизу вверхъ, краснымъ и коричневымъ. Техника изображенія павлина аналогична съ изображеніемъ въ Уваровскомъ склепѣ. (Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 25, стр. 169). Кстати слѣдуетъ замѣтить и здѣсь, что на цвѣтной табл. 1-й у г-на Печенкина

неопытная художница также изобразила зеленую полосу, т. е. столѣтнюю плѣсень, покрывавшую фреску, которую во время изслѣдованія этой фрески было очень легко смыть водой, и тогда не оказалось бы на указанномъ рисункѣ изображенія, напоминающаго спину змія—дракона.

31-го августа 1912 года я посѣтилъ описываемый склепъ съ профессоромъ М. И. Ростовцевымъ. Послѣ тщательнаго осмотра и по очисткѣ пыли и плѣсени, находившейся надъ мнимымъ дракономъ, вполнѣ подтвердилось мнѣніе М. И. Ростовцева, что здѣсь долженъ былъ быть хвостъ павлина, а не драконъ, о которомъ говоритъ г. Печенкинъ.

Не могу не замѣтить, что г. Печенкинымъ ошибочно указана иконографическая композиція рисунка. Онъ говоритъ: „кажется, что передъ нами иконографическая композиція, быть можетъ послѣднее чудо св. Ѳеодора Тирона (или Стратилата). Фреска даетъ только одинъ моментъ: здѣсь виденъ св. Ѳеодоръ, правѣе его стоитъ его мать. Въ лѣвой рукѣ святого, быть можетъ, опущенный мечъ. Далѣе градъ, а подъ нимъ пораженный змій—драконъ“.

Изъ сказаннаго выше о положеніи рукъ мужской фигуры ясно, что никакого меча въ рукахъ мужчины быть не могло, и городъ, по моему мнѣнію, не что иное, какъ крѣпость Херсонесъ, символъ стѣностроителя или крѣпостного начальника, погребеннаго согласно съ мнѣніемъ глубокоуважаемаго А. Л. Бертье-Делагарда, въ своемъ фамильномъ склепѣ. „Змій—драконъ“, какъ выше сказано, это не что иное, какъ хвостъ павлина.

Нахожу целѣсообразнымъ, со своей стороны, еще сдѣлать поправку относительно крѣпостной ограды. Г. Печенкинъ говоритъ: „Позволяемъ себѣ внести еще одну фактическую поправку относительно мѣста расположенія склепа. Александръ Львовичъ пишетъ: Воротъ показано двое. По нѣкоторымъ мелочнымъ чертамъ и потому, какъ представляется городъ отъ склепа, можно сказать, что переднія ворота рисунка изображаютъ ворота С, а заднія ворота главныя Д, со стороны въѣзда отъ порта.[1]) Здѣсь ясно, что Александръ Львовичъ былъ введенъ въ заблужденіе и относительно мѣста расположенія склепа. Очевидно, ему было сообщено, что склепъ былъ расположенъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ это оказалось въ дѣйствительности, такъ какъ съ мѣста склепа предполагаемыя ворота С, находясь въ створѣ башни V, не могли быть видны, а ворота

[1]) См. планъ, приложенный къ 21-му вып., Извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи.

Д, расположенныя въ складкѣ мѣстности, не могли быть видны и подавно".

Относительно мѣста расположенія склепа мною были даны точныя свѣдѣнія, и даже румбовыя уклоненія, а также и его относительное мѣстоположеніе къ оборонительнымъ стѣнамъ самаго города. Что же касается воротъ С, находящихся въ створѣ башни V, которыя не могли быть видны, то эта ворота, изображенныя схиматически на рисункѣ крѣпости, для рисовальщика не играли никакой роли, и слѣдовательно требовать отъ такого рисунка точности мы не имѣемъ никакого основанія. Принято и въ настоящее время такъ рисовать, чтобы задніе предметы поднимались выше переднихъ, чтобы дать возможность видѣть все ясно, почему и рисовальщикъ крѣпости поднялъ ворота Д выше воротъ С. Мы позволяемъ себѣ, на основаніи хорошо узученной топографіи мѣстности и периферіи оборонительныхъ стѣнъ Херсонеса, предложить свое соображеніе—видѣть въ изображенномъ рисункѣ видъ крѣпости со стороны въѣзда отъ порта, т. е. ворота Д, какъ главныя ворота, рисовальщикъ считалъ за С, а ворота С считалъ за ворота Д, какъ главныя ворота со стороны суши. Нашему мнѣнію не можетъ противорѣчить складка мѣстности, а также возвышенная юго-западная часть города. Но и такое мнѣніе врядъ-ли можетъ быть пріемлемо, сообразуясь съ общимъ планомъ города и расположенія самыхъ воротъ. Затѣмъ возражать на высоко авторитетныя соображенія А. Л. Бертье-Делагарда мы себѣ не позволяемъ.

На передней стѣнѣ склепа также можно замѣтить остатки росписи. Въ правомъ углу, какъ я уже упоминалъ выше, написано растеніе, какъ-бы тростникъ; ниже, надъ поломъ, сохранилась красная полоса, доходящая до входныхъ ступенекъ, а выше ея проведена красная полоса, оттѣненная коричневымъ, какъ-бы представляющая горизонтъ земли. На высотѣ 0,12 м. отъ кромки каймы и на разстояніи 0,38 м. отъ ступеньки хорошо сохранились ноги до голеней отъ фигуры, идушей налѣво. Контуръ рисунка ногъ сдѣланъ красной мумiей, фонъ желтый, ноги въ ажурной обуви съ черными полосками, т. е. въ котурнахъ. Указанная обувь, встрѣчается на памятникахъ Херсонеса, относимыхъ къ IV вѣку. Справа и слѣва отъ ногъ видны остатки пятенъ и черточекъ, которыя могли представлять родъ какихъ-либо растеній. Слѣва у входа и ближе къ ступенькамъ также замѣтны на стѣнѣ остатки красной полосы, и видны черныя обводныя полосы по сѣрому фону, что, можно думать,

представляло родъ какихъ-либо деревцовъ; имѣются еще кой-какія пятна отъ бывшей живописи, но разобрать ихъ невозможно, потому что штукатурка обвалилась, когда прокладывалась новая, нынѣшняя передняя стѣна. Объ этихъ остаткахъ фресковой росписи г. Печенкинъ ничего не говоритъ.

Перехожу къ незначительнымъ остаткамъ потолочной росписи. Надъ правымъ заднимъ угломъ замѣтны остатки красной полосы, которая, какъ рама, обрамляла весь верхъ потолка, и здѣсь же, въ углу, замѣтно сѣрое пятно, на которомъ можно разглядѣть остатки лавровой гирлянды. Я позволю себѣ предположить здѣсь аналогію съ росписью потолка въ описанномъ подробно склепѣ 1909 года, открытомъ г. Леперомъ, что находится подъ протехизмой, справа отъ вновь открытой калитки.

20 октября 1912 г., съ любезнаго разрѣшенія завѣдывавшаго раскопками въ Херсонесѣ Р. Х. Лепера, мнѣ были даны двое рабочихъ, которые съ особой энергіей приступили къ расчисткѣ мусора и камней, начиная съ лѣваго угла склепа, а равно и натека земли, покрывавшаго его подошву. Натекъ въ средней части склепа былъ особенно крѣпокъ, но къ вечеру намъ удалось окончательно очистить склепъ отъ пыли и земли. Въ результатѣ выяснилось слѣдующее. Начиная отъ передней стѣны, вдоль лѣвой и правой и по направленію къ задней стѣнѣ, открылось углубленіе на 0,22—0,26 м.; вдоль стѣнъ оставлено возвышеніе на одну ступень, т. е. вродѣ бережковъ. Послѣ расчистки средней части ниши въ задней стѣнѣ получилось нѣчто вродѣ церковнаго алтаря съ выступами въ видѣ полустѣнъ (алтарная преграда); съ лѣвой стороны сохранилась часть стѣночки, шедшей отъ лѣваго угла задней стѣны на 0,75 м., высотою 0,88 м., толщиною 0,31 м., а съ правой—отъ праваго задняго угла на 0,87 м., высотою 0,62 м., т. е. на 0,26 м. и при толщинѣ 0,26 м.; верхняя часть разрушена; средній проходъ между стѣночками (алтарный) могъ быть въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ это встрѣчается въ пещерныхъ храмикахъ, шириною 0,58 м.; въ средней стѣнѣ приблизительно въ средней части, оставленъ выступъ, трапеціевидный въ планѣ (престолъ), шириною 0,62—0,40 м., при длинѣ 0,27 м. и при высотѣ 0,57 м.; съ лѣвой стѣны, начиная отъ алтарной преграды до престола, вдоль всей стѣны оставлена серпообразная ступенька на высотѣ 0,32 м. Въ правомъ заплечикѣ задней стѣны, на высотѣ отъ древняго пола 1,15 м., имѣется выемочка, служившая, какъ и въ пещерныхъ храмахъ, для деревяннаго бруска; она прямоу-

гольной формы, шириною 0,08 м. и глубиною 0,08 м., т. е. на длину всего записчика; таковая вырубка, вѣроятно, была и на лѣвой сторонѣ заплечика, но, къ сожалѣнію, начиная отъ верхней части, разрушена. Внутренняя ширина алтаря 2,04 при глубинѣ 1,24 и высотѣ 1,82 м., а по углубленіи пола 1,92 м.; такая высота позволяла человѣку свободно стоять во весь ростъ.

Принимая во вниманіе все здѣсь описанное, позволяю себѣ съ увѣренностью сказать, что въ болѣе позднюю эпоху склепъ былъ обращенъ въ церковку. Замѣтимъ, что склепъ оріентированъ отъ N къ оси на 70°; съ такимъ точно оріентированіемъ имѣется въ Херсонесѣ крестовидный загородный храмъ, что у монастырскихъ огородовъ. Съ такимъ-же отклоненіемъ открытъ пещерный храмъ въ Георгіевскомъ монастырѣ.[1])

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что описываемый склепъ былъ дѣйствительно церковкою.

Въ заключеніе позволяю себѣ сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія по поводу статьи г. Печенкина, въ Изв. Тавр. Учен. Арх. Комм., на стр. 146, вып. 48, гдѣ сказано: „и въ этой стѣнѣ была подобная первой ниша лежанка, которую разрушили грабители, разыскивая погребенія“. Ниша не была замурована, блестящая штукатурка ея уцѣлѣла до сихъ поръ въ верхней части; что же касается грабителей, то и это неправильно, потому что нишу розыскивать не приходилось: вмѣсто предполагаемой г. Печенкинымъ ниши здѣсь христіанами былъ устроенъ алтарь.

Г-нъ Печенкинъ говоритъ: „Осенью 1908 года, во время археологическихъ розыснаній въ окрестностяхъ Севастополя, нами былъ *найденъ* описываемый Александромъ Львовичемъ склепъ“. Но таковой склепъ не приходилось разыскивать, потому что его мѣстоположеніе знаетъ всякій мѣстный мальчикъ, которыхъ тамъ всегда можно встрѣтить и которые являются главными разрушителями штукатурки, а не грабительскіе проломы. Далѣе г. Печенкинъ на той-же страницѣ пишетъ: „Интересно, что склепъ не только не погибъ, не только не уничтожекъ ломкой камня въ 1898 году, какъ говоритъ А. Л. Бертье-Делагардъ, но съ этого времени, въ теченіе почти десяти лѣтъ, былъ запертъ на ключъ. Придавая склепу значеніе, владѣлецъ его г. Туръ сдѣлалъ каменную облицовку у входа, придѣлалъ

---

[1]) См. А. Л. Бертье-Делагардъ. „Къ исторіи христіанства въ Крыму“. „Зап. Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, XXVIII томъ, отд. отт. стр. 55—56; А. И. Маркевичъ. „Вновь открытый пещерный храмъ въ Георгіевскомъ, Балаклавскомъ монастырѣ“, Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., № 43, стр. 102—104.

дверь и заперъ ее на замокъ. Лѣтъ пять назадъ, дверь кто-то выломалъ, склепъ при нашемъ посѣщеніи былъ загроможденъ всякими отбросами, но въ общемъ если и пострадалъ, то, видимо, немного".

Въ этихъ словахъ недоразумѣніе. Въ 1898 году, дѣйствительно, говорили, что въ нашемъ склепѣ происходили работы по его разборкѣ, но на самомъ дѣлѣ его не ломали, а производили нѣкоторую подчистку развалившихся частей, чтобы устроить двери, для сохраненія склепа.

Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности приложить здѣсь сдѣланныхъ мною чертежей и рисунковъ, значительная часть которыхъ помѣщена въ упомянутомъ трудѣ проф. Ростовцева. Но думаю, что и безъ нихъ въ моей замѣткѣ дается ясная картина интереснаго склепа близъ Херсонеса, и исправляются промахи и неточности въ статьяхъ г. Печенкина. Замѣтка эта появляется въ свѣтъ съ значительнымъ опозданіемъ, но по независѣвшимъ отъ меня причинамъ.

М. Скубетовъ.

Докладъ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой по вступленіи Ея на Престолъ, изображающій систему Крымскихъ Татаръ, ихъ опасность для Россіи и претензію на нихъ.

О Малой Татаріи.

Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Крымскаго двора, карт. 204, дѣло № 4. 1762 годъ, Іюль.

Подъ симъ именемъ вообще разумѣются Крымская и другія орды, жительствующія у Чернаго моря, на Кубанѣ и между рѣками Дономъ, Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, кои всѣ находятся подъ владѣніемъ хана крымскаго. О числѣ ихъ съ точностію сказать не можно. Сіе однако-жъ извѣстно, что ханъ крымской можетъ въ полѣ поставить до семидесяти тысячъ человѣкъ конницы, изъ которой единственно составляется его войско.

Владѣніе ихъ соединяется съ южными Россійскими границами, такожъ съ жилищами Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ. Сосѣдство ихъ для Россіи несравнительно вредительнѣе, нежели Порты Оттоманской. Они весьма склонны къ хищенію и злодѣйствамъ, искусны въ скорыхъ и внезапныхъ воинскихъ воспріятіяхъ, а до послѣдней съ Турками войны приключали Россіи чувствительный вредъ и обиды частыми набѣгами, плѣненіемъ многихъ тысячъ жителей, отгономъ скота и грабежемъ имѣнія изъ областей Россійскихъ, изъ которыхъ многія въ конецъ разорены и опустошены были. Въ семъ состоитъ главнѣйшій промыслъ и добыча сихъ дикихъ и степныхъ народовъ.

Россія принуждена для обороны и безопасности своей содержать противъ нихъ линіи съ знатнымъ числомъ войска и пребывать и посреди миру равно какъ бы во время войны во всякой осторожности, тѣмъ болѣе, что на добрую вѣру ихъ — отнюдь полагаться не можно.

А какъ Запорожскіе казаки и другіе пограничные команды равномѣрно къ самовольствамъ склонны, то случаются между

ими частыя ссоры и безпорядки, которыя доводятъ здѣшней дворъ до многихъ непріятныхъ дѣлъ и хлопотъ, а иногда и до крайности съ Портою Оттоманскою.

Россія потому главнѣйше стараться должна, чтобъ отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ неудобствъ избавиться и привесть себя въ томъ краю въ совершенную безопасность. Полуостровъ Крымъ мѣстоположеніемъ своимъ столько важенъ, что дѣйствительно можетъ почитаться ключемъ Россійскихъ и Турецкихъ владѣній; доколѣ онъ останется въ Турецкомъ подданствѣ, то всегда страшенъ будетъ для Россіи, а напротиву того, когда бы находился подъ Россійскою Державою, или бы ни отъ кого зависимъ не былъ, то не токмо безопасность Россіи надѣжно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море подъ ея властію, а подъ страхомъ ближнія восточныя и южныя страны, изъ которыхъ неминуемо имѣла бы она между прочимъ привлечь къ себѣ всю коммерцію.

Ханъ крымской почитается въ своихъ владѣніяхъ хотя и самодержавнымъ государемъ, однакожъ состоитъ подъ протекціею Порты Оттоманской и отъ нея много зависитъ, почему и случающіяся съ подданными ево здѣшнія дѣла производятся иногда съ нимъ безпосредственно, а болѣе при Портѣ Оттоманской чрезъ здѣшнихъ резидентовъ, при чемъ обрѣтающійся тамъ агентъ хана крымскаго турецкими министрами въ совѣтъ призывается. Между прочими обращающимися нынѣ пограничными дѣлами одно въ томъ состоитъ, что ханъ крымской, оказывая себя во всѣхъ случаяхъ къ Россіи злонамѣреннымъ, поселилъ вдоль по рѣкѣ Днѣпру подлинно въ границахъ своего владѣнія, но въ крайней близости и противу самыхъ жилищъ запорожскихъ десять тысячъ человѣкъ аульныхъ татаръ и тѣмъ не только запорожскимъ казакамъ препятствіе учинилъ въ рыбныхъ и звѣриныхъ ловляхъ по рѣкѣ Бердѣ и Конскихъ водъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обоимъ подданнымъ по силѣ мирныхъ трактатовъ промыслы производить позволено, но еще такимъ селеніемъ доставляетъ себѣ удобность учинить владѣніе на новую Сербію и другія близь лежащія области Россійскаго государства. Симъ еще не довольствуяся, хотѣлъ было онъ число означенныхъ татаръ умножить до пятидесяти тысячъ человѣкъ; но какъ на сей поступокъ Россійскому двору спокойно взирать было неможно, то по многимъ сильнымъ и долговремяннымъ представленіямъ Ея (sic) и требованіямъ какъ у хана крымскаго, такъ и при Портѣ Оттоманской объ отводѣ тѣхъ татаръ на иное мѣсто отъ рѣки Днѣпра сіе дѣло наконецъ до того до-

ведено, что Порта запретила хану крымскому число упомянутыхъ поселянъ умножить, а вовсе ихъ отъ Днѣпра отлучить по навѣтамъ и наущенію ханскому и понынѣ уклоняется. Между тѣмъ назначила нарочныхъ комисаровъ, дабы обще съ здѣшними освидѣтельствовать, дѣйствительно-ли нынѣшнее жилище тѣхъ татаръ по ближнему сосѣдству безпокойно и предосудительно для запорожскихъ казаковъ, а опасно для границъ здѣшнихъ. Но ханъ, можетъ быть, признавъ неправость свою, уклонился совсѣмъ послать отъ себя для того осмотра границъ и жилищъ запорожскихъ казаковъ нарочныхъ людей, почему дѣло сіе понынѣ оставлено въ нерѣшенности.

Здѣшнему двору крайне нужно и полезно содержать при ханѣ ауторизованнаго отсюда человѣка, которой бы могъ за поступками и другими обращеніями примѣчать и объ оныхъ сюда вѣрно доносить, такъ и вообще торгъ здѣшней и купечество защищать и къ разпространенію онаго примышлять способы, а по случающимся отъ татаръ на границахъ здѣшнимъ подданнымъ обидамъ дѣлать могъ представленіи и по онымъ требовать удовольствія.

О семъ учрежденіи консуля здѣшней дворъ домогался въ разныя времена какъ у хановъ крымскихъ, такъ и у Порты Оттоманской, но безъ всякаго дѣйствія. Однако жъ, не взирая на всѣ произходимыя въ томъ затрудненіи, Россійской дворъ при оказующихся удобныхъ случаяхъ прилагаетъ прилежное стараніе всякими возможными способами такое учрежденіе консуля отъ Порты исходатайствовать.

Кромѣ вышеписанныхъ дѣлъ имѣются еще и другія съ ханомъ крымскимъ; но здѣсь теперь не упоминается по маловажности своей.

Россійской дворъ имѣетъ на ханахъ крымскихъ многіи претенсіи въ пріемѣ перебѣщиковъ россійскихъ подданныхъ, которыхъ ханы, а особливо содержащихъ магометанскую вѣру выдать уклоняются въ противность мирнымъ трактатамъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Россія индѣ дѣлами упражднена, надлежитъ опасаться отъ хана крымскаго:

1) Чтобъ не учинилъ впаденіе въ Россійскіе пограничныя области иногда и безъ вѣдома Порты Оттоманской, по наущенію недружескихъ съ Россіею державъ, будучи ко всякимъ смѣлымъ и отважнымъ возпріятіямъ готовый государь.

2) Чтобъ по извѣстной ненависти его противу Россіи, а паче, по случаю произшедшихъ нынѣ о крѣпости Святаго Димитрія споровъ, пограничными дѣлами и другими навѣтами не

довелъ Россію до ссоры и разрыва съ турецкимъ дворомъ и не доставилъ бы съ сей стороны упражненія и

3) Чтобъ сильною рукою не покорилъ подъ свою власть кабардинцовъ, которыя по трактату съ Портою имѣютъ пребывать вольнымъ народомъ и служить баріерею между обѣими державами и за которыхъ Россія вступиться обязана для собственныхъ интересовъ своихъ.

Потомъ здѣшней дворъ, желая упредить все то, что можетъ служить поводомъ къ ссорѣ и непріятностямъ съ Портою, хана крымскаго во всѣхъ дѣлахъ по возможности менажировать и случающіяся турецкія и татарскія иски, претензіи и споры съ здѣшними подданными стараться сокращать опредѣляемыми отъ времяни до времяни съ обѣихъ сторонъ комисарами на общемъ съѣздѣ, которой потому съ обѣихъ сторонъ учрежденъ повсягодно весною для изслѣдованія и рѣшенія обостороннихъ жалобъ, чрезъ что нѣкоторымъ образомъ отъемлется хану крымскому способъ вредить здѣшнему двору и при Портѣ Оттоманской, а въ лутчую отъ всякихъ опасныхъ случаевъ предосторожность поручены генералу губернатору кіевскому Глѣбову въ тамошнія пограничныя дѣла въ вѣдомство, съ тѣмъ, чтобъ онъ противу чинимыхъ татарскихъ наглостей принималъ на мѣстѣ пристойныя мѣры и резолюціи и случающіяся между здѣшними и турецкими подданными на границахъ своевольства и безпорядки по крайней возможности сокращалъ бы, стараясь во всемъ тамошнемъ краю сохранить тишину и спокойствіе.

Сообщилъ А. Сергѣевъ.

Письмо Г. П. Данилевскаго архіепископу Иннокентію.

Членъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи П. В. Никольскій представилъ въ ея распоряженіе сохранившееся въ его семьѣ, родственной архіепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентію, письмо къ послѣднему извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго. Письмо это написано въ 1855 году, когда слова знаменитаго витіи волновали и восхищали всю Россію. Содержаніе письма состоитъ въ просьбѣ Г. П. Данилевскаго прислать ему матеріалы, касающіеся жизни и твореній извѣстнаго малорусскаго философа Г. С. Сковороды. Данилевскій зналъ, что оставшіяся послѣ смерти Сковороды рукописныя его сочиненія и письма, находились у помѣщика Харьковской губ. П. А. Ковалевскаго, въ имѣніи отца котораго, Ивановкѣ, проживалъ передъ смертью и скончался Сковорода, и который передалъ ихъ архіепископу Иннокентію. Иннокентій, исполнилъ просьбу Данилевскаго и переслалъ ему всѣ имѣвшіяся у него рукописи Сковороды, о чемъ Данилевскій упоминаетъ въ своей статьѣ о Сковородѣ, вышедшей въ свѣтъ 1865 году и помѣщенной въ собраніи его сочиненій. **Ред.**

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Видя каждый день Вашъ (?), становящійся достояніемъ исторіи, слѣдя Ваши слѣды въ первожертвенной Одессѣ и близь равнинъ Альмскихъ, слыша голосъ Вашъ вездѣ, гдѣ кипитъ борьба за Русь, за ея славу и будущность, осмѣлюсь ли я, младшій между писателями родины нашей, занять Вашъ слухъ словами мирной бесѣды о наукѣ, о судьбахъ небранной, кроткой словесности нашей? Наша наука и поэзія никогда не чуждались воинственнаго шатра; бояны шли въ битву передъ древними князьями нашими, Жуковскій пѣлъ въ станѣ воиновъ современныхъ; Су(во)ровъ писалъ стихами рапорты о побѣдахъ.

Простите же меня, Ваше Высокопреосвященство, если я, неизвѣстный Вамъ, рѣшаюсь подъ краткимъ затишьемъ одесской зимы, занять Вашъ рѣдкій досугъ просьбами ненужной Вамъ литературы.

Работая надъ бытомъ и исторіею Малороссіи и по преимуществу Слободско-Украинской ея части, я издалъ въ здѣшнихъ журналахъ и отдѣльно нѣсколько книгъ: *„Степныя сказки“*, *„Слобожане“* и теперь *„Біографію Основьяненка“*, которую имѣю честь представить Вамъ при этомъ. Квитка не чуждъ Вамъ и Вашему недавнему времени въ Харьковѣ. Харьковъ же моя родина; въ пятидесяти верстахъ отъ него, въ деревушкѣ Зміевскаго уѣзда, я родился и провелъ дѣтство. Теперь, кончивъ курсъ въ Петербургѣ въ университетѣ, я четыре года, по выходѣ оттуда, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Авраамѣ Сергѣевичѣ Норовѣ, а нынѣ состою тѣмъ же при князѣ П. А. Вяземскомъ, какъ при Товарищѣ Министра. Мои литературныя заботы (sic), подъ счастливыми днями юности, разростаются шире и шире. Едва кончивъ работу о Квиткѣ, я теперь вотъ уже годъ работаю надъ *Сковородой,* и о немъ-то моя горячая, неотступная просьба.

По плану моему я собралъ черты для обрисовки общества харьковско - кіевскаго, среди котораго Сковорода въ концѣ прошлаго вѣка. Собралъ о немъ все по..[1]), до послѣдней строки (главное изъ этого я поименовалъ въ статьѣ о Квиткѣ); наконецъ собралъ въ Публичной Библіотекѣ здѣсь то, что напечатано изъ его книгъ, и временъ Павла, когда вышла въ 1798 г. его первая книга *„Библіотека духовная“* до 4-хъ книгъ, изданныхъ въ Москвѣ, въ 1837 г. Человѣколюбивымъ Обществомъ: *Убогій жайворонокъ, Дружескій разговоръ. о мирѣ, Бесѣда двое* и *Басни Харьковскія.* Вотъ все, что я могъ лично о немъ собрать, больше ничего у меня нѣтъ. А этаго мало и очень мало. Планъ моей статьи такой: I. Общество украинское при появленіи Сковороды. Закрытіе Сѣчи и Гаркуша, каравшій насильствами зло, которое каралъ за нимъ Сковорода словомъ. II. Сковорода въ Кіевѣ, за границей и въ Харьковѣ. III. Его странствованія, анекдоты и переписка. Перепечта (sic) въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ напечатанныхъ и разданныхъ (?) изданіяхъ его писемъ. IV Перечень его сочиненій, съ краткими выписками изъ нихъ.—При этомъ: снимокъ его портрета и видъ его могилы въ Ивановкѣ.—Вотъ все, что у меня теперь

[1]) Конецъ строки оторванъ.

подъ рукой и что пройдетъ сквозь цензуру. Разбора его сочиненій и духа его ученія я не касаюсь.

Теперь я всепокорнѣйше умоляю Ваше Высокопреосвященство о слѣдующемъ. Г-нъ Ковалевскій, передавшій Вамъ нѣсколько рукописей Сковороды, пишетъ мнѣ и предлагаетъ обратиться къ Вамъ касательно рукописей. Я Васъ прошу только: I. *Прислать мнѣ подробный перечень рукописей его,* изданныхъ и неизданныхъ, съ примѣчаніемъ, какого вида онѣ, когда писаны (годъ и число) и во сколько страницъ; II. *Перечень его писемъ,* съ означеніемъ къ кому писаны и когда (годъ, число и мѣсто);—если же можно, *то изъ рукописей сдѣлать по коротенькому отрывку,* а *письма въ копіи вполнѣ прислать;* и наконецъ, III. Если изволите знать о немъ *что-нибудь изъ его жизни,* или имѣете вообще какую-нибудь *неизданную записку* о немъ,—прошу Васъ во имя науки прислать мнѣ. Если это будетъ подлинникъ, я тотчасъ-же Вамъ возвращу, съ глубочайшею признательностію. Работа моя готова и я только отнынѣ буду ожидать благосклоннаго и просвѣщеннаго участія Вашего! —За тѣмъ, испрашивая Вашего благословенія и поручая себя молитвамъ Вашимъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, съ глубокимъ почтеніемъ,

имѣю честь быть Вашимъ
всепокорнѣйшимъ Григоріемъ Данилевскимъ.

29 декабря 1855 года,
С.-Петербургъ.

Адресъ: въ Министерство
Просвѣщенія.

Къ исторіи Второй Отечественной войны.

Матеріалы, касающіеся сдачи крѣпости Перемышль.

Копія.

Переводъ съ нѣмецкаго.

К. и К. Командующій арміей и комендантъ крѣпости Перемышль генералъ отъ инфантеріи Германъ Кусманекъ фонъ Бургнейштеттенъ. Опер. № 233/10.

Ваше Превосходительство.

Имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что, вслѣдствіе истощенія запасовъ продовольствія крѣпости, я вижу себя вынужденнымъ, въ соотвѣтствіи съ полученными мною свыше приказаніями, вступить съ Вашимъ Превосходительствомъ въ переговоры по поводу сдачи ввѣренной мнѣ крѣпости. Податели этого письма, а именно: полковникъ-бригадиръ Августъ Мартинекъ и подполковникъ Оттокаръ Хубертъ, оба генеральнаго штаба, уполномочены мною на веденіе относящихся до сего переговоровъ и получили мои указанія для сего.

Прошу Ваше Превосходительство принять выраженіе моего отличнѣйшаго уваженія.

Перемышль, 22 марта 1915 года.

Кусманекъ, Генералъ-отъ-инфантеріи.

Копія.

Переводъ съ нѣмецкаго.

К. и К. Командующій арміей и комендантъ крѣпости Перемышль, генералъ-отъ-инфантеріи Германъ Кусманекъ фонъ Бургнейштеттенъ.

Уполномочіе.

Господину К. и К. полковнику-бригадиру Августу Мартинекъ и Господину К. и К. подполковнику Оттокару Хубертъ,

обоимъ генеральнаго штаба, которые уполномочены вести и закончить переговоры съ командующимъ Императорской Россійской арміей, блокирующей Перемышль.

Оба эти офицера сопровождаются К. и К. оберъ-лейтенантомъ Александромъ Вагнеръ въ качествѣ переводчика, кромѣ того трубачемъ, проводникомъ и двумя шофферами.

Перемышль, 22 марта 1915 года.

Кусманекъ, Генералъ-отъ-инфантеріи.

Копія.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Инструкція. Для офицеровъ, уполномоченныхъ на заключеніе капитуляціи крѣпости Перемышль, а именно: для полковника-бригадира Августа Мартинекъ и подполковника Оттокара Хубертъ, обоихъ генеральнаго штаба. Въ переговорахъ слѣдуетъ стремиться къ выполненію слѣдующихъ условій.

1) Свободный выходъ изъ крѣпости гарнизона и подробности выполненія этого, или — если свободный выходъ не будетъ принятъ,—

2) Выходъ хоть бы части гарнизона съ воинскими почестями, т. е. съ музыкой и отданіемъ чести русскими войсками, сохраненіе оружія всѣмъ офицерамъ, кандидатамъ на офицерскій чинъ, военнымъ чиновникамъ и служащимъ при войскахъ на штатномъ содержаніи.

3) Способъ передачи крѣпости. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы только передовыя полевыя позиціи и форты группы Сѣдлиска были заняты немедленно, а остальныя части крѣпости только послѣ ухода всѣхъ нашихъ войскъ. Тольхо потребное для поддержанія порядка количество русскихъ войскъ желательно ранѣе того ввести въ крѣпость.

4) Порядокъ выхода нашихъ войскъ: обезпеченіе продовольствіемъ съ 24/11 марта, сохраненіе вещей офицеровъ, кандидатовъ на офицерскій чинъ, военныхъ чиновниковъ и передача этихъ вещей согласно правилъ Гаагской конвенціи, сохраненіе деньщиковъ для названныхъ лицъ.

5) Обезпеченіе участи находящихся въ крѣпости раненныхъ и больныхъ въ количествѣ около 20,000 человѣкъ и оставленіе ихъ въ тѣхъ же госпиталяхъ. Они поручаются рыцарской охранѣ Его Превосходительства Командующаго блокадной арміей.

Оставленіе врачей и санитарнаго персонала при госпиталяхъ, а также войсковыхъ врачей при своихъ частяхъ.

6) Свободный выходъ военныхъ чиновниковъ и инженеровъ, обязанныхъ службой въ ландштурмѣ; свободный выходъ находящихся въ крѣпости семей офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и нижнихъ чиновъ; поддержка ихъ; оставленіе ихъ имущества. Охрана ихъ и охрана жилищъ тѣхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ и унтеръ-офицеровъ, которые были расположены въ Перемышлѣ.

7) Снисходительное отношеніе къ жителямъ крѣпостного раіона, принимая во вниманіе ихъ доброе поведеніе во время осады; охрана ихъ имущества, неотвѣтственность за прежнія политическія убѣжденія. Неотвѣтственность и охрана всѣхъ государственныхъ, церковныхъ и общинныхъ чиновниковъ и органовъ, въ особенности также представителя общинъ, правительственнаго комиссара, ротмистра фонъ-Блажовскаго, несостоящаго на дѣйствительной службѣ. Довольствіе жителей, большинство которыхъ не имѣетъ средствъ для пропитанія.

8) Охрана всѣхъ церковныхъ, государственныхъ и общественныхъ предметовъ и учрежденій.

9) Оставленіе документовъ, дневниковъ, протоколовъ и т. п., могущихъ служить къ оправданію или относящихся къ осадѣ и еще не уничтоженныхъ.

10) Оставленіе персонала штаба крѣпости, высшихъ штабовъ, штабовъ полковъ и иныхъ при ихъ командующихъ.

11) Издержки на содержаніе плѣннаго гарнизона крѣпости согласно установленныхъ для русскихъ войскъ нормъ.

12) Возможность служебныхъ сношеній между чинами гарнизона крѣпости также и во время плѣна.

13) Возможность сношеній для скорѣйшаго представленія къ наградамъ австрійскому Верховному командованію арміями.

Кусманекъ, Генералъ-отъ-инфантеріи.

Командующій XI-й арміей

9 марта 1915 года.

№ 1859.

Копія.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь.

Свидѣтельствуя Вамъ мое почтеніе, какъ достойному генералу, вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаю отъ Васъ немедленнаго распоряженія о прекращеніи безцѣльнаго уничтоженія фортовъ и про-

чихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, предметовъ артиллерійскаго, инженернаго и вещевого довольствія. Казармы и другія жилыя помѣщенія должны быть сохранены въ цѣлости и исправности для размѣщенія гарнизона крѣпости Перемышля. Необходимы самыя точныя свѣдѣнія о числѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, а также нижнихъ чиновъ, съ указаніемъ, какой части или какому управленію они принадлежатъ. Свѣдѣнія эти необходимы для своевременнаго принятія мѣръ для обезпеченія пищевымъ довольствіемъ и медицинской помощью.

Всѣ русскіе плѣнные должны быть немедленно при особомъ спискѣ возвращены изъ крѣпости.

Сдача крѣпости и пріемъ всего запаснаго имущества будетъ произведена особыми комиссіями при участіи особыхъ сдатчиковъ, назначенныхъ Вами отъ гарнизона. Всѣ войска гарнизона должны быть обезоружены, ружья и снаряженіе должны быть сложены въ казармахъ въ особомъ помѣщеніи подъ охраной. Для внутренняго порядка и прекращенія грабежа и разбоевъ будетъ введено немедленно *три* казачьихъ полка, при чемъ нарушившіе общественный порядокъ будутъ немедленно приговорены къ смертной казни.

Наружные форты будутъ сейчасъ же заняты нашими войсками. Съ часа полученія этого письма будетъ зависѣть участь какъ Вашего Превосходительства, такъ и г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Прибывшіе Ваши *три* уполномоченные: Полковникъ и подполковникъ генеральнаго штаба и переводчикъ будутъ находиться у насъ. Письмо это привезетъ полковникъ генеральнаго штаба Пневскій, капитанъ генеральнаго штаба Поляковъ и ротмистръ Суботичъ, въ сопровожденіи Оренбургскаго казачьяго полка съ конной батареей. Всѣ требуемыя свѣдѣнія прошу передать полковнику Пневскому.

Подписалъ Генералъ-отъ-инфантеріи *Селивановъ*.

Копія.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Ваше Превосходительство. Выражая Вашему Превосходительству мое глубокое уваженіе, имѣю честь одновременно съ тѣмъ сообщить, что согласно прилагаемаго при семъ приказа по крѣпости № 94, я еще 21 марта 1905 года на сегодняшнее утро, до отправленія моихъ уполномоченныхъ, назначилъ прекращеніе всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ противнику, по собственному моему почину и съ цѣлью избѣгнуть

ненужнаго кровопролитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было окончено и разрушеніе всякаго воинскаго имущества. Долженъ однако добавить, что нѣкоторые склады огнестрѣльныхъ припасовъ, взорванные въ 6 час. утра, еще по сей-часъ продолжаютъ горѣть, а оставшіеся въ нихъ послѣ взрыва снаряды и патроны взрываются и тушеніе этихъ пожаровъ невозможно. Находящіеся въ крѣпости Перемышль помѣщенія, служащія для размѣщенія войскъ и учрежденій, изъ соображеній человѣколюбиваго характера не были и не будутъ разрушены.

Что касается данныхъ о числѣ генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ, имѣю честь сообщить, что здѣсь находится 9 генераловъ, около 93 штабъ офицеровъ и приблизительно 2500 оберъ-офицеровъ и военныхъ чиновниковъ. Точное ихъ число пока не могу указать по причинѣ вызванныхъ разрушеніями затрудненій въ сношеніяхъ и ввиду спѣшности, съ которой долженъ отправить настоящее письмо.

По той же причинѣ въ настоящую минуту для нижнихъ чиновъ могу лишь назвать цифру около 117000 тысячъ человѣкъ, куда входятъ однако около 19000 больныхъ и раненныхъ, также еще около 16000 тысячъ человѣкъ рабочихъ отдѣленій и около 4000 подводчиковъ изъ гражданскаго населенія.

Объ установленіи точныхъ цифръ уже отданы распоряженія, и результатъ будетъ сообщенъ Вашему Превосходительству черезъ генералъ-маіора Гандурина въ скорѣйшемъ времени. Находившіеся здѣсь военно-плѣнные Императорской Русской арміи уже освобождены Его Превосходительствомъ генералъ-лейтенантомъ Чистяковымъ.

Въ комиссію, которую угодно собрать Вашему Превосходительству, я назначу соотвѣтствующихъ спеціалистовъ.

Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ упомянутаго выше приказа по крѣпости, что уничтоженіе оружія и предметовъ вооруженія было предписано уже вчера, 21 марта и выполнено сегодня утромъ.

Въ отношеніи еще оставшагося, послѣ неоднократно цитированнаго приказа, оружія, по соглашенію съ Его Превосходительствомъ генералъ-маіоромъ Гандуринымъ было установлено, что оно должно быть передано въ артиллерійскій складъ въ Перемышлѣ и тамъ сохраняемо.

Сообщеніе о направленіи въ Перемышль *трехъ* казачьихъ полковъ для поддержанія порядка и для предупрежденія грабежа и расхищенія принято мною къ свѣдѣнію и будетъ передано моимъ войскамъ.

По отношенію къ занятію фортовъ Императорскими войсками русскими имѣю честь сообщить, что всѣ укрѣпленія сегодня утромъ при производствѣ взрывовъ были очищены отъ подчиненныхъ мнѣ войскъ.

Предложенія Вашего Превосходительства о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій со стороны своего гарнизона опережено посредствомъ моихъ вышеизложенныхъ распоряженій.

22 марта 1915 года,
Перемышль.

Съ глубокимъ
уваженіемъ *Кусманекъ*.

Копія.

Переводъ съ нѣмецкаго.

22/3 между 5 и 6 часами утра будутъ произведены взрывы и разрушенія въ крѣпостномъ раіонѣ. Причемъ будетъ соблюдаться слѣдующій порядокъ: Съ пяти часовъ до пяти 30 минутъ утра будутъ подорваны всѣ орудія крѣпости, согласно ранѣе данныхъ артиллерійскимъ отдѣломъ штаба крѣпости указаній. Въ это время расположенные въ интервалахъ между батареями войсковыя части должны по возможности укрываться, но при этомъ ни въ коемъ случаѣ не должно быть упускаемо наблюденіе впереди себя, чтобы еще все-таки отразить возможное нападеніе.

Въ 6 часовъ утра будутъ взорваны и разрушены форты и иные относящіеся къ нимъ предметы и матеріалы по указаніямъ инженернаго управленія. До взрыва фортовъ промежутки между ними должны быть заняты съ такимъ расчетомъ, чтобы примыкающія къ фортамъ линіи расположенія войскъ были очищены отъ послѣднихъ на 100—200 шаговъ отъ фланга фортовъ. Послѣ взрыва фортовъ слѣдуетъ обратить вниманіе, по сколько это возможно, на разрушеніе промежуточныхъ укрѣпленій и затѣмъ покинуть ихъ (разрушить печи, окна, двери, при случаѣ выжечь ихъ соломой). Гарнизоны участковъ обороны затѣмъ должны собираться въ населенныхъ пунктахъ участковъ, пользуясь при этомъ ходами сообщенія.

Войска центральной части крѣпости остаются на мѣстахъ своего расположенія, не снимая карауловъ.

Телефонное сообщеніе, согласно указаній начальника крѣпостного телефоннаго отдѣленія, должно быть разрушено послѣ взрыва фортовъ. Телефоны на фортахъ до взрыва ихъ должны

быть разрушены телефонистами. За время производства взрывовъ всѣ войсковыя части должны уничтожить свои пулеметы, ружья, штыки и сабли нижнихъ чиновъ (ломать ложу ружья въ шейкѣ, затаптывать затворъ въ землю, по возможности въ разобранномъ видѣ, ломать сабли). Патроны разбрасывать и затаптывать въ землю или бросать въ Санъ. На каждую роту ружья остаются у шести человѣкъ (въ первую очередь оставлять ружья людямъ, имѣющимъ медаль за храбрость, затѣмъ бравымъ унтеръ-офицерамъ). Это дѣлается съ цѣлью поддержанія дисциплины и порядка.

При полномъ вооруженіи остаются только военная полиція, команда для охраны плѣнныхъ и рота при штабѣ крѣпости. На людяхъ остаются только одѣяло, хлѣбный мѣшокъ, приборъ для ѣды и котелокъ, всѣ же остальные предметы снаряженія, равно и полковые телефоны, автомобили, походныя кухни, обозныя повозки, однимъ словомъ все, что можетъ быть пригодно противнику, должно быть уничтожено цѣлесообразнымъ путемъ.

За исключеніемъ оставленныхъ для командировъ частей и учрежденій, согласно приказа № 233 отъ 21 марта, и двухъ лошадей на каждую низшую строевую единицу, всѣ лошади, и въ томъ числѣ артиллерійскія, должны быть пристрѣлены.

Всѣ устройства наблюдательныхъ пунктовъ, освѣтительные приборы, аппараты, сигнальные пистолеты должны быть также уничтожены.

По окончаніи взрывовъ и уничтоженіи оружія и т. д. надлежитъ воздерживаться отъ какихъ либо враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ противнику. Въ фортовомъ поясѣ на удобныхъ наблюдательныхъ пунктахъ выставить офицерскіе патрули, которые имѣютъ сообщить приближающемуся, по всей вѣроятности, противнику, что въ это время гарнизонъ крѣпости добровольно воздерживается отъ враждебныхъ дѣйствій и что къ командующему русской арміей обложенія посланъ парламентеръ. Эти патрули при приближеніи противника должны держать себя подобно парламентерамъ.

Уничтоженіе оружія войсками должно быть проведено такимъ образомъ, чтобы тѣ части, которыя занимаютъ промежуточныя линіи между фортами вплоть до окончанія взрывовъ, уничтожали его послѣдними.

Настоящій приказъ разсылается начальникамъ участковъ обороны, начальнику санитарной части крѣпости, начальнику 23-й ландверной пѣхотной дивизіи, начальнику резервовъ и началь-

нику гарнизона въ соотвѣтственномъ количествѣ экземпляровъ для разсылки подчиненнымъ частямъ, подраздѣленіямъ и т. д.

Кусманекъ, Генералъ-отъ-инфантеріи.

Перемышль.
21 марта 1915 года.

Командующій 11-й арміей.
10 марта 1915 года.
№ 1898.

Копія.

Его Высокопревосходительству Генералу
отъ инфантеріи фонъ Кусманекъ.

Главнокомандующій, оставляя Вашему Высокопревосходительству оружіе и все Ваше имущество, проситъ Васъ немедленно прибыть съ личнымъ Вашимъ адъютантомъ или ординарцемъ въ Главную Квартиру Главнокомандующаго.

Сопровождать Васъ будетъ полковникъ Васильевъ, предъявитель настоящаго письма.

Свидѣтельствуя Вамъ свое уваженіе, выражаю радость сообщить Вашему Высокопревосходительству о вышеизложенномъ.

Генералъ отъ инфантеріи *Селивановъ.*

Съ копіи вѣрно: генеральнаго штаба
Капитанъ: *(подпись).*

Сообщилъ В. Геймахъ.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Засѣданіе 27-го августа 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены: М. И. Архангельскій, А. Л. Высотскій, А. Я. Гидалевичъ, прот. А. И. Звѣревъ, архим. Иринархъ, А. Ѳ. Кудрицкій, свящ. А. В. Михайловскій, прот. В. С. Никольскій, прот. А. П. Сердобольскій, прот. І. І. Тяжеловъ, А. И. Шалаліевъ, М. М. Шведовъ и гость Д. К. Марковъ. Секретаремъ, за отсутствіемъ правителя дѣлъ, избранъ А. И. Шалаліевъ.

I. Предсѣдатель Коммиссіи напомнилъ собранію о кончинѣ 2-го іюня этого года Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича и указалъ на значеніе этой тяжелой потери для русской науки вообще и, въ частности, для ученыхъ архивныхъ коммиссій, дѣятельностью которыхъ покойный Великій Князь весьма серьезно интересовался.

Присутствующіе почтили вставаніемъ память Почившаго.

II. Предсѣдатель напомнилъ также о кончинѣ двухъ членовъ Коммиссіи: Влад. Ник. Поливанова и Я. В. Ратибора-Уличнаго и отмѣтилъ значеніе перваго въ жизни не только Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи, которой онъ состоялъ предсѣдателемъ, но и ученыхъ архивныхъ коммиссій вообще, и полезное участіе въ дѣлахъ Таврической Архивной Коммиссіи второго.

Собраніе почтило ихъ память вставаніемъ.

III. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи академика В. В. Латышева: „Вновь найденныя въ Крыму христіанскія надписи". Нѣкоторыя объясненія къ этому труду сдѣлалъ предсѣдатель Коммиссіи.

Постановлено: благодарить академика Латышева за трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій" Коммиссіи.

IV. Доложены письма кн. Н. С. Щербатова, В. А. Городцова и

И. Н. Бороздина съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 2 іюня с. г. за № 996, въ дополненіе къ отношенію отъ 12 марта за № 436, съ увѣдомленіемъ, что Императорская Академія Художествъ командируетъ ученика архитектурнаго отдѣленія Высшаго Художественнаго Училища для обмѣра мечети въ Колечь-Мечети, Ѳеодосійскаго уѣзда.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено письмо академика В. В. Латышева отъ 23 апрѣля с. г. съ увѣдомленіемъ, что сообщенная ему Коммиссіей копія недавно открытой въ дер. Кокозахъ, Ялтинскаго уѣзда, надписи, повидимому, весьма ненадежна. Надпись, къ сожалѣнію, неполная, какъ кажется, гласитъ о построеніи храма и имѣетъ дату, хотя неполную. Поэтому она представляетъ интересъ, и академикъ Латышевъ находитъ весьма желательнымъ полученіе фотографическаго снимка или эстампажа для окончательнаго установленія ея текста.

Постановлено: позаботиться о полученіи фотографическаго снимка или эстампажа съ означенной надписи.

VII. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 16 іюля с. г. за № 12294 съ увѣдомленіемъ о томъ, что Высочайше учрежденная особая Коммиссія о вакуфахъ не имѣетъ никакихъ средствъ не только къ поддержанію въ порядкѣ мечети Эшиль-джами въ Бахчисараѣ, но и къ надзору за ея цѣлостью, и просьбой увѣдомить, не нашла ли бы Таврическая Ученая Архивная Коммиссія удобнымъ взять на себя заботы о сохраненіи и поддержаніи зданія мечети Эшиль-джами.

Постановлено: увѣдомить г. Таврическаго губернатора, что Коммиссія не имѣетъ возможности принять на себя заботы о сохраненіи мечети Эшиль-джами въ Бахчисараѣ, и обратиться съ ходатайствомъ въ Бахчисарайскую Городскую Управу о принятіи мѣръ къ сохраненію отъ гибели этого интереснаго памятника татарской старины въ Крыму.

VIII. Слушали сообщеніе В. Н. Штифтара: „Надгробная надпись, найденная въ Крыму“.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, который, предварительно помѣщенія въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи, послать на просмотръ академика Латышева.

IX. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ переводъ 317 писемъ академика П. И. Кеппена къ Х. Х. Стевену, исполненый Х. Х. Мецгеромъ по порученію Коммиссіи.

Постановлено: благодарить переводчика за трудъ и выдать ему въ вознагражденіе двѣсти рублей, а письма Кеппена подъ редакціей А. И. Маркевича напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи.

X. Предсѣдатель заявилъ, что членъ Коммиссіи П. В. Никольскій взялъ на себя большой и важный трудъ составленія подробнаго описанія сенатскихъ дѣлъ ея архива.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и просить г-на Никольскаго произвести эту работу по возможности въ ближайшее время.

XI. Предсѣдатель заявилъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ настоящаго года, онъ узналъ, что при сооруженіи Сарабузъ-Евпаторійской желѣзной дороги должны быть сняты два кургана, вслѣдствіе чего испросилъ разрѣшеніе начальника работъ инженера Богуславскаго присутствовать при разрытіи этихъ кургановъ. Къ сожалѣнію, оба кургана оказались уже разрытыми, и никакихъ предметовъ древности въ нихъ не оказалось.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XII. Предсѣдатель Коммиссіи представилъ составленный имъ проектъ инструкціи о привозѣ и храненіи дѣлъ въ Губернскомъ Историческомъ Архивѣ.

Постановлено: представить этотъ проектъ въ Императорское Русское Историческое Общество.

XIII. Доложено увѣдомленіе правленія Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба о томъ, что предполагавшееся торжество празднованія 25-лѣтія юбилея Клуба 6-го мая, по обстоятельствамъ военнаго времени, отложено на неопредѣленное время.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIV. Доложено отношеніе директора Евпаторійской гимназіи отъ 3 іюня с. г., за № 923 съ просьбой о высылкѣ полнаго экземпляра „Извѣстій“ Коммиссіи. Предсѣдатель заявилъ что №№ 1—5, 8—52 „Извѣстій“ высланы въ Евпаторійскую гимназію, и причитающіеся за нихъ пятьдесятъ рублей получены.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XV. Доложено отношеніе библіотеки Императорскаго Новороссійскаго Университета отъ 5 іюня с. г., за № 582 съ просьбой о высылкѣ №№ 1—5, 8—51 „Извѣстій“ Коммиссіи за плату въ тридцать пять рублей. Предсѣдатель заявилъ, что книги уже высланы.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XVI. Доложены отношенія Одесскаго Таможеннаго Инспектора отъ 15 іюля с. г. за № 4901 и отъ 24 іюля за № 5065, съ препровожденіемъ на разсмотрѣніе Коммиссіи: а) архивныхъ описей дѣламъ и книгамъ второго разряда Евпаторійской таможни за 1897—1900 г.г. и б) дѣламъ и книгамъ второго разряда Керченской таможни за 1893—1903 г.г.

Разсмотрѣніе означенныхъ книгъ и описей взяли на себя товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій и А. И. Шалаліевъ.

XVII. Доложено отношеніе Общества Изслѣдователей Волыни отъ 25 іюня с. г., за № 63 съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено: вступить въ обмѣнъ изданіями.

XVIII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что членъ ея С. С. Чехъ изъявилъ въ письмѣ къ нему желаніе разсмотрѣть архивъ Евпаторійской Земской Управы и составить историческую записку о дѣятельности Евпаторійскаго земства за истекшіе 50 лѣтъ и проситъ возбудить ходатайство о допущеніи его къ разсмотрѣнію дѣлъ означеннаго архива.

Постановлено: войти въ Евпаторійскую Земскую Управу съ ходатайствомъ о допущеніи г-на Чеха къ занятіямъ въ ея архивѣ.

XIX. Предсѣдатель Коммиссіи представилъ переданную г. Таврическимъ губернаторомъ въ Коммиссію переписку по поводу ходатайства одесскаго мѣщанина Николая Науменка о разрѣшеніи ему произвести раскопку клада въ окрестностяхъ Севастополя, въ чемъ ему было указано.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XX. Предсѣдатель Коммиссіи передалъ препровожденный ему г. Таврическимъ губернаторомъ экземпляръ устава Общества возрожденія художественной Руси и отношеніе этого Общества на имя Его Превосходительства отъ 25 мая с. г., съ просьбой объ оказаніи ему помощи личнымъ участіемъ или пожертвованіями, какъ денежными, такъ и предметами русской художественной старины и мѣстныхъ художественныхъ изданій.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XXI. Доложено отношеніе Мелитопольскаго уѣзднаго исправника отъ 17 мая с. г. за № 956 съ препровожденіемъ головы каменнаго балбала, найденной въ с. Веселомъ, Мелитопольскаго уѣзда, Михаиломъ Блохой при раскопкѣ кургана „Остраго“ на землѣ камергера М. М. Иваненка, и сообщеніемъ, что другая такая же голова, находившаяся при становой квартирѣ пристава 6-го стана Мелитопольскаго уѣзда, утеряна, о чемъ производится разслѣдованіе. Предсѣдатель заявилъ, что голова балбала, найденная на землѣ г-на Иваненка, при раскопкѣ кургана „Остраго“, получена.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XXII. Доложено отношеніе Таврической губернской земской управы отъ 18 мая с. г. за № 2219 съ предложеніемъ оплачивать освѣщеніе зала управы во время засѣданій Коммиссіи, по 32 коп. за часъ и расчетъ за пользованіе заломъ производить по полугодіямъ.

Постановлено: принять предложеніе.

XXIII. Доложено письмо члена Коммиссіи барона де Бай отъ 31 мая 1916 года съ просьбой выразить свой протестъ по поводу разрушенія историческихъ памятниковъ нѣмецкими войсками и направить его въ Парижъ, въ національное Общество французскихъ любителей древностей, получившее уже многочисленныя выраженія соболѣзнованія со стороны многихъ русскихъ ученыхъ обществъ.

Постановлено: увѣдомить г. барона де Бай, что Коммиссія въ одномъ

изъ засѣданій выразила уже свое негодованіе по поводу варварскаго дѣйствія нѣмецкихъ войскъ въ Бельгіи и Франціи, приведшаго къ гибели многихъ памятниковъ древности и научныхъ и художественныхъ сокровищъ Лувена, Реймса и т. д.

XXIV. Предсѣдателемъ Коммиссіи предложены въ ея члены: гражданскій инженеръ *Иванъ Васильевичъ Ларіоновъ*, много потрудившійся въ дѣлѣ реставраціи памятниковъ древности въ Крыму, между прочимъ Карагозской и Кулечъ-Мечетской мечети, и *Екатерина Николаевна Клетнова,* товарищъ предсѣдателя Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи; товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій предложилъ въ члены Коммиссіи т. с. *Н. И. Гейнаца* и супругу его *Терезію Дагобертовну Гейнацъ,* сдѣлавшихъ нѣкоторыя пожертвованія для музея Коммиссіи.

Постановлено: избрать всѣхъ указанныхъ лицъ въ члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XXV. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: а) Извѣстія, №№ 8—11 за 1915 г. и б) Книга: Памяти Леонида Николаевича Майкова.

2. Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, №№ 3, 4, 5 и 6 за 1915 годъ.

3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 5 и 6 за 1915 годъ.

4. Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: а) Отчетъ за 1911 годъ, б) Извѣстія, вып. 51, 52, приб. къ 52, 53, 54, приб. къ 54, 55, 56 и приб. къ 56-му.

5. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Древностей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Извѣстія, т. XXIX, вып. 1—3.

6. Отъ Виленской Публичной Библіотеки и Музея: Отчетъ за 1914 г.

7. Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Императорской Кіевской Духовной Академіи: а) Отчетъ за 1914 годъ и б) трудъ професс. Н. И. Петрова: Преосвященный Ѳеодосій, епископъ Оренбургскій и Тургайскій.

8. Отъ Сенатскаго Архива: а) Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ по департаменту Правительствующаго Сената, хранящимся въ Сенатскомъ архивѣ, 1797—1825 г., III, В., б) Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, Отд. I, т. III, ч. 1 и 2.

9. Отъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества: Русскій Біографическій Словарь: Лабзина - Ляшенко.

10. Отъ Тульской Ученой Архирной Коммиссіи ея изданія: а) В. С. Арсеньевъ: Документы къ родословной рода Арсеньевыхъ, б) Изъ прошлаго, в) Росписи городовъ Тулы и Крапивны, г) Къ столѣтію дня ро-

жденія М. Ю. Лермонтова. Документы къ родословной Лермонтовыхъ, Віолевыхъ и Арсеньевыхъ. Собралъ В. С. Арсеньевъ, д) Саксонскія сношенія съ польскимъ королемъ касательно посольства Хр. Шлейница въ Москву 1511—4 г.г., е) М. М. Савеловъ. Матеріалы для родословія древнихъ помѣстныхъ родовъ Тульскаго края, ж) Чернопятовъ: Некрополь. Изъ записной книжки стараго генеалога, з) Предположенія къ изученію 2-ой Отечественной войны 1914—1915 г.г., и) Отчетъ за 1913—1914 г.г. і) Труды Тульской Ученной Архивной Коммиссіи: кн. I, 1915 г. и к) брошюра: Писцовыя книги Тульскаго края, ч. I и II.

11. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи ея изданіе: Тамбовская губернія въ 1812—1813 г.г.

12. Отъ Россійскаго Общества Нумизматовъ: Протоколы за 1914 г. Октябрь—Декабрь.

13. Отъ Курской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, вып. II-й.

14. Отъ Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи: Отчетъ за 1911 годъ.

15. Отъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи: Книга XVI-ая ея Трудовъ.

16. Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи ея изданіе: В. Щепотьевъ. Народныя пѣсни, записанныя въ Полтавской губ. (съ нотами) и Труды, вып. 12-й.

18. Отъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи: Отчетъ за 1914 г.

19. Отъ Т. В. Самоквасовой: изданіе Курской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Дневникъ раскопокъ въ окрестностяхъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, произведенныхъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ августѣ 1909 г., б) Атласъ Гочевскихъ древностей.

20. Отъ Общества возрожденія художественной Руси ея изданіе: „Общество возрожденія художественной Руси“.

21. Отъ Петроградскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго: Извѣстія, отд. наукъ экономическихъ и юридическихъ, т. XXIII-й.

22. Отъ Новгородскаго Общества Любителей Древности: Сборникъ, вып. VII-й.

23. Отъ Редакціи журнала „Голосъ Минувшаго“: № 6, 7 и 8, этого журнала за 1915 годъ.

24. Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммиссіи: Отчетъ за 1914 г.

25. Отъ Таврическаго губернатора Н. А. Княжевича: Общество возрожденія художественной Руси (брошюра).

26. Отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: „Пятидесятилѣтіе“ его.

27. Отъ члена Коммиссіи проф. Н. И. Веселовскаго оттискъ его труда: „О турецко-татарскомъ словѣ тыш (зубъ) въ дипломатическихъ документахъ.

28. Отъ поч. члена Д. Н. Анучина его трудъ: Старинная морская карта на пергаментѣ изъ собранія графа А. С. Уварова. М. 1915 г.

29. Отъ А. А. Геракликова его труды: а) Историческіе архивы при Ученыхъ Архивныхъ Коммиссіяхъ; б) Нѣсколько документовъ изъ историческаго архива Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи; в) Отчетъ по историческому архиву Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи за 1914 годъ.

30. Отъ Н. И. Троицкаго его труды: а) Сто лѣтъ бытія Тульской епархіи; б) Куликовская побѣда и в) Одоевскій - Анастасовъ: Богородице - Рождественскій монастырь.

31. Отъ В. М. Базилевича: а) Нѣсколько документовъ къ исторіи Веневскихъ засѣкъ въ XVIII столѣтіи; б) Отчетъ о занятіяхъ лѣтомъ 1913 и 1914 г.г. въ Московскихъ архивахъ.

32. Отъ И. Е. Гешова его сочиненіе: „Балканскій союзъ Воспоминанія и документы. Петроградъ, 1915 г.

33. Отъ Казанскаго Городскаго Музея: Ежегодникъ. Отчетъ Совѣта музея за 1914 годъ.

34. Отъ Русскаго музея Императора Александра III-го: Указатель временной этнографической выставки русскаго населенія Галиціи, Буковины и Венгріи, 1915 г.

35. Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія: а) Чтенія за 1914 годъ, 4 выпуска, и за 1915, вып. 1 и 2; б) Отчеты Церковно-археологическаго отдѣла Общества съ 1905 по 1914 г., девять выпусковъ; в) Церковно - археологическій отдѣлъ въ 1900—1913 г.г.; г) Протоколы за 1909 г.; д) Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи, вып. I (Русская десятина) и вып. II, (Звенигородская десятина); е) Козловъ. О развитіи христіанскаго искусства и основахъ его въ примѣненіи къ церковной живописи; ж) Л. Денисовъ. Иконы Знаменія, какъ древнѣйшій и основной типъ изображеній Богоматери въ христіанскомъ искусствѣ; з) Л. Денисовъ. Св. Апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, небесный покровитель иконописанія; и) О изображеніяхъ Воскресенія Христова, Вознесенія и Сошествія Св. Духа. В. Фартусова; і) О возобновленіи иконы Спаса Нерукотвореннаго и Пречистыя Богородицы на западной стѣнѣ Спасскихъ воротъ. І. Кузнецова; к) Доклады С. Н. Кологривова: 1) Подарки, поднесенные царю Алексѣю Михайловичу восточными патріархами и 2) Челобитная патріарха Антіохійскаго Макарія царю Алексѣю Михайловичу о пожалованіи ему иконъ въ Дамаскъ; л) Л. Денисова. Какъ писать икону святого мученика Трифона; м) И. А. Скворцовъ. Рефераты: 1) Уничтоженный Троицкій въ Березникахъ монастырь и 2) Объ иконѣ св. Іоанна Златоуста въ Кудринѣ; н) Фартусовъ. Что желательно для поднятія современнаго иконописанія; о) Извѣковъ. По вопросу о наблюденіи за

иконописаніемъ; п) Рефераты Н. А. Романскаго: 1) Алебастровый слѣпокъ съ креста въ Чудовомъ монастырѣ и 2) Къ исторіи Московскаго Казанскаго собора; р) Романскій. О многолѣтіяхъ патріаршаго времени въ отношеніи къ современности; с) Скворцовъ. Уничтоженныя въ Московскомъ уѣздѣ церкви; т) А. Титовъ. Тихонъ Малышко, Ростовскій епископъ XVI; в.; у) Струковъ. Слава святителя Димитрія, митроп. Ростовскаго, въ Москвѣ; ф) А. Успенскій. Древне-русскій буквенный орнаментъ; х) Гурьяновъ. Запрестольный крестъ Успенскаго собора, хран. въ патріаршей ризницѣ; ц) Клеинъ. Омофоръ изъ партріаршей ризницы; ч) Іером. Арсеній. Икона Ангела Хранителя конца XVII в. съ дидактическимъ содержаніемъ; ш) Холмогоровъ. Выписки изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи; щ) Скворцовъ. Матеріалы для исторіи церквей Московской епархіи въ эпоху Отечественной войны, вып. I; э) I. Левитскій. Храмъ свв. отецъ седьмого вселенскаго собора; ю) Холмогоровъ. Старосты поповскіе; я) Страховъ. Безмолвный свидѣтель Бородинскаго боя—храмъ села Бородина; ѳ) Стеллецкій. О признакахъ новой христіанской катакомбы въ Крыму; v) Соколовъ. Неразстанное, бывшее имѣніе Беклемишевыхъ, нынѣ Алексѣевыхъ; а) В. Боринъ. Патріархъ Гермогенъ и мѣсто его заключенія; б) Виноградовъ. Наслѣдіе митроп. Платона въ исторіи Московской Духовной Академіи; в) Труды церковно-археологическаго отдѣла при Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, вып. I-й; г) Діаконъ Н. П. Виноградовъ. Вознесенская Давидова Пустынь, Серпух. ч. Моск. губ.; д) Діаконъ Соколовъ. Неразстанное, б.-имѣніе г.г. Беклемишевыхъ, нынѣ Алексѣевыхъ; е) Прот. Н. А. Скворцовъ. Памятники русскихъ побѣдъ и память о павшихъ на брани воинахъ; д) „Иконы Церковно-Археологическаго Музея Общества Лубителей Духовнаго Просвѣщенія, вып. III-й.

36. Отъ Одесской Городской Публичной Библіотеки: Отчетъ за 1914 г.

37. Отъ редакціи журнала „Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ“, №№ 13, 14—15, 16—17, 18—19, 29, за 1915 годъ.

38. Отъ Симферопольской Городской Управы: Извѣстія Симферопольской Городской Думы: №№ 3, 4—5, 6—7 за 1914 г. и 1—2 за 1915 г.

39. Отъ Библіотеки Музея Д. Г. Бурылина, въ г. Иваново-Вознесенскѣ: Каталогъ, т. I-й, вып. I.

40. Отъ Студенческаго Историко-этнографическаго Кружка при Императорскомъ Университетѣ Свят. Владиміра: Сборникъ статей, выпуски V-й и VII-й.

41. Отъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: Записки, за 1915 г., выпуски 1—2.

42. Отъ Историко-Филологическаго Семинарія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ: Сборникъ Minerva, вып. V-й.

43. Отъ А. И. Маркевича: 1) Крымъ съ Севастополемъ, Балаклавою

и другими его городами. Изд. Кораблева и Сирякова, 1854 г.; 2) Геологическій очеркъ кристаллическихъ породъ въ Маріупольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ. А. Гурова 1880 г.; 3) Г. Ялта съ окрестностями и лечебными средствами. Ф. Д. Вебера, 1886 г., 4) Пьянковъ. Справочная книга г. Евпаторіи и его уѣзда (2 экз.); 5) Геологическій очеркъ Крыма. А. Штукенберга; 6) Альпинизмъ и Крымскій Горный Клубъ. Ю. Листова (2 экз.); 7) По поводу книги д-ра Лобова: О грязелѣченіи. П. Глаголева; 8) Очеркъ Таврической губеріи въ историко-географическомъ отношеніи. П. Татаринова; 9) Очеркъ климатическихъ условій южнаго берега Крыма. В. Дмитріева; 10) Лѣченіе виноградомъ въ Ялтѣ. В. Дмитріева; 11) Ялта двадцать пять лѣтъ тому назадъ. В. Дмитріева; 12) Русскія климатическія мѣстности для зимняго пребыванія больныхъ. Э. Штальберга; 13) О значеніи гор. Евпаторіи, какъ лѣчебнаго пункта. Трахтенберга (2 экз.); 14) О питаніи татаръ южнаго берега Крыма. Щепетова; 15) Сакскія грязи въ Крыму. Земская грязелечебница, 1880—1909 г.: 16) Кн. Е. Горчакова. Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. Воспоминанія о Крымѣ; 17) Обѣдъ моряковъ въ честь вице-адмирала М. Д. Новикова 25 февраля 1893 г.; 18) А. Скальковскій. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея; 19) Исторія Севастополя, какъ русскаго порта. В. Головачева; 20) Н. Милошевичъ. Изъ записокъ Севастопольца; 21) Черноморскій военный театръ. По поводу Крымской желѣзной дороги. Ростислава Фадѣева; 21) Очеркъ санитарнаго состоянія Крымской арміи въ кампанію 1854—1856 г.г. Сост. Стефановскій и Соловьевъ. Вып. I-й (2 экз.) и 3-й; 23) Исторія Черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ. В. Шостака; 24) Силуэты Крыма. А. Нилидина; 25) Instruction medicale pour l'armée d'Orient du 13 Mai 1854. 25) Очерки въ память о столѣтнемъ существованіи с. Верхняго Рогачика, свящ. Ѳ. Пивоварова; 26) Саки близъ г. Евпаторіи въ Крыму. Земская грязелечебница 1897 г.; 27) Календарь и справочная книжка для виноградарей, винодѣловъ и виноторговцевъ на 1889 г.; 28) Уставъ православнаго церковнаго братства во имя свв. Владиміра Равноапостольнаго и Александра Невскаго при Симферопольскомъ каѳедральномъ соборѣ; 29) Андрей Фабръ. Древній бытъ Эйоны, нынѣшняго полуострова Тамани, 1861 г.; 30) Андрей Фабръ. Достопамятнѣйшія древности Крыма; 31) П. Засодимскій. Въ Крыму; 32) Памяти Н. Н. Бетлинга; 33) Уставъ Крымскаго Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы; 34) Сакская Земская грязелечебница; 1909 г.; 35) Сакскія грязи въ Крыму. Земская грязелечебница 1880—1910 г.; 36) А. Е. Т. Историческая памятка о Таврической епархіи, 1909 г. (3 экз.); 37) А. Харузинъ. Древнія могилы Гурзуфа и Гугуша; 38) Die Makrokephalen im Boden Krym und Oesterreichs, K. E. v. Baer; 39) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ. Старинныя армянскія рукописи и армянскія надписи, находящіяся въ предѣлахъ Россіи; 40) Уставъ Общества вспомощество-

ванія учащимъ и учившимъ въ церковныхъ школахъ Таврической епархіи; 41) Уставъ Таврической взаимно-вспомогательной кассы; 43) Отчеты Симферопольскаго Благотворительнаго Общества за 1906 и 1907 г.г.; 43) Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Таврической губерніи за 1899—1900 г.г.; 44) Журналы засѣданій Таврическаго губернскаго врачебнаго совѣта 8—10 апрѣля 1894 г.; 45) Протоколы засѣданій и труды Общества симферопольскихъ врачей за 1894—5 г.г.; 46) Уставъ Симферопольскаго Общества сельскаго хозяйства; 47) Жуковъ. Замѣтки въ пути на южный берегъ Крыма; 48) А. У-цъ. Историческіе разсказы о Крымѣ; 49) Хвольсонъ. Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма; 50) Е. Э. Ивановъ. Севастополь и его окрестности; 51) А. Гидалевичъ. Краткій очеркъ жизни и дѣятельности доктора Ѳ. К. Мюльгаузена; 52) Histoire de la guerre de Crimeé, par Camille Rousset. T. I и II; 53) La guerre de Crimée, par. M. L. Baudens; 54) Уставъ Симферопольской фруктовой и винной биржи; 55) Отчетъ Симферопольскаго Благотворительнаго Общества за 1912 г.; 56) Уставъ Крымскаго Горнаго Клуба; 57) Отчетъ Правленія Общества Трудовой помощи глухонѣмымъ въ г. Симферополѣ за 1913 г.; 58) Отчетъ Симферопольскаго Общества „Убѣжище“ для гувернантокъ, преподавательницъ и боннъ за 1911 г.; 59) Отчетъ о состояніи дѣлъ Таврической взаимно-вспомогательной кассы за 1914 г.; 60) Уставъ Попечительства при Таврической духовной семинаріи; 61) Андреевскій. Неотложные вопросы образованія Крымскихъ татаръ; 62) Корсаковъ. Крымъ и его цѣлебныя свойства; 63) Die Besitzverhältnisse der Tatarenbauern im Kreise Simferopol. Von Or. Victor Utz, 1911; 64) Карауловъ. Древнее Сюреньское укрѣпленіе и башня на Бельбекѣ (съ 2-мя рисунками).

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 29-го сентября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи Таврическаго губернатора Свиты Его Величества генералъ-маіора Н. А. Княжевича присутствовали: предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ, преосвященный Сильвестръ, епископъ Севастопольскій, супруга Таврическаго губернатора Е. Б. Княжевичъ, архимандритъ Адріанъ, протоіереи: Добровъ и Бычковскій, начальница Симферопольскаго епархіальнаго училища М. А. Котляревская и др. лица, члены Коммиссіи: И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, М. А. Волошенко, А. Л. Высотскій, Н. М. Гейнацъ, Т. Д. Гейнацъ, прот. А. М. Звѣревъ, архим. Иринархъ, А. Ѳ. Кудрицкій, П. И. Крестьянполь, А. И. Леонтьевъ, А. Н. Маркевичъ,

свящ. П. И. Медвѣдковъ, Х. А. Монастырлы, А. А. Нестроевъ, прот. В. С. Никольскій, П. В. Никольскій, П. И. Новицкій, прот. А. П. Сердобольскій, А. А. Стевенъ, К. А. Треневъ, прот. І. І. Тяжеловъ, Я. Т. Харченко, А. С. Харченко, П. В. Чинновъ, А. И. Шалаліевъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, г. Непремѣнный Попечитель предоставилъ слово предсѣдателю Коммиссіи А. И. Маркевичу, который въ своей рѣчи представилъ краткій очеркъ характера и дѣятельности святого равноапостольнаго князя Владиміра, по случаю исполнившагося 15 іюля текущаго года девятисотлѣтія со дня его блаженной кончины.

II. П. В. Масловъ, сдѣлалъ сообщеніе о походѣ великаго князя Владиміра на Корсунь и о принятіи имъ крещенія. По окончаніи этого доклада хоръ воспитанниковъ Таврической духовной семинаріи пропѣлъ гимнъ князю Владиміру.

III. По предложенію предсѣдателя Коммиссіи, поддержанному всѣми присутствовавшими въ собраніи членами Коммиссіи, избраны были въ дѣйствительные члены Коммиссіи: преосвященный Сильвестръ епископъ Севастопольскій и Екатерина Борисовна Княжевичъ.

IV. Сообщенія А. И. Маркевича и П. В. Маслова **постановлено** напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

Засѣданіе 29-го октября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Таврическій и Симферопольскій, И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, Саитъ-бей Булгаковъ, М. А. Волошенко, А. Л. Высотскій, архимандритъ Иринархъ, прот. А М. Звѣревъ, А. И. Казасъ, А. Ѳ. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, А. И. Леонтьевъ, проф. И. А. Линниченко, А. Н. Маркевичъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, А. И. Сѣницкій, правитель дѣлъ П. В. Масловъ и гость Д, М. Нетованный.

I. Доложены протоколы засѣданій 27 августа и 29 сентября.

Постановлено: утвердить.

II. Отецъ П. И. Медвѣдковъ сдѣлалъ сообщеніе о бумагахъ протоіерея Трифилія Карацъ оглу, переданныхъ въ распоряженіе Коммиссіи. Докладчикъ изложилъ обстоятельства выхода христіанъ изъ Крыма въ 1779 г. и указалъ содержаніе указанныхъ документовъ. Въ обсужденіи доклада о. Медвѣдкова принимали участіе предсѣдатель Коммиссіи и Ѳ. Ѳ. Лашковъ.

Постановлено: благодарить о. Медвѣдкова за его интересное сообщеніе.

III. Доложено сообщеніе В. Ѳ. Штифтара: Памятники Крымской войны и слѣды греческихъ древностей въ Евпаторіи.

Постановлено: благодарить автора за сообщеніе и войти съ просьбой къ Евпаторійскому городскому управленію обратить вниманіе на положеніе памятниковъ войны 1854—1856 г.г. и принять мѣры къ ихъ достойной поддержкѣ.

IV. Доложено письмо Е. Н. Клетновой съ благодарностью за избраніе ея въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 26 августа 1915 г. за № 343, съ просьбой о присылкѣ отчета за 1914 годъ, а послѣдующіе отчеты о дѣятельности Коммиссіи высылать въ январѣ каждаго года, дабы Особая Коммиссія по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ имѣла возможность къ концу февраля соотвѣтствующаго года для составленія общаго обозрѣнія дѣятельности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій и включенія его во всеподданнѣйшій отчетъ по Императорскому Русскому Историческому Обществу.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VI. Доложено отношеніе гербоваго отдѣленія Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената отъ 29 сентября с. г. за № 326 съ просьбой о высылкѣ оттисковъ статей, помѣщенныхъ въ трудахъ Коммиссіи и заключающихъ въ себѣ родословія отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ.

Постановлено: увѣдомить, что въ вышедшихъ въ свѣтъ выпускахъ „Извѣстій“ Коммиссіи подобнаго рода статей не было, а если въ будущемъ онѣ будутъ помѣщены въ нихъ, то оттиски ихъ будутъ препровождаться въ Департаментъ Герольдіи.

VII. Доложено отношеніе Евпаторійской уѣздной земской управы отъ 29 сентября с. г. за № 4082 съ увѣдомленіемъ, что она не находитъ возможнымъ предоставить ея архивъ для занятій члена Коммиссіи С. С. Чеха въ виду того, что постановленіемъ Евпаторійскаго уѣзднаго собранія отъ 30 мая 1914 года составленіе историческаго обзора дѣятельности Евпаторійскаго земства возложено на управу.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Доложены письма члена Коммиссіи П. А. Фалева:—первое съ выраженіемъ желанія перевести принадлежащую Коммиссіи исторію Крымскихъ хановъ на русскій языкъ и второе—съ увѣдомленіемъ о полученіи означенной рукописи.

Постановлено: съ благодарностью принять къ свѣдѣнію.

IX. Предсѣдатель Коммиссіи сообщилъ, что членъ ея Л. П. Колли совершилъ поѣздку въ Старый Крымъ для осмотра всѣхъ безъ исклю-

ченія сохранившихся въ этомъ городѣ развалинъ древнихъ сооруженій. Осмотръ этотъ, въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ городской думы и трехъ свѣдущихъ татаръ, продолжался цѣлый день. Въ результатѣ выяснилось, что большой разницы въ состояніи этихъ развалинъ сравнительно съ прежнимъ временемъ не обнаружено. Послѣ обзора ихъ всѣ участвовавшіе въ немъ собрались въ залѣ городской управы, гдѣ члены ея съ Старо-крымскимъ старостою Григ. Ив. Ивановымъ во главѣ **постановили:** образовать коммиссію, на обязанности которой была бы забота о сохраненіи памятниковъ древности, составленіи списка ихъ и плановъ или рисунковъ и т. д.

Постановлено: благодарить г. Колли за трудъ поѣздки въ Старый Крымъ и расходы по ней, въ размѣрѣ 25 р., принять на счетъ Коммиссіи.

X. Доложено отношеніе завѣдующаго Кубанскимъ Войсковымъ Музеемъ отъ 7 сентября сего года за № 279 съ препровожденіемъ въ даръ музею Коммиссіи одной восточной серебряной монеты изъ числа найденныхъ въ станицѣ Кужурской, Майкопскаго отдѣла.

Постановлено: благодарить.

XI. Предсѣдатель предложилъ въ члены Коммиссіи слѣдующихъ лицъ: архимандрита Адріана, протоіерея Александра Михайловича Бычковскаго, предсѣдателя Симферопольскаго съѣзда мировыхъ судей Вяч. Іос. Тихаго, прис. пов. Льва Евсѣевича Галкина и правителя канцеляріи Таврическаго губернатора Константина Александровича Рыка.

Постановлено: избрать означенныхъ лицъ въ настоящемъ засѣданіи Коммиссіи.

XII. М. А. Волошенко предложилъ въ члены Коммиссіи преподавателя гимназіи Дмитрія Марковича Нетованнаго.

XIII. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Четвертый созывъ: а) Засѣданіе 26 іюля 1914 г.; б) Сессія III-я, засѣданія I—III; Сессія IV-я, засѣданія 1—16.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 12, 13 и 14 за 1915 годъ.

3. Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, №№ 7, 8, 9 и 10 за 1915 годъ.

4. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 7, 8 и 9 за 1915 годъ.

5. Отъ Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи: Лѣтопись, выпускъ X-й.

6. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, т. XXXII.

7. Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи ея Труды, вып. 13 и изданіе: П. А. Гнѣдичъ. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи, Роменскій уѣздъ, вып. II-й, ч. 1 и 2.

8. Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія: Чтенія, іюль—сентябрь 1915 года.

9. Отъ Крымскаго Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы: Записки, т. IV-й.

10. Отъ Редакціи журнала „Голосъ Минувшаго“: №№ 9 и 10 этого журнала за 1915 годъ.

11. Отъ почетнаго члена Коммиссіи Д. И. Иловайскаго: газета „Кремль“, №№ 59—60.

12. Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, вып. 32.

13. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи: Извѣстія, вып. 56.

14. Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Императорской Кіевской Духовной Академіи: Чтенія, вып. XIII-й.

15. Въ музей Коммиссіи поступилъ отъ вольноопредѣляющагося Крымскаго коннаго полка Сѣриго нѣмецкій патронташъ съ 12 зарядами.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 9-го декабря 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены Коммиссіи: Д. В. Агаповъ, И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, прот. А. М. Бычковскій, Х. К. Васильевъ, М. А. Волошенко, И. М. Волошиновъ, А. Я. Гидалевичъ, архим. Иринархъ. И. С. Кобанъ, Л. П. Колли, И. В. Ларіоновъ, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, А. Н. Маркевичъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, свящ. А. В. Михайловскій, Дм. Марк. Нетованный, П. В. Никольскій, К. А. Рыкъ, прот. А. П. Сердобольскій, В. І. Тихій, В. І. Филоненко, П. В. Чинновъ, А. И. Шалаліевъ, правитель дѣлъ П. В. Масловъ и гости: Сергѣй Павл. Рубинскій и В. А. Благовѣщенскій.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 29 октября 1915 года.

Постановлено: утвердить.

II. А. Я. Гидалевичъ сдѣлалъ сообщеніе о старинномъ футлярѣ для торы (tik) изъ синагоги крымчакской общины въ Карасубазарѣ, пожертвованномъ нѣкогда Моисеемъ Кокозомъ въ Карасубазарскую синагогу, а теперь жертвуемомъ докладчикомъ для музея Коммиссіи и относимомъ имъ къ половинѣ XVI вѣка. Сдѣлавъ описаніе этого памятника еврейской старины въ Крыму и предоставивъ текстъ съ русскимъ переводомъ находящихся на немъ надписей—съ комментаріями, г. Гидалевичъ выяснилъ дату памятника 1547—8 г. по Р. Хр. и привелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о фамиліи Кокозъ въ Крыму.

Въ обсужденіи сообщенія г. Гидалевича принимали участіе: архи-

мандритъ Иринархъ, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, И. Ф. Александровъ, А. И. Маркевичъ и гость С. П. Рубинскій.

Постановлено: благодарить А. Я. Гидалевича за сообщеніе, которое напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи.

III. Доложено сообщеніе каѳедральнаго прот. А. Г. Назаревскаго: „Страничка изъ жизни митрополита Флавіана“. Въ настоящемъ сообщеніи, основанномъ на письмахъ почившаго архипастыря къ Таврическому архіепископу Гурію и свящ. С. А. Максорову и на письмахъ архіепископа Гурія къ митрополиту Исидору, представлена была характеристика личности митрополита Флавіана, свѣдѣнія о его пребываніи въ Тавридѣ и о его дѣятельности въ Пекинѣ.

Сообщеніе было выслушано съ особеннымъ интересомъ, и собраніе **постановило**: благодарить прот. Назаревскаго за его сообщеніе, которое напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

По приглашенію предсѣдателя, М. А. Волошенко подѣлился съ собраніемъ своими воспоминаніями о митрополитѣ Флавіанѣ въ бытность его простымъ монахомъ въ Симферополѣ.

IV. Л. П. Колли и И. В. Ларіоновъ сдѣлали сообщеніе „Къ реставраціи мечети въ д. Кулечъ-Мечеть, Ѳеодосійскаго уѣзда“. Первый изъ референтовъ сообщилъ свѣдѣнія о времени сооруженія этой мечети, на основаніи преданій и надписи, находящейся въ Ѳеодосійскомъ музеѣ древностей, а второй представилъ слѣдующее описаніе состоянія мечети въ настоящее время и составленныя имъ планъ и смѣту ея реставраціи.

„Мечеть въ с. Кулешъ-Мечеть, Ѳеодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи, построена по образцу большинства древнихъ мечетей въ Крыму. Въ планѣ мечеть представляетъ квадратъ—5,40 саж. въ сторонѣ (промѣръ внутри мечети), къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ входъ, состоящій изъ 3-хъ частей: средней продолговатой (съ сѣвера къ югу) и 2-хъ боковыхъ — квадратныхъ. Въ каждой стѣнѣ мечети на высотѣ около 10 вершковъ отъ пола имѣется по 2 прямоугольныхъ окна, а надъ ними въ верхней части стѣнъ по два же полуциркульныхъ окна, между которыми находится по одному круглому окну. Во входѣ въ мечеть имѣется два окна, изъ которыхъ одно въ средней части надъ дверью, а другое въ лѣвой части. Нижнія окна мечети закрываются внутренними ставнями. Мечеть перекрыта купольнымъ сводомъ, пяты котораго находятся на высотѣ около 13 аршинъ отъ пола. Паруса (сферическіе углы, составляющіе переходъ отъ квадратной формы мечети къ кругу купола) начинаются всего лишь на сажень отъ пола мечети. Средняя часть входа въ мечеть перекрыта цилиндрическимъ сводомъ, а боковыя куполами на парусахъ. Въ самой мечети полъ выстланъ гончарными шестигранными плитками, а въ боковыхъ частяхъ входа — кирпичемъ;

въ средней части входа полъ земляной. У сѣверной стѣны мечети сдѣланы деревянные съ такою же лѣстницей хоры. Михрабъ украшенъ прекрасными орнаментами и сталактитами; сталактитами же украшена и внутренняя дверь въ мечети со стороны входа. Къ сѣверо-восточному углу мечети примыкаетъ минаретъ, и ходъ въ него устроенъ изъ правой части входа въ мечеть. Мечеть построена изъ твердаго известковаго, частью штучнаго, а частью бутоваго камня, а минаретъ весь изъ штучнаго чисто-тесаннаго камня. Крыша мечети покрыта каменными плитами.

Еще въ 1897 г. былъ поднятъ вопросъ о необходимости ремонта мечети, и тогда на эту надобность требовалось всего лишь 500 рублей. Императорская Археологическая Коммиссія съ своей стороны признала ремонтъ весьма желательнымъ, но, повидимому, таковой не былъ произведенъ. Въ сентябрѣ 1914 года Таврическая Ученая Архивная Коммиссія увѣдомила Императорскую Археологическую Коммиссію о печальномъ состояніи мечети, а именно: въ разныхъ мѣстахъ зданія появились трещины, штукатурка обвалилась, нѣтъ запоровъ, никто не заботится объ охранѣ мечети, и въ отвѣтъ на это Императорская Археологическая Коммиссія въ началѣ текущаго года просила Таврическаго губернатора о доставленіи ей проекта ремонта мечети, сообщивъ при этомъ, что проектъ 1897 года, повидимому, не былъ исполненъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1915 года по предложенію г. Таврическаго губернатора былъ произведенъ осмотръ мечети Коммиссіей въ составѣ членовъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи: Л. П. Колли, Л. Н. Папарупа и и. об. Таврическаго губернскаго архитектора И. В. Ларіонова, на предметъ выясненія работъ, необходимыхъ для поддержанія зданія мечети въ прочномъ и безопасномъ состояніи, при чемъ было намѣчено произвести слѣдующія работы: 1) возстановить разрушенную часть облицовки сѣверной стѣны восьмигранника подъ куполомъ мечети; 2) исправить, а частью перекрыть заново каменными плитами крышу купола мечети; 3) сдѣлать черепичную кровлю надъ входомъ въ мечеть; 4) расшить и расщебенить всѣ швы въ кладкѣ стѣнъ мечети, а также и имѣющіяся незначительныя трещины; 5) оштукатурить заново до 10 кв. саж. стѣнъ внутри мечети въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ штукатурка обвалилась или плохо держится; 6) сдѣлать 2 новыя двери съ обивкой наружной двери желѣзомъ; 7) сдѣлать во всѣ окна желѣзные переплеты съ остекленіемъ ихъ; 8) расшить и залить цементомъ швы въ плиточномъ полу мечети; 9) перетереть и побѣлить стѣны и своды внутри мечети и 10) покрасить масляной краской хоры. На основаніи этого инженеромъ Ларіоновымъ была составлена смѣта на ремонтъ мечети, которая 21-го іюля 1915 года и была препровождена г. Губернаторомъ на заключеніе Императорской Археологической Коммиссіи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ Императорская Археологическая Коммиссія увѣдомила г. Губернатора, что съ ея стороны не встрѣчается препятствій къ производству ремонта мечети, но при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) каменную крышу надъ входомъ въ мечеть только ремонтировать, не прикрывая черепицей; 2) сохранить существующія дверныя створы, поправивъ ихъ; 3) оконныя рамы вставить только въ верхнія окна, такъ какъ нижнія окна хорошо закрыты внутренними ставнями, а если ихъ застеклить, то стекла будутъ скоро разбиты; 4) сохранить существующія въ окнахъ рѣшетки и каменный рѣзной наличникъ у второго окна, считая отъ минарета; 5) внутри мечеть не бѣлить, но только обтереть отъ пыли и паутины и сохранить замѣчательные орнаменты и сталактиты, коими украшенъ михрабъ; 6) не красить хоры. Кромѣ того, Императорская Археологическая Коммиссія просила не употреблять цементнаго раствора, но хорошо погашенный известковый, примѣшивая къ нему въ случаѣ надобности, напримѣръ, въ толстыхъ швахъ, вмѣсто песку мелкіе острые осколки полужелѣзняковаго кирпича, такъ какъ цементный растворъ не даетъ якобы надлежащаго соединенія новыхъ починокъ со старою кладкою.

Въ виду того, что пожеланія Императорской Археологической Коммиссіи вызывали значительныя измѣненія въ количествѣ работъ, а также и въ виду сильнаго поднятія въ послѣднее время цѣнъ на строительные матеріалы и рабочія руки, смѣта на ремонтъ мечети была вновь пересоставлена инженеромъ Ларіоновымъ, и общая стоимость работъ опредѣлилась въ суммѣ 2561 руб. 63 коп., объ отпускѣ каковой изъ вакуфнаго капитала и возбуждено г. губернаторомъ ходатайство передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ".

Нѣсколько вопросовъ референтамъ предложилъ И. Ф. Александровъ.

Постановлено: благодарить г.г. Колли и Ларіонова за ихъ сообщенія, которыя включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

V. Доложено письмо преосвященнаго Сильвестра, епископа Севастопольскаго, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Предсѣдатель заявилъ, что членъ Коммиссіи А. А. Стевенъ препроводилъ въ ея распоряженіе еще 23 письма акад. П. И. Кеппена его дѣду Х. Х. Стевену. Эти письма согласился перевести на русскій языкъ членъ Коммиссіи Х. Х. Мецгеръ.

Постановлено: благодарить А. А. Стевена, за присылку означенныхъ писемъ и издать ихъ вмѣстѣ съ другими, о напечатаніи которыхъ уже сдѣлано постановленіе Коммиссіи.

VII. Доложено отношеніе декана юридическаго факультета Императорскаго Варшавскаго Университета отъ 30 октября 1915 г. за № 166

съ просьбой о сообщеніи для юридическихъ семинаріевъ при Университетѣ сочиненій по юридическимъ наукамъ, а также разнаго рода книгъ, журналовъ и архивныхъ дѣлъ для практическихъ занятій студентовъ.

Постановлено: выслать означенныя книги и изданія, если таковыя будутъ въ распоряженіи Коммиссіи.

VIII. Доложено отношеніе пристава 5-го стана Мелитопольскаго уѣзда отъ 15 ноября сего года за № 6296 съ увѣдомленіемъ, что, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, во владѣніи землевладѣльца Ю. В. Попова небыло случаевъ выкопки изъ земли какой либо статуи, какъ равно не существуетъ и хутора подъ названіемъ „Второго", принадлежащаго тому же г. Попову, а въ дер. Эристовкѣ, Васильевской волости, именовавшейся въ прежнее время „Вторымъ хуторомъ Попова", въ 15 верстахъ отъ станціи ж. д. „Попово", на воротахъ двора мѣстной крестьянки, вдовы Харитины Климовой Однороженко, стоитъ полузакопанная въ землю, замѣняя собою столбъ, каменная статуя, вышиною 2 арш., толщиною въ объемѣ $1^3/_4$ арш., съ клинообразною головою, видимо когда-то отбитою и теперь примазанною къ туловищу глиною. Статуя отъ времени почернѣла, напоминаетъ женщину со сложенными на груди руками. Подобныя статуи (каменныя бабы) имѣются и въ другихъ поселеніяхъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IX. Доложено письмо члена Коммиссіи П. В. Чиннова съ просьбой освободить его, въ виду его болѣзни, отъ обязанностей библіотекаря Коммиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и избрать библіотекаремъ Коммиссіи другое лицо въ слѣдующемъ засѣданіи Коммиссіи.

X. Избранъ въ члены Коммиссіи предложенный въ предыдущемъ засѣданіи Коммиссіи Д. М. Нетованный.

XI. Предсѣдатель Коммиссіи предложилъ въ членыя ея предсѣдателя Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи И. Ф. Павловскаго, преподавателя Симферопольской гимназіи М. А. Волошенка Христіана Христіановича Мецгера, преподавателя Таврической Духовной Семинаріи С. П. Рубинскаго и помощника инспектора той же гимназіи В. А. Благовѣщенскаго.

Всѣ эти лица избраны въ члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи Коммиссіи.

XII. Для библіотеки Коммиссіи получены слѣдующія изданія, книги и брошюры.

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, в.в. 15, 16 и 17 за 1915 годъ.

2. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ: Чтенія, кн. III (254) за 1915 годъ.

3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 10, за 1915 годъ.

4. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: а) Записки Восточнаго Отдѣленія, т. XXII, в. III—IV; б) Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи, т. т. X и XI; в) Протоколы общихъ собраній за 1899—1908 г. г. и е) Списокъ русскихъ періодическихъ изданій, находящихся въ библіотекѣ Общества.

5. Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, вып. 11.

6. Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи: Описаніе архивовъ Полтавской губерніи, составилъ И. Ф. Павловскій.

7. Отъ Архива Государственнаго Совѣта: а) Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу, т. I и II: б) Журналы и меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по крестьянскому дѣлу; в) Приложенія къ журналу Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу.

8. Отъ Редакціи журнала „Голосъ Минувшаго“: № 11-ый этого журнала за 1915 годъ.

9. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: №№ 29—30 и 31 этого изданія за 1915 годъ.

10. Отъ члена Коммиссіи А. Л. Бертье-Делагарда его трудъ: „Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Тавридѣ“.

11. Отъ Таврическаго тюремнаго инспектора: Отчеты о дѣятельности попечительства при Свято-Петровской церкви Симферопольской губернской тюрьмы за 1913 и 1914 г.г.

12. Отъ члена Коммиссіи Н. И. Троицкаго его трудъ: „Великій писатель земли русской“ или правда о „двухъ старикахъ“. Критическій этюдъ.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 30-го декабря 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены Коммиссіи: И. Ф. Александровъ, Сеидъ бей Булгаковъ, прот. А. М. Бычковскій, А. Л. Высотскій, Е. К. Воорендейкъ, Л. Е. Галкинъ, А. Я. Гидалевичъ, Л. В. Жирицкій, архимандритъ Иринархъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, Х. Х. Мецгеръ, В. Г. Раевскій и С. П. Рубинскій.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 9 декабря 1916 года.

Постановлено: утвердить.

II. Доложены письма И. Ф. Павловскаго и В. А. Благовѣщенскаго съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

III. Доложено отношеніе хранителя Херсонскаго городского музея древностей отъ 10 декабря т. г. за № 4711 съ препровожденіемъ въ даръ Коммиссіи коллекціи керамическихъ орнаментированныхъ фрагментовъ, найденныхъ въ дюнахъ лѣваго побережья низоваго Днѣпра, т. е. въ мѣстности Геродотовой Гилеи, и просьбой прислать въ Херсонскій музей дублеты керамической коллекція музея Коммиссіи.

Постановлено: выразить В. И. Гошкевичу искреннюю благодарность Коммиссіи за его подарокъ и увѣдомить, что въ небольшомъ ея музеѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, дублетовъ, которые она могла бы препроводить въ Херсонскій музей древностей.

IV. Выслушаны доклады товарища предсѣдателя Коммиссіи Н. Е. Славинскаго и членовъ ея А. И. Сѣницкаго и А. И. Шалаліева, о разсмотрѣнныхъ ими описяхъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ II-го разряда Керченской и Евпаторійской таможни, препровожденныхъ на заключеніе Коммиссіи. Всего разсмотрѣно было четыре описи 450 дѣлъ II-го разряда Керченской таможни съ 1893 по 1903 годъ и 396 дѣлъ II-го разряда Евпаторійской таможни за 1897—1900 годъ съ перечневыми описями относящихся къ нимъ бумагъ, при чемъ заслуживающихъ храненія не оказалось. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Коммиссія высказала соображеніе, что эти дѣла могли бы быть сохранены отъ уничтоженія, такъ какъ въ нихъ могутъ заключаться свѣдѣнія, которыя представятъ значительный интересъ въ будущемъ.

Постановлено: съ возвращеніемъ настоящихъ описей по принадлежности, просить управленіе Одесскаго таможеннаго округа о сохраненіи дѣлъ II-го разряда отъ уничтоженія на мѣстахъ, хотя въ нихъ и нѣтъ особенно важныхъ въ историческомъ отношеніи.

V. Доложено письмо ученаго археолога С. А. Локтюшева съ предложеніемъ услугъ для полученія мѣста хранителя музея Коммиссіи.

Постановлено: увѣдомить г. Локтюшева, что всѣ должности въ Коммиссіи безплатны, и на нихъ избираются лица исключительно изъ членовъ Коммиссіи.

VI. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Х. И. Кучукъ-Іоаннесова: „Григорій Нисскій, Армянская рукопись VIII-го вѣка, изъ Одессы". Въ обсужденіи этого реферата принимали участіе архимандритъ Иринархъ, прот. о. А. Бычковскій, Л. В. Жирицкій и предсѣдатель Коммиссіи.

Постановлено: благодарить Х. И. Кучукъ-Іоаннесова за его сообщеніе, которое напечатать въ „Извѣстіяхъ" Коммиссіи.

VII. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Д. А. Маркова: „Объ изученіи исторіи мѣстнаго края" съ приложеніемъ „Тетради для учащихся старшихъ классовъ, учителей начальныхъ училищъ и любителей старины" для самостоятельныхъ работъ по изученію исторіи мѣстнаго края.

Сообщеніе г. Маркова вызвало живой интересъ, и въ обсужденіи

его принимали участіе архим. Иринархъ, Л. В. Жирицкій, Е. К. Воорендейкъ, И. Ф. Александровъ, В. Г. Раевскій, Сеидъ бей Булгаковъ и предсѣдатель Коммиссіи.

Вполнѣ сочувственно отнесясь къ труду г. Маркова, собраніе **постановило** увѣдомить его, что его „Тетрадь“ заслуживаетъ широкаго распространенія въ земскомъ и педагогическомъ мірѣ и съ пользой могла бы быть разослана авторомъ въ земскія управы, епархіальные комитеты, училищные совѣты и т. д.

VIII. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что ему удалось пріобрѣсти для библіотеки Коммиссіи Стенографическіе очерки Государственной Думы перваго и второго созыва за шесть рублей.

Постановлено: принять расходъ на счетъ Коммиссіи.

IX. Предсѣдатель заявилъ, что членъ Коммиссіи Ягья Байбуртлы принесъ въ даръ ей „Маршрутную карту Европейской Россіи, сочиненную при квартирмейстерской части“, 1811 года.

Постановлено: благодарить.

X. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 17 и 18 за 1915 годъ.

2. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: Чтенія, кн. 4 (255-ая) за 1915 годъ.

3. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: т. XXXII-й его Записокъ.

4. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 11 и 12 за 1915 годъ.

5. Отъ Архива Государственнаго Совѣта: Опись, т.т. XI, XII и XXI.

6. Отъ Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Труды, вып. V и б) Отчетъ за 1914 годъ.

7. Отъ Общества изслѣдованія Волыни: а) Труды, т.т. VII, XII и XIII; б) Приложенія къ кн. VII, VIII и XII; в) Отчетъ за 1913 г.; г) Задачи и предѣлы географіи, П. А. Тушковскаго; д) Ботанико-топографическіе очерки болотъ Волынской губерніи.

8. Отъ Редакціи журнала „Голосъ Минувшаго“: № 12-й (декабрь) этого журнала за 1915 годъ.

9. Отъ Редакціи журнала Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ: № 31-й этого журнала за 1915 годъ.

10. Отъ члена Коммиссіи А. Н. Норцова: Краткій историческій очеркъ борьбы славянъ съ нѣмцами.

11. Отъ члена Коммиссіи Б. М. Модзалевскаго: Архивъ Раевскихъ, томъ V-ый.

Засѣданіе 4-го февраля 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: М. В. Агаповъ, И. Ф. Александровъ, М. И. Архангельскій, В. А. Благовѣщенскій, Л. Е. Галкинъ, А. А. Ивановъ, архимандритъ Иринархъ, Е. Э. Кесслеръ, И. С. Кобанъ, А. Ѳ. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, А. Н. Маркевичъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, Х. Х. Мецгеръ, П. В. Никольскій, А. К. Романюкъ, С. П. Рудневъ, В. І. Тихій, В. І. Филоненко и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Предсѣдатель напомнилъ собранію о кончинѣ 28 января одного изъ старѣйшихъ членовъ Коммиссіи А. В. Новикова и охарактеризовалъ его заботливое участіе къ Коммиссіи до самыхъ послѣднихъ дней жизни. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія 30 января 1915 года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложенъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1915 годъ.

Постановлено: утвердить.

IV. Избрана ревизіонная Коммиссія изъ И. Ф. Александрова, И. С. Кобана и С. П. Руднева, для провѣрки денежнаго отчета. Приходо-расходныя книги найдены веденными правильно, денежный отчетъ составленнымъ вѣрно, и остатокъ отъ расходовъ на лицо.

Постановлено: денежный отчетъ утвердить.

V. По предложенію предсѣдателя Коммиссіи, выражена благодарность казначею А. К. Романюку за въ высшей степени аккуратное веденіе денежныхъ дѣлъ Коммиссіи.

VI. А. К. Романюкъ заявилъ, что въ виду значительной суммы изъ средствъ Коммиссіи, находящейся на текущемъ счету, было бы весьма цѣлесообразно и выгодно пріобрѣсти на тысячу рублей бумагъ военнаго займа 1916 года. Согласившись съ мнѣніемъ г. Романюка, собраніе **постановило**: пріобрѣсти на одну тысячу рублей % бумагъ военнаго займа 1916 года, черезъ Сберегательную кассу.

VII. Доложено отношеніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 31 декабря 1915 г. за № 451 съ увѣдомленіемъ о томъ, что представленные ей и имѣющіе быть представленными проекты инструкціи касательно привоза и храненія дѣлъ въ мѣстныхъ архивахъ будутъ приняты во вниманіе при выработкѣ проекта общей инструкціи, при чемъ впредь до окончанія связанныхъ съ нею работъ Особая Коммиссія по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ признаетъ желательнымъ, по возможности, придерживаться § 5 Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 года Положенія, возлагающаго на губернскія ученыя архивныя коммиссіи разборъ дѣлъ и документовъ, предназна-

ченныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, и выражаетъ надежду на то, что при привозкѣ и храненіи дѣлъ Губернскія Ученыя Архивныя Коммиссіи примутъ на себя заботы о возможно болѣе строгомъ соблюденіи неприкосновенности старинныхъ архивныхъ фондовъ, въ силу котораго архивныя бумаги должны оставаться въ такомъ порядкѣ, какой возникъ органически, сообразно съ ходомъ дѣлопроизводства соотвѣтствующаго учрежденія, и должны быть распредѣлены такъ, чтобы въ самомъ ихъ распредѣленіи естественно отражалась его исторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Особая Коммиссія полагаетъ, что, въ случаѣ нарушенія вышеозначеннаго порядка, должны быть приняты мѣры къ его возобновленію.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и руководству.

VIII. Доложено отношеніе Правленія Императорскаго Варшавскаго Университета отъ 29 декабря 1915 г. за № 21225, съ просьбой оказать Университету содѣйствіе въ дѣлѣ сибиранія необходимыхъ для преподаванія и научныхъ занятій книжныхъ пособій предоставленіемъ ему всѣхъ изданій и книжныхъ дублетовъ.

Постановлено: выслать въ библіотеку Варшавскаго Университета №№ Извѣстій Коммиссіи и дублеты, какіе имѣются въ библіотекѣ Коммиссіи

IX. Доложено отношеніе Пермской Городской Общественной Библіотеки съ просьбой о присылкѣ ей Извѣстій Коммиссіи.

Постановлено: отказать за недостаточнымъ количествомъ выпусковъ Извѣстій, которыми располагаетъ Коммиссія.

X. Доложено отношеніе Московскаго Общества по изслѣдованію памятниковъ древности отъ 31 декабря 1915 г. за № 355, съ просьбой о высылкѣ ему „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: выслать № 52-ой Извѣстій.

XI. Доложено отношеніе студенческаго историческаго кружка при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ отъ 22 января 1916 г. за № 110, съ просьбой о высылкѣ ему Извѣстій Коммиссіи.

Постановлено: выслать № 52-ой Извѣстій.

XII. Доложено письмо пом. прис. пов. въ г. Ѳеодосіи Геймана съ просьбой о высылкѣ ему нѣкоторыхъ выпусковъ Извѣстій Коммиссіи, за плату, для его работы по исторіи г. Ѳеодосіи. При этомъ г. Гейманъ сообщаетъ, что архивъ Ѳеодосійскаго градоначальства, переданный когда-то на храненіе въ Ѳеодосійскую городскую управу, былъ ею сожженъ въ 1912 году, въ виду отсутствія мѣста для его храненія.

Постановлено: выслать г. Гейману нужные ему выпуски Извѣстій, относительно же свѣдѣній, сообщаемыхъ имъ относительно архива Ѳеодосійскаго градоначальства, обратиться съ запросомъ въ Ѳеодосійскую городскую управу.

XIII. Предсѣдатель Коммиссіи, обративъ вниманіе собранія на выдающуюся сорокалѣтнюю ученую дѣятельность члена ея Александра Львовича Бертье-Делагарда, въ частности по изслѣдованію исторіи и древностей Тавриды, и всегда высоковнимательное отношеніе его къ трудамъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, предложилъ избрать его въ почетные члены Коммиссіи.

Собраніе единодушно раздѣлило предложеніе А. И. Маркевича и **постановило** просить А. Л. Бертье-Делагарда принять званіе почетнаго члена Коммиссіи.

XIV. Предсѣдатель и С. П. Рудневъ предложили въ члены Коммиссіи заслуженнаго профессора Александра Никитича Филлипова, профессора Александра Андреевича Брандта, Владиміра Карловича Винберга, Николая Николаевича Богданова, Владиміра Алексѣевича Булюбаша, Николая Михайловича Лампси и Георгія Арсеньевича Маркевича.

Постановлено: избрать всѣхъ этихъ лицъ въ члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XV. Ѳ. Ѳ. Лашковъ сдѣлалъ сообщеніе: „Нѣкоторыя статистическія данныя о Крымѣ въ періодъ присоединенія его къ Тавридѣ“.

При обсужденіи этого доклада особенный интересъ вызвалъ вопросъ о количествѣ населенія въ Крыму въ моментъ присоединенія его къ Россіи.

Постановлено: благодарить автора за сообщеніе и напечатать его трудъ въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XVI. Доложено отношеніе М. И. Скубетова объ археологическихъ разысканіяхъ его въ горной части Крыма въ 1915 году.

Постановлено: благодарить автора за сообщеніе, которое напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи, приложенные же къ нему эстампажи надписей переслать академику Латышеву, съ просьбой объ ихъ транскрипціи.

XVII. П. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о сенатскихъ дѣлахъ архива Коммиссіи. Докладчикъ успѣлъ доложить только часть своего интереснаго доклада—о дѣлахъ, касающихся соляного управленія въ Крыму; продолженіе доклада, за позднимъ временемъ, отложено до слѣдующаго засѣданія Коммиссіи.

XVIII. Въ музей Коммиссіи поступили отъ М. И. Скубетова два предмета: желѣзный наконечникъ пики и старинный желѣзный кинжалъ, найденные въ Богатырской волости, Ялтинскаго уѣзда.

Постановлено: благодарить М. И. Скубетова.

XIX. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: „Порядокъ производства дѣлъ въ Англійской палатѣ общинъ“. Пер. съ прил. А. И. Звегинцева.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 1-й и 2-й за 1916 годъ.

3. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ: „Чтенія“, кн. I (256) за 1916 годъ.

4. Отъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: Юбилейный Сборникъ за 1915 годъ.

5. Отъ Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи: Отчетъ за 1914 годъ.

6. Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія: а) Чтенія, окт.—дек. 1915 г. и б) Отчетъ за 1914—1915 г.г.

7. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: №№ 36-й за 1915 г. и 3-й за 1916 г.

8. Отъ Московскаго Общества по изслѣдованію памятниковъ древности: А. В. Филипповъ. Русскіе поливные изразцы XVI в. (брош.).

9. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: Извѣстія, т. XXIX, вып. 4-й.

10. Отъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ: „Извѣстія“, т. XXX-й.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 29-го февраля 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены: М. В. Агаповъ, И. Ф. Александровъ, В. А. Благовѣщенскій, Л. Е. Галкинъ, А. Я. Гидалевичъ, И. М. Волошиновъ, архимандритъ Иринархъ, А. Ѳ. Кудрицкій, И. В. Ларіоновъ, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, А. Н. Маркевичъ, Г. А. Маркевичъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, свящ. А. В. Михайловскій, П. В. Никольскій, А. К. Романюкъ, А. И. Шалаліевъ, правитель дѣлъ П. В. Масловъ и гости: А. А. Шихуцкій, прот. І. Ѳ. Говядовскій, Гр. Мих. Орловъ и М. М. Климентьевъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 4 февраля 1916 года.

Постановлено: утвердить.

II. Доложено письмо А. Л. Бертье-Делагарда съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

III. Доложены письма проф. А. А. Брандта и Г. А. Маркевича съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ дѣйствительные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношеніе Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи отъ 1 февраля сего года съ приложеніемъ проекта Положенія о Всероссійскомъ Союзѣ Историческихъ Обществъ и просьбой сообщить, признаетъ ли возможнымъ Таврическая Ученая Архивная Коммиссія вступить въ этотъ Союзъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ Положенія.

По заслушаніи означеннаго проекта **постановлено**: выразить Императорскому Обществу Ревнителей Исторіи согласіе Коммиссіи вступить въ Союзъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ Положенія.

V. Доложено увѣдомленіе управляющаго Пековскою губерніею В. С. Арсеньева объ открытіи Псковской Ученой Архивной Коммиссіи. Предсѣдатель доложилъ, что ко дню открытія этой Коммиссіи, 11 февраля сего года, имъ было послано отъ имени Коммиссіи привѣтствіе Псковской Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Доложено полученное на дняхъ приглашеніе Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 30 января 1916 года принять участіе въ устраиваемой ею патріотической выставкѣ.

Постановлено: благодарить за приглашеніе.

VII. Доложено отношеніе Николаевскаго Городского Естественно-Историческаго Музея отъ 8 февраля сего года за № 44 съ просьбой о высылкѣ ему трудовъ Коммиссіи.

Постановлено: увѣдомить, что въ Извѣстіяхъ Коммиссіи не помѣщаются статьи по естествознанію.

VIII. Доложено отношеніе Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ отъ 4 февраля сего года за № 71 съ просьбой о продолженіи обмѣна изданіями.

Постановлено: продолжать обмѣнъ изданіями.

IX. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Л. П. Колли: „Объ одномъ генуэзскомъ барельефѣ Ѳеодосійскаго музея". Сообщеніе было выслушано съ большимъ интересомъ, и въ обсужденіи его принимали участіе предсѣдатель Коммиссіи, свящ. Медвѣдковъ, И. В. Ларіоновъ и др.

Постановлено: напечатать сообщеніе А. П. Колли въ Извѣстіяхъ Коммиссіи, а автора благодарить за трудъ.

X. П. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о сенатскихъ дѣлахъ музея Коммиссіи, вызвавшее живой интересъ собранія. Въ обсужденіи доклада принимали участіе предсѣдатель Коммиссіи, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, М. В. Агаповъ и И. Ф. Александровъ.

Постановлено: благодарить П. В. Никольскаго за сообщеніе, которое напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XI. Доложено сообщеніе приватъ-доцента Императорскаго Казанскаго Университета В. И. Огородникова: „Венеціанскіе кладоискатели

XV вѣка въ южномъ Подоньи", выслушанное съ большимъ интересомъ. Въ обсужденіи его принимали участіе архимандритъ Иринархъ, П. В. Масловъ и предсѣдатель Коммиссіи.

Постановлено: благодарить автора за сообщеніе, которое напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XII. Товарищъ предсѣдателя Коммиссіи Н. Е. Славинскій доложилъ о результатахъ произведеннаго имъ подсчета книгъ библіотеки и предметовъ музея Коммиссіи и просилъ освободить его отъ званія товарища предсѣдателя.

Постановлено: благодарить Н. Е. Славинскаго за его труды по музею и библіотекѣ, просить его при первой возможности сдать библіотеку и остаться завѣдующимъ музеемъ въ званіи товарища предсѣдателя, на что г. Славинскій изъявилъ свое согласіе.

XIII. Предсѣдатель Коммиссіи предложилъ въ члены ея приватъ-доцента Казанскаго Университета Владиміра Ивановича Огородникова.

Постановлено: избрать г. Огородникова въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XIV. Предсѣдатель заявялъ о пожертвованіи для музея Коммиссіи Х. Х. Мецгеромъ двухъ предметовъ: а) Куска окаменѣлаго дерева, найденнаго въ песочной ямѣ въ с. Пришибъ, Мелитопольскаго уѣзда, въ 3-хъ саженяхъ ниже поверхности земли, и окаменѣлой раковины, найденной при буравленіи колодца въ с. Гохштедтѣ, Пришибской волости, Мелитопольскаго уѣзда, на глубинѣ 28 саж. отъ поверхности земли.

Постановлено: благодарить Х. Х. Мецгера за пожертвованіе.

XV. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, № 3 за 1916 г.

2. Отъ Императорской Публичной Библіотеки: Отчеты за 1907-й, 1908, 1909 и 1910 г.г.

3. Отъ Императорскаго Петроградскаго Археологическаго Института: Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, вып. XXII-ой.

4. Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи: Матеріалы по народной словесности Полтавской губ., вып. IV. Роменскій уѣздъ.

5. Отъ Естественно-Историческаго Музея Таврическаго Губернскаго Земства: Отчетъ за 1915 годъ.

6. Отъ Редакціи журнала „Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ": № 4-й этого изданія за 1916 годъ.

7. Отъ Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи: Отчетъ за 1915 годъ.

8. Отъ члена Коммиссіи В. Н. Смольянинова его изданія и труды: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 141; б) Матеріалы для исторіи князей Гедиминовичей; в) Отклики прошлаго

(изъ архива кн. Ѳ. А. Куракина); г) О Финляндской Кареліи; д) Княже-Куракинскія церкви въ Тверской губерніи; е) Дѣло о бывшемъ въ Пекинѣ іеромонахѣ Алексѣѣ.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 28-го марта 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи Таврическаго губернатора Свиты Его Величества генералъ-маіора Н. А. Княжевича присутствовали: предсѣдатель Коммиссіи А. И. Маркевичъ, товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены:—М. В. Агаповъ, И. Ф. Александровъ, Ѳ. Н. Андреевскій, М. И. Архангельскій, протоіерей А. М. Бычковскій, М. А. Волошенко, А. Я. Гидалевичъ, архимандритъ Иринархъ, А. Ѳ. Кудрицкій, Е. Б. Княжевичъ, А. Н. Маркевичъ, Г. А. Маркевичъ, свящ. П. И. Медвѣдковъ, Х. Х. Мецгеръ, Д. М. Нетованный, В. І. Филоненко, А. С. Харченко, правитель дѣлъ П. В. Масловъ и гости: А. М. Туловъ, Н. Г. Гусевъ и прот. І. Говядовскій.

І. Доложенъ протоколъ засѣданія 30 февраля 1916 года.

Постановлено: утвердить.

ІІ. Доложено письмо В. И. Огородникова, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

ІІІ. Доложено отношеніе Общества Исторіи, Филологіи и Права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ отъ 7 марта с. г. съ просьбой о продолженіи обмѣна изданіями.

Постановлено: продолжвть обмѣнъ.

IV. Доложено письмо члена Коммиссіи преподавателя Евпаторійской гимназіи В. Ѳ. Штифтара съ просьбой сообщить ему, можетъ ли онъ разрыть бугоръ на городской землѣ въ Евпаторіи, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ. Раскопка одного изъ многихъ такихъ бугровъ въ сѣверной части Евпаторіи, примыкающей теперь къ вокзалу Евпаторійской желѣзной дороги, имѣла бы извѣстное значеніе, выяснивъ характеръ ихъ и вопросъ объ ихъ систематической раскопкѣ.

Постановлено: сообщить г. Штифтару, что разрѣшеніе раскопки кургановъ на общественныхъ земляхъ зависитъ отъ Императорской Археологической Коммиссіи и что Таврическая Ученая Архивная Коммиссія признаетъ пробную раскопку одного изъ никъ на землѣ г. Евпаторіи, съ своей стороны, весьма желательной, при условіи, чтобы эта раскопка производилась подъ личнымъ наблюденіемъ г. Штифтара и другихъ преподавателей Евпаторійской гимназіи.

V. Доложено отношеніе Скобелевскаго Комитета для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ съ просьбой о пріобрѣтеніи (новыхъ) его изданій.

Постановлено: пріобрѣсти изданіе Комитета: „Вторая Отечественная война по разсказамъ ея героевъ", 30 вып., цѣна съ перес. 7 р. 50 к.

VI. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что при работахъ въ саду землевладѣльца Симферопольскаго уѣзда Н. И. Цыгоева, въ его саду, при с. Базарчикъ, рабочіе—бѣженцы выкопали глиняный кувшинчикъ, въ которомъ было 13 золотыхъ и 11 серебряныхъ монетъ. Эти монеты онъ доставилъ предсѣдателю Коммиссіи, съ желаніемъ уступить эту находку ей за 150 рублей. Г. Непремѣнный Попечитель Коммиссіи, которому было доведено до свѣдѣнія объ этой находкѣ, убѣдилъ г. Цыгоева уступить эти монеты за 120 рублей, которыя и были ему уплочены. Найденныя монеты—восточныя и западно-европейскія конца XVI и начала XVII в.в., именно: а) три золотыя монеты султана Сулеймана, сына хана Селима, чек. въ Египтѣ въ 926 г. гиджры (на двухъ дата не ясна, одна съ просверленной дырочкой); б) одна, золотая, султана Мухамета, сына Муратъ хана, чек. въ Египтѣ, дата не разборчива; в) одна, золотая, султана Мурада, сына Селимъ хана, чек. въ Дамаскѣ; годъ стертъ, приблизительно 982; г) двѣ золотыя, султана Мурада, сына хана Селима, чек. въ Египтѣ въ 982 г.; д) двѣ золотыя, султана Османа, сына Ахметъ-хана, чек. въ Египтѣ въ 1027 г.; е) одна султана Ахмета, сына Мухаммеда VI, (годъ и мѣсто чеканки стерты); ж) одна, золотая, Рудольфа II Австрійскаго, 159 (6? г.); з) золотая, Рудольфа II Венгерскаго, 1597 г.; и) золотая, Гавр. Баторія герц. Трансильванскаго, 1609 г.; і) пять серебр. Фердинанда, эрцг. Австрійскаго (годъ стертъ); к) двѣ сер. Козьмы II, герц. Пизанскаго, (безъ даты); л) серебр. Фердинанда, герц. Пизанскаго, 1584 г.; м) стертая, серебр. 1621 (голландская ?); н) серебр., Сигизмунда Молд., Вал. и Транс. 1584 г.; о) одна стертая (бельгійская) и п) одна стертая (нѣмецкая).

Постановлено: означенный расходъ (120 р.) принять на счетъ Коммиссіи и монеты включить въ нумизматическую коллекцію еа музея.

VII. Н. Е. Славинскій представилъ въ даръ Коммиссіи: а) Видъ Симферополя 1803 г. (снимокъ съ гравюры); б) программу любительскаго спектакля въ Симферополѣ 8 и 9 февраля 1860 г. и в) Планъ окрестностей Одессы, 1860 г.

Постановлено: благодарить.

VIII. Доложено сообщеніе Н. П. Голубовской: „Князь Владиміръ святой, какъ личность". Сообщеніе было выслушано съ большимъ интересомъ.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

IX. Доложено сообщеніе В. Ѳ. Смолина: „Къ вопросу о названіи Чернаго моря въ древности". Рефератъ былъ выслушанъ съ большимъ интересомъ и вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимали участіе П. В. Масловъ, о. П. Медвѣдковъ, М. В. Агаповъ, защищавшіе греческое происхожденіе названія Ἄξενος, и предсѣдатель Коммиссіи объяснявшій это слово, какъ эленизированное фригійскаго или ассирійскаго Askenaz.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ „Извѣстіяхъ" Коммиссіи.

X. Доложено письмо извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго къ архіепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентію, отъ 29 декабря 1855 г., съ просьбой о присылкѣ ему находившихся у Иннокентія матеріаловъ, касавшихся жизни и твореній Г. С. Сковороды, для составленія статьи о немъ. Это письмо хранилось въ Симферополѣ у внучатной племянницы знаменитаго архипастыря, жены протоіерея В. С. Никольскаго, и передано теперь въ даръ Коммиссіи.

Постановлено: благодарить за пожертвованіе этого интереснаго письма и напечатать его въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XI. Доложены сообщенія В. Д. Геймана о ѳеодосійскихъ градоначальникахъ и препровожденныя имъ выписки изъ дѣлъ Ѳеодосійской городской управы и Ѳеодосійской таможни.

Постановлено: благодарить автора, а сообщеніе его напечатать въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XII. Предсѣдатель Коммиссіи предложилъ въ дѣйствительные ея члены: Директора Императорской Публичной Библіотеки Дмитрія Ѳомича Кбеко, помощника его профессора Николая Петровича Лихачева и предсѣдателя Симферопольскаго окружнаго суда Алексѣя Михайловича Тулова.

Постановлено: избрать означенныхъ лицъ въ дѣйствительные члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XIII. Въ библіотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Четвертый созывъ, Сессія IV-я, Засѣданія 17—24.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 4-й и 5-й за 1916 годъ.

3. Отъ Императорскаго Общества Ревнителей Исторіи: Вѣстникъ, выпускъ II-ой.

4. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи: Сборникъ, т. XVIII-ый, вып. I-ый.

5. Отъ Московскаго Общества по изслѣдованію памятниковъ древности брошюра: Сущность археологіи, Ю. Деппа, пер. Русинова.

6. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Записки Восточнаго Отд., т. XXIII-й, вып. I—II.

7. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи: а) Журналы 117 и 118 засѣданій; б) Н. И. Ивановъ. Сельское духовенство Тверской губ. XVIII и нач. XIX в. в. (брош.); в) А. Виноградовъ. Къ археологіи Весьегонскаго уѣзда.

8. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, кн. II-я.

9. Отъ Общества Изслѣдователей Волыни: а) Труды, томъ XI-й, вып. 1-й и б) Ксенжопольскій: „Microlepidoptera“ окрестностей г. Житоміра (брош.).

10. Отъ Таврическаго губернатора: Памятная книжка Таврической губерніи, на 1916 годъ.

11. Отъ члена Коммиссіи В. С. Иконникова его трудъ: Максимъ Грекъ и его время. Изданіе 2-е.

12. Отъ члена Коммиссіи В. Н. Смольянинова: а) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, кн. 2—8 и 10; б) Дѣло о бывшемъ въ Пекинѣ іеромонахѣ Алексѣѣ.

13. Отъ В. Ѳ. Смолина его трудъ: „О передвиженіи Геродотовскихъ Скиѳовъ въ передней Азіи“.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 12-го мая 1916 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали: товарищъ предсѣдателя Н. Е. Славинскій, члены Коммиссіи—И. Ф. Александровъ, А. Я. Гидалевичъ, Л. В. Жирицкій, И. С. Кобанъ, А. Ѳ. Кудрицкій, А. И. Леонтьевъ, Г. А. Маркевичъ, Х. Х. Мецгеръ, Х. А. Монастырлы, П. В. Никольскій, П. В. Чинновъ и правитель дѣлъ П. В. Масловъ.

I. Объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдатель Коммиссіи обратилъ вниманіе собранія на исполнившееся 8-го числа этого мѣсяца 300-лѣтіе со дня смерти великаго русскаго человѣка Кузьмы Минина, въ краткомъ словѣ указалъ сущность и значеніе его подвига и огласилъ текстъ привѣтствія, посланнаго отъ имени Коммиссіи Нижегородской Городской Думѣ и Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи, въ отвѣтъ на приглашеніе Коммиссіи на торжественное соединенное засѣданіе ихъ въ день 8-го мая сего года.

Собраніе почтило вставаніемъ память Кузьмы Минина.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія 29 марта 1916 года.

Постановлено: утвердить

III. А. Я. Гидалевичъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній въ дополненіе къ доложенному въ предыдущемъ засѣданіи сообщенію В. Ѳ. Смолина: „Къ названію Чернаго моря въ древности“. Указавъ нѣсколько примѣровъ переименованій или искаженій названій побѣдителями или новыми поселенцами (Гёзлёвъ–Козловъ, Таліенванъ–Дальній и т. д.), г. Гидалевичъ присоединился ко тому положенію, что греческое названіе Чернаго моря Ἄξενος могло быть элленизаціей названія Askenaz. Далѣе г. Гидалевичъ указалъ, что слово Askenaz, Ашкенази, Ашкинази, у насъ въ Крыму Ачкинази, очень распространено въ еврейскомъ языкѣ, и его можно прослѣдить отъ глубины вѣковъ черезъ средніе вѣка и до настоящаго времени, какъ фамильное названіе, какъ названіе одного изъ двухъ еврейскихъ толковъ и какъ обозначеніе Германіи. Указавъ на три мѣста съ упоминаніемъ этого слова въ Ветхомъ Завѣтѣ, г. Гидалевичъ остановился на словахъ пророка Іереміи, довольно ясно указывающихъ на то, кого имѣетъ въ виду Библія подъ этимъ именемъ. Великій пророкъ призываетъ народъ къ отмщенію Ашуру за поруганіе чести его родного народа: „Поднимите знамя, трубите въ трубы, поднимите народъ, призовите царства Араротъ, Минни и Аскеназъ, поставьте вождя противъ него, наведите коней, какъ страшную саранчу“. Указанныя пророкомъ царства — очевидно, сосѣдніе, враждебные Ассиріи народы. Араротъ ясно указываетъ на мѣсто нынѣшней Арменіи, Минни клинописное Mannai — пространство между Ванскимъ и Урмійскимъ озерами; поэтому и Ашкеназъ также долженъ быть по сосѣдству съ Ассиріей, и если вспомнить, что въ предѣлахъ Арменіи до Чернаго моря жилъ народъ, носившій, какъ это видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ докладѣ г. Смолина, названіе Askenaz, Askuza, Scythes, то станетъ яснымъ, что тутъ имѣется въ виду Скиѳія. Это обстоятельство подтверждаетъ гипотезу, изложенную въ докладѣ г. Смолина, о древнемъ названіи Чернаго моря „Askenaz“.

Постановлено: внести замѣчанія А. Я. Гидалевича въ протоколъ настоящаго засѣданія.

IV. Доложены письма Д. Ѳ. Кобеко и Н. П. Лихачева съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Предсѣдатель доложилъ, что имъ были посланы отъ имени Коммиссіи привѣтствія Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи, по случаю исполнившагося десятилѣтія ея дѣятельности и Ялтинскому Отдѣлу Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба, по случаю исполнившагося 25-лѣтія его дѣятельности.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено отношеніе г. Таврическаго губернатора отъ 16 апр. сего года за № 2069 съ просьбой сообщить, имѣютъ-ли найденныя въ

дер. Базарчикѣ, Симферопольскаго уѣзда, на землѣ Н. И. Цыгоева 13 золотыхъ и 11 серебряныхъ монетъ какое-либо значеніе въ нумизматическомъ отношеніи.

Предсѣдатель заявилъ, что имъ уже послано увѣдомленіе по настоящему запросу, что означенныя монеты никакого значенія въ нумизматическомъ отношеніи не предстевляютъ, такъ какъ онѣ не рѣдки и большею частью дефектны.

VII. Доложено отношеніе г. Таврическаго губернатора отъ 16-го апрѣля сего года за № 2539 съ предложеніемъ предсѣдателю Коммиссіи лично осмотрѣть на мѣстѣ, въ Ѳеодосіи, архивъ бывшаго Ѳеодосійскаго Градоначальства, хранящійся при Ѳеодосійской Городской Управѣ, и сообщеніемъ, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ вывозу дѣлъ этого архива, имѣющихъ историческое значеніе, въ архивъ Коммиссіи.

Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что, согласно порученію г. губернатора, онъ ѣздилъ въ г. Ѳеодосію и на мѣстѣ убѣдился въ томъ, что весь архивъ бывшаго Ѳеодосійскаго Градоначальства погибъ частію во время пожара въ зданіи Ѳеодосійской Городской Управы въ 1905 г., частію отъ небрежнаго храненія его остатковъ въ послѣдующее время. Но въ Ѳеодосійской Городской Управѣ нашлись дѣла бывшей Ѳеодосійской Городской Ратуши, которыя имѣютъ историческій интересъ, и которыя слѣдовало бы спасти отъ участи архива бывшаго Ѳеодосійскаго Градоначальства перевозкой ихъ въ Симферополь, въ архивъ Коммиссіи, на что со стороны Ѳеодосійской Городской Управы возраженій не послѣдовало.

Постановлено: принять мѣры къ перевозкѣ дѣлъ бывшей Ѳеодосійской городской ратуши въ архивъ Коммиссіи.

VIII. Доложено отношеніе Ѳеодосійской Городской Управы отъ 21 апрѣля сего года за № 998, въ отвѣтъ на отношеніе Коммиссіи отъ 1 февраля сего года за № 25, съ увѣдомленіемъ о томъ, что весь архивъ Ѳеодосійскаго Городского Управленія и всѣ архивныя дѣла бывшаго Ѳеодосійскаго Градоначальства и другихъ учрежденій, въ свое время переданныхъ городу, съ описями ихъ, были уничтожены пожаромъ 19 октября 1905 года, вмѣстѣ съ зданіемъ Городской Управы. Въ другомъ городскомъ зданіи, гдѣ помѣщается въ настоящее время городской общественный банкъ, оставались старыя разбитыя бумаги Городского Управленія, не вошедшія въ опись и заключавшіяся, главнымъ образомъ, въ бланкахъ, черновикахъ и нѣсколькихъ разбитыхъ, разрозненныхъ дѣлахъ, каковыя бумаги, въ виду ремонта сего зданія, были перевезены во дворъ дома, гдѣ помѣщалась Городская Управа, и свалены въ кучу; пролежавъ въ такомъ видѣ нѣсколько лѣтъ, онѣ, дѣйствительно, послѣ разборки, были по распоряженію Управы уничтожены за карантиномъ.

Вѣроятно, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется упоминаемый въ вышеозначенномъ отношеніи Коммиссіи за № 25 невѣрный слухъ о сожженіи, по распоряженію Городской Управы, архива бывшаго Ѳеодосійскаго Градоначальства.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и записать въ протоколъ.

IX. Доложено отношеніе г. Таврическаго губернатора отъ 18 апрѣля сего года за № 6185 съ сообщеніемъ о томъ, что Императорская Археологическая Коммиссія поручила старшему своему члену профессору Н. И. Веселовскому въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ сего года произвести археологическія раскопки въ предѣлахъ Таврической губерніи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

X. Доложено отношеніе Студенческаго Историческаго Кружка при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, съ выраженіемъ благодарности за присылку № 52-го Извѣстій Коммиссіи и просьбой впредь присылать изданія Коммиссія.

Постановлено: высылать Извѣстія въ Студенческій Историческій Кружокъ при Новороссійскомъ Университетѣ.

XI. Доложено письмо члена Коммиссіи Л. П. Колли къ предсѣдателю Коммиссіи съ извѣщеніемъ о томъ, что городскимъ архитекторомъ въ Ѳеодосіи г. Кейлемъ поднятъ вопросъ о сооруженіи въ этомъ городѣ реальнаго училища на мѣстѣ пришедшаго въ ветхость такъ называемаго дворца Императрицы Екатерины II-ой, и находящагося рядомъ съ нимъ дома, называемаго Сары-ханомъ. Этотъ домъ находится въ частномъ владѣніи, принадлежитъ І. И. Хаджи, и тѣмъ затруднительнѣе вопросъ о его сохраненіи. Но, во всякомъ случаѣ, надо принять мѣры къ сохраненію этихъ памятниковъ если не древности, то старины, какъ однихъ изъ первыхъ съ начала русскаго періода владѣнія Крымомъ, связанныхъ съ именемъ Императрицы Екатерины. Описаніе дворца съ видомъ его дано Л. П. Колли въ № 35-мъ Извѣстій Коммиссіи, стр. 16.

Постановлено: благодарить г. Колли за его сообщеніе и обратиться къ г. Таврическому губернатору съ просьбой обратить вниманіе на дворецъ Императрицы Екатерины Великой въ Ѳеодосіи и убѣдить владѣльца не разрушать его, а ремонтировать съ сохраненіемъ всѣхъ его архитектурныхъ особенностей, или выдѣлить его изъ своего владѣнія и пожертвовать городу, какъ историческій памятникъ, что было бы лучшимъ рѣшеніемъ этого вопроса.

XII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ получилъ извѣщеніе о томъ, что владѣлецъ имѣнія Біюкъ-Сюрень предполагаетъ срубить находящійся въ его саду знаменитый дубъ, въ 8 обхватовъ вокругъ ствола, посѣщаемый туристами, какъ одна изъ достопримѣчательностей Крыма. Объ этомъ намѣреніи владѣльца А. И.

Маркевичъ довелъ до свѣдѣнія Крымскаго Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы, на предметъ принятія мѣръ къ сохраненію этого заслуживающаго охраны дуба. 28 апрѣля сего года Совѣтъ Общества увѣдомилъ, что онъ вступилъ въ переговоры съ владѣльцемъ дуба о необходимости сохранить его, и что, повидимому, переговоры приведутъ къ желательнымъ результатамъ.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XIII. Доложена историческая записка о Ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ, составленная бывшимъ учителемъ его Половецкимъ.

Собраніе заслушало трудъ г. Половецкаго съ большимъ интересомъ и **постановило**: напечатать его въ Извѣстіяхъ Коммиссіи.

XIV. Доложено слѣдующее сообщеніе В. Д. Геймана: „Потомки Гарибальди въ Ѳеодосіи".

„5-го апрѣля с. г. скончался и 7-го апрѣля погребенъ въ нѣмецкой колоніи Герценбергъ (нынѣ „Кизильникъ"), близъ Ѳеодосіи, проживавшій тамъ племянникъ извѣстнаго итальянскаго народнаго героя Дж. Гарибальди—Георгій Осиповичъ Гарибальди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1912 г., передъ пріѣздомъ въ Ѳеодосію депутаціи генуэзскихъ профессоровъ съ маркизомъ Чезаре Имперіале ди Сантъ-Анджелло во главѣ, мы посѣтили старика Г. О. Гарибальди, подѣлившагося подробностями пріѣзда его отца въ Ѳеодосію.

Какъ выясняется, въ 4 годахъ прошлаго столѣтія герой Италіи отправился въ путешествіе со своимъ двоюроднымъ братомъ, также Джузеппо Гарибальди. Побывавъ въ Таганрогѣ, братья попали въ Ѳеодосію, откуда герой вернулся въ Турцію и затѣмъ на родину, а кузенъ его остался тутъ. Здѣсь онъ поступилъ капитаномъ на судно негоціанта—Леонарда Дуранте, дѣда недавняго городского головы г. Ѳеодосіи. Первая жена его, оставшаяся въ Константинополѣ, вскорѣ сошла съ ума во время одного изъ погромовъ и умерла. Тогда Дж. Гарибальди женился на проживавшей въ нѣмецкой колоніи „Герценбергъ" колонисткѣ Бауеръ и поселился въ нѣмецкой колоніи.

Въ результатѣ нынѣшнее потомство его утратило совершенно итальянскій оттѣнокъ, и носители фамиліи Гарибальди являются въ Ѳеодосіи типичнѣйшими нѣмцами. Невидавшіе уѣзжавшаго въ море отца, дѣти не говорили даже по-итальянски, и скончавшійся недавно старшій сынъ Джузеппо—Георгій, старикъ 63 лѣтъ, объяснялся исключительно по-нѣмецки. Вмѣстѣ съ языкомъ потомство переняло и нѣмецкія привычки, и нынѣшніе Гарибальди промышляютъ, между прочимъ, изготовленіемъ колбасъ для многихъ торговыхъ заведеній Ѳеодосіи. Обликъ ихъ чисто нѣмецкій.

Послѣ умершаго осталась вдова, сынъ и дочь, а также многочисленные внуки и внучки. Нѣкоторое время ѳеодосійскіе отпрыски Га-

рибальди пытались получить помощь отъ самого героя, но отвѣта на посланное туда письмо не послѣдовало. Молчаніе его старикъ объяснялъ, впрочемъ, совпавшей съ отсылкой его ходатайства болѣзнью героя (въ 70-хъ годахъ). На вторичное его ходатайство о денежной помощи отвѣта также не послѣдовало. Въ послѣднее время г. Гарибальди возбуждено было ходатайство о принятіи его съ потомствомъ въ русское подданство. Намъ было предъявлено подлинное свидѣтельство о принадлежности его къ Сардинскому подданству; находится оно нынѣ у сына покойнаго—Августа".

Постановлено: настоящее сообщеніе внести въ протоколъ настоящаго засѣданія Коммиссіи, а автора благодарить.

XV. Доложено сообщеніе В. Ѳ. Штифтара о произведенной имъ раскопкѣ одного изъ кургановъ въ сѣверной части Евпаторіи, вблизи новаго вокзала желѣзной дороги. „Высота кургана 4 метра, діаметръ около 35 метровъ. Главная каменная могила, изъ каменныхъ грубо отесанныхъ плитъ бѣлаго известняка, оказалась разграбленной и снова засыпанной; въ могилѣ между камнями и землей, кромѣ мелкихъ костей и человѣческихъ зубовъ, ничего не было обнаружено. Въ полѣ кургана обнаружено древнее погребеніе, повидимому, воина. Костякъ лежалъ головой на западъ; черепъ сильно сплющенной формы, съ плоскимъ же, низкимъ лбомъ. Кости почти совершенно истлѣли. У костяка найдено пять наконечниковъ желѣзныхъ копій, кусочки желѣзнаго стержня и другіе мелкіе куски желѣза, съѣденные ржавчиной. Тутъ же найдены мелкіе полоски кости, служившія, повидимому, накладкой на ножнахъ или какомъ либо деревянномъ или кожаномъ издѣліи. На лицевой поверхности кости части орнамента—елочнаго и кружкового. Найденъ черепокъ изъ грубо обожженной глины. Въ курганѣ обнаружены слѣды каменной кладки. Курганы вблизи Евпаторіи до сего времени не обслѣдованы, но почва древняго поселенія на ея мѣстѣ должна быть богата предметами древности и заслуживаетъ систематическихъ археологическихъ раскопокъ".

Постановлено: благодарить г. Штифтара за сообщеніе, которое внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XVI. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ собранію о двухъ своихъ поѣздкахъ по дѣламъ ея въ Ѳеодосію и Бахчисарай.

„Поѣздка въ Ѳеодосію была вызвана необходимостью выяснить, уцѣлѣло ли хоть что-нибудь изъ архива бывшаго Ѳеодосійскаго градоначальства. Къ сожелѣнію, оказалось, что онъ погибъ цѣликомъ. Въ Ѳеодосійской Городской Управѣ находятся только старыя дѣла бывшей ѳеодосійской городской ратуши, которыя предположено передать въ архивъ Коммиссіи. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ отъ тяжелаго впечатлѣнія вызваннаго гибелью архива ѳеодосійскаго градоначальства, было по-

сѣщеніе мною двухъ учрежденій въ Ѳеодосіи, обладающихъ значительными и важными архивами—карантина и таможни. Въ обоихъ учрежденіяхъ дѣла хранятся въ образцовомъ порядкѣ, съ полнымъ соотвѣтствіемъ ихъ цѣнности. Завѣдующій карантиномъ докторъ К. А. Бѣлиловскій имѣетъ въ виду на основаніи архивныхъ матеріаловъ составить историческую записку о Ѳеодосійскомъ карантинѣ. Не могу не отмѣтить, что онъ съ большимъ вниманіемъ и заботой относится къ находящимся въ раіонѣ карантина остаткамъ генуэзскаго владычества въ Ѳеодосіи—церквамъ, стѣнамъ и т. д., дополняя своими трудами самоотверженныя заботы хранителя Ѳеодосійскаго музея древностей Л. П. Колли о памятникахъ древности и старины въ Ѳеодосіи. Считаю долгомъ также заявить объ обнаруженныхъ Ѳеодосійской Городской Управой заботахъ о находящихся въ Ѳеодосіи памятникахъ древности и старины. Такъ, Управа имѣетъ въ виду принять рѣшительныя мѣры къ упорядоченію мѣста упокоенія П. С. Котляревскаго. До послѣдняго времени это мѣсто было совсѣмъ заброшено, а память знаменитаго героя забыта ѳеодосійцами: чугунная плита, бывшая на мавзолеѣ, поставленномъ на могилѣ его Рукавишниковымъ, года три тому назадъ похищена, мраморное изваяніе ангела на могилѣ племянницы Котляревскаго, существовавшее еще въ прошломъ году, теперь исчезло, и чугунный крестъ, находившійся на могилѣ деньщика Котляревскаго, участника всѣхъ его походовъ, расшатанъ кѣмъ-то, съ цѣлью также похищенія. Вблизи памятника Котляревскаго и повсюду на этомъ маленькомъ кладбищѣ соръ, грязь, а покой мѣста нарушается безпрестанными ударами желѣзнаго молота на находящейся вблизи его кузницѣ или какомъ то-заводѣ. Члены нынѣшней городской управы выражали мнѣ рѣшительное намѣреніе привести въ порядокъ мѣсто и огородить его, но мнѣ кажется, что лучше было бы перенести прахъ Котляревскаго и его сподвижниковъ въ сооруженную для этого часовню при Ѳеодосійскомъ Музеѣ древностей, о чемъ я и Л. П. Колли писали нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Говорятъ, что это нарушитъ волю Котляревскаго, желавшаго, чтобы прахъ его лежалъ въ его „Добромъ Пріютѣ"; но это имѣніе теперь распродано, могила находится среди городскихъ построекъ, и мѣсто упокоенія лишено покоя и не имѣетъ характера добраго пріюта.

Ѳеодосійская Городская Управа предполагаетъ перенести съ толчка, находящагося на Кладбищенской улицѣ, на болѣе приличное мѣсто и фонтанъ, сооруженный въ шестидесятыхъ годахъ въ память о ѳеодосійскомъ градоначальникѣ, впослѣдствіи Таврическомъ губернаторѣ, А. И. Казначеевѣ. Этому намѣренію нельзя не сочувствовать. Казначеевъ былъ добрымъ геніемъ Ѳеодосіи,—и этотъ скромный памятникъ ему, построенный по мысли И. К. Айвазовскаго, заслуживаетъ болѣе приличнаго мѣста, чѣмъ то, гдѣ онъ теперь находится. Пріятно было слышать отъ ѳеодосій-

цевъ о намѣреніи обратить вниманіе на Крымскій отдѣлъ городской общественной библіотеки, требующей пополненія новыми и капитальными сочиненіями, касающимися Тавриды, и въ частности Крыма. Въ матеріальномъ отношеніи Ѳеодосія быстро развивается, украшается прекрасными зданіями—дворцами; желательно, чтобы она также быстро росла и въ культурномъ отношеніи, въ удовлетвореніе внутреннихъ, духовныхъ потребностей ея гражданъ.

Вторая моя поѣздка — въ окрестности Бахчисарая была вызвана предложеніемъ академика В. В. Латышева снять фототрафическіе снимки съ нѣсколькихъ надгробныхъ памятниковъ и надписей на нихъ, указанныхъ членомъ Коммиссіи М. И. Скубетовымъ, въ виду того, что сдѣланные имъ эстампажи оказались несовсѣмъ удачны. Такъ какъ эта поѣздка съ приглашеннымъ фотографомъ могла обойтись очень дорого, то я просилъ В. В. Латышева, не найдетъ ли онъ возможнымъ испросить небольшую субсидію на нее отъ Императорской Археологической Коммиссіи. Получивъ увѣдомленіе, что ею ассигновано мнѣ на эту поѣздку 60 рублей, я отправился въ Бахчисарай съ фотографомъ—любителемъ, служащимъ въ Таврической Губернской Земской Управѣ М. П. Клеопой и М. М. Скубетовымъ въ тѣ мѣста въ окрестностяхъ Бахчисарая, гдѣ находятся найденныя г. Скубетовымъ надписи: имѣніе Папалекси близъ дер. Ички, развалины церкви св. Троицы вблизи с. Лаки и въ с. Керменчикъ. Плиты съ надписями оказались дѣйствительно интересными, но, къ сожалѣнію, погода въ этотъ день была дождливая, крайне неблагопріятная для снятія фотографіи, почему и снимки оказались неудовлетворительными. Въ виду этого приходится вторично ѣхать въ означенныя мѣста, и такъ какъ ассигнованная Императорской Археологической Коммиссіей сумма почти вся израсходована въ первую поѣздку, то придется израсходовать на вторую поѣздку еще приблизительно рублей 20, и, конечно, изъ средствъ Коммиссіи, если она будетъ согласна на этотъ расходъ. Изъ окрестностей Бахчисарая я посѣтилъ въ эту поѣздку и Сюреньскую башню, близь д. Ташъ-Баксанъ-Сюрень, съ цѣлію осмотрѣть ее и опредѣлить степень ея сохранности въ настоящее время. Къ сожалѣнію, этотъ интереснѣйшій памятникъ древности въ Крыму, описанный Кеппеномъ въ 1837 г. (Крымскій Сборникъ, стр. 291—5) и Гр. Карауловымъ въ 1871 г. (Новоросс. Кал. 1871, 1—24), приходитъ въ разрушеніе. Часть башни съ внутренней стороны обрушилась, обрушились въ значительной части и стѣны по обѣимъ сторонамъ. Къ счастію, остатки византійскихъ фресковыхъ изображеній въ верхней части башни еще уцѣлѣли, но отъ сырости краски потускнѣли, а просачивающаяся сквозь крышу дождевая вода можетъ въ скоромъ времени совершенно ихъ уничтожить. Штукатурка почти вездѣ обрушилась. Реставрировать эту башню дѣло дорогое, въ настоящее

время невозможное, но въ будущемъ, до полнаго крушенія башни, весьма желательное.

Въ Бахчисараѣ я осмотрѣлъ развалины мечети Эшиль-Джами и убѣдился что Бахчисарайское городское управленіе совсѣмъ не приняло въ уваженіе просьбу Коммиссіи обратить вниманіе на эту мечеть и хотя бы упорядочить мѣсто вокругъ нея, представляющее грязную, вонючую клоаку. Во дворцѣ я обратилъ вниманіе на реставраціонныя работы послѣдняго времени. Поздняя окраска стѣнъ въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ смыта и еще не замѣнена новой, вслѣдствіе чего эти стѣны имѣютъ жалкій видъ, и въ томъ числѣ даже зала дивана, лишенная стѣнной росписи. Вынутое лѣтъ тридцать тому назадъ одно окно изъ пяти въ этомъ залѣ съ цвѣтными стеклами замѣнено новымъ, но, насколько я замѣтилъ, въ художественномъ отношеніи оно уступаетъ сохранившимся отъ древняго времени. Вообще запущенность всего дворца производитъ тяжелое впечатлѣніе, которое лишь нѣсколько ослабляется произведеннымъ по ходатайству Коммиссіи ремонтомъ ханскихъ усыпальницъ и нѣкоторыхъ памятниковъ на ханскомъ кладбищѣ, ханской мечети и тюрбе Маріи Потоцкой".

Постановлено: сообщеніе А. И. Маркевича внести въ протоколъ настоящаго засѣданія, а расходъ на поѣздку его въ г. Ѳеодосію и вторичную поѣздку въ окрестности Бахчисарая принять на счетъ Коммиссіи.

XVII. Предсѣдатель Коммиссіи и членъ ея А. Я. Гидалевичъ предложили въ члены Коммиссіи главнаго врача Ѳеодосійскаго карантина Кесаря Александровича Бѣлиловскаго, помощника присяжнаго повѣреннаго Веніамина Давидовича Геймана и преподавателя Симферопольской гимназіи М. А. Волошенка, Алексѣя Ивановича Царика.

Постановлено: избрать этихъ лицъ въ члены Коммиссіи въ настоящемъ засѣданіи.

XVIII. Предсѣдатель Коммиссіи пожертвовалъ въ музей Коммиссіи два листа большой карты побережья Чернаго моря отъ Керчи до Батума; А. Ѳ. Кудрицкій пожертвовалъ въ библіотеку Коммиссіи двѣ книги: а) Шафарика, Славянскія древности, т. 1-й, ч. I-я и б) Добровскаго, Славянская грамматика.

Постановлено: благодарить.

XIX. Въ библіотеку Коммиссіи со времени предыдущаго засѣданія поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій Отчетъ. Четвертый созывъ. Сессія IV, засѣданія 25—40.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія", №№ 6, 7 и 8 за 1916 годъ.

3. Отъ Архива Святѣйшаго Синода: „Пятидесятилѣтіе Высочайше

учрежденной Коммиссіи по описанію Архива Святѣйшаго Синода, 1865—1915 г.г., Историческая записка".

4. Отъ Тульской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, Книга II-я.

5. Отъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи: Труды, вып. XII-й, за 1915 годъ.

6. Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Императорской Кіевской Духовной Академіи: Отчетъ за 1915 годъ.

7. Отъ Редакціи журнала Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ № 13-й этого изданія за 1916 годъ.

8. Отъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи: А. Браунеръ. О необходимости естественно-историческаго изученія домашнихъ животныхъ Россіи.

9. Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія: Чтенія, январь—мартъ 1916 года.

10. Отъ почетнаго члена Д. И. Иловайскаго: Газета „Кремль", № 61.

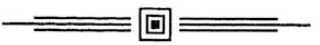
11. Отъ члена Коммиссіи Н. П. Лихачева его труды: а) Генеалогическая исторія одной помѣщичьей библіотеки и Приложеніе; б) Земская печать Московскаго Государства въ Смутное время.

12. Отъ члена Коммиссіи А. Я. Садовскаго его труды: а) Матеріалы изъ собранія А. Я. Садовскаго; б) Одно ли лицо Кузьма Мининъ и Кузьма Захарьевъ Мининъ Сухорукъ; в) Новый документъ о протопопѣ Саввѣ Еуфимьевѣ.

Постановлено: благодарить.

XX. Предсѣдатель заявилъ, что средства Коммиссіи даютъ возможность издать слѣдующій (53-ій) выпускъ ея Извѣстій.

Постановлено: напечатать № 53-ій Извѣстій Коммиссіи, Отчетъ за 1915-ый годъ, Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Коммиссіи, одобренныхъ къ помѣщенію въ Извѣстіяхъ.



ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи

за 1915-й годъ.

Титаническая борьба, которую ведетъ въ настоящее время наше отечество съ его исконными врагами, требующая напряженія всѣхъ силъ, и матеріальныхъ и духовныхъ, сосредоточивающая на себѣ вниманіе каждаго изъ русскихъ гражданъ, не могла не отразиться и на скромной дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ истекшемъ году. Нѣкоторые изъ ея членовъ принимали и принимаютъ личное участіе въ борьбѣ съ врагомъ службой въ рядахъ воиновъ и участіемъ въ трудахъ разныхъ общественныхъ организацій, вызванныхъ войной; нѣкоторые понесли много тяжелыхъ испытаній, причиненныхъ военными обстоятельствами. Поэтому не всѣ предположенія Коммиссіи были осуществлены въ отчетномъ году, и, между прочимъ, не могло быть исполнено обслѣдованіе архивовъ Таврической губерніи. Но Коммиссія употребитъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы эта важная работа была исполнена въ возможно скоромъ времени.

Несмотря однако на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, работа Коммиссіи не прерывалась въ истекшемъ году и выразилась въ слѣдующихъ фактахъ.

Товарищъ предсѣдателя Коммиссіи Славинскій и члены ея Сѣницкій и Шалаліевъ разсмотрѣли описи подлежащихъ уничтоженію 397 дѣлъ и книгъ 2-го разряда Евпаторійской таможни за 1897—1900 г.г. и 450 дѣлъ и книгъ Керченской таможни за 1893—1903 г.г. Въ числѣ этихъ дѣлъ, судя по описямъ, не оказалось имѣющихъ какую-либо важность въ историческомъ отношеніи, но Коммиссія просила одесскаго таможеннаго инспектора о сохраненіи ихъ, а равно и о сохраненіи

всѣхъ вообще архивныхъ дѣлъ таможенныхъ учрежденій отъ уничтоженія въ виду предстоящей реформы архивнаго дѣла въ Имперіи.

Получивъ въ свое распоряженіе весьма интересный рукописный матеріалъ — свыше 330 писемъ академика П. И. Кеппена къ знаменитому ботанику Х. Х. Стевену, Коммиссія приняла мѣры къ опубликованію ихъ и въ теченіе истекшаго года эти письма были переведены съ нѣмецкаго языка на русскій членомъ ея Хр. Хр. Мецгеромъ; они будутъ напечатаны въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи.

Членъ Коммиссіи П. В. Никольскій произвелъ въ отчетномъ году большую и весьма важную работу—подробное описаніе свыше 1000 сенатскихъ дѣлъ за 1798—1856 г.г., находящихся въ архивѣ Коммиссіи и заключающихъ въ себѣ интересный и важный матеріалъ относительно состоянія Таврической губерніи въ первое полустолѣтіе послѣ ея присоединенія къ Россіи.

Послѣ многихъ стараній Коммиссіи удалось приступить къ осуществленію своего давнишняго желанія — переводу съ турецко-татарскаго языка на русскій принадлежащей ей рукописной исторіи Крымскаго ханства (сокращеніе „Семи Планетъ“ Сеидъ-Мухаммедъ-Ризы); этотъ трудъ взялъ на себя членъ Коммиссіи прив.-доц. Петроградскаго университета П. А. Фалевъ.

Членъ Коммиссіи проф. В. Д. Смирновъ продолжалъ въ отчетномъ году обслѣдованіе ярлыковъ Крымскихъ хановъ изъ ея собранія.

Членъ Коммиссіи каѳ. прот. А. Г. Назаревскій, занятъ былъ разборомъ бумагъ высокопреосвященнаго Гурія, архіепископа Таврическаго.

Какъ и во все время своего существованія, въ отчетномъ году Коммиссія заботилась объ изслѣдованіи и сохраненіи памятниковъ древности въ Тавридѣ.

Такъ, она ходатайствовала предъ Императорской Археологической Коммиссіей о необходимости ремонта величественнаго зданія одной изъ самыхъ древнихъ въ Крыму, но заброшенной вслѣдстіе закрытія прихода мечети въ дер. Кулечъ-Мечеть, Ѳеодосійскаго уѣзда. Коммиссія также обратила вниманіе губернской власти и бахчисарайскаго городского управленія на значеніе въ историко-художественномъ отношеніи полуразрушенной мечети Эшиль-джами (построенной въ 1178 г.

гиджры) въ г. Бахчисараѣ, заслуживающей реставраціи и связанной, по преданію, съ именемъ Диляры Бикечь, любимицы хана Крымъ-Гирея. Узнавъ, что при сооруженіи новой Евпаторійской желѣзной дороги необходимо было разрѣзать два кургана, Коммиссія испросила согласіе строителей дороги на производство предварительной раскопки этихъ кургановъ въ присутствіи ея представителя съ цѣлью сохраненія предметовъ древности, которые могли бы въ нихъ находиться. Къ сожалѣнію, оба кургана оказались уже разрытыми и расхищенными въ давнее время, и никакихъ предметовъ древности въ нихъ не оказалось, а кости лежали въ полномъ безпорядкѣ. Члены Коммиссіи Л. П. Колли и Н. В. Папарупа произвели подробный осмотръ сохранившихся въ г. Старомъ-Крыму остатковъ древнихъ сооруженій, при чемъ обнаружилось, что въ послѣднее время, благодаря заботамъ объ ихъ охранѣ мѣстнаго городского управленія, никакихъ поврежденій ихъ не было совершено, и всѣ они остаются въ прежнемъ состояніи. Членъ Коммиссіи М. И. Скубетовъ былъ занятъ въ истекшемъ году обслѣдованіемъ памятниковъ древности въ окрестностяхъ гор. Бахчисарая, главнымъ бразомъ въ Богатырской волости, и разысканіемъ древнихъ надписей на развалинахъ храмовъ и надгробныхъ плитахъ, при чемъ нашелъ нѣсколько новыхъ христіанскихъ надписей, которыя дешифрированы были членомъ Коммиссіи академикомъ В. В. Латышевымъ. Была разсмотрѣна также реставрированная мечеть Тохтара-джами въ Бахчисараѣ, построенная бекъ Султанъ Ханымъ, дочерью хана Хаджи Селимъ Гирея, въ 1125 (1713) г.

Въ теченіе истекшаго года состоялось семь засѣданій Коммиссіи. въ которыхъ доложено было девятнадцать научныхъ сообщеній предсѣдателя Коммиссіи и г.г. членовъ: проф. Н. И. Веселовскаго, А. Я. Гидалевича, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, академика В. В. Латышева, Л. П. Колли, И. В. Ларіонова, П. В. Маслова, свящ. П. И. Медвѣдкова, прот. А. Г. Назаревскаго, С. П. Руднева, М. И. Скубетова, С. С. Чеха, и В. Ѳ. Штифтара. Засѣданіе 19 сентября было посвящено чествованію св. великаго князя Владиміра по случаю исполнившагося 15 іюля 1915 года 900-лѣтія со дня его кончины.

Коммиссія выпустила въ свѣтъ въ отчетномъ году № 52-ый своихъ „Извѣстій“. Печатаніе № 53 было задержано, вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ въ типографіи и недостатка бумаги.

Коммиссія раздѣлила скорбь всей русской науки по случаю кончины 2-го іюня истекшаго года, Августѣйшаго Президента

Императорской Академіи Наукъ Великаго Князя Константина Константиновича, съ большимъ интересомъ и доброжелательностью всегда относившагося къ трудамъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій. Въ истекшемъ году она понесла утрату въ лицѣ скончавшихся ея членовъ: В. Н. Поливанова, А. В. Селиванова, П. И. Кольскаго и Я. В. Ратибора-Уличнаго. Первые два особенно много потрудились для блага Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій и навсегда оставили въ средѣ ихъ свѣтлую память.

27 марта истекшаго года Коммиссія чествовала Императорское Московское Археологическое Общество по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его дѣятельности по изслѣдованію и сохраненію памятниковъ древности и старины въ Россіи и привѣтствовала Историко-Родословное Общество въ Москвѣ, по случаю исполнившагося 8 января 1915 года десятилѣтія его дѣятельности.

Въ члены Коммиссіи въ отчетномъ году избраны: 1 лицо въ почетные члены и 25 лицъ въ дѣйствительные.

Отсутствіе собственнаго помѣщенія, которое сколько нибудь удовлетворяло бы задачамъ Коммиссіи, и невозможность найти въ Симферополѣ подходящее помѣщеніе для устройства въ немъ губернскаго историческаго архива продолжали тормозить работу Коммиссіи. При настоящихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о привозѣ архивныхъ матеріаловъ въ Коммиссію на ихъ разсмотрѣніе, не говоря уже о храненіи выдѣленныхъ дѣлъ, для которыхъ положительно не было бы мѣста въ тѣсномъ и убогомъ помѣщеніи, отведенномъ Коммиссіи симферопольскимъ городскимъ управленіемъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было бы сооруженіе въ Симферополѣ центральнаго архива, въ которомъ были бы сосредоточены архивные матеріалы, переданные всѣми учрежденіями, казенными и общественными, съ особымъ штатомъ служащихъ, или, по крайней мѣрѣ, расширеніе существующаго въ Симферополѣ губернскаго архива.

Библіотека Коммиссіи увеличилась въ отчетномъ году на 431 экземпляръ книгъ и брошюръ, полученныхъ отъ разныхъ ученыхъ, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и членовъ Коммиссіи въ даръ и въ обмѣнъ на ея „Извѣстія“. Кромѣ того, нѣсколько книгъ были пріобрѣтены на средства Коммиссіи. Изъ пріобрѣтенныхъ Коммиссіей изданій и книгъ особенную цѣнность представляютъ полные стенографическіе отчеты Государственной Думы перваго и второго созывовъ.

Тѣснота помѣщенія Коммиссіи затрудняетъ размѣщеніе въ немъ даже ея библіотеки.

Музей Коммиссіи пополнился въ 1915 г. весьма небольшимъ количествомъ предметовъ, именно: двумя монетами и 26 другими предметами, въ томъ числѣ коллекціей керамическихъ орнаментированныхъ фрагментовъ, найденныхъ въ дюнахъ лѣваго побережья низового Днѣпра, т. е. въ мѣстности Геродотовой Гилеи, и пожертвованныхъ директоромъ Херсонскаго городского музея В. И. Гошкевичемъ. Городской домъ, во флигелѣ котораго помѣщается музей, отведенъ для помѣщенія въ немъ запасныхъ и новобранцевъ, а во дворѣ происходятъ занятія солдатъ, и это очень затрудняло надзоръ за громоздкими предметами музея, находящимися во дворѣ, за отсутствіемъ мѣста въ музеѣ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ очень пострадали. Музей въ зимнее время не отапливался за недостаткомъ каменнаго угля для топки печей и былъ закрытъ для публики.

Средства Коммиссіи, какъ и въ прежніе годы, были невелики и состояли изъ казеннаго пособія въ 200 руб., пособія губернскаго земства въ 600 руб., пособія Симферопольскаго городского управленія въ 100 руб., членскихъ взносовъ и дохода отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи. Въ виду того, что въ 1914 г. изъ единовременнаго пособія въ 2000 р., полученнаго Коммиссіей при посредствѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Коммиссія исрасходовала всего 350 р., она имѣетъ возможность остальную сумму употребить на изданіе описанія сенатскихъ дѣлъ своего архива, оплату труда по ихъ описанію и обслѣдованіе архивовъ Таврической губерніи, что будетъ исполнено Коммиссіей въ ближайшее время.

Въ заключеніе необходимо сказать, что интересъ къ дѣятельности Коммиссіи въ мѣстномъ образованномъ обществѣ постепенно усиливается, и это обстоятельство даетъ основаніе надѣяться, что труды ея въ будущемъ будутъ протекать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

ЗА 1915-ый ГОДЪ.

Приходъ.

Пособіе изъ Государственнаго Казначейства . .	200 р. — к.
Пособіе отъ Губернскаго Земства	600 р. — к.
Пособіе отъ Симферопольской Городской Думы .	130 р. — к.
Членскіе взносы	134 р. — к.
Пожертвованія	30 р. — к.
Отъ продажи „Извѣстій“	246 р. 37 к.
Проценты по вкладамъ и текущимъ счетамъ . .	328 р. 94 к.
Итого .	1669 р. 31 к.
Остатокъ отъ 1914 года	5372 р. 63 к.
Всего	7041 р. 94 к.

Расходъ.

Печатаніе „Извѣстій“ Коммиссіи	527 р. 50 к.
Рисунки къ „Извѣстіямъ“	102 р. 60 к.
Переводъ писемъ П. И. Кеппена къ Х. Х. Стевену	200 р. — к.
Командировка предсѣдателя въ Москву	100 р. — к.
Поѣздки съ археологической цѣлью	35 р. 95 к.
Покупка и переплетъ книгъ и предметовъ древности	59 р. 45 к.
Адресы и папки	44 р. 95 к.
Изготовленіе эстампажей и переписка бумагъ . .	13 р. 40 к.
Почтовые, канцелярскіе и типографскіе расходы .	50 р. 21 к.
Мелкіе расходы по Коммиссіи и музею	53 р. 75 к.
Жалованье сторожу музея	42 р. — к.
Итого .	1229 р. 81 к.
Остатокъ на 1-е января 1916 года	5812 р. 13 к.
Балансъ	7041 р. 94 к.

Въ суммѣ остатка заключается:

1) Вкладной битетъ Симферопольскаго Городского Общественнаго Банка на . . . 1500 р. — к.

2) Вкладной билетъ Симферопольскаго Общества Взаимнаго Кредита на	500 р. — к.
3) Членскій взносъ въ Общество Взаимнаго Кредита	25 р. — к.
4) Текущій счетъ въ Симферопольскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита на	697 р. 29 к.
5) Текущій счетъ въ Симферопольскомъ Городскомъ Банкѣ	2961 р. 43 к.
6) Наличными деньгами у казначея	128 р. 41 к.
Итого .	5812 р. 13 к.

Предсѣдатель Коммиссіи *А. Маркевичъ.*

Казначей *А. Романюкъ.*

Правитель дѣлъ *П. Масловъ.*

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ

Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

АВГУСТѢШІЙ ПОКРОВИТЕЛЬ КОММИССІИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНРОВИЧЪ.

Непремѣнный Попечитель Коммиссіи Таврическій губернаторъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Николай Антониновичъ Княжевичъ, дѣйствительный членъ.

Предсѣдатель Коммиссіи д. с. с. Арсеній Ивановичъ Маркевичъ, съ 5-го ноября 1908 г., дѣйствит. чл. съ 24 января 1887 г.

Товарищъ предсѣдателя, хранитель музея древностей д. с. с. Николай Евстафьевичъ Славинскій, дѣйств. чл. съ 16 октября 1912 г., товарищъ предсѣдателя съ 13 марта 1913 г.

Казначей Александръ Корниліевичъ Романюкъ, д. чл. съ 27 авг. 1887 г.

Правитель дѣлъ Петръ Васильевичъ Масловъ, д. чл. съ 16 окт. 1904 г.

Почетные члены:

Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михаиловичъ, съ 22 сентября 1914 г.

Графъ Бобринской Алексѣй Александровичъ, съ 4 мая 1889 г.

Графиня Уварова Прасковія Сергѣевна, съ 30 ноября 1889 г.

Анучинъ Дмитрій Николаевичъ, съ 5 мая 1900 г.

Султанъ Крымъ-Гирей Николай Александровичъ, съ 12 декабря 1898 г., дѣйствит. чл. съ 24 января 1887 г.

Щербаковъ Алексѣй Ивановичъ, съ 20 марта 1909 г.

Иловайскій Дмитрій Ивановичъ, съ 15 ноября 1912 г.

Графъ Апраксинъ Петръ Николаевичъ, съ 21 февраля 1913 г., дѣйствит. чл. съ 26 августа 1911 г.

Куломзинъ Анатолій Николаевичъ, съ 26 февраля 1915 г.

Бертье-Делагардъ Александръ Львовичъ, съ 4 февраля 1916 г.

Пожизненные члены:

Графиня Апраксина Елисавета Владиміровна, съ 11 декабря 1913 г., дѣйствит. чл. съ 17 января 1912 г.

Кудрицкій Александръ Ѳеодоровичъ, съ 19 мая 1914 г., дѣйствит. чл. съ 17 декабря 1911 г.

Дѣйствительные члены:

Агаповъ Максимъ Владиміровичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Адріанъ Архимандритъ, съ 29 октября 1915 г.
Аксаковъ Александръ Петровичъ, съ 16 октября 1912 г.
Александровъ Иванъ Филипповичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Андреевскій Ѳедоръ Николаевичъ, съ 26 янраря 1911 г.
Арсеньевъ Василій Сергѣевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Архангельскій Митрофанъ Илларіевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Багалѣй Дмитрій Ивановичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Баронъ де-Бай Жозефъ, съ 15 мая 1906 г.
Байбуртлы Ягья, съ 19 мая 1912 г.
Бартольдъ Василій Владиміровичъ, съ 3 сентября 1916 г.
Бартъ Александръ Павловичъ, съ 3 сентября 1916 г.
Бартъ Марія Александровна, съ 3 сентября 1916 г.
Бережковъ Михаилъ Николаевичъ, съ 4 октября 1893 г.
Бертренъ Люи, съ 17 января 1912 г.
Бибикова Надежда Андреевна, съ 19 января 1913 г.
Бибиковъ Дмитрій Михайловичъ, съ 5 іюня 1913 г.
Благовѣщенскій Дмитрій Александровичъ, съ 8 марта 1912 г.
Богдановъ Николай Николаевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Боданинскій Али Абдурефеевичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Болсуновскій Карлъ Васильевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Бороздинъ Илья Николаевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Бояджіевъ Георгій Харлампіевичъ, съ 16 октября 1912 г.
Брандтъ Александръ Андреевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Браунеръ Александръ Александровичъ, съ 9 ноября 1893 г.
Браунъ Ѳедоръ Ивановичъ, съ 1 ноября 1890 г.
Булгаковъ Саидъ-бей, съ 12 апрѣля 1912 г.
Булисъ Николай Трофимовичъ, съ 8 марта 1912 г.
Булюбашъ Владиміръ Алексѣевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Бычковскій Александръ Михайловичъ, протоіерей, съ 29 окт. 1915 г.
Бѣлиловскій Кесарь Александровичъ, съ 12 мая 1916 г.
Бѣлокуровъ Сергѣй Алексѣевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Бѣляева Лидія Павловна, съ 16 августа 1912 г.
Вагинъ Сергѣй Львовичъ, съ 7 ноября 1913 г.

Васильевъ Хрисанфъ Константиновичъ, съ 17 декабря 1911 г.
Веселовскій Николай Ивановичъ, съ 26 сентября 1889 г.
Викторовскій Петръ Григорьевичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Винбергъ Владиміръ Карловичъ, съ 7 февраля 1916 г.
Вноровскій Іосифъ Николаевичъ, съ 25 августа 1888 г.
Волжаниновъ Александръ Васильевичъ, съ 19 января 1913 г.
Волошенко Михаилъ Алексѣевичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Волошиновъ Иванъ Михайловичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Воорендейкъ Екатерина Константиновна, съ 29 мая 1914 г.
Вульфъ Евгеній Владиміровичъ, съ 13 марта 1913 г.
Высотскій Алексѣй Лукичъ, съ 27 марта 1899 г.
Габаевъ Георгій Соломоновичъ, съ 25 апрѣля 1913 г.
Гаевскій Владиславъ Эразмовичъ, съ 19 января 1913 г.
Галкинъ Левъ Евсѣевичъ, съ 29 декабря 1915 г.
Гаршинъ Евгеній Михайловичъ, съ 16 октября 1912 г.
Гейманъ Веніаминъ Давидовичъ, съ 12 мая 1916 г.
Гейнацъ Терезія Дагобертовна, съ 27 августа 1915 г.
Гейнацъ Николай Ивановичъ, съ 27 августа 1915 г.
Геккеръ Вячеславъ Антоновичъ, съ 15 ноября 1912 г.
Георгіевъ Владиміръ Дмитріевичъ, съ 13 ноября 1910 г.
Гераклитовъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Гидалевичъ Абрамъ Яковлевичъ, съ 15 апрѣля 1888 г.
Гидалевичъ Аронъ Яковлевичъ, съ 12 февраля 1913 г.
Гиммельфарбъ Борисъ Мироновичъ, съ 18 января 1901 г.
Голенищевъ-Кутузовъ Николай Илларіоновичъ, съ 29 мая 1914 г.
Городцовъ Василій Александровичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Горячкинъ Александръ Васильевичъ, съ 19 января 1913 г.
Гошкевичъ Викторъ Ивановичъ, съ 29 мая 1914 г.
Гроздовъ Александръ Васильевичъ, съ 24 января 1887 г.
Грушинскій Павелъ Сергѣевичъ, съ 27 марта 1899 г.
Давыдова Елисавета Сергѣевна, съ 19 января 1913 г.
Данилевичъ Василій Ефимовичъ, съ 14 марта 1907 г.
Двойченко Петръ Аврамьевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Деревицкій Алексѣй Николаевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Державинъ Николай Севастьяновичъ, съ 13 ноября 1907 г.
Димитрій Архіепископъ Таврическій, съ 26 августа 1912 г.
Дмитревскій, Алексѣй Михайловичъ, съ 26 ноября 1911 г.
Дмитренко Иванъ Ивановичъ, съ 27 марта 1899 г.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ, съ 9 декабря 1896 г.
Дуванъ Сима Эзровичъ, съ 19 января 1913 г.
Дьяченко Сергѣй Сергѣевичъ, съ 21 февраля 1913 г.
Ероѳеевъ Иванъ Ѳедоровичъ, съ 13 декабря 1907 г.

Жирицкій Леонидъ Владиміровичъ, съ 20 марта 1909 г.
Запорожецъ Петръ Тимоѳеевичъ, съ 8 марта 1912 г.
Звѣревъ Александръ Михайловичъ, протоіерей, съ 4 декабря 1915 г.
Зенкевичъ Хрисанфъ Хрисанфовичъ, съ 5 сентября 1889 г.
Зерновъ Сергѣй Алексѣевичъ, съ 21 марта 1901 г.
Знаменскій Іоаннъ Павлиновичъ, протоіерей, съ 24 января 1887 г.
Иваненко Александръ Григорьевичъ, съ 9 декабря 1896 г.
Ивановъ Павелъ Андреевичъ, съ 16 апрѣля 1892 г.
Ивановъ Василій Александровичъ, съ 5 ноября 1908 г.
Ивановъ Александръ Александровичъ, съ 29 сентября 1911 г.
Ивановъ Евгеній Эрастовичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Ивановъ Иванъ Александровичъ съ 29 мая 1914 г.
Иринархъ, архимандритъ, съ 29 мая 1914 г.
Казасъ Азарія Ильичъ, съ 24 апрѣля 1914 г.
Кармалинъ Михаилъ Алексѣевичъ, съ 31 марта 1888 г.
Касабовъ Рафаилъ Гавриловичъ, съ 31 марта 1891 г.
Катановъ Николай Ѳедоровичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Князь Кекуатовъ Константинъ Владиміровичъ, съ 3 марта 1914 г.
Келлеръ Владиміръ Васильевичъ, съ 17 января 1912 г.
Кесслеръ Евгеній Эдуардовичъ, съ 11 апрѣля 1896 г.
Кесслеръ Елена Эдуардовна, съ 19 января 1913 г.
Киселевскій Евгеній Михайловичъ, съ 8 марта 1912 г.
Клепининъ Николай Николаевичъ, съ 23 октября 1910 г.
Клетнова Екатерина Николаевна, съ 27 августа 1915 г.
Княжевичъ Владиміръ Антониновичъ, съ 19 января 1913 г.
Княжевичъ Екатерина Борисовна, съ 29 сентября 1915 г.
Кобанъ Иванъ Сафроньевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Кобеко Дмитрій Ѳомичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Колли Людовикъ Петровичъ, съ 21 марта 1901 г.
Колчановъ Алексѣй Михайловичъ, съ 19 января 1913 г.
Кондаковъ Никодимъ Павловичъ съ 5 апрѣля 1891 г.
Коропачинскій Семенъ Ѳедоровичъ, съ 16 апрѣля 1896 г.
Косцюшко-Валюжиничъ Дмитрій Николаевичъ, съ 26 мая 1911 г.
Крестьянполь Петръ Игнатьевичъ, съ 26 ноября 1911 г.
Крымъ Соломонъ Самойловичъ, съ 17 января 1912 г.
Кулаковскій Юліанъ Андреевичъ, съ 21 сентября 1895 г.
Кучукъ-Іоаннесовъ Христофоръ Ивановичъ, съ 18 января 1910 г.
Лавриновскій Николай Николаевичъ, съ 22 апрѣля 1914 г.
Ларіоновъ Иванъ Васильевичъ, съ 27 августа 1915 г.
Лаппо-Данилевскій Александръ Сергѣевичъ, съ 4 мая 1889 г.
Лампси Николай Михайловичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Латышевъ Василій Васильевичъ, съ 31 января 1891 г.

Лашковъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, съ 24 января 1887 г.
Леонтьевъ Александръ Ивановичъ, съ 12 февраля 1913 г.
Леперъ Романъ Христіановичъ, съ 26 мая 1911 г.
Линниченко Иванъ Андреевичъ, съ 28 сентября 1902 г.
Литвиновичъ Аѳанасій Юліановичъ, съ 8 марта 1912 г.
Лихачевъ Николай Петровичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Любовичъ Николай Николаевичъ, съ 1 ноября 1890 г.
Люстихъ Антонинъ Евгеньевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Маргаритовъ Сергѣй Дмитріевичъ, съ 21 февраля 1911 г.
Маркевичъ Анна Николаевна, съ 19 февраля 1913 г.
Маркевичъ Георгій Арсеньевичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Марковъ Дмитрій Аркадьевичъ, съ 29 сентября 1911 г.
Масальскій Павелъ Николаевичъ, съ 7 мая 1908 г.
Масловъ Петръ Васильевичъ, съ 16 октября 1904 г.
Медвѣдковъ Пантел. Иліодор., священникъ, съ 11 декабря 1913 г.
Мецгеръ Христіанъ Христіановичъ, съ 9 декабря 1915 г.
Миннзъ Эллисъ, съ 17 января 1912 г.
Минхъ Николай Николаевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Михайловскій Андрей Васильевичъ, священникъ, съ 4 декабря 1915 г
Михалевскій Владиміръ Андреевичъ, съ 16 апрѣля 1892 г.
Модзалевскій Борисъ Львовичъ, съ 29 мая 1914 г.
Мокржецкій Сигизмундъ Александровичъ, съ 27 мая 1896 г.
Монастырлы Харлампій Аѳанасьевичъ, съ 24 января 1887 г.
Моргулисъ Юлій Абрамовичъ, съ 19 января 1913 г.
Графъ Муравьевъ Николай Леонидовичъ, съ 5 сентября 1903 г.
Мурасовъ Османъ, съ 26 января 1911 г.
Мурзаевъ Григорій Григорьевичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Муринъ Андрей Григорьевичъ, протоіерей, съ 29 мая 1914 г.
Муфтій-Заде Измаилъ мурза, съ 24 января 1887 г.
Назаревскій Алексѣй Георгіевичъ, протоіерей, съ 27 мая 1896 г.
Нетованный Дмитрій Марковичъ, съ 9 декабря 1915 г.
Николаевскій Василій Александровичъ, съ 26 мая 1911 г.
Никольскій Василій Стефановичъ, протоіерей, съ 24 января 1887 г.
Никольскій Петръ Васильевичъ, съ 4 декабря 1915 г.
Новицкій Павелъ Ивановичъ, съ 12 февраля 1913 г.
Норцовъ Алексѣй Николаевичъ, съ 28 сентября 1892 г.
Оглоблинъ Николай Николаевичъ, съ 26 ноября 1892 г.
Огородниковъ Владиміръ Ивановичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 23 февраля 1889 г.
Павловскій Иванъ Францовичъ, съ 9 декабря 1915 г.
Папарупа Левъ Николаевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Печенкинъ Николай Михайловичъ, съ 18 октября 1904 г.
Полонская Наталія Дмитріевна, съ 3 сентября 1916 г.

Плаксинъ Сергѣй Аркадьевичъ, съ 7 іюля 1896 г.
Платоновъ Сергѣй Ѳедоровичъ, съ 28 сентября 1902 г.
Покровскій Николай Васильевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Поповъ Александръ Владиміровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Посполитаки Дмитрій Дмитріевичъ, съ 26 января 1911 г.
Прозрителевъ Григорій Николаевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Проходцовъ Иванъ Ивановичъ, съ 29 мая 1914 г.
Протасьевъ Николай Ивановичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Пятковскій Петръ Ероѳеевичъ, съ 12 февраля 1913 г.
Ретовскій Отто Фердинандовичъ, съ 29 октября 1887 г.
Ровицкій Францъ Климентьевичъ, съ 26 ноября 1892 г.
Романченко Николай Филипповичъ, съ 23 марта 1890 г.
Ростовцевъ Михаилъ Ивановичъ, съ 28 сентября 1906 г.
Рубинскій Сергѣй Павловичъ, съ 9 декабря 1915 г.
Рудневъ Сергѣй Петровичъ, съ 16 октября 1912 г.
Ружицкій Александръ Ивановичъ, съ 29 марта 1902 г.
Рыковъ Евгеній Владиміровичъ, съ 31 января 1889 г.
Рыковъ Александръ Александровичъ, съ 19 января 1913 г.
Рыкъ Константинъ Александровичъ, съ 29 октября 1915 г.
Рышковъ Николай Сергѣевичъ, съ 13 марта 1913 г.
Рѣпниковъ Николай Ивановичъ, съ 18 октября 1904 г.
Савеловъ Леонидъ Михайловичъ, съ 28 сентября 1902 г.
Садовскій Александръ Яковлевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Самко Алексѣй Кузьмичъ, съ 25 апрѣля 1913 г.
Самойловичъ Александръ Николаевичъ, съ 19 мая 1912 г.
Сахновскій Владиміръ Константиновичъ, съ 17 января 1912.
Селивановъ Александръ Ѳедоровичъ, съ 3 ноября 1889 г.
Сергѣевъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Сердобольскій Александръ Павловичъ, протоіерей, съ 8 іюня 1900 г.
Серебряковъ Михаилъ Егоровичъ, съ 28 апрѣля 1898 г.
Сильвестръ, Епископъ Севастопольскій, съ 29 сентября 1915 г.
Скубетовъ Мартинъ Ивановичъ, съ 5 ноября 1907 г.
Смирновъ Василій Дмитріевичъ, съ 18 декабря 1888 г.
Смольяниновъ Владиміръ Николаевичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Соболевскій Алексѣй Ивановичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Сочавецъ-Ѳедоровичъ Викторъ Андреевичъ, съ 8 марта 1912 г.
Спиридоновъ Дмитрій Спиридоновичъ, съ 13 декабря 1907 г.
Спицынъ Александръ Андреевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Станиславскій Владиміръ Григорьевичъ, прот., съ 25 ноября 1900 г.
Стевенъ Александръ Александровичъ, съ 29 мая 1914 г.
Сторожевъ Василій Николаевичъ, съ 22 февраля 1896 г.
Струковъ Дмитрій Петровичъ, съ 7 ноября 1913 г.

Сулькевичъ Матвѣй Александровичъ, съ 26 августа 1912 г.
Сѣницкій Александръ Игнатьевичъ, съ 3 ноября 1889 г.
Тихій Вячеславъ Іосифовичъ, съ 29 октября 1915 г.
Толстовъ Николай Константиновичъ, съ 24 января 1887 г.
Треневъ Константинъ Андреевичъ, съ 4 декабря 1914 г.
Троицкій Николай Ивановичъ, съ 24 сентября 1909 г.
Трутовскій Владиміръ Константиновичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Туловъ Алексѣй Михайловичъ, съ 29 февраля 1916 г.
Тяжеловъ Іоаннъ Іоанновичъ, протоіерей, съ 24 января 1887 г.
Успенскій Ѳедоръ Ивановичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Успенскій Александръ Ивановичъ, съ 26 мая 1911 г.
Фалевъ Павелъ Александровичъ, съ 3 сентября 1914 г.
Фальцъ-Фейнъ Фридрихъ Эдуардовичъ, съ 17 января 1912 г.
Фармаковскій Борисъ Владиміровичъ, съ 15 мая 1906 г.
Филипповъ Александръ Никитичъ, съ 4 февраля 1916 г.
Филоненко Викторъ Іосифовичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Халиппа Иванъ Ивановичъ, съ 29 сентября 1911 г.
Харченко Яковъ Тарасовичъ, съ 20 сентября 1901 г.
Харченко Анна Саввишна, съ 13 марта 1913 г.
Царикъ Алексѣй Ивановичъ, съ 12 мая 1916 г.
Чехъ Сергѣй Степановичъ, съ 7 ноября 1913 г.
Чинновъ Петръ Васильевичъ, съ 26 мая 1911 г.
Шалаліевъ Аѳанасій Ивановичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Шапошниковъ Александръ Константиновичъ, съ 8 марта 1911 г.
Шапшалъ Серайя Марковичъ, съ 8 марта 1912 г.
Шахматовъ Алексѣй Александровичъ, съ 26 февраля 1915 г.
Шведовъ Михаилъ Матвѣевичъ, съ 16 апрѣля 1904 г.
Графъ Шереметевъ Сергѣй Дмитріевичъ, съ 16 апрѣля 1904 г.
Шкорпилъ Владиславъ Вячеславовичъ, съ 17 ноября 1903 г.
Шмурло Евгеній Филипповичъ, съ 22 февраля 1890 г.
Фонъ-Штернъ Эрнестъ Романовичъ, съ 27 марта 1899 г.
Штифтаръ Владиміръ Николаевичъ, съ 5 іюня 1913 г.
Князь Щербатовъ Николай Сергѣевичъ, съ 24 апрѣля 1915 г.
Щербинскій Николай Николаевичъ, съ 25 апрѣля 1913 г.
Эварницкій Дмитрій Ивановичъ, съ 11 декабря 1913 г.
Эккъ Эдуардъ Владиміровичъ, съ 26 августа 1912 г.
Ярцевъ Николай Николаевичъ, съ 5 іюня 1913 г.
Яхонтовъ Степанъ Дмитріевичъ, съ 29 мая 1914 г.
Ящуржинскій Хрисанфъ Петровичъ, съ 24 января 1887 г.
Ѳеофанъ, Епископъ Полтавскій, съ 8 ноября 1911 г.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	17 ст.	ϛωο	ϝϛωο
6	9 сн.	гранитной	гранной
37	4 сн.	капщца	капища
97	5 св.	1909—1910	1912
„	8 сн.	1812	1800
101	8 св.	43	33
102	18 сн.	17 сент.	1 сент.
104	21 св.	6 іюня	16 іюня
109	13 сн.	почтовой	портовой
186	7 св.	эта	эти
188	2 св.	заплечака	заплечика